БД
15 ч 1
Т-35
Ф. Тернер. Гос-ю
и землевлад.
С.п. - 1896

БD
15
Т35

333.5(47)

m

ГОСУДАРСТВО

И

ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ

ЧАСТЬ I.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ.

Ѳ. ТЕРНЕРА.

БИБЛИОТЕКА
Инстит. Крест. Хоз.
Инв. № 35606/8°

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1896

П
3с
6894
Т
П
9

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 Л. 26
2395

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая
35606/80 м

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Предисловіе. VII

Глава I. Теорія населенія Ганзена 1

Законъ Мальтуса.—Отношеніе къ нему различныхъ классовъ населенія.—Производительность природы.—Участіе человѣческаго труда въ производствѣ цѣнностей.—Соперничество.—Роль кредита въ сельскомъ хозяйствѣ.—Опасная его сторона.—Постепенный ходъ образованія трехъ классовъ населенія: сельскаго, городскаго и рабочаго.—Средній классъ не можетъ поддерживаться изъ собственной своей среды.—Онъ составляетъ переходную ступень изъ сельскаго въ рабочій классъ.—Причины вторженія избытка сельскаго населенія въ городской классъ.—Непрерывное теченіе населенія какъ условіе высокаго интеллектуальнаго уровня народа.—Образованіе четвертаго класса.—Пролетаріатъ неизбѣжное зло.—Борьба городскаго капитализма съ крестьянскимъ землевладѣніемъ.—Упраздненіе крестьянскаго землевладѣнія влечетъ за собою упадокъ благосостоянія и могущества страны.—Примѣры исторіи.—Итальянскія торговыя республики.—Германскіе имперскіе города.—Испанія.—Нидерланды.—Великобританія.—Современная Германія.—Задача Правительства по отношенію къ процессу движенія населенія.—Противоположность общества и государства.—Несостоятельность теоріи правоваго государства.—Задача государства спеціально по отношенію къ сельскому классу, по отношенію къ городскому классу и по отношенію къ рабочему классу.—Мѣропріятія экономическія къ обезпеченію положенія рабочаго класса.

Глава II. Общія соображенія 122

Необходимость установленія исходной точки зрѣнія.—Вопросъ о земледѣліи имѣетъ не только экономическое, но

СТРАН.

и соціальное значеніе. — Главная задача не въ приращеніи богатства страны, а въ поддержаніи и развитіи энергическаго и трудолюбиваго населенія. Неизбѣжность пролетаріата. — Невозможность предупредить его возникновеніе путемъ надѣленія всего народонаселенія страны землею.—Вопросъ о неизмѣняемости настоящаго крестьянскаго положенія.—Индивидуализмъ и общественный альтруизмъ.—Преобладаніе въ общественномъ мнѣніи 1860-хъ годовъ идеи индивидуализма.—Сужденіе Карлейля.

Глава III. Общинное владѣніе и частная собственность 138

Насколько частная поземельная собственность оправдалась въ исторической жизни Европы.—Большое и мелкое землевладѣніе. — Вредное вліяніе латифундій. — Измельченіе поземельной собственности во Франціи.—Стремленіе соціалистовъ проникнуть въ сельскіе сферы.—М. Блокъ и Ж. Симонъ. — Затруднительное положеніе сельскаго хозяйства въ Германіи.—Рѣчь Микеля.—Anerberecht.—Руландъ, Конрадъ, Шефле, Брентано, — возраженія Рацингера. — Европейская жизнь еще не выработала нормальнаго типа землевладѣнія.—Семейный характеръ земельной собственности.—Недѣлимость семейныхъ участковъ.—Общинное владѣніе и семейное владѣніе.—Стремленіе къ недѣлимости семейныхъ участковъ въ Германіи.—Дробленіе крестьянскихъ участковъ въ Россіи.—Въ чемъ заключается сущность общиннаго владѣнія.

Глава IV. Будущее общиннаго владѣнія въ Россіи. 173

Два главныхъ возраженій противъ общиннаго владѣнія.—Устраненіе частной собственности лишаетъ крестьянъ главнаго побужденія къ улучшенію хозяйства и связываетъ иниціативу отдѣльнаго хозяина, подчиняя каждаго господствующей въ общинѣ культурѣ.—Передѣлы.—Не культура слѣдуетъ за формою владѣнія, а форма землевладѣнія слѣдуетъ за культурой.—Зависимость сроковъ передѣловъ отъ развитія крестьянской культуры.—Чрезполосность и дробленіе участковъ не составляютъ необходимой принадлежности общиннаго владѣнія.—Вліяніе реглементаціи міра на культуру.—Личная иниціатива не устраняется вполнѣ.—Травосѣяніе.—Низкій уровень земледѣлія въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ подворнымъ владѣніемъ.—Вліяніе общины въ административномъ и соціальномъ отношеніи. — Слѣдуетъ-ли идти къ упраздненію или къ сохраненію общиннаго владѣнія.—Важность вопроса. — Защитники фермерскаго хозяйства.—Постепенное упраздненіе общиннаго владѣнія съ переходомъ

СТРАН.

къ участковой семейной собственности.—Немыслимость разселенія великорусскихъ деревень въ отдѣльные хутора.—Необходимость предоставленія полнаго простора движенію жизни при огражденіи лишь типа общиннаго владѣнія отъ искусственнаго разрушенія. — Формы, въ которыхъ можетъ проявиться постепенное усовершенствованіе экономическихъ условій общинной жизни.—Несостоятельность общинно-артельной формы. — Усовершенствованія вырабатываются самою жизнью въ разныхъ мѣстностяхъ.—Перечень подобныхъ усовершенствованій.—Роль правительства и земства.

Глава V. Отношеніе современнаго законодательства къ крестьянскому землевладѣнію . . . 230

Наше до-реформенное законодательство.—Продолжительная остановка въ законодательной дѣятельности по этому предмету послѣ 1861-го года.—Законъ 1886-го года о семейныхъ раздѣлахъ, законъ 1893-го года о передѣлахъ, законъ того же 1893-го года о выкупѣ, отчужденіи и обремененіи кредитомъ крестьянской земли.

Глава VI. Крестьянскіе платежи и способы ихъ взысканія 288

Анормальность дѣйствующихъ способовъ взысканія крестьянскихъ платежей.—Причины, почему налогъ связанъ съ личностью плательщика.— Отсутствіе конкретнаго объекта подати.—Общинное владѣніе и круговая порука.—Нормальная круговая порука не можетъ служить препятствіемъ къ преобразованію существующихъ порядковъ взиманія крестьянскихъ платежей.— Настоящій порядокъ дѣйствуетъ разорительно на благосостояніе народа и подрываетъ податную его силу.— Фискальные результаты дѣйствующей системы.—Недоимки.— Предположеніе о преобразованіи настоящаго порядка.—Дѣйствующее законодательство.—Его недостатки.—Въ чемъ должна заключаться реформа.—Мѣры побужденія.—Заработки.—Отобраніе надѣла.—Необходимость установленія соразмѣрности между доходностью земли и размѣромъ платежей.—Право отказа отъ земли.—Вопросъ о недоимкахъ.—Постепенность введенія реформы.—Практичный способъ ея примѣненія.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Россія переживаетъ тяжелый земледѣльческій и землевладѣльческій кризисъ.

Весьма естественно, что въ подобное время со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы на стѣсненное положеніе землевладѣльцевъ, ходатайства о пособіи и указанія на различныя мѣропріятія, долженствующія помочь дѣлу.

При такихъ условіяхъ, — чтобы придти къ какому-либо цѣлесообразному заключенію и окончательно остановиться на мѣрахъ, дѣйствительно способныхъ излѣчить тяготѣющій надъ нами недугъ—необходимо подвергнуть основательному, подробному и всестороннему изслѣдованію настоящія условія нашей сельско-хозяйственной жизни, чтобы дать себѣ ясный отчетъ въ дѣйствительномъ положеніи крестьянскаго и дворянскаго землевладѣнія и опредѣлить причины, вызвавшія современный кризисъ. Желательно при этомъ, чтобы факты говорили сами за себя. Краснорѣчіе фактовъ самое убѣдительное краснорѣчіе; оно болѣе всего въ состояніи выяснить настоящее положеніе дѣла и указать путь, по которому слѣдуетъ идти.

Отличительная черта современнаго сельско-хозяйственнаго кризиса заключается въ его всеобщности. На за-

труднительное положеніе сельскаго хозяйства и на разореніе землевладѣльцевъ жалуются не только въ Россіи, подобныя же сѣтованія раздаются и въ сосѣдней намъ Германіи, во Франціи и даже въ Англіи.

При такихъ обстоятельствахъ сравненіе того, что происходитъ у насъ, съ положеніемъ сельско-хозяйственнаго дѣла за границей, можетъ съ своей стороны значительно содѣйствовать разъясненію вопроса.

Наконецъ слѣдуетъ еще замѣтить, что землевладѣльческій вопросъ имѣетъ не только хозяйственно-экономическое но и соціальное значеніе. На эту сторону въ Германіи было обращено, въ послѣднее время, особенное вниманіе. Между прочимъ, сочиненіе Ганзена о движеніи народонаселенія, или, какъ авторъ самъ называетъ свою книгу, опытъ изслѣдованія причинъ процвѣтанія и упадка народовъ [1]) обратило на себя заслуженное вниманіе благодаря въ высшей степени оригинальнымъ и крайне важнымъ выводамъ, къ которымъ приходитъ авторъ этого замѣчательнаго сочиненія.

Приступая къ посильному разрѣшенію даннаго вопроса, и имѣя въ виду выдающееся значеніе соціальной его стороны, мы помѣщаемъ въ первой главѣ,—въ видѣ подготовительнаго вступленія къ дальнѣйшему изслѣдованію,—извлеченія изъ вышеуказаннаго сочиненія Ганзена.

---

[1]) Die drei Bevölkerungsstufen. Ein Versuch, die Ursachen für das Bluehen und Altern der Völker nachzuweisen, von Georg Hansen. München, 1889.

ГЛАВА I.

Теорія Ганзена о движеніи народонаселенія.

Нельзя не признать безусловной справедливости теоріи Мальтуса, вызвавшей въ свое время столь ожесточенныя порицанія. Люди, какъ и всѣ живыя существа, могли-бы, въ численномъ отношеніи, умножаться безгранично, еслибы этому умноженію не полагалось границъ со стороны средствъ существованія. Мальтусъ утверждаетъ, что между тѣмъ, какъ приращеніе населенія можетъ идти въ геометрической прогрессіи, естественныя средства существованія, продукты земли, могутъ расти только въ ариѳметической прогрессіи, т.-е. сложеніемъ, а не умноженіемъ [1]).

Несомнѣнно, что каждая человѣческая пара можетъ произвести по крайней мѣрѣ двѣ новыя пары, каждая изъ послѣднихъ опять двѣ пары и т. д.; такимъ образомъ дана возможность роста въ геометрической прогрессіи 1 — 2 — 4 и т. д. Подобная же способность приращенія существуетъ не только у людей, но и у животныхъ и

[1]) Формула эта, не имѣя претензіи на математическую точность, имѣетъ единственно цѣлью — указаніе на различіе образа приращенія этихъ двухъ находящихся въ тѣсной между собою зависимости, величинъ.

даже у растеній. Если предположить что посѣвъ четверти пшеницы даетъ пять четвертей урожая, то за симъ при дальнѣйшемъ посѣвѣ каждой изъ этихъ пяти четвертей получится 25 четвертей и т. д. Но для того, чтобы посѣять пшеницу, нужно поле, а пространство земли ограничено. Можно предположить, что участокъ земли, который даетъ четверть пшеницы урожая, вслѣдствіе улучшенной культуры, можетъ быть доведенъ до производства десяти четвертей. Но никто не станетъ предполагать возможности при дальнѣйшемъ улучшеніи культуры получать 100, 1000 и т. д. четвертей. Каждымъ новымъ улучшеніемъ культуры можетъ быть достигнута нѣкоторая новая прибавка, но никакъ не безпредѣльное увеличеніе производительности земли въ геометрической прогрессіи.

Равновѣсіе между численностью населенія и существующими средствами питанія возстановляется мѣрами предупредительными, т.-е. воздержаніемъ и поздними браками, а насколько эти послѣдніе оказываются недостаточными — явленіями репресивными, болѣзнями, войнами, усиленною смертностью.

Когда говорятъ объ избыткѣ населенія, не слѣдуетъ полагать, что явилось на свѣтъ нѣкоторое число людей, для которыхъ совершенно не хватаетъ средствъ существованія, ибо въ этомъ случаѣ самый избытокъ пересталъ бы существовать; люди, для которыхъ не имѣется никакихъ средствъ существованія, умерли бы немедленно съ голода. Избытокъ населенія выражается только въ несоразмѣрности количества наличныхъ средствъ съ численностью населенія въ данный моментъ; вслѣдствіе того, на долю нѣкоторыхъ, т.-е. именно тѣхъ, которые мало заботятся о предупредительныхъ мѣрахъ, будетъ приходиться уменьшенное недостаточное количество средствъ существованія; несомнѣнно, что недостаточное питаніе

имѣетъ своимъ послѣдствіемъ развитіе болѣзней и усиленіе смертности, но только фактически въ данный моментъ населеніе никогда не можетъ перерасти количества наличныхъ средствъ существованія, т.-е. увеличиться въ такомъ размѣрѣ, чтобы на нѣкоторую часть его совершенно не хватало средствъ существованія. Фактически населеніе не можетъ расти быстрѣе роста средствъ существованія. Послѣднее всегда будетъ сдерживать дѣйствіе естественной плодовитости людей.

Съ увеличеніемъ средствъ будетъ увеличиваться и населеніе, такъ, напримѣръ, внезапное увеличеніе наличныхъ средствъ послѣ войны (вслѣдствіе сильнаго уменьшенія численности населенія) всегда вызываетъ болѣе быстрый ростъ населенія; и наоборотъ диспропорція между естественною потенціальною способностью людей къ приращенію и ростомъ средствъ существованія, обыкновенно увеличивается съ увеличеніемъ плотности населенія, и затѣмъ начинается обратный процессъ.

Въ какихъ условіяхъ находятся разные классы населенія относительно условій приращенія ихъ численности и въ какой степени дѣйствуютъ въ каждомъ изъ нихъ предупредительныя и репресивныя мѣры—въ разрѣшеніи этого частнаго вопроса авторъ ищетъ разрѣшенія поставленнаго во главѣ его сочиненія главнаго вопроса объ условіяхъ, при которыхъ совершается процвѣтаніе и паденіе народовъ.

Народонаселеніе страны дѣлится обыкновенно на три класса:

Классъ земледѣльцевъ, включающій какъ дворянъ, т.-е. большихъ землевладѣльцевъ, такъ и крестьянъ, т.-е. мелкихъ землевладѣльцевъ.

Классъ горожанъ, включающій лицъ, самостоятельно занимающихся разными городскими промыслами: торго-

влей, промышленностью, ремесломъ, чиновниковъ, учителей, художниковъ, духовенство, т.-е. вообще состоятельный и болѣе или менѣе образованный классъ городского населенія.

Классъ рабочихъ, т.-е. лицъ, не обезпеченныхъ ни собственнымъ имуществомъ, ни собственнымъ промышленнымъ или ремесленнымъ дѣломъ, но существующихъ отдачею въ наемъ своей рабочей силы другимъ самостоятельнымъ предпринимателямъ.

Обыкновенно полагаютъ, что эти три класса существуютъ въ каждой странѣ совершенно самостоятельно, восполняясь каждый изъ своей собственной среды, а если и происходитъ иногда переходъ личностей изъ одного изъ вышеуказанныхъ классовъ въ другой—то это представляетъ исключеніе.

Изслѣдованіе Ганзена приводитъ къ заключенію, что это мнѣніе совершенно ошибочно. Указанные три класса не представляютъ совершенно отдѣльныхъ общественныхъ единицъ, существующихъ самостоятельно одна возлѣ другой, а составляютъ только отдѣльныя ступени развитія одного и того же населенія.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, необходимо ознакомиться предварительно съ настоящимъ характеромъ производительнаго труда, участіемъ въ отдѣльныхъ производствахъ даровыхъ силъ природы, способомъ извлеченія каждымъ изъ этихъ трехъ классовъ доходности изъ приложенія своего труда, и затѣмъ приступить къ изученію историческаго хода образованія каждаго изъ нихъ.

Въ сущности человѣкъ ничего не производитъ; единственнымъ производителемъ является природа. Охотникъ отправляется въ лѣсъ и убиваетъ для своего про-

довольствія оленя. Тѣмъ самымъ онъ добываетъ себѣ на нѣкоторое время средства существованія. Но развѣ онъ произвелъ что-либо своимъ трудомъ. Олень, заяцъ, птица, которыхъ онъ убилъ; существовали до того, когда онъ отправился на охоту, въ полной своей цѣнности; своимъ дѣйствіемъ онъ ничего къ тому не прибавилъ, онъ только уничтожилъ существованіе ихъ. Человѣкъ срубаетъ дерево для своего употребленія. Но развѣ онъ произвелъ этимъ что-либо. Дерево уже существовало до того, какъ онъ приложилъ къ нему свой трудъ, срубая его. Его трудъ ничего къ цѣнности дерева не прибавилъ. Напротивъ того, срубая дерево, онъ тѣмъ прекращаетъ его ростъ и дальнѣйшее приращеніе его цѣнности. О какой-либо производительной работѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Его трудъ заключается только въ присвоеніи произведеній даровыхъ силъ природы, къ приспособленію ихъ годности для своего употребленія. Съ этой точки зрѣнія потраченная на приспособленіе масса труда не имѣетъ никакого значенія по отношенію къ полезной цѣнности добытаго предмета. Яблоко, сорванное мимоходомъ съ растущаго гдѣ-либо дерева, и яблоко, добытое съ большимъ трудомъ, разведеніемъ фруктоваго сада, имѣютъ для человѣка одну и ту же полезную цѣнность (Werth) [1]). И такъ производитъ не человѣкъ, а производитъ созидательная сила природы. Человѣкъ можетъ только направлять производительныя силы природы, побуждать ихъ проявляться въ такомъ направленіи, которое для него наиболѣе полезно. Истребленіе хищныхъ звѣрей имѣетъ послѣдствіемъ увеличеніе численности полезныхъ животныхъ. Но несмотря на то, нельзя сказать, что охотникъ произвелъ что-либо, уничтожая хищныхъ

[1]) Не слѣдуетъ смѣшивать понятія цѣнность съ цѣною.

звѣрей; его дѣятельность заключалась не въ производствѣ, а въ уничтоженіи. Производила и производитъ единственно природа; прежде это производство проявлялось въ нарожденіи хищныхъ животныхъ, а теперь она будетъ проявляться въ преобладающемъ нарожденіи полезныхъ животныхъ.

Въ томъ же положеніи какъ дѣятельность охотника, находится и дѣятельность лѣсника и сельскаго хозяина.

Желая содѣйствовать произрастанію извѣстнаго сорта лѣса, болѣе годнаго къ употребленію, лѣсникъ станетъ вырубать въ лѣсу другія породы, менѣе годныя,—его дѣятельность заключается въ уничтоженіи, а не въ производствѣ. Уничтожая извѣстныя породы лѣса, онъ побуждаетъ природу производить преимущественно другія породы, болѣе для него цѣнныя. Онъ направляетъ только производительную дѣятельность даровыхъ созидательныхъ силъ природы.

Совершенно въ такихъ же условіяхъ находится дѣятельность сельскаго хозяина. Желая получить пшеницу, его трудъ—вспашка, боронованіе—направлены къ тому, чтобы уничтожить другія растенія, которыя для него безполезны, которыя онъ считаетъ сорными; унавоживая землю, онъ только группируетъ естественную производительную силу, заключающуюся въ различныхъ земельныхъ матеріалахъ. Тѣмъ самымъ онъ понуждаетъ природу производить наиболѣе годные для него продукты; онъ направляетъ ея дѣятельность,—въ этомъ заключается весь результатъ его труда. Даже на высшихъ степеняхъ сельско-хозяйственной культуры трудъ земледѣльца не создаетъ дѣйствительной цѣнности. Безъ созидательной силы природы онъ не въ состояніи ни произвести одного зерна пшеницы, ни удлиннить одного стебелька травы.

Возьмемъ теперь другого рода производителя—ремес-

ленника. Повидимому между нимъ и земледѣльцемъ нѣтъ никакой разницы. И тотъ, и другой работаютъ, трудятся, отдыхаютъ послѣ работы, но своимъ трудомъ не создаютъ цѣнностей. Сапоги, которые сшилъ сапожникъ, суть только видоизмѣненная форма кожи, произведенной не имъ, а существовавшей уже прежде приложенія его труда; его трудъ былъ направленъ только на видоизмѣненіе готовыхъ продуктовъ природы, на приспособленіе ихъ къ человѣческому употребленію.

Но именно потому, что земледѣлецъ занятъ направленіемъ силы природы къ извѣстному производству, а ремесленникъ—обработкой готовыхъ продуктовъ природы, въ условія ихъ труда влагается весьма существенное различіе, отзывающееся на всѣхъ условіяхъ ихъ быта.

Когда ремесленникъ, по окончаніи дневного труда, прекращаетъ свою работу, то у него прекращается всякое производство до слѣдующаго утра, т.-е. до новаго приступа къ работѣ. У земледѣльца, напротивъ того, производительная дѣятельность никогда не прекращается, потому что и послѣ того, какъ онъ закончилъ свою работу, за него продолжаютъ работать даровыя силы природы. Произрастаніе сѣмени, накопленіе молока, образованіе приплода — совершается не только днемъ, но и ночью; созидательная сила природы не прекращаетъ своего дѣйствія по прекращеніи человѣческаго труда.

Вотъ почему доходность земледѣльца зависитъ преимущественно отъ дѣйствія даровыхъ силъ природы и обусловливается преимущественно урожаемъ или неурожаемъ; его личный трудъ въ этомъ многаго измѣнить не можетъ; доходность же ремесленника, за котораго даровыя силы природы не трудятся, обусловливается исключительно достоинствомъ и количествомъ того труда, который онъ потратилъ на обработку естественнаго матеріала.

Покупатель зернового хлѣба не заботится о томъ— много или мало, хорошій или худой трудъ земледѣлецъ положилъ на обработку земли, — а хорошо ли качество зерна. Покупатель же ремесленнаго издѣлія, предполагая равенство у ремесленниковъ сырого матеріала, главнымъ образомъ, обращаетъ вниманіе на качество и ловкость работы, приложенной къ выдѣлкѣ издѣлія, т.-е. къ обработкѣ сырого матеріала: хорошо ли сшиты сапоги, придана ли имъ удобная и красивая форма и т. п.

При такомъ положеніи дѣла эти двѣ группы промышленныхъ производителей находятся въ совершенно различныхъ условіяхъ, какъ относительно воздѣйствія на нихъ посторонней конкуренціи, такъ и относительно пользованія кредитомъ.

Это лучше всего поясняется примѣромъ.

Посторонній человѣкъ пріобрѣтаетъ въ деревнѣ пустопорожнее болотистое мѣсто и поселяется на немъ. Благодаря усиленному труду и познаніямъ, ему удается осушить болото и превратить его въ хорошую полевую землю. Такимъ образомъ въ деревнѣ является новый воздѣлываемый участокъ; но этимъ нисколько не будутъ подрываться интересы прочихъ деревенскихъ землевладѣльцевъ. Предположимъ далѣе, что вслѣдствіе хорошихъ агрономическихъ познаній новаго поселенца, ему удастся получать съ своего участка гораздо бо́льшее количество продуктовъ и продукты гораздо лучшаго качества, чѣмъ остальные земледѣльцы получаютъ со своихъ участковъ. Причинитъ ли это какой-либо вредъ остальнымъ, — очевидно никакого. Новый землевладѣлецъ будетъ получать бо́льшій доходъ, чѣмъ другіе земледѣльцы, будетъ жить лучше, сдѣлается состоятельнѣе, но отъ этого положеніе остальныхъ ничѣмъ не сдѣлается хуже прежняго; работая по старымъ отцовскимъ пріемамъ, они будутъ имѣть

менѣе дохода чѣмъ новый поселенецъ, но не менѣе того, что они получали и прежде; ихъ положеніе ни въ чемъ не измѣняется.

Предположимъ теперь, что въ той же деревнѣ живетъ сапожникъ; онъ шьетъ грубый мужицкій товаръ, употребляя тѣ же пріемы и тотъ же матеріалъ, какой употреблялъ его отецъ и дѣдъ. Мѣстные жители другого товара не знаютъ и потому всѣ покупаютъ у него необходимую обувь; ему обезпеченъ такимъ образомъ вѣрный сбытъ издѣліямъ, и тѣмъ самымъ онъ вполнѣ обезпеченъ и въ своихъ средствахъ существованія.

Но вотъ въ деревнѣ поселяется другой, молодой сапожникъ, обучавшійся у городского мастера. Онъ шьетъ сапоги болѣе удобной формы,—не столь грубо. Мало-помалу у него начинаютъ заказывать; въ началѣ къ нему обращаются женщины и дѣвушки, желающія пощеголять болѣе красивою обувью; но скоро и другіе замѣчаютъ, что его обувь не только красивѣе, но и удобнѣе и даже прочнѣе, чѣмъ грубый товаръ стараго сапожника. Постепенно къ нему переходитъ все деревенское населеніе; старый сапожникъ остается безъ заказовъ и лишается средствъ существованія; онъ все болѣе бѣднѣетъ и подъ конецъ, чтобы какъ нибудь просуществовать, принужденъ или переселиться въ другую деревню, гдѣ его не ожидаетъ конкуренція болѣе ловкаго ремесленника, или поступить къ своему сопернику въ рабочіе.

Этотъ примѣръ показываетъ самымъ наглядным образомъ различіе положенія, которое занимаетъ, по отношенію къ мѣстной конкуренціи, земледѣлецъ и ремесленникъ.

Земледѣльцу не страшна конкуренція [1]), онъ не ра-

[1]) Могло бы казаться страннымъ, въ настоящее время,—когда сельское хозяйство не только Россіи, но всей Европы находится въ тяжеломъ кризисѣ,

ботаетъ подъ ея давленіемъ, она совершенно не входитъ въ его разсчеты. Если онъ стремится улучшить обработку земли, то это исключительно для того, чтобы увеличить получаемый съ нея доходъ, чтобы больше заработать, а со-

---

страдая отъ низкихъ цѣнъ, вызванныхъ соперничествомъ американскаго, аргентинскаго и австралійскаго хлѣба,—утверждать, что земледѣлецъ не боится конкуренціи. Но здѣсь слѣдуетъ принять въ соображеніе, что для опредѣленія различія между ремесленной и земледѣльческой дѣятельностью необходимо имѣть въ виду, такъ сказать, самые первоначальные элементы; говоря, что земледѣлецъ не боится конкуренціи, имѣется въ виду земледѣлецъ только какъ таковой. Жизнь чрезвычайно усложняетъ всѣ отношенія, и потому чистый типъ земледѣльца почти нигдѣ не сохраняется; къ земледѣльческой дѣятельности почти всегда, въ большей или меньшей мѣрѣ, присоединяется и промышленная, и торговая дѣятельность, — земледѣлецъ продаетъ свои продукты, покупаетъ необходимые ему предметы и т. д.,—вотъ эта торговая часть дѣятельности земледѣльца и затрогивается условіями конкуренціи. Но если представить себѣ земледѣльца который вполнѣ существуетъ своими продуктами, самъ потребляетъ свой хлѣбъ, одѣвается въ сукно и полотно домашней работы, и даже подати платитъ натурой, какъ это до сихъ поръ существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сициліи и Анатоліи, то такой земледѣлецъ нисколько не будетъ затрогиваться условіями рынка; для него конкуренція не имѣетъ значенія, къ нему вышеприведенная формула можетъ быть примѣнена вполнѣ. Но даже, если имѣть въ виду земледѣльца, продающаго свои издѣлія, то и для него мѣстная конкуренція, по самому существу дѣла, не страшна. Улучшеніе сельскаго хозяйства въ Московской или Пензенской или Харьковской губерніи не будетъ затрогивать или подрывать интересы земледѣльца Смоленской губерніи. Только когда является наплывъ хлѣба извнѣ, т.-е. изъ мѣстностей которыя находятся въ совершенно другихъ почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ которыя прежде не появлялись на мѣстномъ рынкѣ, конкуренція послѣднихъ начинаетъ отзываться невыгодно на интересахъ мѣстнаго хозяина. Такое вліяніе произвелъ у насъ наплывъ кубанскаго хлѣба, такого же вліянія слѣдуетъ опасаться въ будущемъ отъ наплыва дешеваго сибирскаго хлѣба. Точно также и въ Европѣ: улучшеніе культуры во Франціи, или Италіи, или Венгріи, не произвело бы никакого невыгоднаго вліянія на сельское хозяйство Германіи. Но наплывъ трансатлантическаго—американскаго, аргентинскаго и австралійскаго хлѣбовъ, имѣлъ это вліяніе, сильно понизивъ цѣны на рынкѣ, своимъ соперничествомъ. По этому, вышеприведенная формула оправдывается не только въ примѣненіи къ такъ сказать чистому земледѣльцу, но и къ земледѣльцу-промышленнику и торговцу—пока рѣчь идетъ о мѣстной конкуренціи. Явленіе, которое происходитъ въ настоящее время въ Европѣ, не можетъ служить возраженіемъ или опроверженіемъ положенія,—что земледѣлецъ работаетъ не подъ давленіемъ конкуренціи.

всѣмъ не для того, чтобы успѣшнѣе бороться противъ конкуренціи сосѣдей. Не то — положеніе ремесленника, фабриканта, промышленника. Такъ какъ для него даровыя силы природы не работаютъ, такъ какъ его доходъ всецѣло обусловливается успѣшнымъ примѣненіемъ труда къ обработкѣ сыраго матеріала, то для него конкуренція имѣетъ первенствующее значеніе. Если его соперникъ станетъ работать лучше или дешевле, то онъ несомнѣнно вытѣснитъ его произведенія съ рынка, а потому ремесленникъ, фабрикантъ, промышленникъ всегда трудится и работаетъ подъ гнетомъ начала конкуренціи, онъ долженъ вводить это начало во всѣ свои расчеты; чтобы удержать за собою рынокъ, онъ долженъ по возможности работать лучше другихъ или, по крайней мѣрѣ, не хуже и не дороже; отъ этого гнета онъ отрѣшиться никогда не можетъ. Улучшая, удешевляя свое производство, онъ это дѣлаетъ не только въ виду усиленія своего дохода, но и въ виду необходимости противостоять конкуренціи своихъ соперниковъ.

Въ совершенно другомъ положеніи находятся эти двѣ главныя группы дѣятелей по отношенію къ вопросу о кредитѣ. Земледѣлецъ, переходя къ интензивной культурѣ, обыкновенно нуждается въ пособіи кредита—ремесленникъ, фабрикантъ, торговецъ тоже бо́льшею частью не могутъ работать безъ пособія кредита. Но для послѣднихъ употребленіе кредита не представляетъ опасности. Если производство поставлено на здоровое основаніе, если потребности рынка правильно расчитаны, то сапожнику совершенно не опасно брать сырой матеріалъ, кожу, или фабриканту—хлопокъ въ кредитъ. Они знаютъ, что по изготовленіи издѣлія сбытъ имъ обезпеченъ,—изъ выручки всегда можно уплатить существующее долговое обязательство. Но земледѣлецъ находится въ

совершенно другомъ положеніи. За него, какъ мы видѣли, работаютъ силы природы, а работа ихъ крайне измѣнчива; вмѣсто урожая можетъ случиться неурожай, количество ожидаемыхъ къ осени продуктовъ можетъ значительно уменьшиться, а ренту или проценты по долговому обязательству приходится уплачивать въ опредѣленной суммѣ. Это несоразмѣреніе получаемаго дохода съ платежами по существующимъ обязательствамъ или, другими словами, неопредѣленность дохода при опредѣленности платежей и дѣлаетъ кредитъ столь опаснымъ пособіемъ для земледѣльца. Еслибы онъ платилъ ренту натурой, какъ, напр., половники, то этой несоразмѣрности для него бы не существовало. При хорошемъ урожаѣ онъ отдастъ бо́льшее количество зерна, при плохомъ ме́ньшее; но то́, что онъ долженъ отдать, никогда не превыситъ того, что онъ дѣйствительно получитъ. Совершенно другое дѣло при денежной рентѣ или при платежѣ процентовъ деньгами. Благодаря пособію кредита, доходность земледѣльца можетъ значительно увеличиться, но отъ этого пособія онъ можетъ и вполнѣ разориться.

Для бо́льшаго выясненія вопроса обратимся опять къ нѣкоторымъ примѣрамъ.

Предположимъ, что молодой человѣкъ получилъ отъ отца по наслѣдству 100.000 марокъ. Обычный процентъ по биржѣ 4. Поэтому помѣстивъ весь свой капиталъ въ бумаги, онъ можетъ получить безъ всякаго труда 4.000 марокъ ежегоднаго дохода. Но онъ изучивъ сельское хозяйство, не желаетъ пребывать въ бездѣйствіи и чувствуетъ расположеніе къ сельской дѣятельности. Тогда ему предстоитъ три пути. Онъ можетъ, во-первыхъ, употребить весь свой капиталъ на пріобрѣтеніе небольшаго имѣнія, необремененнаго никакими долгами. Обык-

новенная доходность при среднемъ образѣ хозяйства надо считать 3%. Доходъ его будетъ меньше чѣмъ отъ бумагъ, но зато, онъ будетъ пользоваться безрасходною жизнью въ деревнѣ, ему не придется ни нанимать квартиры, ни покупать продуктовъ потребленія, онъ будетъ жить на всемъ готовомъ. Если онъ приложитъ особые труды къ культурѣ земли, то при благопріятныхъ условіяхъ, онъ выручитъ даже 6%, т.-е. 4.000 марокъ, и будетъ имѣть столько же, какъ и отъ бумагъ, пользуясь кромѣ того, всѣми удобствами деревенской жизни. Но онъ можетъ хозяйничать неумѣло, естественныя условія ему могутъ не благопріятствовать—тогда его доходъ упадетъ на 2.000 и даже на 1.000 марокъ. Землевладѣлецъ, хозяйничающій безъ пособія кредита, никогда большого дохода изъ своего капитала выручить не можетъ. Но зато, не имѣя долговъ, онъ обезпеченъ отъ разоренія.

Не довольствуясь столь скромнымъ положеніемъ, вышеуказанный наслѣдникъ рѣшается купить имѣніе стоимостью въ 300.000 марокъ, и для этой цѣли занимаетъ 200.000, за которыя, по 4%, ему придется платить 8.000 марокъ ежегодно. При обыкновенномъ хозяйствѣ онъ выручитъ обыкновенный процентъ изъ имѣнія, т.-е. 3%, что составитъ 9.000 марокъ, изъ которыхъ, по уплатѣ 8.000 процентовъ на занятый капиталъ, у него останется всего 1.000 марокъ дохода, между тѣмъ какъ при безкредитномъ хозяйничаньѣ онъ имѣлъ бы 3.000 марокъ дохода. Но при умѣломъ веденіи дѣла, при разныхъ техническихъ усовершенствованіяхъ, онъ можетъ надѣяться получить отъ 4 до 5%, т.-е. отъ 12 до 15.000 марокъ; по уплатѣ изъ нихъ 8.000, у него останется чистаго дохода отъ 4.000 до 7.000 марокъ, т.-е. гораздо болѣе чѣмъ въ первомъ случаѣ, т.-е. при помѣщеніи своего капитала на покупку имѣнія, безъ пособія кре-

дита. Зато при неумѣломъ хозяйствѣ или при неблагопріятныхъ условіяхъ онъ выручитъ всего 2%, т.-е. 6.000 марокъ, такъ что ему даже не хватитъ 2.000 марокъ на уплату процентовъ; при хозяйствѣ же въ имѣніи, не обремененномъ долгами, онъ все же выручилъ бы чистаго дохода, даже при неблагопріятныхъ условіяхъ, отъ 1.000 до 2.000 марокъ. Такимъ образомъ видно, что примѣненіе кредита къ сельскому хозяйству обѣщаетъ значительное повышеніе доходности, но только при особенно умѣломъ и хорошемъ хозяйничаньѣ, въ противномъ случаѣ, при обыкновенномъ ходѣ хозяйства, землевладѣльцу грозитъ значительное уменьшеніе дохода, а при нѣсколько неумѣломъ веденіи хозяйства или при неблагопріятныхъ условіяхъ, его ожидаетъ даже полное разореніе.

Наконецъ, третій путь: онъ можетъ еще болѣе расширить свое предпріятіе, онъ можетъ не покупать совсѣмъ имѣнія, а взять имѣніе въ аренду и употребить весь свой капиталъ, всѣ 100.000 марокъ, въ обороты по хозяйству. Предположимъ, что ему придется платить 30.000 марокъ аренды. При обыкновенномъ способѣ веденія хозяйства, онъ при всемъ своемъ трудолюбіи и бережливости, выручитъ едва только необходимую сумму на уплату аренды, но за-то при введеніи разныхъ усовершенствованій и при весьма умѣломъ веденіи дѣла онъ можетъ довести свой доходъ до 10.000 марокъ и болѣе; съ другой же стороны, при неумѣломъ веденіи дѣла, ему грозитъ неминуемо разореніе.

Итакъ, примѣненіе кредита къ сельскому хозяйству весьма значительно увеличиваетъ доходность имѣній, но вмѣстѣ съ тѣмъ значительно увеличиваетъ и рискъ. Землевладѣлецъ, работающій безъ пособія кредита, не можетъ расчитывать на значительный доходъ, но съ другой стороны ему и не грозитъ разореніе. Столь сильное коле-

баніе вверхъ и внизъ, между увеличеннымъ доходомъ и полнымъ раззореніемъ, при пользованіи кредитомъ, обусловливается не только мѣрою умѣнія вести дѣло, вліяніемъ климатическихъ и почвенныхъ условій, но еще и движеніемъ цѣнъ.

Возьмемъ опять примѣръ трехъ земледѣльцевъ: владѣльца небольшого, незадолженнаго имѣнія, владѣльца болѣе значительнаго имѣнія, на которомъ лежитъ ипотечный долгъ, съ ежегоднымъ платежомъ въ 4.000 марокъ, и арендотора управляющаго весьма значительнымъ имѣніемъ съ уплатою ежегодной аренды въ 18.000 марокъ. Къ концу года у перваго изъ нихъ накопилось сто тоннъ пшеницы, у второго 300, у третьяго 1.000. При средней цѣнѣ тонны въ 20 марокъ, первый получитъ 2.000 марокъ, которыя ему будутъ принадлежать полностью, второй 6.000 марокъ, изъ которыхъ ему придется уплатить 4.000, а третій 20.000, изъ которыхъ ему надо внести за аренду 18.000 марокъ. Каждый изъ нихъ получитъ 2.000 марокъ чистаго дохода. Предположимъ теперь, что цѣна пшеницы поднялась на 2 марки; тогда первый получилъ бы 2.200 марокъ или на одну десятую болѣе дохода, второй 2.600 марокъ или приблизительно на одну треть больше, а послѣдній 4.000 марокъ, т.-е. на 100% или вдвое больше; и такъ соразмѣрно съ увеличеніемъ производства, при пособіи кредита, одно и то же увеличеніе цѣны вызвало прогрессивное увеличеніе дохода на 10, 35 и 100%, т.-е. послѣдній при этомъ выигралъ въ десять разъ больше перваго. Но возьмемъ теперь въ обратномъ смыслѣ, пониженіе цѣны на 2 марки, и мы найдемъ такую же прогрессію въ обратномъ направленіи. Первый потерялъ бы только 200 марокъ или 10%, получивъ 1.800 вмѣсто 2.000 марокъ за свой хлѣбъ; а послѣдній, арендаторъ, потерялъ бы

весь доходъ, получивъ только 18.000 марокъ, которыя пошли бы полностью на уплату аренды.

Вотъ почему мелкій землевладѣлецъ, крестьянинъ, имѣніе котораго не обременено долгами, легче другихъ переживаетъ эпохи сельско-хозяйственныхъ кризисовъ, между тѣмъ, какъ по мѣрѣ увеличенія имѣнія и усиленія обремененія его долгами, пережитіе такого кризиса все болѣе и болѣе становится труднымъ; сильнѣйшей же опасности подвергаются арендаторы, которые при продолжительности кризиса большею частью совсѣмъ разоряются. Одна бережливость и сокращеніе расходовъ имъ не помогутъ выйти изъ затруднительнаго положенія.

Возлѣ класса землевладѣльцевъ стоитъ многочисленный классъ ремесленниковъ, фабрикантовъ, промышленниковъ, не обладающихъ землею. Они могутъ добывать необходимыя имъ произведенія природы только отъ земледѣльцевъ въ обмѣнъ на свои издѣлія, т.-е. на результаты личнаго труда, такъ какъ естественныя силы природы для нихъ не работаютъ. Они оторвались отъ земли; но за то пространство ихъ промышленной дѣятельности безпредѣльно, оно не ограничено предѣлами ихъ имѣнія; ихъ работѣ открытъ весь міръ.

Этотъ значительный классъ дѣятелей распадается въ свою очередь на двѣ группы. Первая группа, преобладающая по численности, но менѣе вліятельная—это люди, доходъ которыхъ является исключительно результатомъ ихъ физической работы, между тѣмъ какъ доходъ второй группы обусловливается умственною работою. Первая группа—это такъ-называемые рабочіе, живущіе заработной платой, вторая—такъ-называемое среднее сословіе—ремесленники, фабриканты, промышленники, ученые и т. д.

Физическая работа — трудъ и умственная работа —

трудъ, но между ними—все же существенное различіе. Дѣло въ томъ, что между отдѣльными физическими работниками существуетъ только количественная разница, а между умственными работниками — качественная. Физическую работу силача, который работаетъ за пятерыхъ, всегда можно замѣнить совокупною работою пяти отдѣльныхъ рабочихъ. Но труды сотни посредственныхъ ученыхъ не могутъ замѣнить одного геніальнаго ученаго; тоже можно сказать про политическаго дѣятеля, дипломата, полководца, артиста и т. д. Вотъ почему, между тѣмъ, какъ вознагражденіе физическаго труда въ данной мѣстности и въ данное время разнится весьма мало, потому что средняя физическая работа здороваго человѣка довольно однообразна, вознагражденіе интеллектуальнаго труда разнообразно до чрезвычайности; на высшихъ его степеняхъ умственный трудъ даже не можетъ оплачиваться однимъ денежнымъ вознагражденіемъ, а вознаграждается почетомъ среди современниковъ, сознаніемъ исполненнаго долга и посмертною славой.

На низшей ступени средняго класса стоитъ ремесло. Ремесленникъ соединяетъ въ себѣ физическую работу съ интеллектуальною; онъ является какъ бы посредствующимъ звеномъ между физическимъ рабочимъ и интеллектуальнымъ рабочимъ—фабрикантомъ-предпринимателемъ. По мѣрѣ развитія фабричной дѣятельности, сокращается ремесленная дѣятельность; масса ремесленниковъ, имѣвшихъ прежде самостоятельное производство, ниспадаютъ въ классъ наемныхъ рабочихъ.

Характерная черта простой работы заключается въ томъ, что она требуетъ только физической силы; интеллектуальныхъ способностей, кромѣ въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, сколько необходимо для присвоенія себѣ снаровки извѣстнаго рода работы, не требуется. И вотъ

почему человѣческое общество второй группы (т.-е. не считая землевладѣльцевъ) представляется въ видѣ пирамиды. Низшіе широкіе слои ея составляютъ простые рабочіе, чѣмъ труднѣе работа, чѣмъ она требуетъ болѣе способностей, тѣмъ выше слой тѣхъ лицъ, которыя себя посвящаютъ такой работѣ; наконецъ, на высшихъ слояхъ пирамиды остается мѣсто уже для очень немногихъ. Но между тѣмъ какъ высшіе слои защищены отъ проникновенія въ нихъ лицъ изъ низшихъ слоевъ, необходимостью особенныхъ познаній и способностей,—работа каждаго низшаго слоя можетъ быть производима всякимъ лицомъ изъ одного изъ высшихъ слоевъ, и вотъ почему низшіе слои постоянно подвержены вторженію въ ихъ среду лицъ изъ лежащихъ надъ ними слоевъ, которыя не могли удержаться на прежнемъ своемъ высшемъ положеніи.

Мы изслѣдовали такимъ образомъ способъ образованія различныхъ отраслей доходовъ и нашли, что источникомъ имъ служатъ: естественныя свободно дѣйствующія силы природы, интеллектуальная работа и физическая работа. Смотря по роду получаемаго дохода, все населеніе можетъ быть потому подраздѣлено, какъ выше указано, на три группы или ступени: на землевладѣльцевъ, на среднее сословіе и на рабочихъ.

Посмотримъ теперь какъ исторически образовалась каждая изъ этихъ трехъ ступеней.

Отдѣльный человѣкъ въ борьбѣ съ природой безсиленъ. Вотъ почему съ самыхъ древнихъ временъ люди соединялись въ группы, чтобы общими силами отстаивать свое существованіе. На самыхъ низшихъ ступеняхъ культуры, эти группы носили одновременно характеръ и про-

изводительныхъ товариществъ, и государственныхъ единицъ. Каждый охотничій народъ состоитъ изъ отдѣльныхъ группъ, которыя образуютъ какъ бы мелкія самостоятельныя государства;—въ каждомъ изъ нихъ сосредоточены элементы военной, судебной и священнической власти. Только въ виду какой-либо большой опасности эти группы соединяются вмѣстѣ, подчиняясь общему предводителю; по минованіи опасности онѣ немедленно опять распадаются на отдѣльныя единицы. Примитивные народцы находятся другъ съ другомъ въ постоянныхъ войнахъ, которыя поглощаютъ весь избытокъ населенія; подобныя племена обыкновенно остаются весьма продолжительное время при неизмѣнной численности населенія.

Первый культурный успѣхъ заключается въ переходѣ отъ охотничьихъ занятій къ скотоводству. Кормъ, какъ для людей такъ и для скота, распредѣленъ природою весьма неравномѣрно между временами года. Лѣтомъ избытокъ, а зимою недостатокъ. Для выравненія такого неравенства, человѣкъ начинаетъ изъ лѣтняго изобилія дѣлать запасы на скудное зимнее время. Въ этомъ заключается первый культурный шагъ; вмѣстѣ съ этимъ является возможность приручать дикихъ животныхъ и дѣлать ихъ домашними, чтобы въ продолженіе всего года имѣть ихъ около себя и пользоваться ихъ продуктами.

Переходъ отъ охотничьяго быта къ скотоводству совершается довольно легко, потому что не требуетъ почти никакихъ другихъ приспособленій, какъ только заботы о доставленіи скоту зимою необходимаго питанія.

Переходъ отъ скотоводства къ земледѣлію совершается уже съ гораздо бо́льшимъ трудомъ, требуя значительной ломки привычекъ, усиленнаго труда и введенія порядковъ осѣдлости, къ которымъ не легко привыкаетъ первобытный народъ.

За исключеніемъ моментовъ перехода отъ одной культурной степени къ другой, которые всегда совпадаютъ съ значительнымъ приращеніемъ населенія,—численность первобытныхъ племенъ въ продолженіе извѣстнаго культурнаго состоянія должна оставаться безъ измѣненія, вслѣдствіе того, что количество средствъ потребленія остается у нихъ на одномъ уровнѣ. А такъ какъ населеніе имѣетъ все же тенденцію увеличиваться съ каждою генераціей, то подобные народы бываютъ въ состояніи выдѣлять изъ своей среды значительныя массы выходцевъ, нисколько не ослабляя собственной силы; этимъ объясняется между прочимъ движеніе народовъ, начавшееся со временъ распаденія римскаго владычества. Массы выходцевъ, полныя силъ и юности, наталкиваясь на старый, клонящійся къ разложенію культурный народъ, обыкновенно одерживаютъ надъ нимъ верхъ.

О какомъ-либо дѣйствительномъ государственномъ устройствѣ еще нельзя говорить по поводу народовъ и племенъ, находящихся въ подобномъ первобытномъ состояніи.

Древнѣйшія государственныя учрежденія появляются впервые на востокѣ, въ видѣ военныхъ деспотическихъ монархій. Основаніе такого государства составляло сельское сословіе, распространенное по всей странѣ. Но эти сельчане только владѣльцы, а не собственники земли. За владѣніе и пользованіе ею они платятъ ежегодно извѣстную подать монарху, который въ сущности представляетъ собою единственнаго поземельнаго собственника государства; ему принадлежитъ вся земля. Такимъ образомъ доходы всей страны стекаются въ казну государеву, который на эти средства содержитъ армію, дворъ и прислугу, поглощающіе весь избытокъ населенія. Средняго сословія въ этихъ государствахъ не существуетъ.

На совершенно другихъ началахъ образовались германскія государства, хотя они вначалѣ были тоже исключительно землевладѣльческими странами.

Основаніе германо-крестьянскаго государства составляла марка [1]), т.-е. участокъ земли, состоявшій изъ деревни, господской усадьбы и общественной земли. Въ деревняхъ каждый домъ былъ окруженъ довольно обширнымъ, огороженнымъ участкомъ земли, составлявшимъ дворовую или усадебную землю. Вся земля, расположенная за оградами, состоявшая изъ луговъ, пастбищъ и лѣсовъ, находилась въ общественномъ пользованіи и называлась: die gemeine Mark. Въ срединѣ участка лежала господская усадьба, около которой группировались крестьянскія постройки. Первоначально крестьяне смотрѣли на господина какъ на своего защитника и предводителя. На войнѣ онъ былъ ихъ военачальникомъ; въ мирное время онъ творилъ судъ и расправу. Часть земли, принадлежавшей господской усадьбѣ, разбивалась на мелкіе участки, которые раздавались крѣпостнымъ людямъ (Höhrige); послѣдніе обязаны были платить владѣльцу оброкъ или отбывать у него службу, исполнять для него ремесленныя работы и т. п. Эта категорія людей въ пользованіи общественной землей не принимала участія.

Оброчные доходы, доходы отъ судоговоренія, свободные дары крестьянъ и пользованіе общественною землею служили владѣльцу усадьбы источникомъ, изъ котораго онъ почерпалъ необходимыя средства для содержанія себя самого и своей дворни.

Въ первыя времена земледѣліе играло совершенно второстепенную роль,—главнымъ занятіемъ было скотоводство. Но уже во времена Тацита земледѣліе сдѣлалось

[1]) Это названіе сохранилось до настоящаго времени въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, такъ, напр., говорятъ: Mark Brandenburg.

у германцевъ главнымъ занятіемъ. Пахотныя земли данной марки дѣлились обыкновенно на двѣ большія полосы; одна засѣвалась озимью, а другая шла на посѣвъ ярового хлѣба. Затѣмъ каждая изъ этихъ полосъ, для выравненія качества земли между отдѣльными крестьянами, разбивалась на коны, углы и, наконецъ, каждая отдѣльная категорія дѣлилась на столько полосокъ, сколько было дворовъ (Höfe) въ деревнѣ. Порядокъ весьма схожій съ тѣмъ, что еще въ настоящее время происходитъ у насъ. Впослѣдствіи отъ двупольной системы они переходятъ къ трехпольной. Съ развитіемъ хлѣбопашества, пространство пастбищной земли уменьшалось, такъ какъ изъ нея вырѣзывались участки подъ пахоту. Распашка части пастбищной земли, превращавшая менѣе производящій участокъ въ участокъ болѣе производящій, не наносила, при господствовавшемъ тогда просторѣ, крестьянамъ никакого ущерба. Но интересы владѣльца этимъ существенно затрогивались, потому что уменьшалось пространство той общественной земли, въ пользованіи которой онъ принималъ участіе. По этому на превращеніе части gemeine Mark въ пахоту требовалось согласіе владѣльца и это согласіе давалось обыкновенно подъ условіемъ уплаты ему извѣстной части дохода отъ вновь образованной пашни.

Ни господинъ, ни крестьянинъ не имѣли однако права собственности на землю. Земля принадлежала общности народа, въ лицѣ владѣтельнаго князя или короля. Съ правомъ собственности на землю соединялось право высшаго суда. Этотъ судъ, князь—или творилъ лично, или возлагалъ на довѣренное лицо — графа; всѣ доходы съ высшаго суда поступали въ казну владѣтельнаго князя или короля. Довѣренный верховнаго владѣтеля—графъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ (Vorstand) округа,

состоящаго изъ многихъ марокъ,—но не въ экономическомъ, а только въ административномъ отношеніи. Для покрытія же расходовъ по его собственному содержанію, графъ надѣляется обыкновенно одною или нѣсколькими марками, которыми онъ владѣетъ на правахъ мѣстнаго господина. Обработкою земли занимались только крестьяне; ни мѣстный господинъ, ни графъ не имѣли еще въ тѣ времена собственнаго полевого хозяйства; они существуютъ исключительно доходами, получаемыми отъ крестьянъ и крѣпостныхъ.

Такимъ образомъ существовало троякое право на землю: собственность, господство и владѣніе. Собственникъ—монархъ, господствуетъ мѣстный господинъ, владѣетъ крестьянинъ. Когда извѣстный дворянскій родъ вымиралъ, или вслѣдствіе измѣны, или другого преступленія терялъ право на свою землю, эта земля считалась неимѣющею господина (herrenlos) и король или владѣтельный князь могъ передать ее другому, по своему произволенію.

Такъ какъ приращенію осѣдлаго населенія земледѣльческой страны положены довольно тѣсныя границы, то германскіе народы были въ состояніи періодически выдѣлять изъ своего состава значительныя массы людей, составлявшія избытокъ его населенія, за-границу, нисколько тѣмъ не ослабляясь, — это тѣ ватаги, которыя постоянно врывались въ римскія владѣнія изъ Германіи. Но когда Римъ овладѣлъ германскими землями, и германскіе народы уже не находили за своими границами земель, которыя можно бы было завоевывать, тогда въ исторіи Германіи впервые возникаетъ соціальный вопросъ. Соціальный вопросъ, это вопросъ населенія, и заключается въ задачѣ: какъ употребить избытокъ населенія на пользу общаго цѣлаго. Исходитъ ли избытокъ населенія изъ перваго, второго или третьяго

класса, это въ существѣ вопроса ничего не измѣняетъ и отзывается только въ той формѣ, въ которой этотъ вопросъ проявляется.

Съ развитіемъ христіанства въ странѣ появляются монастыри, около коихъ, также какъ и около свѣтскихъ владѣльцевъ, начинаютъ образовываться деревенскія поселенія, надъ которыми монастыри присваиваютъ себѣ владѣльческіе права. Такимъ образомъ число поселокъ и деревень увеличивается, въ нихъ размѣщается нѣкоторая часть избытка населенія; кромѣ того монастыри поощряютъ въ своихъ владѣніяхъ улучшеніе культуры, переходъ къ трехпольному хозяйству, что́ въ свою очередь приводитъ къ увеличенію наличныхъ средствъ существованія. Но когда и эти новые каналы, поглощавшіе избытокъ населенія, оказываются наполненными, тогда совершается коренная перемѣна въ существѣ земледѣльческой Германіи, съ этого только момента оно превращается въ государство, т.-е. въ такой организмъ, который не можетъ выбрасывать періодически за свои границы избытокъ населенія, а принужденъ пользоваться имъ внутри страны для общаго блага.

Въ какой же формѣ это совершается? Куда направляется этотъ избытокъ?

Нѣкоторое число крестьянъ, не получившихъ надѣла, остаются на отцовскомъ дворѣ въ качествѣ работниковъ и работницъ. Люди же болѣе энергическіе, ощущающіе потребность самостоятельной дѣятельности, не получивъ собственнаго участка, уходятъ ко двору мѣстнаго графа или владѣтельнаго князя и поступаютъ въ дружину. Пока человѣкъ состоитъ въ дружинѣ, онъ не можетъ заключать брака, онъ долженъ оставаться холостымъ. Только когда ему удастся, за отличіе въ бою, получить отъ своего сюзерена надѣлъ участка земли, оставшейся

безъ господина (herrenlos), или когда ему удастся доблестными дѣйствіями снискать расположеніе богатой наслѣдницы, владѣющей землею, онъ можетъ помышлять объ устройствѣ семейства. И вотъ почему у минезингеровъ постоянно повторяется обычный мотивъ — странствующій рыцарь блестящими дѣяніями полонитъ сердце дочери короля или богатаго владѣтельнаго князя. Въ древнія времена поступленіе въ дружину было доступно сыну каждаго свободнаго крестьянина; развившейся впослѣдствіи сословной розни еще не существовало.

Прислуга господина, дворня, состояла исключительно изъ крѣпостныхъ; сынъ свободнаго крестьянина, поступая въ дворню, лишался свободы, становился крѣпкимъ Hoerig. Зато онъ могъ считать себя обезпеченнымъ въ средствахъ существованія. При отсутствіи средняго сословія и класса отдѣльныхъ ремесленниковъ, всѣ предметы потребленія приходилось приготовлять на дворѣ, дворня была потому весьма многочисленна. Крѣпостные, не получившіе еще надѣла изъ господской земли, также не могли вступать въ бракъ.

Наконецъ, безземельному человѣку открывается еще одна возможность пристроиться, онъ можетъ поступить въ духовенство, открытое для людей всѣхъ сословій. Въ средніе вѣка духовенство было гораздо многочисленнѣе настоящаго. Въ составъ духовенства включались нетолько священнодѣйствующіе, но и всѣ занимавшіеся науками и искусствами. Недуховныхъ ученыхъ и художниковъ не существовало. Духовенство занято было не только исполненіемъ духовныхъ обязанностей, въ его сферу входило и воспитаніе юношества, и занятіе науками, живописью, музыкой и т. п. Таланту и честолюбію открывалось на этой почвѣ обширное поприще. Кто же стремился еще выше, тотъ старался поступить въ царскую канцелярію,

изъ которой ему были открыты всѣ дороги; при благопріятныхъ обстоятельствахъ онъ могъ сдѣлаться графомъ, посланникомъ, епископомъ, даже владѣтельнымъ княземъ.

Все весьма значительное по своей числительности, духовенство живетъ также въ безбрачномъ состояніи.

Такимъ образомъ оказывается, что всѣ функціи, которыя составляютъ въ новѣйшихъ государствахъ достояніе средняго сословія, уже существовало въ средневѣковомъ крестьянскомъ государствѣ. Были и воспитатели юношества, и учители народа, и ученые, и художники, и лекари, и техники, и воины, и ремесленники. Несмотря на то, еще не могло быть рѣчи о среднемъ сословіи, потому что никто не могъ основать своего существованія исключительно на своемъ трудѣ, будь это физическій или интеллектуальный трудъ. Каждый былъ связанъ съ землей, даже если онъ и не самъ ее обрабатывалъ; разрывавшій свою связь съ землей, выбрасывался изъ общества, становился безправнымъ. Средства содержанія пріобрѣтались не какъ вознагражденіе за работу, а на основаніи опредѣленнаго права, и потому величина дохода ученаго, художника, техника опредѣлялась не качествомъ его труда, а принадлежностью его къ болѣе или менѣе богатому или бѣдному монастырю, или болѣе или менѣе богатому господину. Величайшій ученый, геніальнѣйшій художникъ получалъ то же содержаніе, какъ и прочіе монахи; богатъ монастырь—ихъ содержаніе роскошно, бѣденъ монастырь—ихъ содержаніе скудно, какое бы ни было качество ихъ работы. Оставляя свой монастырь, они оставались безъ всякаго содержанія, пока имъ не удавалось пріютиться въ какомъ-нибудь другомъ монастырѣ. Самый искусный ремесленникъ не могъ вступить въ бракъ, обзавестись семействомъ, разсчитывая исключительно на трудъ своихъ рукъ. Во всей странѣ онъ не

нашелъ бы клочка земли, на которомъ бы могъ поселиться. Чтобы существовать нужно было или владѣть землей, или составлять принадлежность лица или учрежденія, владѣющаго таковою. То, что отличаетъ крестьянское государство, отъ государства нашего времени, заключается не въ дѣленіи труда, не въ подраздѣленіи населенія на различные классы. Разница заключается въ томъ, что въ прежнемъ земледѣльческомъ государствѣ не было класса людей, существованіе коихъ основывалось бы на доходахъ отъ физическаго или интеллектуальнаго труда, не существовало также и соперничества, которое, смотря по качествамъ, способностямъ и трудолюбію каждаго, распредѣляло бы между ремесленниками тѣ средства которыя крестьянство въ настоящее время принуждено выдѣлять городскому населенію въ уплату за городскую ремесленную и фабричную работу. Въ настоящее время каждый можетъ приступать къ основанію семейства, разсчитывая только на свои труды; если у человѣка десять способныхъ сыновей, то ничего не мѣшаетъ каждому изъ нихъ, слѣдуя примѣру отца, взяться за то же ремесло. Изъ десяти же сыновей землевладѣльца, въ то время только одинъ могъ стать тоже землевладѣльцемъ.

Какъ ни стѣснительны были эти средневѣковые порядки, во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что въ ихъ организаціи существовала внутренняя гармонія. Основаніе всего государственнаго строя—крестьянство, оставалось постоянно въ силѣ, потому что избытокъ населенія постоянно имъ выдѣлялся. Для исполненія функцій, отправляемыхъ нынѣ среднимъ сословіемъ, имѣлся всегда достаточный запасъ силы и людей; военная сила, такихъ государствъ была весьма значительна; — земледѣльческія государства въ борьбѣ со странами, занимающимися преимущественно торговлей, почти всегда выходили побѣ-

дителями, потому что ихъ доходы вытекали непосредственно изъ почвы, не требуя особенно усложненной технической или интеллектуальной работы. Когда обычное рабочее населеніе отправлялось на войну, воздѣлка земли и собираніе ея плодовъ могли быть исполняемы стариками, женщинами и дѣтьми, а пока земля въ обработкѣ, доходность подобнаго государства не изсякаетъ.

Благосостояніе государства въ значительной мѣрѣ обусловливается существованіемъ равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ человѣческихъ силъ. Желательно, чтобы численность населенія была достаточно значительна, чтобы удовлетворять всѣмъ мѣстнымъ потребностямъ, но желательно, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы по возможности не было такого избытка населенія, который не могъ бы находить употребленія въ границахъ страны. Въ средневѣковомъ крестьянскомъ государствѣ это достигалось путемъ ограниченія браковъ; только тотъ, кто въ той или другой степени могъ пользоваться обезпеченнымъ доходомъ отъ земли, могъ обзаводиться семействомъ; при такихъ условіяхъ не могло образоваться значительнаго избытка населенія; тѣ же личности, которыя не могли получить собственнаго участка земли, размѣщались въ дружинѣ или дворнѣ владѣтельнаго господина или въ духовномъ сословіи.

Нарушеніе этого равновѣсія было вызвано съ такой стороны, которая, казалось бы, наиболѣе была заинтересована въ его сохраненіи. Желая увеличить свои доходы, монастыри стали поощрять раздѣлы крестьянскихъ участковъ; число дворовъ стало увеличиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и приращеніе населенія. Избытокъ его уже не находитъ возможности размѣщаться въ тѣ каналы, куда онъ прежде стекалъ. Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ участковъ, уменьшается и состоятельность крестьянъ, а

вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается ихъ сила сопротивленія противъ насильственныхъ завладѣній общинною землею со стороны владѣльцевъ. Кромѣ того, монастыри начинаютъ сокращать свой личный составъ, предпочитая имѣть небольшое, но лучше содержимое, число членовъ.

Такимъ образомъ все болѣе и болѣе увеличивается численность избытка населенія; этотъ избытокъ уже не находитъ возможности размѣщаться въ прежнія рамки. Съ этого момента начинается образованіе средняго сословія.

Среднее сословіе не могло выйти ни изъ дворянства, ни изъ духовенства. Ни одинъ изъ этихъ классовъ не могъ выдѣлить изъ себя самостоятельнаго, существующаго собственнымъ трудомъ разряда людей. Духовенство уже по своему безбрачію не могло выдѣлить изъ себя какого-либо избытка. Что же касается дворянства, т.-е. въ сущности военной дружины владѣльца, то, такъ какъ членъ дружины могъ вступать въ бракъ только въ случаѣ надѣла его землей, и въ этой группѣ нельзя было ожидать сколько-нибудь значительнаго приращенія.

Поэтому, изъ трехъ группъ, поглощавшихъ въ средніе вѣка избытокъ сельскаго населенія: дружины, духовенства и крѣпостныхъ (Hoerige) — только послѣдняя могла быть тѣмъ зерномъ изъ котораго выросло впослѣдствіи среднее сословіе.

Въ началѣ число семейныхъ крѣпостныхъ людей было ограничено числомъ тѣхъ усадебныхъ участковъ, которые владѣлецъ могъ имъ удѣлить. Современемъ они получаютъ однако возможность извлекать нѣкоторый доходъ изъ продажи своихъ ремесленныхъ издѣлій сосѣднимъ крестьянамъ. Прежде отдѣльные участки не могли быть уменьшаемы ниже размѣра, необходимаго для содержанія

одной семьи. Теперь, когда средства содержанія, даруемыя землею, могутъ быть восполняемы доходомъ, получаемымъ отъ личнаго труда, является возможность дѣлить отдѣльные дворовые участки на гораздо меньшія, противъ прежняго, доли; а такъ какъ каждый новый участокъ облагался оброкомъ, то дробленіе дворовыхъ участковъ представлялось даже въ интересѣ владѣльца. Дѣло могло дойти до того, что крѣпостной ремесленникъ сохранялъ одинъ только домъ, безъ всякой земли, предаваясь исключительно занятію ремесломъ.

При постепенномъ переходѣ крѣпостныхъ людей изъ прежняго состоянія въ ремесленное сословіе, можно различить три различные типа совершенія:

Первый типъ. Маркою владѣетъ мелкій дворянинъ, неимѣющій другихъ владѣній. Его доходы состоятъ изъ пошлинъ за судоговореніе, изъ сборовъ натурою съ деревень, принадлежащихъ къ его маркѣ и оброчныхъ платежей крѣпостныхъ, которые, кромѣ того, обязаны отправлять извѣстныя работы; наконецъ онъ имѣетъ еще участіе въ пользованіи общественною землею, т.-е. лугами, пастбищами и лѣсомъ.

Когда начинаютъ возникать по сосѣдству, городскія поселенія, господинъ марки убѣждается, что работа крѣпостныхъ ремесленниковъ въ сущности обходится очень дорого, и что для него было бы выгоднѣе отобрать у части крѣпостной дворни всю землю и понудить остальную часть дворни къ обработкѣ оставшейся земли, чтобы затѣмъ полученные такимъ образомъ продукты обмѣнивать на произведенія городской работы, т.-е. на разныя необходимыя ему издѣлія. Крѣпостные, у которыхъ отбирается земля, отпускаются на сторону, искать себѣ пропитанія трудомъ, и обыкновенно поселяются въ сосѣднія городскія поселенія. Послѣдствіемъ сношеній съ

городами является увеличеніе потребностей и вслѣдствіе того необходимость заботиться объ увеличеніи доходовъ; упраздненіе крѣпостныхъ участковъ все болѣе и болѣе учащается, значительно уменьшенной въ своемъ составѣ крѣпостной дворни уже не хватаетъ для воздѣлки всей освободившейся господской земли, начинаютъ понуждать прежнихъ свободныхъ крестьянъ исполнять барщинныя работы на господской землѣ. Затѣмъ господинъ марки захватываетъ все бо́льшую и бо́льшую часть общественной земли. Онъ выгоняетъ на пастбище большее число скота, чѣмъ сколько ему это предоставлялось по обычному праву, а чтобы откупиться отъ подобнаго насилія крестьяне обыкновенно соглашаются на присоединеніе части общественной земли къ господскимъ владѣніямъ. Дальше господинъ марки присваиваетъ себѣ исключительное право охоты въ общественныхъ лѣсахъ, крестьянамъ же воспрещается пастьба скота въ лѣсахъ. Рубка лѣса также подвергается ограниченію.

На этомъ дѣло останавливается въ южной Германіи.

Но на сѣверѣ и на востокѣ Германіи дѣло захвата простирается гораздо дальше. Отобравъ пастбища, господинъ марки начинаетъ отбирать у крестьянъ и пахотныя земли. Одинъ крестьянскій дворъ упраздняется за другимъ, цѣлыя деревни исчезаютъ и наконецъ вся марка превращается въ сплошную господскую землю. Такая крайняя экспропріація становилась возможною въ этой части Германіи по тремъ причинамъ. Во-первыхъ, вслѣдствіе проникновенія въ Германію римскаго права, которое не признаетъ вѣчныхъ контрактовъ; такимъ образомъ, господинъ марки получалъ правовой поводъ вытѣснять крестьянъ, лишая ихъ земли. Затѣмъ процессъ облегчался обезлюденіемъ значительной части страны, наступившемъ послѣ тридцатилѣтней войны. Наконецъ третья причина,

дѣлавшая возможнымъ подобныя насильственныя дѣйствія, заключалась въ томъ, что крестьянское населеніе и дворянство принадлежали къ различнымъ народностямъ (крестьяне были большею частью славяне) и что потому дворянство не считало нужнымъ стѣсняться въ своихъ дѣйствіяхъ относительно крестьянъ.

Второй типъ. Маркою владѣетъ могущественный и богатый господинъ, графъ или владѣтельный князь, не живущій самъ въ имѣніи. Его замѣняетъ родъ управляющаго, Probst, который творитъ судъ и расправу именемъ своего господина, и собираетъ для него причитающіеся ему доходы. Управляющій не имѣетъ ни интереса увеличивать господскую землю на счетъ крестьянской земли, ни необходимой для того власти. При этихъ условіяхъ крестьяне находятся въ несравненно лучшемъ положеніи. Мало-по-малу судоговореніе переходитъ къ спеціальнымъ княжескимъ судьямъ, учреждаются отдѣльные суды, вводится полиція, наконецъ натуральныя повинности превращаются въ денежныя. За совершеніемъ всѣхъ этихъ преобразованій, званіе пробста становится излишнимъ, упраздняется, и земельные участки, которые находились въ пользованіи пробстовъ, передаются съ оброка крестьянамъ. Уничтоженіе крѣпостного права упраздняетъ послѣднее различіе — вся марка становится комплектомъ крестьянскихъ деревень.

Третій типъ. Марка находится подъ господствомъ важнаго свѣтскаго или духовнаго сановника, имѣющаго свое мѣстопребываніе въ самой марки. Предположимъ, что господинъ марки богатый епископъ. Его окружаетъ штатъ дворянъ, находящихся въ его услуженіи, которыхъ онъ надѣляетъ участками земли изъ господскаго помѣстья. Другія части земли раздаются лицамъ духовнаго штата епископа, а также окружающимъ его монастырямъ

и различнымъ духовнымъ учрежденіямъ. Часть крестьянской земли, путемъ покупки или пожертвованій для благихъ цѣлей, переходитъ также въ другія руки. Такимъ образомъ около епископской резиденціи образуется цѣлый рядъ мелкихъ землевладѣній.

Благодаря натуральнымъ податямъ, получаемымъ съ свободныхъ крестьянъ, живущихъ въ маркѣ, оказывается возможнымъ содержать многочисленный штатъ высшихъ и низшихъ служителей. Мѣстные крѣпостные ремесленники, принужденные удовлетворять потребностямъ столь значительнаго числа потребителей, совершенствуются въ своемъ искусствѣ; мало-по-малу расходится молва, что они работаютъ лучше крѣпостныхъ ремесленниковъ другихъ господъ, къ нимъ начинаютъ обращаться покупатели извнѣ. Стеченіе постороннихъ посѣтителей, по случаю процессій паломниковъ, приходившихъ для поклоненія святынямъ сосѣднихъ монастырей, содѣйствуетъ распространенію сбыта издѣлій мѣстныхъ ремесленниковъ; издѣлія начинаютъ уже сбываться за деньги. Ко времени прихода процессій около монастырей образуются торжки, базары (вотъ почему до сихъ поръ ярмарки носятъ въ Германіи названіе Messe). Такимъ образомъ изъ сельскаго поселенія мало-по-малу начинаетъ образовываться городское поселеніе; сбытъ его товаровъ все болѣе и болѣе расширяется, развивается богатая торговля. Многія ремесла совершенно прекращаютъ свое существованіе въ сосѣднихъ деревняхъ, потому что въ городѣ все можно купить дешевле и лучше; въ деревняхъ остаются только колесники и кузнецы. Во многихъ мѣстностяхъ городамъ даруются даже имперскія привиллегіи, воспрещающія производство ремесла въ деревняхъ, находящихся въ извѣстномъ разстояніи отъ города.

Возрастающему значенію ремесленниковъ скоро на-

35606/18

чинаетъ соотвѣтствовать и ихъ соціальное положеніе. Они все еще считаются крѣпостными, живущими на чужой землѣ и платящими за нее чиншъ; но у нихъ возникаетъ собственное самоуправленіе подъ начальствомъ главнаго поземельнаго владѣльца, иногда это дворянинъ, прежній господинъ марки, иногда это богатый свободный крестьянинъ; такимъ образомъ въ ихъ средѣ образуется мѣстный городской патриціатъ. Чтобы сохранить вліяніе на подчиненныхъ ремесленниковъ, патриціанскія фамиліи принуждены заботиться объ увеличеніи своихъ доходовъ; въ этихъ видахъ они начинаютъ заниматься торговлей, нѣкоторые предаются даже занятіямъ высшими ремеслами, считавшимися особенно почетными. Вслѣдствіе того установляется грань раздѣленія между патриціями и природнымъ поземельнымъ дворянствомъ. Съ другой стороны патриціи отличаются отъ прочихъ ремесленниковъ-крѣпостныхъ, преимуществами своего свободнаго состоянія.

Но это послѣднее различіе не можетъ сохраняться долго среди городского сословія. Положеніе каждаго горожанина все болѣе и болѣе начинаетъ опредѣляться мѣрою его способностей и его дѣятельности. Малоумный сынъ знатнаго патриція превращается въ обѣднѣвшаго купца, а талантливый сынъ крѣпостнаго ремесленника можетъ сдѣлаться богатымъ торговцемъ (Handelsherr). Деньги все болѣе и болѣе становятся мѣриломъ значенія каждаго отдѣльнаго лица.

Между патриційскими семьями и цехами рабочихъ происходитъ постоянная борьба. Цѣль, къ которой стремятся ремесленники, вездѣ одна и та же, сдѣлаться свободными людьми и собственниками того клочка земли, на которомъ они живутъ; достигнувъ этого, они начинаютъ стремиться къ участію въ управленіи городомъ.

Личной свободы городскіе ремесленники достигаютъ уже въ довольно раннюю эпоху; до участія въ городскомъ управленіи они начинаютъ допускаться только въ XIV столѣтіи. Наконецъ они пріобрѣтаютъ и право собственности тѣхъ участковъ земли на которыхъ они живутъ.

Развитіе средняго сословія обыкновенно понимаютъ такимъ образомъ, какъ будто къ преждесуществовавшимъ тремъ группамъ: дворянству, духовенству и крестьянамъ, спокойно присоединяется четвертая группа. Такое воззрѣніе однако совершенно ошибочно. Вновь образовавшееся сословіе находится, напротивъ того, въ постоянной борьбѣ съ прежнимъ земледѣльческимъ сословіемъ государства.

Неизбѣжность разлада между старыми и новыми порядками вытекала изъ самаго существа дѣла.

Прежнее земледѣльческое государство знало только одинъ источникъ дохода. Даже тотъ избытокъ населенія, который, не имѣя возможности заниматься воздѣлкой земли, предавался другимъ занятіямъ, былъ неразрывно связанъ съ почвой. Для каждаго вновь нарождающагося были на готовѣ средства существованія, но зато не допускалось обзаводиться семействомъ, не имѣя земельнаго обезпеченія, въ исключительномъ расчетѣ на свой трудъ и на свои способности.

Въ средѣ городского сословія этотъ порядокъ совершенно измѣняется.

Внѣшнимъ образомъ могло казаться, что съ образованіемъ городовъ большой перемѣны не произошло. Могло казаться, что все дѣло заключалось въ томъ, что ремесленники изъ разныхъ селеній переселились въ одинъ городской центръ, увеличивъ свое содержаніе присовокупленіемъ къ тѣмъ доходамъ, которые они продолжали получать съ своего крѣпостного участка въ маркѣ, дохо-

домъ отъ продажи своихъ издѣлій. Но существенная разница заключалась въ томъ, что въ прежнія времена каждый желавшій заниматься ремесломъ и продавать издѣлія своего труда, долженъ былъ ждать, пока господинъ надѣлитъ его освободившимся крѣпостнымъ участкомъ земли; безъ принадлежности къ землѣ никто не могъ существовать.

Въ городѣ установляются совершенно другія условія жизни. Для веденія самостоятельнаго хозяйства, для производства ремесла уже не требуется принадлежности къ землѣ, а требуются только трудъ, прилежаніе и способности. Но зато перестала существовать и прежняя обезпеченность положенія. Въ прежнее время, дождавшись земельнаго надѣла, человѣкъ могъ считать свое существованіе обезпеченнымъ. Теперь же; выдержавъ испытаніе на званіе ремесленика, онъ никакого обезпеченія не пріобрѣталъ, а получалъ только свободу и право употреблять свои труды по своему усмотрѣнію. Работаетъ человѣкъ худо—онъ впадаетъ въ бѣдность и разореніе, работаетъ онъ хорошо—онъ можетъ сдѣлаться богатымъ гражданиномъ.

Въ городахъ образуется такимъ образомъ новый резервуаръ, въ который можетъ стекаться избытокъ сельскаго населенія; вслѣдствіе того всѣ учрежденія прежняго земледѣльческаго государства, которые питались избыткомъ населенія: дворня, крѣпостные, дружина — не получая достаточнаго прилива свѣжихъ силъ, мало-помалу упраздняются, а съ ними падаютъ и прежніе ленные порядки. Сельское юношество со всѣхъ сторонъ стекается въ города. Въ городѣ трудъ и энергія могутъ всего достигнуть; кромѣ того, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія въ городѣ, сынъ крѣпостного селянина стремится туда, надѣясь пріобрѣсть тамъ сво-

боду и независимое положеніе. Работу же каждый способный человѣкъ въ городѣ находитъ легко. Городскимъ ремесленникамъ не опасна конкурренція сельскихъ рабочихъ, они работаютъ скорѣе, дешевле, лучше; они искуснѣе сельскихъ людей.

Съ развитіемъ богатства, въ городахъ начинаютъ процвѣтать науки и искусства, учреждаются высшія училища. Желающій посвятить себя наукѣ или искусству уже не принужденъ поступать для того въ духовное сословіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается и значеніе прежнихъ ленныхъ владѣльцевъ, бывшихъ господъ марокъ. Сыну свободнаго крестьянина уже не приходитъ на мысль поступать въ дружину а тѣмъ менѣе приписываться къ крѣпостнымъ прежняго владѣльца; онъ идетъ въ городъ, гдѣ открывается широкое поле его дѣятельности. Съ трудомъ только удается господину марки удержать при себѣ свою прислугу, своихъ крѣпостныхъ, которые массами бѣгутъ въ города. Крестьянинъ съ своей стороны предпочитаетъ везти свои продукты на городской рынокъ, гдѣ онъ можетъ получить за нихъ лучшую цѣну, чѣмъ продавать ихъ мѣстному владѣльцу. Мало-по-малу такимъ образомъ мѣстные владѣтельные господа превращаются въ простыхъ помѣщиковъ, владѣльцевъ имѣніями.

Но и города не могутъ продолжать развиваться постоянно въ той же силѣ. Приращенію численности средняго сословія также полагаются предѣлы. Существованіе городского населенія обусловлено тѣмъ количествомъ продуктовъ, которые могутъ быть ему доставлены сосѣднимъ сельскимъ населеніемъ въ обмѣнъ на его издѣлія. Когда эта граница достигнута, приращеніе городскаго населенія должно остановиться. Развивающаяся въ городахъ торговля, при недостаточности въ тѣ времена средствъ сообщенія, ограничивается перевозкой дорогихъ

предметовъ роскоши; она еще не въ состояніи снабжать мѣстное населеніе издалека хлѣбомъ и другими дешевыми продуктами потребленія.

Когда эта граница достигнута, городъ перестаетъ нуждаться въ приливѣ посторонняго населенія, — приливъ однако не прекращается. Избытокъ городскаго и избытокъ сельскаго населенія начинаютъ сталкиваться; возникаетъ непрестанная борьба за существованіе, и такъ какъ въ этой борьбѣ трудъ, энергія и выдержка рѣшаютъ побѣду, то вторгающійся сельскій людъ обыкновенно получаетъ верхъ надъ городскими состязателями, тѣмъ болѣе, что избытокъ сельскаго населенія носитъ совершенно другой характеръ чѣмъ избытокъ городскаго населенія.

Въ первомъ, случайность рожденія опредѣляла родъ дохода, который былъ присвоенъ человѣку, другой разницы между имущими и неимущими не существовало; во второмъ, родъ и размѣръ дохода опредѣляется степенью способностей и трудолюбія на поприщѣ соревнованія. Но избытокъ городского населенія состоитъ именно изъ людей, которые не могли выдержать искуса соревнованія, у которыхъ не хватило или трудолюбія, или способностей. Въ земледѣльческомъ государствѣ связь человѣка съ землей никогда вполнѣ не разрывается, кто не можетъ стать на собственныя ноги, можетъ по крайней мѣрѣ найти пріютъ въ отцовскомъ дворѣ. Городской же житель, разъ онъ потребилъ и израсходовалъ свое состояніе, нигдѣ пріюта не находитъ, вотъ почему въ городахъ является необходимость устройства пріютовъ для больныхъ и бѣдныхъ. Совокупность способныхъ къ заработкамъ принуждена содержать массу неспособныхъ къ работѣ. Но въ эти пріюты помѣщаются только больные и престарѣлые. Молодые неспособные къ производительному труду предо-

ставлены своей участи; имъ остается только вступать въ ряды вербованныхъ войскъ, которыя около этого времени начинаютъ появляться въ государствахъ. Войска (Landsknechte) поглощаютъ избытокъ городскаго населенія и этимъ возстановляется на нѣкоторое время равновѣсіе.

Несмотря на взаимную борьбу, на взаимное состязаніе, эти различныя сословія другъ другу необходимы, находятся во взаимной связи, какъ члены одного тѣла. Прежнія сословія, нуждаются въ интеллектуальной работѣ средняго сословія, послѣднее нуждается въ естественныхъ продуктахъ землевладѣльцевъ, а войско является защитникомъ тѣхъ и другихъ. Они находятся въ тѣсной между собою связи, это не самостоятельные, существующіе одно возлѣ другаго, классы населенія, это только различныя ступени развитія одного и того же организма.

Такимъ образомъ оказывается, что среднее сословіе составляетъ переходную ступень изъ земледѣльческаго класса въ классъ рабочихъ. Въ среднее сословіе постоянно приливаютъ свѣжія силы изъ деревни, вмѣстѣ съ тѣмъ городское сословіе постоянно выдѣляетъ изъ себя слабосильные элементы, которые переходятъ или въ классъ рабочихъ, или если, они неспособны даже къ физической работѣ, въ пролетаріатъ.

Можно бы полагать, что сельское населеніе, приливающее въ города, преимущественно поступаетъ въ число рабочихъ, прислуги и т. п. На дѣлѣ же выходитъ совершенно не то. Статистика показываетъ противное. Стремящіеся въ города сельскіе жители проникаютъ во всѣ городскіе классы, они не остаются рабочими или прислугой, а становятся самостоятельными хозяевами, ремесленниками, торговцами, фабрикантами, они проникаютъ, такъ сказать, въ самое сердце городского населенія; это

совершается иногда уже въ первомъ поколѣніи, обыкновенно же во второмъ или въ третьемъ поколѣніи, — но все же они не остаются въ низшихъ слояхъ, а большею частью проникаютъ въ средній или высшій слой городскаго сословія.

Еслибы приливающее сельское населеніе размѣщалось окончательно въ низшемъ слоѣ городского сословія, то оно должно бы было селиться на окраинахъ городовъ, гдѣ и квартиры и жизнь гораздо дешевле. Между тѣмъ. статистика города Мюнхена показываетъ, что наибольшее число мѣстныхъ уроженцевъ находится не въ центральныхъ богатыхъ частяхъ города, а напротивъ того, на окраинахъ. Это подтверждается и статистикой города Берлина, гдѣ въ числѣ самостоятельныхъ ремесленниковъ, фабрикантовъ, торговцевъ насчитывается не болѣе 50% мѣстныхъ уроженцевъ,—а въ нѣкоторыхъ изъ этихъ отраслей промышленности численность не рожденныхъ въ Берлинѣ, т.-е. пришлыхъ достигаетъ даже до 85%. Несомнѣнно, не всѣ они пришли изъ деревни, многіе переселились изъ другихъ городовъ, и потому принадлежали уже къ городскому сословію; несомнѣнно многіе изъ деревенскихъ пришельцевъ въ первой генераціи размѣщаются въ средѣ прислуги и обыкновенныхъ рабочихъ, переходя потомъ постепенно изъ поколѣнія въ поколѣніе, все въ высшіе слои городского общества, нѣкоторое число ихъ даже въ продолженіе многихъ поколѣній можетъ оставаться въ низшемъ слоѣ; но все же несомнѣнно, что среднее городское сословіе представляетъ собою постоянную переходную ступень изъ перваго въ третій классъ народонаселенія.

Происходящій здѣсь процессъ можно бы сравнить съ восхожденіемъ горы значительнымъ числомъ путешественниковъ. Они отправляются въ путь съ свѣжими силами;

съ большимъ трудомъ, въ потѣ лица своего, и по преодолѣніи разныхъ препятствій и опасностей они достигаютъ вершины горы. Передъ ними открывается прелестная перспектива, заставляющая ихъ забыть о всѣхъ перенесенныхъ трудахъ и опасностяхъ. Насмотрѣвшись вдоволь на чудный видъ, они располагаются на отдыхъ. Тутъ такъ хорошо, что хочется долго пробыть на столь чудномъ мѣстѣ. Но они недолго остаются въ покоѣ. Все являются новые и новые пришельцы. На небольшой площадкѣ вершины горы, не хватаетъ мѣста для всѣхъ. Одни начинаютъ тѣснить другихъ и первые пришельцы, какъ бы имъ ни хотѣлось остаться еще на вершинѣ горы, поневолѣ принуждены спускаться внизъ по обратному склону горы.

Во всѣ времена были люди, которые исполняли исключительно физическія работы, и тѣмъ доставляли себѣ содержаніе, — но въ земледѣльческомъ государствѣ такія лица не могли обезпечить своего существованія одною работой. Въ селеніяхъ не существовало поденщиковъ, снискивавшихъ пропитаніе исключительно поденной работой. Точно также и въ городахъ первоначально не было поденщиковъ. Ремеслами занимались мастера, подмастерья и ученики; всѣ они принадлежали къ одному и тому же классу населенія; между ними въ сущности была только возрастная разница, молодой ученикъ современемъ долженъ былъ сдѣлаться подмастерьемъ, а впослѣдствіи могъ сдѣлаться и самостоятельнымъ мастеромъ. Если и не всѣ подмастерья дѣйствительно достигали этой конечной цѣли, то по крайней мѣрѣ каждый подмастерье могъ имѣть надежду сдѣлаться мастеромъ, а до тѣхъ поръ онъ долженъ былъ оставаться холостымъ.

Образованіе рабочаго сословія начинается въ XVI столѣтіи вслѣдствіе развитія торговли и замѣны мелкихъ ремесленныхъ производствъ большими промышленными предпріятіями.

Дѣятельность каждаго ремесленника ограничена кругомъ его потребителей; этотъ кругъ можетъ расширяться, но все же остается въ извѣстныхъ границахъ. Положеніе дѣла совершенно измѣняется, когда купецъ начинаетъ обращаться къ ремесленнику съ большими заказами, для сбыта его произведеній или за границу или въ такія мѣстности страны, въ которыя эти произведенія до тѣхъ поръ не проникали. Съ этого момента область сбыта не знаетъ болѣе границъ; мѣстные потребители уже не могутъ нормировать ремесленнаго производства. Самый характеръ производства начинаетъ мало-по-малу измѣняться. Прежняя ремесленная работа обусловливалась предположеніемъ, что каждый работникъ современемъ можетъ сдѣлаться мастеромъ, а потому каждый работникъ долженъ былъ изучать всѣ манипуляціи и пріемы мастерства, чтобы имѣть возможность впослѣдствіи производить всю ремесленную работу. Теперь это измѣняется. Въ мануфактурахъ начинается органическое сочетаніе работы, т.-е. дѣленіе труда. Каждый работникъ занятъ только производствомъ извѣстной части издѣлій, которыя являются продуктомъ труда цѣлой совокупности рабочихъ. Со введеніемъ машинъ дѣленіе труда получаетъ невиданное до тѣхъ поръ развитіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаются и требованія, поставляемыя умственнымъ способностямъ каждаго рабочаго. Въ тѣсныхъ границахъ его обычныхъ пріемовъ и мало развитой работникъ можетъ дойти до нѣкотораго совершенства. Каждый хорошій мастеръ долженъ былъ умѣть управлять своими рабочими и знать торговую сторону пред-

пріятія, какъ для покупки необходимыхъ ему сырыхъ продуктовъ, такъ и для сбыта своихъ произведеній. Все это становится теперь дѣломъ предпринимателя, отдѣльный рабочій, лишенный надежды сдѣлаться когда-либо мастеромъ, въ этихъ познаніяхъ уже болѣе не нуждается. Между предпринимателями и рабочими образовалась почти непроходимая грань. Если случайно рабочій и можетъ сдѣлаться самъ предпринимателемъ, то это бываетъ только въ видѣ исключенія; небольшому числу предпринимателей противопоставлена такая масса рабочихъ, что отдѣльному рабочему большею частью не остается никакой надежды, когда-либо сдѣлаться самостоятельнымъ промышленникомъ.

Такимъ образомъ изъ избытка средняго сословія начинаетъ образовываться третье рабочее сословіе, доходность котораго будетъ обусловливаться уже исключительно вознагражденіемъ за ручную, физическую работу, и эта доходность будетъ мало измѣнчива, потому что продуктъ труда двухъ здоровыхъ рукъ почти всегда одинъ и тотъ же. Кромѣ того, вслѣдствіе развитія торговли, приращеніе численности рабочаго сословія уже не ограничивается количествомъ средствъ содержанія, производимыхъ страною, внѣшняя торговля восполняетъ недостающее изъ-за границы.

Переходъ страны изъ прежняго изолированнаго положенія въ положеніе страны, начинающей сбывать свои мануфактурныя произведенія въ другія страны, представляетъ обыкновенно золотую эпоху для рабочихъ. Заработная плата высока, потому что рабочихъ еще мало, фабрики поглощаютъ весь избытокъ населенія средняго сословія. Дѣло доходитъ до того, что правительство затрудненное содержаніемъ вербованнаго войска, приступаетъ ко введенію обязательной воинской

новинности. Высокая заработная плата облегчаетъ рабочему возможность вступленія въ бракъ. Обзаведеніе семействомъ даже прямо выгодно для рабочаго, потому что и женщины и дѣти находятъ занятіе на фабрикахъ.

Вслѣдствіе того численность рабочаго сословія начинаетъ быстро увеличиваться, естественное приращеніе населенія въ рабочей средѣ весьма значительно. Въ сельскомъ сословіи сыну обыкновенно приходится ждать вступленіемъ въ бракъ до тѣхъ поръ, пока отецъ передастъ сыну весь дворъ или часть двора; до тѣхъ поръ онъ не можетъ обзавестись собственнымъ хозяйствомъ. Въ среднемъ сословіи люди обыкновенно отлагаютъ вступленіе въ бракъ до того момента, когда имъ удастся составить себѣ обезпеченное положеніе. Ни того ни другого ограниченія не существуетъ для рабочаго сословія. Молодой работникъ зарабатываетъ обыкновенно столько же, сколько и старшій рабочій. Поэтому ему даже выгодно рано вступать въ бракъ, чтобы имѣть возможность еще при жизни вывести дѣтей своихъ въ люди, т.-е. выростить и пристроить ихъ. Физическія силы обыкновенно скорѣе истощаются, чѣмъ духовныя. Шестидесятилѣтній человѣкъ еще можетъ очень удовлетворительно исполнять свои служебныя обязанности, точно также и шестидесятилѣтній торговецъ; но шестидесятилѣтній рабочій большею частью уже не можетъ быть хорошимъ рабочимъ.

Естественное приращеніе населенія въ рабочемъ классѣ еще увеличивается вторженіемъ въ него избытка населенія средняго сословія. При такихъ условіяхъ понятно, что даже быстро развивающаяся промышленность не долго будетъ въ состояніи поглощать все приращеніе рабочаго сословія. Скоро въ этомъ классѣ населенія начинаетъ образовываться избытокъ; переступается и эта третья грань.

Избытокъ сельскаго населенія въ первыя времена сдерживался, съ одной стороны, ограниченіемъ возможности вступленія въ бракъ, а съ другой стороны поглощался дружиной, дворней и духовенствомъ. Избытокъ средняго сословія, которое тоже сдерживало въ своей средѣ вступленіе въ бракъ извѣстными границами, размѣщался въ войскѣ и ниспадалъ въ третье сословіе. Но теперь появляется третій избытокъ,—избытокъ рабочаго сословія и притомъ это самый слабый, самый несостоятельный изъ всѣхъ избытковъ. Онъ состоитъ изъ рабочихъ, которые не находятъ занятія,—рабочихъ физически слабыхъ, умственно мало развитыхъ или такихъ, которымъ не хватаетъ выдержки и прилежанія,—онъ размѣщается въ группу пролетаріевъ и бродягъ. Въ Германіи такихъ личностей въ настоящее время насчитывается отъ пятидесяти до шестидесяти тысячъ.

Существованіе пролетаріата является, такимъ образомъ, естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ тѣхъ условій, въ которыя поставлено въ настоящее время народонаселеніе, — и никакими палліативными средствами этого зла искоренить нельзя.

Мы видѣли какимъ образомъ образовались постепенно три существующіе нынѣ класса населенія; мы видѣли, что они находятся въ постоянномъ движеніи; народонаселеніе переливается, подобно потоку, постоянно изъ одного ложа въ другое. Постараемся теперь опредѣлить внутреннія причины этого движенія и выяснить, почему среднее сословіе не въ состояніи противостоять натиску вторгающагося въ него сельскаго населенія, почему оно составляетъ переходную ступень изъ перваго класса въ третій. Для этого необходимо ближе ознакомиться съ

основными условіями существа каждаго изъ этихъ трехъ классовъ.

Избытки населенія каждаго класса находятся между собою въ постоянной борьбѣ за существованіе. Результатъ этой борьбы—побѣда или пораженіе—обусловливается, съ одной стороны, мощью и энергіею нападающей партіи, а съ другой стороны силою сопротивленія, присущаго защищающейся партіи и крѣпостью позиціи, которую она занимаетъ. Доходы земледѣльца основаны, какъ мы видѣли, на живыхъ силахъ природы. Величина этого дохода обусловливается главнымъ образомъ величиною и качествомъ воздѣлываемаго пространства земли. Самый энергическій и настойчивый трудъ, приложеніе самыхъ выдающихся способностей, не въ состояніи увеличить въ существенной мѣрѣ доходъ, доставляемый человѣку живыми силами природы. Поземельный доходъ трудно увеличить, но зато въ среднемъ онъ и не подвергается большому уменьшенію (т.-е. не говоря о ежегодныхъ колебаніяхъ, обусловливаемыхъ качествомъ урожая). Въ худой годъ приходится потѣсниться, въ хорошій годъ можно пожить пошире; самое существованіе землевладѣльца остается все же обезпеченнымъ [1]). Крестьянинъ потому не легко разстается съ землею.

Въ совершенно другомъ положеніи находится горожанинъ, его позиція далеко не такъ устойчива. Источникомъ дохода у него является умственный трудъ, который оплачивается или въ видѣ жалованья, получаемаго

---

[1]) Ганзенъ оговаривается, что онъ имѣетъ здѣсь въ виду нормальное положеніе землевладѣльцевъ, не обремененныхъ кредитными обязательствами, а не то положеніе, которое существуетъ нынѣ въ Германіи, гдѣ въ сущности крестьянина, вслѣдствіе крайней его задолженности, уже нельзя считать дѣйствительнымъ владѣльцемъ принадлежащей ему земли. Онъ уже работаетъ только на своихъ кредиторовъ.

служащимъ, или претворяется въ цѣнность издѣлій. Величина дохода обусловливается какъ прирожденными интеллектуальными способностями лица и качествами характера такъ и пріобрѣтенными познаніями. Сынъ служащаго имѣетъ не болѣе шансовъ получить со временемъ мѣсто отца, какъ и всякій другой; сынъ купца, если онъ не знаетъ дѣла, скоро утратитъ тѣ рынки, которые служили вѣрными съемщиками его отцу, и которые теперь перейдутъ въ руки болѣе способныхъ торговцевъ. Единственное преимущество средняго сословія заключается въ томъ, что онъ обладаетъ накопленнымъ добромъ (капиталами), но это добро пребываетъ въ мертвомъ непроизводительномъ состояніи если оно не оплодотворяется интеллектуальной работой. Капиталы, остающіеся безъ приращенія, мало-по-малу потребляются, т.-е. уничтожаются. Лицо, неумѣющее извлечь дохода изъ своего капитала, принуждено существовать на счетъ капитала, потребляя его. Напротивъ того, способное лицо, начавъ свою дѣятельность даже со скромными средствами, можетъ достигнуть усиленнымъ трудомъ вполнѣ обезпеченнаго положенія и обширнаго круга дѣятельности.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, представляется позиція почти неприступная, а съ другой, стороны позиція совершенно открытая, въ которую каждый можетъ легко проникнуть.

Такъ какъ положеніе перваго класса почти неприступно, а положеніе третьяго класса представляетъ мало завиднаго, то весьма естественно, что избытки всѣхъ классовъ населенія напираютъ на средній городской классъ. Еслибы его позиція была столь же сильна и неприступна какъ позиція перваго класса, то этотъ натискъ былъ бы для него не страшенъ; избытокъ населенія

перваго класса былъ бы тогда принужденъ вливаться въ третій классъ; но такъ какъ позиція средняго класса ничѣмъ не защищена, то онъ и не въ состояніи устоять противъ напора сельскаго населенія.

Вся соціальная борьба сосредоточивается на стремленіи завладѣть позиціей средняго сословія.

Посмотримъ теперь, какими качествами характера и способностей отличается каждая изъ состязающихся сторонъ.

Въ массѣ населенія извѣстной страны всегда можно принять нѣкоторый средній уровень интеллектуальныхъ способностей. Этотъ средній уровень проявляется особенно въ сельскомъ населеніи, такъ какъ доходность его опредѣляется не столько степенью интеллектуальныхъ способностей каждаго лица, сколько фактомъ рожденія,—оно родится землевладѣльцемъ. Въ деревнѣ самый ограниченный человѣкъ можетъ существовать возлѣ человѣка съ выдающимися способностями, ему нечего бояться конкуренціи послѣдняго. Въ городѣ, напротивъ того, гдѣ интеллектуальная работа является источникомъ всякаго дохода, пользованіе доходомъ всегда сообразуется съ размѣрами способностей, энергіи и труда каждаго. Вслѣдствіе подобнаго, постоянно естественно происходящаго подбора, умственный уровень той части городского сословія, которая въ данный моментъ составляетъ высшій, вполнѣ обезпеченный, слой, долженъ стоять выше средняго. Занятое отцемъ положеніе никогда не можетъ просто перейти къ сыну; постоянно происходитъ подборъ самыхъ способныхъ и самыхъ интеллигентныхъ, изъ среды того избытка населенія, которое оказывается и въ среднемъ сословіи. Каждое положеніе должно быть завоевано собственными усиліями; безъ собственнаго усиленнаго труда никто не можетъ разсчитывать сохранить своего

семейнаго положенія. Вся часть избытка городскаго населенія, которая не въ состояніи сохранить свое положеніе въ средѣ средняго класса, переходитъ въ составъ третьяго рабочаго класса. Вслѣдствіе того интеллектуальный уровень этого класса упадаетъ ниже нормальнаго.

Избытокъ же сельскаго населенія, переходящій въ города, состоитъ изъ наиболѣе способныхъ, энергическихъ, предпріимчивыхъ людей, которые, не обладая земельнымъ надѣломъ, покидаютъ деревню и отправляются въ городъ искать счастія.

Итакъ, если умственное развитіе городскаго населенія, стоящее выше средней нормы, превышаетъ развитіе сельскаго класса, который большею частію находится на уровнѣ средняго нормальнаго развитія, то, съ другой стороны, интеллектуальное развитіе избытка населенія, который вытѣсняется изъ средняго класса, гораздо ниже избытка населенія сельскаго сословія; въ городскомъ среднемъ сословіи вытѣсняются слабосильные по характеру или качествамъ элементы, а та часть сельскаго избытка, которая обращается въ города, принадлежитъ, напротивъ того, къ наиболѣе дѣятельнымъ, энергическимъ и предпріимчивымъ элементамъ.

На исходъ борьбы за существованіе имѣютъ, кромѣ того, немалое вліяніе условія воспитанія, въ которыя поставлено сельское и городское юношество.

Восхваляя деревенскую жизнь, обыкновенно указываютъ на чистый воздухъ и на здоровый образъ жизни, но недостаточно обращаютъ вниманіе на то, что самое воспитаніе въ деревнѣ гораздо болѣе цѣлесообразно, чѣмъ воспитаніе юношества въ городахъ.

Адамъ Смитъ говоритъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «о благосостояніи народовъ» слѣдующее: «никогда никому не приходило на умъ учреждать для земледѣль-

цевъ ученическіе годы для подготовленія ихъ къ сельскому хозяйству, подобно тому, какъ во всякомъ ремеслѣ человѣкъ, посвящающій себя таковому, принужденъ пробыть нѣкоторое время ученикомъ и подмастерьемъ, для того, чтобы научиться ремеслу. И несмотря на то, никакое другое ремесло не требуетъ такого разнообразія познаній и опытности, какъ сельское хозяйство. Многочисленныя книги, которыя написаны на разныхъ языкахъ о сельскомъ хозяйствѣ, могутъ служить доказательствомъ тому, что сельское хозяйство нигдѣ не считалось легкимъ дѣломъ. И во всѣхъ этихъ книгахъ тщетно было бы искать свѣдѣнія о разныхъ сложныхъ операціяхъ, которыми обладаетъ каждый простой земледѣлецъ, какъ бы пренебрежительно ни отзывались о немъ эти книги. Съ другой стороны, едва-ли существуетъ такое ремесло, всѣ пріемы котораго нельзя бы было изложить въ книжкѣ небольшого размѣра настолько полно и точно, насколько это вообще возможно при посредствѣ слова и изображенія. Кромѣ того надо имѣть въ виду, что руководительство операціями, которыя находятся въ постоянной зависимости отъ измѣненія погоды и другихъ случайностей, требуетъ гораздо болѣе осторожности и способности сужденія, чѣмъ пріемы, производимые постоянно при однихъ и тѣхъ же условіяхъ».

Земледѣлецъ не можетъ сказать подобно ремесленнику: я проработалъ столько-то часовъ и потому могу ожидать за свой трудъ соотвѣтствующее вознагражденіе. Онъ можетъ только сказать: я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ, я обработалъ поле и посѣялъ его; въ какомъ же размѣрѣ выпадетъ на мою долю вознагражденіе — въ волѣ Божіей. При такихъ условіяхъ можно встрѣтить у сельскаго хозяина, скорѣе чѣмъ у городского ремесленника, исполненіе работы по чувству долга, безъ

мысли о немедленномъ вознагражденіи и упованіе на помощь Божію, и вотъ почему въ средѣ сельскаго населенія обыкновенно болѣе религіознаго чувства, чѣмъ въ средѣ городского населенія. Наконецъ въ средѣ земледѣльцевъ не существуетъ соперничества, и потому имъ нечего скрывать другъ отъ друга пріемовъ своей работы.

Очевидно, что ребенокъ, выросшій въ такой средѣ, будетъ имѣть многія преимущества передъ городскимъ ребенкомъ. Вмѣсто четырехъ стѣнъ дѣтской комнаты онъ выростаетъ среди лѣсовъ и полей, онъ знакомится съ явленіями природы и съ животными, не по игрушкамъ и картинкамъ книжки, онъ черпаетъ свои познанія прямо изъ лона природы. Деревенскій ребенокъ возрастаетъ въ средѣ немногочисленнаго общества, но именно вслѣдствіе того онъ пріучается обращать болѣе вниманіе на окружающихъ его людей, ближе изучать ихъ. Городской ребенокъ встрѣчается въ теченіи одного дня съ большимъ числомъ людей, чѣмъ деревенскій ребенокъ въ теченіе цѣлаго года. Но деревенскому ребенку всѣ окружающіе его—знакомые люди, онъ находится въ постоянныхъ съ ними сношеніяхъ; городской же ребенокъ, кромѣ семьи и товарищей въ школѣ, почти ни съ кѣмъ близко не сходится. Всѣ эти условія жизни не могутъ не имѣть существеннаго вліянія на образованіе ребенка, и вотъ почему сельскій мальчикъ, хотя онъ и будетъ имѣть менѣе познаній, чѣмъ городской ребенокъ, по самостоятельности характера, наблюдательности и выдержкѣ оказывается гораздо болѣе развитымъ. Справедливость подобнаго предположенія доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что ремесленники предпочитаютъ набирать своихъ учениковъ не изъ городскаго, а изъ сельскаго населенія. По ихъ отзывамъ, ученикъ изъ городскаго сословія

въ началѣ гораздо легче пріучается къ пріемамъ ремесла, онъ скоро понимаетъ дѣло, расторопенъ, смѣтливъ. Но у него нѣтъ ни прилежанія, ни выдержки; за нимъ необходимо имѣть постоянный надзоръ, чтобы онъ не занялся шалостями и не испортилъ работы, и чѣмъ труднѣе становится работа тѣмъ болѣе у него уменьшается расположеніе къ труду. Вслѣдствіе того ученики взятые изъ деревни, которые въ началѣ оказываются какъ бы непонятливыми и неуклюжими, черезъ нѣсколько времени начинаютъ дѣлать бо́льшіе успѣхи и затѣмъ вскорѣ обгоняютъ своихъ городскихъ сверстниковъ.

Вотъ почему ремесленники, вышедшіе изъ сельскаго сословія, часто достигаютъ самостоятельнаго положенія, становятся мастерами, фабрикантами, промышленниками [1]), между тѣмъ какъ ремесленники, вышедшіе изъ городского сословія, массами ниспадаютъ въ разрядъ фабричныхъ рабочихъ.

Итакъ, съ одной стороны землевладѣльческій классъ занимаетъ крѣпкую, неприступную позицію, а позиція средняго класса является ничѣмъ не защищенною, совершенно открытою для всѣхъ, а съ другой стороны, избытокъ сельскаго населенія въ значительной мѣрѣ превосходитъ избытокъ городскаго населенія, въ энергіи характера, выдержкѣ и даже способностяхъ; этимъ вполнѣ объясняется, почему, въ борьбѣ за существованіе, избытокъ сельскаго населенія одерживаетъ верхъ, постоянно вливаясь въ города и вытѣсняя изъ средняго класса его слабосильный избытокъ.

---

[1]) Въ Брадфордѣ, изъ 137 фабрикантовъ, 54% вышли изъ числа рабочихъ. Энгель утверждаетъ, что 80% всѣхъ фабрикантовъ во Франціи также вышли изъ сословія рабочихъ.

Средній классъ — интеллектуальная глава населенія, носитель культуры. Но для того, чтобы онъ могъ поддерживать свое культурное значеніе въ странѣ, необходимо, чтобы онъ постоянно восполнялся свѣжими силами, выдѣляя изъ себя слабосильные элементы. Быстрота, съ которою происходитъ этотъ обмѣнъ, зависитъ отъ высоты интеллектуальнаго уровня, на которомъ находится среднее сословіе, и отъ качества и достоинства силы, приливающихъ въ него извнѣ. Чѣмъ выше стоитъ уровень городскаго класса, т.-е. чѣмъ выше тотъ средній размѣръ силъ и способностей, которыя необходимы для сохраненія своего положенія въ этой средѣ, тѣмъ менѣе шансовъ, чтобы члены данной городской фамиліи могли продержаться въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній въ среднемъ классѣ. Быстрое исчезновеніе городскихъ фамилій въ теченіе немногихъ поколѣній подтверждается исторической статистикой. Такъ, напримѣръ, въ городѣ Аугсбургѣ въ 1368 г. считалось 51 почетное семейство (патриціевъ). Сто лѣтъ спустя, изъ нихъ оставалось только тринадцать, а въ 1538 г. только восемь. Вслѣдствіе того городъ былъ принужденъ возвести нѣсколько новыхъ семействъ въ число почетныхъ городскихъ семействъ, для того, чтобы возстановить численность городского совѣта, который лишенъ былъ возможности собираться по недостатку членовъ. Для восполненія недостатка 42 семейства были возведены въ званіе почетныхъ. Изъ нихъ къ 1649 г. оставалось только двѣнадцать. Въ Нюрнбергѣ въ 1390 г. считалось 118 семей патриціевъ, изъ нихъ въ 1490 г. оставалось только 49, а въ 1511 году уже только 37 семействъ. Въ нѣкоторыхъ изъ другихъ имперскихъ городовъ прежнія семейства патриціевъ совершенно вымерли. Подобныя же данныя можно привести и по отношенію не только къ патриціямъ но и

къ семьямъ обыкновенныхъ гражданъ. Въ Бернѣ съ 1583 по 1654, принято въ число гражданъ 487 семействъ, изъ нихъ вымерло въ теченіе двухъ столѣтій 379 семействъ, въ 1793 изъ нихъ оставалось только 108 семействъ. Въ городѣ Линдау изъ 306 семействъ, отмѣченныхъ въ городскихъ книгахъ къ 1650 году, до настоящаго времени сохранилось только 4 семейства.

На основаніи точныхъ статистическихъ свѣдѣній оказывается, что рождаемость въ большихъ городахъ обыкновенно не превышаетъ смертности; нерѣдко даже она остается ниже смертности. Средняго сословія, которое могло бы поддерживать свою численность изъ собственной среды, не существуетъ; еслибы не было прилива со стороны, то городское сословіе постоянно убывая, совершенно бы вымерло [1]). Городское населеніе можно сравнить съ озеромъ, которое образуется теченіемъ рѣки. Повидимому озеро существуетъ самостоятельно, никакого теченія въ немъ незамѣтно, вода рѣки смѣшивается съ водою озера, такъ, что ихъ нельзя даже отличить; но обращая вниманіе на то, что вода, съ одной стороны, постоянно притекаетъ, а съ другой—постоянно утекаетъ, необходимо придти къ заключенію, что вода озера должна непрерывно возобновляться.

Въ эпохи сильнаго развитія торговли и промышленности, численность населенія быстро увеличивается и самый обмѣнъ происходитъ быстрѣе, между тѣмъ какъ во времена застоя, теченіе народонаселенія замедляется; высокое развитіе промышленности и торговли всегда

[1]) Но какъ же это привести въ соотвѣтствіе съ теоріей Мальтуса. Приращеніе городского населенія, вслѣдствіе прилива со стороны указываетъ на приращеніе средствъ существованія, а между тѣмъ численность городскихъ уроженцевъ постоянно убываетъ? Это явленіе объясняется тѣмъ, что въ городской средѣ законъ Мальтуса встрѣчается съ другимъ закономъ, закономъ соперничества.

обусловливается высокимъ интеллектуальнымъ уровнемъ средняго класса, а такой уровень можетъ поддерживаться только при быстромъ обмѣнѣ народонаселенія.

Кто же рѣшаетъ, имѣетъ ли данная личность необходимыя свойства, чтобы пребывать въ среднемъ сословіи,— рѣшаетъ это борьба за существованіе, рѣшаетъ это соперничество.

Переходъ изъ перваго класса народонаселенія во второй представляетъ отрадную картину. Масса личностей съ свѣжими силами и хорошими способностями вторгается въ новую среду, занимаетъ одну позицію за другой, поддерживая вмѣстѣ съ тѣмъ интеллектуальный уровень той среды, въ которую она вливается, на почтенной высотѣ. Картина перехода изъ средняго сословія въ сословіе рабочихъ далеко не такъ отрадна, она, такъ сказать, представляетъ обратную сторону медали. Мы здѣсь встрѣчаемся съ побѣжденными, обезкураженными, которые не рѣшаясь даже сопротивляться, въ унынiи подчиняются своей участи; это выдѣленіе всѣхъ слабосильныхъ, безхарактерныхъ, лѣнивыхъ,—однимъ словомъ всѣхъ, кто̀ не одаренъ ни достаточною силою характера, ни необходимыми способностями для того, чтобы выдержать въ средѣ, обуреваемой соперничествомъ, то̀ положеніе, до котораго трудами, энергіей и познаніями достигъ его отецъ или дѣдъ. Въ каждомъ городѣ параллельно съ восходящими фамиліями можно указать и на цѣлый рядъ нисходящихъ фамилій, потомки коихъ падаютъ все ниже и ниже, одной ступенью за другою, на лѣстницѣ соціальныхъ положеній.

Подобно тому, какъ среднее сословіе восполняется постепенно изъ земледѣльческаго класса, рабочее сословіе постоянно поглощаетъ въ себѣ избытокъ средняго

сословія. Но этотъ приливъ содѣйствуетъ не поднятію, а напротивъ того, пониженію его уровня.

Во всякомъ случаѣ оно не нуждается въ этомъ приливѣ, ибо всегда можетъ восполняться изъ собственной среды [1]). Усиленное число браковъ въ городахъ всегда обусловливается существованіемъ въ городскомъ населеніи значительнаго рабочаго класса. Когда городъ растетъ вслѣдствіе развитія торговли, то въ немъ обыкновенно замѣчается не увеличеніе числа браковъ, а увеличеніе прилива населенія со стороны; когда же городъ растетъ вслѣдствіе развитія промышленой производительности, соединенной съ приращеніемъ числа рабочихъ, то въ немъ всегда оказывается увеличеніе числа заключаемыхъ браковъ. Численность рабочихъ въ странѣ зависитъ отъ существующаго спроса на работу. Въ странѣ можетъ проявиться даже недостатокъ въ рабочихъ, но такое положеніе никогда не можетъ долго продолжаться, потому что именно въ средѣ рабочихъ, вслѣдствіе заключенія раннихъ браковъ, увеличеніе населенія идетъ весьма быстро; въ нормальное время для имѣющейся въ виду работы всегда будетъ достаточное число рабочихъ.

Насколько рабочее сословіе въ состояніи самостоятельно восполняться изъ своей собственной среды настолько же оно находится въ зависимости отъ другихъ относительно снисканія себѣ средствъ существованія. Гдѣ есть работа всегда найдутся работники, но нельзя сказать наоборотъ:

---

[1]) Еслибы приращеніе рабочаго населенія въ городѣ обусловливалось приливомъ сельскаго населенія, то въ большихъ промышленныхъ городахъ, съ значительнымъ рабочимъ населеніемъ, число мѣстныхъ уроженцевъ должно бы было быть относительно меньше, чѣмъ въ непромышленныхъ городахъ. Между тѣмъ, статистика показываетъ противоположное. Такъ напримѣръ въ баварскихъ городахъ Гофѣ и Фюртѣ, отличающихся значительнымъ развитіемъ промышленности, число мѣстныхъ уроженцевъ составляетъ отъ 52 до 53%, а въ маленькомъ городѣ Ингольштадтѣ, съ незначительнымъ промышленнымъ развитіемъ, мѣстныхъ уроженцевъ оказывается только 29%.

были бы работники—всегда найдется работа. Не рабочій создаетъ работу, а работа создаетъ рабочихъ. Численность рабочихъ, которымъ страна въ данное время можетъ обезпечить средства существованія, зависитъ потому отъ высоты интеллектуальнаго уровня, на которомъ находится въ странѣ средній классъ. Всякое возвышеніе этого уровня будетъ вызывать усиленіе спроса на рабочихъ, всякое пониженіе этого уровня будетъ имѣть напротивъ того, послѣдствіемъ недостатокъ работы.

Средній уровень интеллектуальнаго развитія рабочихъ стоитъ обыкновенно нѣсколько ниже этого уровня въ другихъ двухъ классахъ населенія, во-первыхъ потому, что въ него вливаются какъ мы видѣли, несостоятельные элементы средняго класса, а затѣмъ еще и потому, что выдающимся, по своему характеру, личностямъ рабочаго класса обыкновенно удается переходить въ высшее сословіе. Такимъ образомъ, рабочій классъ постоянно выдѣляетъ изъ себя лучшіе элементы и принимаетъ въ свою среду худшіе элементы другихъ классовъ. Къ тому же надо замѣтить, что условія жизни рабочаго мало способствуютъ выработкѣ сильныхъ характеровъ. Рабочій обыкновенно женится рано. Къ чему ему долго ждать, когда и въ будущемъ нѣтъ надежды на перемѣну положенія. Онъ не только не думаетъ о томъ, какъ бы предварительно накопить нѣкоторый запасъ средствъ существованія, но, напротивъ того, самая бѣдность побуждаетъ его нерѣдко къ вступленію въ бракъ. Многіе женятся, потому что не имѣютъ достаточно средствъ, чтобы оплатить тѣ женскія услуги, въ которыхъ они нуждаются, стирку бѣлья, приготовленіе пищи и т. п., къ тому жена можетъ тоже работать и тѣмъ даже увеличить средства рабочаго. Дѣти, составляютъ обузу, но дѣлать нечего, такъ большею частью на нихъ и смотрятъ. О ка-

комъ-либо воспитаніи дѣтей рабочій рѣдко заботится; какъ объ этомъ и заботиться, когда отецъ и мать цѣлый день заняты работой внѣ дома; дѣти большею частью предоставлены сами себѣ и въ какой средѣ растутъ они— или на грязной улицѣ, или между четырехъ стѣнъ темной и сырой коморки подъ крышей или въ подвалѣ. Они не пользуются ни чѣмъ такимъ, что бы могло развивать ребенка и доставлять ему полезное удовольствіе. Притомъ скудная пища, худые примѣры передъ глазами. Какая ужасная разница съ положеніемъ ребенка въ деревнѣ. При такихъ условіяхъ рѣдкій ребенокъ въ состояніи самъ выработать свой характеръ и воспитать себя. Наконецъ, слишкомъ ранняя и всегда однообразная работа препятствуетъ нормальному развитію даже физическаго организма рабочаго; но вреднѣе всего подобныя условія отзываются на нравственномъ развитіи и на характерѣ человѣка. Даже при хорошемъ вознагражденіи рабочій рѣдко помышляетъ о томъ, чтобы скопить нѣкоторыя средства на черный день. Онъ привыкъ жить изо дня въ день. Упали заработки,—онъ и его семейство голодаютъ; увеличился спросъ на работу поднялась рабочая плата,—онъ расточаетъ средства на разныя большею частію физическія потребности, не думая о будущемъ.

Естественное приращеніе народонаселенія ведетъ къ тому, что и въ рабочемъ классѣ число нараждающихся людей превышаетъ обыкновенно потребность даже быстро развивающейся промышленности; почти всегда оказывается нѣкоторый избытокъ рабочихъ, который не находитъ занятія; образуется четвертый классъ, классъ безрабочихъ работниковъ, пролетаріевъ. Въ этомъ классѣ вымираетъ избытокъ рабочаго сословія; такимъ печальнымъ путемъ возстановляется окончательно равновѣсіе между наличнымъ количествомъ средствъ существованія

и численностью народонаселенія. Чѣмъ многочисленнѣе классъ рабочихъ, тѣмъ болѣе онъ будетъ выдѣлять изъ себя пролетаріевъ; развивается промышленность, растетъ спросъ на работу, — численность пролетаріата уменьшается, тѣ изъ пролетаріевъ, которые не по своей винѣ, не по лѣности или распутству оставались безъ работы, находятъ занятіе; напротивъ того, съ паденіемъ промышленности численность пролетаріата должна неизбѣжно расти.

Пролетаріатъ составляетъ неизбѣжное роковое зло всякой страны; оно можетъ быть бо́льшихъ или ме́ньшихъ размѣровъ,—но совершенно устранить это зло невозможно. Такъ какъ рабочее сословіе имѣетъ стремленіе увеличиваться несоразмѣрно ни съ наличнымъ спросомъ на работу, ни съ наличными средствами, существованіе нѣкотораго числа лицъ, не находящихъ примѣненія своего труда въ промышленныхъ занятіяхъ, и принужденныхъ кормиться на счетъ скудныхъ подаяній, добываемыхъ отъ обезпеченныхъ классовъ населенія, — уже не говоря о больныхъ, лѣнивыхъ и намѣренныхъ тунеядцахъ, является роковымъ или неизбѣжнымъ послѣдствіемъ существующаго положенія дѣла. Разныя благотворительныя учрежденія и мѣропріятія: рабочіе дома, дома для призрѣнія бѣдныхъ, пріисканіе занятій для безработныхъ— могутъ облегчить участь нѣкоторыхъ лицъ изъ этой печальной группы, но никогда не въ состояніи излечить зло кореннымъ образомъ,—потому что все дѣло заключается въ несоразмѣрности наличнаго народонаселенія съ наличными средствами существованія и наличнымъ спросомъ, а эта несоразмѣрность всегда будетъ существовать въ промышленныхъ странахъ. Промышленностью же занимаются въ настоящее время всѣ культурныя страны. При несоотвѣтствіи имѣющейся въ виду работы со спро-

сомъ, можно даже предполагать, что предоставленіе работы нѣкоторому числу безрабочихъ личностей будетъ имѣть послѣдствіемъ вытѣсненіе изъ работы извѣстнаго числа лицъ, находившихъ въ ней занятіе. Продажа издѣлій фабрикуемыхъ лицами, помѣщенными въ благотворительныхъ заведеніяхъ или преступниками въ мѣстахъ заключенія, всегда отзывается ухудшеніемъ положенія наличныхъ рабочихъ, дѣлая имъ опасную конкурренцію. Если бы оказалось возможнымъ въ данный моментъ всѣхъ пролетаріевъ размѣстить на занятіе въ промышленныя предпріятія, то соотвѣтственное число рабочихъ, содержавшихъ себя своей работой, перешло бы по необходимости въ группу пролетаріевъ. Когда въ странѣ имѣются средства содержанія на x рабочихъ и соотвѣтственный спросъ на нихъ, то очевидно нельзя никакимъ путемъ содержать и доставлять занятіе двумъ x-амъ рабочихъ. Это роковой законъ природы, съ которымъ приходится всегда считаться.

Совершенно другой характеръ имѣютъ временныя пособія, оказываемыя въ той или другой формѣ безработнымъ рабочимъ во время кризисовъ, въ видахъ помочь имъ пережить трудное время, не разоряясь въ конецъ. Точно такъ же въ обыкновенное время наиболѣе полезный родъ помощи заключается въ пособіи, оказываемомъ ремесленнику или рабочему, вслѣдствіе болѣзни приведенному въ затруднительное положеніе; подобное пособіе спасаетъ человѣка отъ разоренія, спасаетъ его отъ превращенія въ пролетарія, грозящаго ему въ будущемъ, если онъ будетъ оставленъ безъ поддержки.

Съ развитіемъ капитализма положеніе борьбы между классами населенія получаетъ совершенно другое направленіе: начинается натискъ горожанъ на селенія. Прежде

борьба происходила главнымъ образомъ между избытками населенія,—теперь же въ борьбу вступаетъ уже не слабосильный избытокъ городскаго населенія, а его сильные капитальные элементы; и вотъ почему теперь оказываются совершенно другіе результаты. Но если прежнее движеніе происходило на пользу народа и страны, то настоящее обратное движеніе должно дѣйствовать въ обратномъ смыслѣ, подрывая благосостояніе государства.

Пока внѣшняя торговля ограничивается обмѣномъ естественныхъ продуктовъ, она не можетъ получить большого развитія и имѣть вліяніе на составъ народонаселенія, потому что количество вывозимыхъ товаровъ всегда будетъ находиться въ зависимости отъ дѣятельности силъ природы, которая не можетъ быть произвольно увеличена.

Внѣшняя торговля получаетъ болѣе значительное развитіе только съ того момента, когда становится возможнымъ обмѣнивать промышленные продукты одной страны на естественныя произведенія другой. Промышленное издѣліе результатъ человѣческой работы, оно можетъ быть производимо въ неограниченномъ количествѣ; тѣмъ самымъ расширяются и предѣлы внѣшней торговли. Развитіе внѣшней торговли перестаетъ быть въ зависимости отъ величины земельнаго пространства занимаемаго даннымъ народомъ, т.-е. отъ того количества естественныхъ продуктовъ, которое оно можетъ производить. Но зависимость эта остается по отношенію къ производству числа людей, необходимаго для освѣженія средняго класса, потому что развитіе торговли обусловливается высотою интеллектуальнаго уровня средняго сословія. Физическая работа составляетъ только дополненіе къ интеллектуальной работѣ и безъ нея становится бездѣйственною. Всякое процвѣтаніе торговли вызывается новыми изобрѣтеніями въ мануфактурной области и усовершенствова-

ніемъ порядка торговыхъ оборотовъ; а это—дѣло интеллектуальной работы; только она и можетъ торжествовать надъ соперниками на всемірномъ рынкѣ.

Первымъ послѣдствіемъ развитія внѣшней торговли является увеличеніе городского населенія и сосредоточеніе его въ немногихъ промышленныхъ центрахъ. Увеличеніе богатства развиваетъ потребленіе предметовъ роскоши, а потому въ первомъ фазисѣ развитія внѣшней торговли ея дѣятельность ограничивается обыкновенно обмѣномъ мануфактурныхъ предметовъ на дорогія естественныя произведенія другихъ странъ, на такъ называемые колоніальные продукты. Ввозить продукты, производимые въ самой странѣ никому не приходитъ въ голову. Увеличеніе городскаго населенія вызываетъ однако усиленный спросъ на земледѣльческія произведенія, цѣна ихъ растетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и стоимость земледѣльческаго труда. Вслѣдствіе того является побужденіе болѣе продуктивнаго употребленія вздорожавшей работы, начинается интензивная обработка земли, масса производимыхъ сельскихъ продуктовъ увеличивается. Но такъ какъ это увеличеніе можетъ происходить только постепенно и медленно, то оно обыкновенно не въ состояніи отвѣчать увеличившемуся спросу со стороны быстро возросшаго городскаго населенія. Цѣна сельскихъ продуктовъ все болѣе и болѣе поднимается, для крестьянъ настаютъ хорошія времена, они богатѣютъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ положеніе становится менѣе обезпеченнымъ, потому что при интензивности производства интеллектуальный трудъ начинаетъ все болѣе и болѣе получать преобладающее значеніе.

Между тѣмъ доходность внѣшней торговли, вслѣдствіе усиленной конкуренціи, начинаетъ уменьшаться. При такихъ условіяхъ, высокія цѣны мѣстныхъ сельскихъ

продуктовъ могутъ побудить торговца, не получающаго уже прежней прибыли отъ привоза колоніальныхъ продуктовъ, сдѣлать опытъ доставленія изъ-за границы зерновыхъ продуктовъ. Опытъ удается, за нимъ слѣдуютъ другіе, привозъ заграничнаго хлѣба усиливается, высокія цѣны на хлѣбъ уже не могутъ держаться. Крестьянинъ принужденъ продавать свой хлѣбъ по уменьшенной цѣнѣ; но расходы производства его остаются тѣ же.

Съ этого момента горожане-капиталисты могутъ начать борьбу клонящуюся къ упраздненію самобытнаго сельскаго класса. Они уже не зависятъ въ своемъ существованіи отъ послѣдняго, главный сбытъ своимъ товарамъ они находятъ за границей, оттуда же они привозятъ необходимыя имъ средства существованія. Значительное число городскихъ семействъ разбогатѣло, ихъ не интересуетъ одно увеличеніе богатства, они болѣе озабочены вѣрнымъ его помѣщеніемъ, они стремятся обезпечить на будущее время существованіе своей семьи, своего потомства. Промышленникъ знаетъ, что въ среднемъ сословіи положеніе семьи можетъ быть поддержано только усиленною интеллектуальною работою. Поэтому онъ стремится оставить своимъ наслѣдникамъ имущество, которое хотя и приносило бы меньше дохода, но за то было бы болѣе обезпечено, менѣе въ зависимости и отъ результата интеллектуальной работы и отъ шансовъ конкуренціи. Такое обезпеченіе онъ можетъ только найти, помѣстивъ свои капиталы въ поземельное имущество.

Вслѣдствіе того начинается усиленный спросъ на землю. Имѣнія поднимаются въ цѣнѣ совершенно внѣ всякаго соотвѣтствія съ ихъ доходностью. Это обстоятельство побуждаетъ многихъ землевладѣльцевъ прода-

вать свои имѣнія, съ тѣмъ чтобы помѣстить полученныя суммы въ городскія предпріятія.

Экономическое преобладаніе городскаго класса само по себѣ, еще не въ состояніи вызвать экспропріаціи значительныхъ пространствъ крестьянской земли. Крестьянинъ не легко разстается съ наслѣдственнымъ участкомъ. Если онъ не обремененъ долгами, то онъ и въ тяжелое время можетъ прокормиться. Поэтому сторонники капитала начинаютъ обыкновенно прибѣгать къ разнымъ искусственнымъ и насильственнымъ мѣрамъ, направленнымъ къ ускоренію экспропріаціи крестьянъ; самою обычною является введеніе обязательнаго раздѣла земли между всѣми дѣтьми землевладѣльца.

Земля, переходящая въ руки горожанъ получаетъ различное назначеніе, изъ нея или образуются огромныя имѣнія латифундіи, которыя обрабатываются наемными рабочими, или она разбивается на мелкіе участки, которые сдаются въ аренду съ платою натурою или деньгами; нерѣдко тотъ же крестьянинъ у котораго куплена земля остается на ней жить арендаторомъ.

Постепенная экспропріація крестьянскаго населенія влечетъ за собою двоякое послѣдствіе. Прежде всего экономическое. Купецъ, пріобрѣвшій землю, стремится извлечь изъ нея наибольшій доходъ, онъ влагаетъ въ нее капиталы, вводитъ интензивное хозяйство и примѣняетъ разныя усовершенствованія къ обработкѣ земли. Культура зерноваго хлѣба все болѣе и болѣе сокращается. Скотоводство выступаетъ на первый планъ, оно въ меньшей мѣрѣ подвержено конкуренціи заграничныхъ продуктовъ. Большія пространства обращаются подъ пастбища для овецъ; на шерсть всегда есть спросъ со стороны отечественной мануфактуры. Начинается обработка торговыхъ растеній, вблизи городовъ развивается

садовая культура. Вслѣдствіе этого страна все болѣе и болѣе приходитъ въ зависимость отъ заграничныхъ рынковъ относительно добыванія главнаго предмета потребленія—хлѣба.

Второе послѣдствіе заключается въ томъ, что теперь является усиленный избытокъ сельскаго населенія, который притекаетъ въ города. Цѣлыя семейства переходятъ въ городъ или выселяются совершенно изъ страны; сельскія мѣстности пустѣютъ, на мѣсто благосостоятельныхъ деревень появляются богатые господскіе дома, около которыхъ ютятся убогія хижины поденщиковъ. Городское населеніе тѣмъ временемъ все растетъ и растетъ, получая постоянно новый приливъ изъ деревень. Вслѣдствіе того интеллектуальный уровень средняго сословія еще возвышается, процвѣтаніе торговли достигаетъ высокой степени развитія, начинаютъ учреждать заграничныя колоніи, возникаютъ новые города, а положеніе прежнихъ сельскихъ хозяевъ, которымъ еще удалось удержаться въ своихъ имѣніяхъ, становится все труднѣе и труднѣе.

Вслѣдъ за симъ начинаетъ однако уменьшаться приливъ свѣжихъ силъ въ городское сословіе. Предшествующій усиленный приливъ, вызванный упраздненіемъ крестьянскаго сословія, уже не былъ естественнымъ, нормальнымъ приливомъ и потому не можетъ продолжаться. Переселялся не избытокъ населенія, а переселялось все населеніе; можно сказать, что города развивались не на доходы населенческаго капитала, а на счетъ самого капитала. При такихъ условіяхъ движеніе населенія приходитъ въ застой, естественнымъ послѣдствіемъ застоя является упадокъ интеллектуальнаго уровня средняго сословія; элементы, которые еще приходятъ изъ деревни въ городъ, это уже не избытокъ прежняго здороваго сельскаго населенія, это сыновья обѣднѣвшихъ

поденщиковъ, которые мало отличаются отъ городскихъ рабочихъ.

Подобно тому какъ отдѣльные члены средняго сословія, не имѣющіе возможности поддержать своего положенія интеллектуальною работой, не исчезаютъ внезапно, а падаютъ постепенно все ниже и ниже, постепенно происходитъ и паденіе народовъ. Нѣкоторое время благосостояніе поддерживается еще прежде накопленными богатствами, но затѣмъ слѣдуетъ все болѣе и болѣе ускоряющееся потребленіе капитала. Прежде всего приходятъ въ страдательное положеніе тѣ отрасли промышленности, производство коихъ требуетъ особеннаго напряженія интеллектуальнаго и физическаго труда. Мануфактурная и фабричная промышленность начинаютъ падать, масса фабричныхъ рабочихъ остается безъ хлѣба, дольше всего держится торговля, но не вслѣдствіе приложенія къ ней новой интеллектуальной работы, а благодаря сохраненію на время прежнихъ сношеній и связей. Въ портѣ еще имѣются корабли, торговля все болѣе и болѣе получаетъ характеръ перевозки товаровъ за чужой счетъ. Другіе, только что развивающіеся народы пользуются наличностью судовыхъ средствъ, отживающаго, но еще богатаго прежнимъ богатствомъ народа, и платятъ ему за это извѣстный доходъ. Тотъ же характеръ имѣетъ и банкирская торговля, она пользуется чужимъ трудомъ, для оплодотворенія накопленнаго богатства, которое собственнымъ трудомъ народъ уже не въ состояніи оплодотворять. На корабляхъ командуютъ капитаны-чужестранцы, чужестранные приказчики наполняютъ торговыя конторы и т. д. Подобно тому какъ при состязаніи отдѣльныхъ личностей средняго класса, имущества постепенно переходятъ въ руки самыхъ способныхъ и самыхъ интеллигентныхъ людей, и въ состязаніи между народами капи-

талы мало-по-малу переходятъ изъ страны, находящейся въ упадкѣ, во вновь развивающіяся страны. Самое пользованіе капиталами нисходящаго соперника содѣйствуетъ усиленному развитію послѣднихъ.

Страна, упразднившая свое сельское сословіе, лишившая себя постояннаго прилива свѣжихъ силъ изъ деревни, роковымъ образомъ осуждена на обѣднѣніе, на упадокъ. Неоспоримымъ доказательствомъ такого процесса, могутъ служить нижеслѣдующіе примѣры, заимствованные изъ исторіи главнѣйшихъ европейскихъ государствъ.

Итальянскія торговыя республики.

Вторженіе въ Италію германскихъ народовъ и послѣдующая связь Италіи съ Германскою Имперіей были причиною тому, что въ Сѣверной и Средней Италіи укоренилась та же феодальная система, которая въ теченіе среднихъ вѣковъ господствовала въ Германіи.

Основаніемъ всего іерархическаго строя служила сельская марка, состоявшая изъ владѣльческой усадьбы и нѣкотораго числа разбросанныхъ около нея деревень. Почти всѣ крестьяне были крѣпостные (прикрѣпленные къ землѣ), обязанные исполнять разные служебные работы и платить оброкъ своимъ господамъ-дворянамъ. Дворяне, съ своей стороны, находились въ подчиненномъ отношеніи къ владѣтельнымъ князьямъ, свѣтскимъ и духовнымъ, а послѣдніе считались вассалами германскаго Императора. Избытокъ сельскаго населенія, насколько онъ не поглощался многочисленными монастырями, поступалъ въ дружину и дворню дворянъ.

Естественно, что при такихъ условіяхъ города не могли получить большаго значенія. Развитіе ихъ стало возможнымъ только съ ослабленіемъ феодальныхъ поряд-

ковъ. Вотъ почему въ Италіи, какъ и въ Германіи, развитіе городовъ происходитъ при условіяхъ постоянной борьбы съ территоріальною властью. Но между тѣмъ какъ къ сѣверу отъ Альповъ города оказались окончательно побѣжденными, въ Италіи они выходятъ побѣдителями изъ борьбы, и преобразуются постепенно даже въ независимыя княжества, подчиняя себѣ сосѣднія земли. Такой результатъ борьбы оказался въ Италіи возможнымъ только по той причинѣ, что имперская власть, ослабленная постоянными войнами за Римъ, теряетъ тамъ уже въ раннюю эпоху всякое вліяніе; вслѣдствіе этого князья и владѣтельные господа были лишены той поддержки центральной власти, которою они пользовались въ Германіи; находясь, кромѣ того, постоянно между собою во враждѣ, они не были въ состояніи противустоять энергическому и сознательному натиску городовъ. Не задаваясь изложеніемъ исторіи каждаго изъ выдающихся городскихъ центровъ Италіи, можно ограничиться примѣромъ одного изъ нихъ, Флоренціи, потому что то, что тамъ происходило, повторялось почти во всѣхъ другихъ значительныхъ городахъ Италіи, тѣмъ болѣе, что процвѣтаніе торговли этого города было основано почти исключительно на собственной промышленности, безъ примѣси какихъ-либо постороннихъ элементовъ, и потому процессъ преобразованія происходилъ тамъ въ полной элементарной самостоятельности.

Послѣ смерти маркграфини Матильды, Тоскана распалась на множество мелкихъ владѣній. Города Пиза, Флоренція, Сіена, Лука достигаютъ постепенно полной независимости. Флоренція начинаетъ развиваться особенно послѣ разоренія соперничавшаго съ нею города Фіесоле. Основаніемъ благосостоянія Флоренціи являются съ самаго начала цвѣтущія шелковыя и суконныя мануфактуры.

Городъ однако еще не владѣетъ сосѣднею землею. Средства существованія онъ принужденъ пріобрѣтать въ сосѣднихъ деревняхъ, находящихся подъ властью дворянскихъ родовъ. Въ мирное время это не представляло большихъ затрудненій, но въ случаѣ ссоры съ сосѣдними владѣльцами, послѣдніе могли лишить городъ необходимаго провіанта. Кромѣ того, товарные караваны городскаго купца подвергаются при проходѣ по сосѣднимъ сельскимъ мѣстностямъ разнымъ притѣсненіямъ и поборамъ. Отсюда постоянныя ссоры съ сосѣдними владѣльцами, которые съ завистью смотрятъ на разбогатѣвшаго горожанина. Желая ослабить сосѣднихъ дворянъ, города начинаютъ принимать въ свою среду сельскихъ крѣпостныхъ людей; послѣдніе стекаются въ города массами, разсчитывая найти за городскими стѣнами не только вѣрный пріютъ, но еще и свободу и возможность хорошихъ заработковъ. Во Флоренціи въ 1106 году было опубликовано распоряженіе, прямо приглашавшее сельскихъ жителей, притѣсняемыхъ владѣльцами, прибѣгать подъ покровъ молодой республики. Вслѣдствіе такого прилива свѣжихъ силъ, могущество Флоренціи постоянно увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабляется власть дворянства. Дворяне, чтобы задержать крестьянъ на землѣ принуждены, съ своей стороны, давать имъ различныя привилегіи и расширять ихъ права.

Но этимъ городъ еще не довольствуется. Ему необходимы сосѣднія земли и поля, чтобы тѣмъ самымъ обезпечить средства существованія находящимся въ его стѣнахъ жителямъ. Для достиженія этой цѣли онъ начинаетъ воевать съ сосѣдними владѣльцами. Одинъ владѣльческій замокъ за другимъ падаетъ, благодаря сильнѣйшей военной техникѣ, которою обладаетъ богатый городъ. Побѣжденному владѣльцу оставляется земля, но

онъ ставится въ подчиненіе городскаго управленія, и принуждается самъ поселяться въ городѣ. Желая предупредить неравную борьбу, многіе дворяне, не ожидая нападенія города, заключаютъ съ нимъ договоры и переселяются на житье въ городъ. Вступая въ договоръ съ городомъ, они получаютъ завѣреніе, что городъ не будетъ допускать ухода ихъ крѣпостныхъ людей, бѣглецы будутъ имъ возвращаемы. Но и это обѣщаніе имъ дается не безусловно. Нерѣдко постановляется за правило, что съ каждаго крестьянскаго двора, на которомъ имѣется болѣе двухъ или трехъ работниковъ, одному изъ нихъ разрѣшается уходить въ городъ.

Вслѣдствіе такого, частью добровольнаго, частью насильственнаго переселенія дворянъ въ городъ, происходитъ замѣтный переворотъ въ бытѣ послѣдняго. Прежде всего городъ пріобрѣтаетъ тѣмъ самымъ опытныхъ полководцевъ, на случай войны съ сосѣдями, затѣмъ часть сельскаго населенія, находящаяся въ услуженіи владѣльца, вмѣстѣ съ нимъ переселяется въ городъ. Благодаря приливу свѣжихъ силъ интеллектуальный уровень городскаго населенія значительно повышается, вызывая замѣтное развитіе торговли и промышленности.

Съ переселеніемъ въ городъ экономическое положеніе дворянъ, напротивъ того, значительно ухудшается. Все ленное право основывалось на личномъ отношеніи владѣльца къ подчиненнымъ. Сила и значеніе послѣдняго обусловливались не величиною доходовъ, но величиною пространства земли, надъ которою онъ стоялъ, и численностью людей, которыхъ онъ могъ выводить въ поле. Но какая польза дворянину, живущему въ городѣ, имѣть въ своемъ распоряженіи значительную массу людей, для которыхъ онъ не находитъ болѣе употребленія. То, что прежде для него было второстепеннымъ предметомъ—доходъ—

становится теперь главнымъ; а доходы его съ переселеніемъ въ городъ скорѣе уменьшились, чѣмъ увеличились. Для успѣшнаго веденія хозяйскаго дѣла ему необходимо постоянно слѣдить за своими крестьянами, и потому быть посреди нихъ; а онъ принужденъ жить въ городѣ, который зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы пребываніе въ городѣ не было только кажущимся. Въ Миланѣ дѣло доходило до того, что поселеннымъ въ его стѣнахъ дворянамъ давали ежегодно только шестинедѣльный отпускъ, во время жатвенныхъ работъ, для пребыванія въ деревнѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ расходы дворянина растутъ. Ему приходится не отставать въ образѣ жизни отъ богатыхъ горожанъ, кромѣ того коммуна понуждаетъ его вести на свой счетъ войны для города, подвергаетъ его налогамъ и отбираетъ у него часть сборовъ, которые онъ получалъ съ крестьянъ. Все это побуждаетъ дворянъ заботиться объ увеличеніи своихъ доходовъ введеніемъ болѣе интензивной культуры.

Къ вышеизложенному присоединяется еще одно обстоятельство. Благосостояніе Флоренціи основывалось на промышленности, вслѣдствіе того городъ постоянно стремился къ поднятію мѣстныхъ мануфактуръ. Въ этихъ видахъ было необходимо снабжать многочисленныхъ рабочихъ мануфактуръ дешевымъ хлѣбомъ. Произведеній собственной земли уже не хватаетъ для прокормленія населенія. Въ XIV-мъ столѣтіи собственныхъ произведеній доставало только на прокормленіе населенія въ теченіе пяти мѣсяцевъ въ году. Необходимо ввозить иностранный хлѣбъ. Привозъ иностраннаго зерна вызываетъ пониженіе цѣнъ на хлѣбъ, ниже естественнаго ихъ уровня. При такихъ условіяхъ производство зерна перестаетъ быть прибыльнымъ; отсюда новое побужденіе перейти къ болѣе интензивному хозяйству, а этому пре-

пятствуетъ прежнее ленное право съ его общинными полями, разбросанность участковъ и т. п.

Наконецъ, третье обстоятельство. Поземельное владѣніе не было связано въ Италіи маіоратами и фидеикомисами. Пока дворяне жили въ селеніяхъ, семейное владѣніе по обычаю переходило въ однѣ руки. Но съ тѣхъ поръ какъ дворянство стало переселяться въ города, а вмѣстѣ съ тѣмъ принимать участіе, въ видахъ усиленія своихъ доходовъ, въ разныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ, къ сохраненію этого обычая уже не представлялось повода. Дворянство само должно было желать возвысить продажную цѣнность своихъ имѣній облегченіемъ ихъ дѣлимости. Одно дворянское семейство за другимъ рѣшается на отчужденіе своей недвижимой сельской собственности. Дворянство слилось со среднимъ сословіемъ, а въ этой средѣ господствуетъ начало, обусловливающее переходъ имущества къ наиболѣе способнымъ. Горожане, разбогатѣвшіе въ торговлѣ, рады помѣстить свои капиталы въ землю, но и имъ невыгодно господство прежней феодальной системы.

Такимъ образомъ цѣлый рядъ побужденій начинаетъ вызывать реформу существующихъ сельскохозяйственныхъ отношеній. Это преобразованіе совершается въ теченіе тринадцатаго столѣтія. Результатомъ его является введеніе половничества mezzadria. Деревни исчезаютъ и замѣняются отдѣльными мызами.

У кого сила, тотъ легко находитъ правовыя начала для оправданія своихъ дѣйствій. Ленныя владѣнія крестьянъ сначала превращаются въ римскую потомственную аренду, послѣднюю превращаютъ потомъ въ аренду, подлежащую во всякое время прекращенію. Переходъ отъ прежнихъ порядковъ къ новымъ нѣсколько облегчается обезлюденіемъ селеній, происшедшимъ вслѣдствіе переселенія

значительнаго числа крестьянъ въ города, со времени упадка цѣнъ на хлѣбные продукты. Дворянство и монастыри начинаютъ пріобрѣтать громадныя свободныя пространства земли. Законъ прямо покровительствуетъ экспропріаціи крестьянскихъ земель, постановляя, что участки, не достигающіе извѣстной величины, могутъ быть обязательно пріобрѣтаемы сосѣдями.

Весь этотъ переворотъ, начавшійся въ X-мъ столѣтіи, приходитъ къ окончательному завершенію въ теченіе XIV-го столѣтія. Всѣ земли разбиты на отдѣльныя мызы, — но эти мызы уже не обработываются прежними крестьянами, которые хотя и находились въ извѣстной зависимости отъ своихъ господъ, но все же обладали неотчуждаемыми участками, обезпечивавшими ихъ существованіе. Новые крестьяне совершенно свободные люди, но они свободные арендаторы и поденщики. Они уже не крѣпки землѣ, но и господинъ уже не имѣетъ никакихъ къ нимъ обязательствъ. Съ ними заключаются годовые контракты. При обработкѣ земли они должны безусловно подчиняться требованіямъ своего господина; инвентарь и сѣмена господскіе. Но этого еще недостаточно; желая обезпечить выгоды господина, законъ опредѣляетъ даже размѣръ поденной платы; безъ разрѣшенія господина воспрещается рубка лѣса, занятіе извозной промышленностью, работа на чужихъ участкахъ, — опредѣляется какой скотъ разрѣшается держать, вводится обязательство продавать добытое вино господину, въ случаѣ его желанія, по установленной цѣнѣ и т. д. Такъ какъ число желающихъ арендовать землю на этихъ условіяхъ постоянно уменьшается, то новымъ закономъ воспрещается семейнымъ людямъ заниматься поденной работой, въ видахъ понужденія ихъ брать аренды. Вслѣдствіе

всего этого сельское населеніе превращается въ развратную и деморализованную толпу всякаго сброда.

Постепенная экспропріація крестьянъ имѣетъ послѣдствіемъ усиленный приливъ свѣжихъ силъ въ городъ. Интеллектуальный уровень его все болѣе и болѣе поднимается. XIV и XV столѣтіе—эпоха наибольшаго процвѣтанія Флоренціи,—это времена Данте и Боккаччіо. Флорентійскія шелковыя и парчевыя издѣлія завладѣли рынками всего міра. Въ шерстяной промышленности занято 30.000 человѣкъ; въ XV столѣтіи, когда уже начинается упадокъ благосостоянія Флоренціи, насчитываютъ еще 240 шерстяныхъ мануфактуръ; 17.000 кусковъ сукна ежегодно вывозятся черезъ Венецію на левантинскіе рынки. Флорентійскіе суконщики основываютъ даже заграницей, въ Голландіи, Брабантѣ, Фландріи и Англіи, собственныя мануфактуры для выдѣлки болѣе грубыхъ суконъ. Высшей степени торговаго могущества Флоренція достигаетъ около 1421 года, когда, завладѣвъ Пизой, она открываетъ себѣ доступъ къ морю; многочисленный флотъ начинаетъ развозить флорентійскія произведенія во всѣ страны міра.

Несмѣтныя богатства стекаются въ городъ. Древнее дворянство уже не въ состояніи соперничать съ разбогатѣвшими гражданами, въ руки коихъ переходятъ одно за другимъ дворянскія имѣнія. Старые замки превращаются въ роскошныя виллы.

Но вслѣдъ за экономическимъ разстройствомъ наступаетъ и политическое паденіе.

Въ теченіе XIII и XIV столѣтія городъ существовалъ и развивался не на доходы, а на счетъ народнаго капитала. Теперь послѣдніе остатки его поглощены. Движеніе населенія приходитъ въ застой, интеллектуальный уровень начинаетъ понижаться. Уже съ половины XV

столѣтія замѣтно начало паденія благосостоянія и могущества Флоренціи. Городъ утрачиваетъ часть торговли съ сѣверомъ; флорентійскія суконныя мануфактуры уже не въ состояніи соперничать съ фландрскими. Промышленность изъ рукъ ремесленниковъ давно перешла въ руки капиталистовъ; между предпринимателями и рабочими установилась рѣзкая противоположность. Самому способному рабочему трудно выйти въ люди. Доходность промышленности и торговли начинаетъ падать. Въ XV столѣтіи флорентійскія шерстяныя мануфактуры, привыкшія господствовать на чужихъ рынкахъ, уже не въ состояніи выдерживать соперничества чужихъ издѣлій на своемъ собственномъ рынкѣ. Для ихъ охраны вводится покровительственная пошлина. Въ томъ же положеніи оказывается производство кожаныхъ издѣлій.

Флоренція служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, что богатство страны, какъ бы велико оно ни было, превращается въ мертвое вещество, коль скоро оно перестаетъ оплодотворяться интеллектуальнымъ трудомъ. Чѣмъ болѣе понижается умственный уровень городского населенія, тѣмъ болѣе торговля приходитъ въ упадокъ, и тѣмъ шире начинаютъ развиваться въ городѣ банкирскія операціи, т.-е, ссуда за границу тѣхъ капиталовъ, которые Флоренція уже не въ состояніи съ пользою употребить у себя дома. Въ 1469 году во Франціи было 24 флорентійскихъ банкирскихъ фирмъ, въ Неаполѣ 37, въ Турціи 50. Банкирскія операціи продолжаютъ доставлять значительные барыши, но эти доходы уже представляютъ результаты не собственнаго, а чужаго труда, они обращаются на пользу не всего населенія, а только немногихъ богачей. Богатые банкиры получаютъ преобладающее вліяніе въ городѣ, они пользуются имъ не для увеличенія благополучія народа, а для приращенія своихъ бо-

гатствъ. Флорентійскіе капиталы расходятся по всему міру, но у себя дома за ссуду денегъ платятъ громадные проценты. Массы ремесленниковъ разорены; имущества лицъ средняго состоянія переходятъ въ руки богачей. При такихъ условіяхъ всѣ способные и талантливые люди поставлены въ необходимость посвящать себя служенію богатымъ, настаетъ вѣкъ меценатовъ, благодаря щедрости послѣднихъ, науки и искусства достигаютъ именно въ это время необыкновеннаго блеска. Эпоха Медичисовъ принадлежитъ къ самымъ блестящимъ въ исторіи Италіи.

Но это послѣдніе лучи заходящаго солнца, падающіе на могилу нѣкогда могущественной Флоренціи. Флорентійскіе капиталы, не находящіе употребленія у себя дома, мало-по-малу переходятъ въ руки чужестранцевъ; окончательнымъ результатомъ оказывается всеобщее обѣднѣніе. Въ началѣ настоящаго столѣтія знаменитый историкъ Нибуръ отзывался объ итальянцахъ слѣдующимъ рѣзкимъ образомъ: «въ городахъ одни шарлатаны и лавочники, а въ селеніяхъ развращенное населеніе поденщиковъ». Такимъ образомъ за уничтоженіемъ здороваго и самостоятельнаго сельскаго населенія послѣдовалъ и упадокъ городскаго населенія.

Несомнѣнно, эпоха ренесанса одарила Италію массою чудныхъ произведеній искусства, но несомнѣнно также, что совершеннымъ разстройствомъ сельскаго быта, она завѣщала потомкамъ недоброе наслѣдство. Пагубныя послѣдствія такого процесса даже въ наше время еще выступаютъ наружу. Народонаселенія молодого итальянскаго королества не въ состояніи нести тяготу необходимыхъ налоговъ, вслѣдствіе чего итальянцы массами эмигрируютъ за границу. Выздоровленіе итальянскаго народа, поднятіе торговли и промышленности возможно только подъ

условіемъ оздоровленія аграрныхъ отношеній и возстановленія въ странѣ здороваго крестьянскаго населенія.

Германскіе имперскіе города.

Первоначальное развитіе въ Германіи имперскихъ городовъ напоминаетъ то, что происходило въ Италіи. Въ Германіи такъ же какъ и въ Италіи, съ развитіемъ городскаго благосостоянія, города вступаютъ въ борьбу съ помѣстнымъ дворянствомъ; раздаются жалобы дворянства на то, что города принимаютъ и оказываютъ защиту бѣглымъ крѣпостнымъ людямъ. Не чувствуя себя достаточно сильными, для борьбы съ дворянствомъ, отдѣльные города заключаютъ между собою союзы для низложенія замковъ разбойничьихъ рыцарей и установленія безопасности на путяхъ сообщенія. Отчасти это имъ удается, но они все же оказываются не въ состояніи укоренить свою власть въ сельскихъ мѣстностяхъ. Мѣстные князья уже настолько упрочили свое могущество, что не легко получить надъ ними верхъ; притомъ же они ведутъ часто очень искусную политику, присоединяясь къ тому или другому союзу городовъ и подчиняя ихъ тѣмъ самымъ своему вліянію.

Такъ какъ германскіе имперскіе города были не въ силѣ завладѣть сельскими мѣстностями, и потому не могли воспользоваться постояннымъ приливомъ свѣжихъ силъ изъ деревни, то за быстрымъ поднятіемъ у нихъ слѣдуетъ столь же быстрое паденіе.

Пятнадцатое столѣтіе было эпохою наибольшаго процвѣтанія городовъ въ Германіи. Въ это время въ средѣ городскаго населенія развивается замѣчательная умственная дѣятельность, появляется цѣлый рядъ выдающихся изобрѣтеній: гравированіе, производство карманныхъ ча-

совъ, обжиганіе финифтью гончарныхъ издѣлій, опредѣленіе уклоненія магнитной стрѣлки — всѣ эти и многія другія подобныя имъ изобрѣтенія обезсмертили умственную жизнь германскихъ городовъ XV столѣтія; на столь же высокую степень поднимается и искусство, Альбрехтъ Дюреръ и Гольбейнъ принадлежатъ этому же времени.

Съ упадкомъ интеллектуальнаго уровня, вслѣдствіе отсутствія прилива свѣжихъ силъ все это движеніе останавливается какъ бы внезапно; великіе умственные и художественные дѣятели пятнадцатаго вѣка не оставляютъ послѣ себя достойныхъ наслѣдниковъ. Величественныя постройки начатыя въ городахъ въ теченіе XV-го вѣка и оставшіяся не оконченными, служатъ наглядной иллюстраціей характера этого времени. Воздвигаются чудные соборы, но они остаются неоконченными; башни Кельнскаго собора достроены только въ наше время.

Въ теченіе войнъ, послѣдовавшихъ за реформаціей, большинство городовъ подверглось разгрому, ихъ могущество было окончательно надломлено.

Часто жалуются на то, что въ борьбѣ между городами и сельскимъ дворянствомъ послѣднее вышло побѣдителемъ; тридцатилѣтнюю войну признаютъ обыкновенно величайшимъ несчастіемъ, обрушившимся на Германію, такъ какъ эта война повлекла за собою совершенное разореніе страны, но, съ другой стороны, не слѣдуетъ терять изъ виду, что тридцатилѣтняя война, оградивъ Германію отъ истребленія всей ея сельской народной силы, въ теченіе XVI и XVII-го столѣтія, подобно тому, какъ это совершилось во многихъ другихъ государствахъ, тѣмъ самымъ спасло страну отъ упадка. Тридцатилѣтняя война разорила страну, но первый источникъ народной силы—крестьянское сословіе—сохранилось.

То бѣдственное положеніе, въ которое были приведены имперскіе города послѣ тридцатилѣтней войны, и неспособность ихъ подняться на прежнюю высоту собственными силами, можетъ служить новымъ убѣдительнымъ доказательствомъ положенію, что среднее сословіе можетъ поддерживаться въ силѣ и развиваться только при помощи постояннаго притока свѣжихъ силъ изъ деревни.

Послѣ тридцатилѣтней войны не только города, но и земли, были опустошены и обезлюдены. Цѣлыя деревни исчезли съ лица земли. При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи объ избыткѣ сельскаго населенія для направленія его въ города. Масса дворовъ стоятъ пустыми, поля необработаны, — земледѣлецъ вездѣ можетъ найти себѣ достаточное занятіе, пустопорожняя земля ждетъ приложенія труда. Города тщетно стремятся притянуть къ себѣ сельское населеніе; при существующихъ условіяхъ мѣстнымъ владѣльцамъ не трудно удержать земледѣльца на поляхъ, потому что не только не существуетъ избытка, а напротивъ того, проявляется недостатокъ населенія. При обиліи свободной земли численность сельскаго населенія возстановляется мало-по-малу собственными силами; города, лишенные необходимаго источника приращенія извнѣ, не въ состояніи уже поднять своего значенія до прежней высоты. Города окончательно пострадали, но сельское населеніе сохранено для страны, и вотъ почему, какъ бы это ни казалось парадоксальнымъ, можно утверждать, что не будь тридцатилѣтней войны, Германія никогда бы не достигла до настоящаго своего могущества.

Испанія.

Борьба между христіанами и маврами наполняетъ всю средневѣковую исторію Испаніи. Мало-по-малу перевѣсъ переходитъ на сторону христіанъ, наконецъ, въ 1491 году съ паденіемъ Гренады, окончательно рушится все мавританское королевство. Культура страны, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, отъ этого ничего не выигрываетъ. Мавры старательно обрабатывали почву, кромѣ того, нѣкоторыя отрасли промышленности достигали у нихъ высокаго развитія. Все это теперь исчезаетъ. Испанцы занимаются преимущественно скотоводствомъ, большія пространства земли остаются невоздѣланными послѣ выселенія мавровъ; лишенныя орошенія, поля превращаются въ безплодныя пустыни.

Такимъ образомъ, къ концу XV-го столѣтія, Испанія представляетъ картину страны малонаселенной и маловоздѣланной, численность свободныхъ крестьянъ-земледѣльцевъ незначительна, кромѣ нихъ занимаются земледѣліемъ только люди, приписанные къ дворянскимъ и монастырскимъ имѣніямъ. Многія провинціи не могутъ прокормиться собственнымъ хлѣбомъ. Главное производство Испаніи заключается въ тонкорунной шерсти; на югѣ воздѣлывается виноградъ и добывается желѣзная руда. Средиземная торговля сосредоточена въ городѣ Барцелонѣ; но и въ сѣверныхъ портахъ начинаютъ развиваться мореходство и судостроеніе. Всѣ предметы ремесленной и мануфактурной промышленности Испанія принуждена привозить изъ-за границы. Только въ Гренадѣ еще сохранилась выдѣлка особеннаго рода шелковыхъ издѣлій.

Со вступленіемъ на престолъ Изабеллы Кастильской, старанія правительства сосредоточиваются на поднятіи благосостоянія страны. Правительство поощряетъ суще-

ствующую шелковую мануфактуру, выписываетъ для развитія шерстяной промышленности чужеземныхъ рабочихъ. И тотъ и другой родъ мануфактуры начинаютъ дѣлать удивительные успѣхи, уже въ 1518 г. становится возможнымъ отмѣнить покровительственную пошлину на шелковыя издѣлія. Затѣмъ правительство оказываетъ особенное покровительство судостроенію, издаетъ законъ, дозволяющій иностранцамъ вывозить цѣнность привезенныхъ ими товаровъ только въ видѣ мѣстныхъ испанскихъ продуктовъ и т. д.

Всѣ эти мѣропріятія значительно содѣйствуютъ быстрому развитію городовъ. Въ Толедо около 1525 года уже до 10.000 рабочихъ заняты въ шелковыхъ и шерстяныхъ мануфактурахъ; въ половинѣ XVI столѣтія, число ихъ доходитъ до 50.000. Параллельно съ развитіемъ промышленности поднимается и сельское хозяйство, культура земли достигаетъ, также около XVI столѣтія, высшаго своего развитія. Случайное совпаденіе двухъ обстоятельствъ не мало содѣйствовало развитію сельскаго хозяйства въ Испаніи: съ одной стороны, быстрое развитіе городовъ, а съ другой стороны основаніе колоній въ Америкѣ,—такъ какъ и тѣ и другія нуждались въ отечественномъ хлѣбѣ. Значительный спросъ поднимаетъ цѣну на хлѣбъ, а высокія цѣны побуждаютъ къ дальнѣйшему развитію воздѣлки зерноваго хлѣба. Уже въ 1532 году начинаетъ ощущаться недостатокъ пахотныхъ полей, начинаютъ превращать пастбища въ поля. Противъ этого возстаютъ, однако, владѣльцы тонкорунныхъ стадъ, и по ихъ настоянію издается въ половинѣ XVI столѣтія законъ, на основаніи котораго всѣ перепаханныя за послѣднія десять лѣтъ пастбища должны были быть обращены къ прежнему своему назначенію. Несмотря на то, земледѣліе продолжаетъ развиваться, оно не только

въ состояніи кормить все мѣстное населеніе, но и начинаетъ вывозить свои продукты за границу. Въ слѣдъ за тѣмъ однако въ видахъ доставленія мануфактурнымъ рабочимъ дешевыхъ средствъ пропитанія, правительство рѣшается на новую, разорительную для сельскаго хозяйства мѣру, оно вводитъ таксу на хлѣбъ и тѣмъ окончательно подрываетъ дальнѣйшее развитіе сельскаго хозяйства въ странѣ.

Къ концу XVI-го столѣтія сельскія мѣстности уже успѣли опустѣть. Около 1570 года большія пространства земли заняты подъ пастьбу скота, въ другихъ мѣстностяхъ воздѣлывается виноградъ, оливковыя и тутовыя плантаціи; производство хлѣба уменьшилось до крайнихъ размѣровъ. Несмотря на это, въ концѣ шестнадцатаго столѣтія Испанія находилась еще на высотѣ своего промышленнаго развитія и богатства. Въ шерстяныхъ мануфактурахъ работало около трети всего народонаселенія страны, во многихъ мѣстностяхъ даже не хватало рабочихъ для постоянно развивавшейся промышленности; мыловарни, солеварни и разныя другія производства, развитіе торговли и судоходства, наконецъ приливъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ американскихъ колоній, наполняли страну богатствомъ. Благосостояніе Испаніи расло гигантскими шагами, одновременно съ этимъ столь же быстро расла и численность народонаселенія. Съ $4^1/_4$ милліоновъ въ концѣ XV столѣтія, оно поднимается почти до 7 милліоновъ около средины XVI столѣтія, а къ концу этого столѣтія достигаетъ даже цифры $8^1/_2$ милліоновъ душъ. Такимъ образомъ, въ теченіи приблизительно одного столѣтія численность народонаселенія почти удвоилась.

Но затѣмъ происходитъ быстрый поворотъ въ другую сторону, народонаселеніе начинаетъ стремительно умень-

шаться; въ 1723 г. численность населенія упала до 5.800.000 душъ—въ теченіе полутораста лѣтъ уменьшеніе составляетъ три милліона.

Столь поразительно быстрое паденіе благосостоянія страны приписываютъ обыкновенно фискальной мѣрѣ Филиппа II-го, поднявшаго втрое подать, существовавшую въ Испаніи, подъ названіемъ алкабалы. Алкабала существовала въ Испаніи еще со временъ феодальнаго владычества и представляла собою десятинный сборъ со всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ. Въ дѣйствительности однако алкабала въ этой формѣ не взималась; вмѣсто уплаты десятины со всѣхъ оборотовъ, провинціи вносили въ казну по соглашенію съ правительствомъ валовыя суммы, величина коихъ соразмѣрялась обыкновенно со степенью развитія промышленныхъ оборотовъ въ каждой мѣстности. Подъ вліяніемъ финансовыхъ затрудненій Филиппъ II разомъ возвысилъ втрое окладъ означенныхъ платежей. Столь чрезмѣрному увеличенію алкабалы и приписываютъ обыкновенно упадокъ испанской промышленности; но едва ли это справедливо.

Несомнѣнно, означенная мѣра должна была значительно стѣснить промышленность; но еслибы испанская промышленность покоилась на здоровомъ основаніи, то ей, вѣроятно, удалось бы превозмочь эту трудность, какъ она и прежде справлялась съ другими затрудненіями, тѣмъ болѣе, что два года спустя, Филиппъ II согласился уменьшить увеличенный имъ размѣръ алкабалы на милліонъ дукатовъ. Лучшимъ доказательствомъ, что не возвышеніе алкабалы ввергло страну въ разореніе, можетъ служить то обстоятельство, что упадокъ промышленности проявился въ той же мѣрѣ и въ Арагоніи, несмотря на то, что эта провинція была съ самаго начала изъята изъ дѣйствія закона, возвышавшаго окладъ алкабалы. И такъ, должны

были быть еще другія болѣе существенныя причины, вызвавшія паденіе благосостоянія Испаніи.

Главная причина заключалась очевидно, въ застоѣ народнаго теченія, и въ прекращеніи,—съ совершеннымъ истощеніемъ сельскаго населенія, происшедшемъ въ теченіе XVI-го столѣтія, — постояннаго прилива свѣжихъ силъ изъ деревни въ города. До конца XV-го столѣтія все населеніе Испаніи было почти исключительно сельское населеніе, почерпавшее свои доходы непосредственно изъ почвы и добывавшее иностраннныя издѣлія въ обмѣнъ на свои естественные продукты. Это положеніе дѣла совершенно измѣняется къ концу XVI-го столѣтія. Масса населенія перешла во второй и третій классъ, т.-е. въ среднее и рабочее сословіе. Доходы населенія проистекаютъ уже не изъ земли, но являются результатомъ интеллектуальной и физической работы. Средства существованія, т.-е. хлѣбъ, Испанія принуждена пріобрѣтать за границей въ обмѣнъ на мануфактурныя издѣлія. Но продукты мануфактурной работы только до тѣхъ поръ находятъ открытые рынки, пока они превосходятъ своимъ качествомъ и дешевизной соотвѣтствующіе продукты другихъ конкурирующихъ народовъ. Съ пониженіемъ интеллектуальнаго уровня, который всегда является естественнымъ послѣдствіемъ уничтоженія сельскаго сословія и прекращенія притока изъ этой среды свѣжихъ силъ въ среднее сословіе,—теряется обыкновенно экономическое преобладаніе и господство на всемірномъ рынкѣ. Лишенная возможности сбывать свои произведенія за границу, та часть населенія страны, которая находилась относительно своего содержанія въ зависимости отъ иностраннаго хлѣба, лишается необходимыхъ средствъ существованія. Вслѣдствіе того, вмѣсто прежняго постояннаго приращенія народонаселенія, проявляется изъ года въ годъ упадокъ его

численности. Въ царствованіе Филиппа III-го число заключаемыхъ браковъ уменьшилось на половину. Что сокращеніе средствъ существованія мѣстнаго населенія и упадокъ промышленности были вызваны исключительно пониженіемъ интеллектуальнаго уровня средняго сословія, вытекаетъ уже изъ того обстоятельства, что одновременно съ уменьшеніемъ мѣстнаго населенія, число иностранцевъ значительно увеличивается. Вся торговля Севиллы мало-по-малу переходитъ въ руки иностранныхъ фирмъ; около средины XVII-го столѣтія до 40.000 иностранцевъ занимались въ Мадридѣ ремеслами. Въ 1610 году въ Кастиліи насчитывалось до 160.000 иностранныхъ промышленниковъ; даже арендованіе значительной части сельско-хозяйственныхъ имѣній перешло въ руки иностранцевъ, преимущественно итальянцевъ.

Съ чисто хозяйственной стороны Испанія XVIII-го столѣтія представляетъ картину, чрезвычайно похожую внѣшнимъ образомъ на положеніе страны въ XV-мъ столѣтіи. Испанія вывозитъ значительное количество естественныхъ продуктовъ, преимущественно вино, масло и шерсть. Въ обмѣнъ на эти издѣлія привозятся всѣ потребляемыя въ странѣ мануфактурныя и ремесленныя издѣлія и хлѣбъ. Въ этомъ заключается внѣшнее сходство—но какое различіе въ характерѣ населенія Испаніи. Кажется, какъ будто грозная буря пронеслась по всей странѣ. Многочисленное въ прежнее время земледѣльческое дворянство, съ его приписными крестьянами и сидѣвшимъ на землѣ крѣпостнымъ населеніемъ совершенно исчезло. Обширныя пространства земли обрабатываются арендаторами, вышедшими изъ средняго сословія и бѣдными поденщиками. Во время жатвы, массы французскихъ рабочихъ переходятъ черезъ Пиренеи, число ихъ доходитъ до 20.000. На мѣсто прежней дружины, дворянъ окру-

жаетъ толпа лѣнивыхъ лакеевъ-тунеядцевъ. Половина недвижимыхъ имѣній перешла въ руки монастырей, число коихъ утроилось. Изъ числа прежнихъ купцовъ, скупившихъ земли дворянъ, образовалось молодое, малосостоятельное дворянство, младшіе сыновья котораго стараются размѣститься при дворѣ или получить какую-нибудь должность въ управленіи.

Лучшую характеристику положенія Испаніи къ концу XVIII-го столѣтія представляютъ слѣдующія цифры, приводимыя Рошеромъ. Въ это время въ Испаніи насчитывалось 108.625 духовныхъ лицъ, 280.000 прислуги, 480.600 дворянъ, 965.000 поденщиковъ, 311.000 ремесленниковъ и фабрикантовъ, 34.340 купцовъ и только 907.200 крестьянъ.

Нидерланды.

Благосостояніе Голландіи выросло не на собственной почвѣ. Цѣлый рядъ благопріятныхъ случайностей помогъ этому маленькому народу сдѣлаться на нѣкоторое время самымъ могущественнымъ торговымъ народомъ міра.

XVI-ое столѣтіе было для большинства странъ Европы эпохою ожесточенной борьбы, вызванной религіозными распрями. До половины XVII-го столѣтія Англія, Франція, Германія заняты собственными дѣлами. Могущество Испаніи приходитъ въ упадокъ. Стремленіе Филиппа II подавить новую религію, которая получила особенное распространеніе въ сѣверныхъ нидерландскихъ провинціяхъ, повело къ отпаденію Голландіи и къ восьмидесятилѣтней войнѣ этой страны за свою независимость. Хотя подобная война, затрогивая самые священные интересы страны, сама по себѣ должна была вызвать въ мѣстномъ населеніи значительный подъемъ духа и напречь всѣ силы народа, но

Голландія была слишкомъ мала, народонаселеніе ея было слишкомъ рѣдко, чтобы служить основаніемъ для образованія могущественной торговой державы. Этому содѣйствовало другое случайное обстоятельство. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ трехъ большихъ державъ, Германіи, Франціи и Англіи, въ которыхъ абсолютный монархизмъ получаетъ въ это время особенное развитіе, возникаетъ свободное государство, допускающее исповѣданіе всякаго религіознаго мнѣнія, которое не знаетъ различія сословій и дозволяетъ каждому по своему усмотрѣнію снискивать себѣ средства существованія. Благодаря этому обстоятельству Голландія дѣлается центромъ соединенія всѣхъ тѣхъ, кто въ своемъ отечествѣ чувствовалъ себя стѣсненнымъ въ экономическомъ, политическомъ или религіозномъ отношеніяхъ.

Быстрое возникновеніе нидерландской торговли можетъ быть объяснено только значительнымъ притокомъ въ эту страну переселенцевъ изъ сосѣднихъ государствъ. Наибольшій контингентъ въ этомъ отношеніи поставляли южныя нидерландскія провинціи, оставшіяся подъ властью Испаніи. Переселенцы идутъ не только изъ городовъ, цѣлыя сельскія мѣстности пустѣютъ, вслѣдствіе ухода ихъ жителей на сѣверъ; точно также изъ Франціи и изъ Германіи приходятъ массы эмигрантовъ. Такъ какъ эти эмигранты принадлежатъ родственнымъ племенамъ, то они легко асимилируются съ мѣстными жителями, сливаясь съ ними въ одинъ народъ, говорящій однимъ языкомъ.

Переселенцы, оставляющіе свою родину или изъ-за религіозныхъ убѣжденій или побуждаемые духомъ предпріимчивости, принадлежатъ несомнѣнно, по интеллигенціи и по характеру, къ выдающимся личностямъ страны. Кромѣ того, они приносятъ съ собою богатыя познанія и техническія свѣдѣнія. Они селятся по всей Голландіи,

вездѣ возникаютъ новыя ремесла, а такъ какъ нидерландская республика съ самаго начала освободила своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, то къ передвиженію сельскаго населенія не встрѣчается никакихъ препятствій. Такимъ образомъ образуется многочисленное высоко развитое среднее сословіе. Оно втягиваетъ въ себя всѣ свѣжія силы; богатства еще не накопилось, но за то и не происходитъ никакого застоя въ движеніи народонаселенія.

Нидерланды 1580—1680 годовъ представляютъ весьма привлекательную картину энергіи и могущества. Заклятой врагъ страны побѣжденъ окончательно; голландскій флотъ изгоняетъ испанскій и португальскій флоты со всѣхъ морей. Богатыя остъ-индскія колоніи—добыча побѣдителя. У Португаліи Голландія отнимаетъ Бразилію, въ сѣверной Америкѣ она учреждаетъ собственную колонію, нынѣшній Нью-Іоркъ. Гдѣ только не появляется на моряхъ нидерландскій флагъ,—за нимъ слѣдуетъ побѣда. Имена адмираловъ Тромпъ, Гейнъ, де-Витъ, фанъ-Заанъ, де-Рюйтеръ и многихъ другихъ героевъ заносятся на скрижали исторіи, и всѣ они пали за отечество. Голландская торговля скоро становится всемірной торговлей. Остъ-индская и вестъ-индская колоніи доставляютъ произведенія Азіи и Америки на рынки Амстердама, который становится складочнымъ мѣстомъ для всѣхъ европейскихъ народовъ. Нидерландцы завладѣваютъ торговлей на Средиземномъ и Остзейскомъ моряхъ; солиднымъ основаніемъ ихъ торговли служитъ сильно развитая домашняя промышленность. Морское рыболовство тоже доставляетъ значительную выгоду. Послѣ паденія могущества германскихъ городовъ, вслѣдъ за тридцатилѣтней войной, Голландіи достается еще наслѣдство богатой Ганзеатической торговли.

Эпоха Вестфальскаго мира представляетъ моментъ

высшаго процвѣтанія Голландіи. Нидерландскіе Штаты сдѣлались нетолько первою торговою, но и первою промышленною державою въ мірѣ. Особенно развились суконныя мануфактуры, затѣмъ выдѣлка льняныхъ тканей, красильное искусство, бумажная фабрикація, книгопечатаніе и книжная торговля; все процвѣтаетъ въ этой странѣ. Еще въ 1669 году торговое мореходство голландцевъ занимало до 20.000 судовъ.

Много было писано о причинахъ паденія могущества Голландіи. Обыкновенно это приписываютъ запретительнымъ пошлинамъ Кольбера и навигаціонному акту Кромвеля. Несомнѣнно, враждебная политика сосѣдей должна была нанести сильный ударъ благосостоянію страны. Но также несомнѣнно, что Голландіи удалось бы преодолѣть это тяжелое испытаніе и открыть себѣ новые рынки, новое поприще дѣятельности, еслибы она была еще воодушевлена прежнимъ духомъ. Но уже въ XVII столѣтіи слышатся жалобы на то, что Голландія отстала въ интеллектуальномъ развитіи отъ другихъ странъ, что самыя важныя изобрѣтенія дѣлаются уже не въ Голландіи, а за границей, что въ Голландіи рѣшаются на примѣненіе новыхъ изобрѣтеній только когда уже стало поздно.

Такимъ образомъ упадокъ благосостоянія страны обусловливался пониженіемъ интеллектуальнаго ея уровня. А что это пониженіе неизбѣжно должно было совершиться, какъ скоро прекратилось дѣйствіе тѣхъ случайныхъ причинъ, которыя такъ высоко подняли страну, въ этомъ нельзя сомнѣваться, если взглянуть на составъ голландскаго народонаселенія того времени.

Въ 1660 году численность этого населенія составляла 2.400.000 душъ, изъ нихъ 450.000 поддерживали свое существованіе рыболовствомъ и соединенными съ нимъ промышленностями, сельскимъ хозяйствомъ занималось

200.000 душъ, мануфактурами 650.000, судоходствомъ и торговлей 250.000, разными городскими промыслами и ремеслами 650.000. Дворянство, войско, служащіе и живущіе своими доходами составляли вмѣстѣ 200.000 человѣкъ. Такимъ образомъ сельское населеніе страны составляло не болѣе двѣнадцатой части или 8% [1]).

Очевидно, что въ Голландіи, при относительно незначительной численности сельскаго населенія, одинъ избытокъ онаго не могъ поддерживать столь значительное, по сравненію съ нимъ, среднее сословіе на высокомъ интеллектуальномъ уровнѣ. Къ тому же экспропріація крестьянъ совершается и въ Голландіи, несмотря на малочисленность сельскаго сословія. Мало-по-малу старые крестьянскіе дворы превращаются въ арендные участки, которые отчасти остаются въ рукахъ дворянства, отчасти переходятъ въ руки богатыхъ горожанъ. Высокая заработная плата и подвозъ хлѣба изъ-за границы дѣлаютъ производство его въ странѣ невыгоднымъ. Цѣлыя провинціи превращаются въ пастбища, тамъ, гдѣ еще сохраняется обработка земли, она получаетъ самый интензивный характеръ; около городовъ преобладаетъ садовая культура, остальныя мѣстности, заняты скотоводствомъ, производствомъ масла, сыра и мяснаго скота. Путешественники, проѣзжавшіе по Голландіи въ XVIII столѣтіи, не могутъ нахвалиться этой страной. Вся страна дѣйствительно похожа на садъ, но сельское населеніе ухудшилось. Землевладѣльцы превратились въ рентьеровъ, крестьяне въ поденщиковъ. Ко времени покоса тысячи рабочихъ приходятъ изъ Германіи. Нерѣдко богатые капиталисты поселяются на бывшихъ крестьянскихъ участкахъ и зани-

[1]) Въ 1850 г. сельскимъ хозяйствомъ занимались еще въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки 77,5%, въ Баваріи 68%, во Франціи 51,5%, въ Италіи 32,6% и даже въ Англіи 25,3% всего населенія.

маются тамъ сельскимъ хозяйствомъ для своего удовольствія. Деревня Броекъ сдѣлалась знаменитою тѣмъ, что въ ней жили одни только милліонеры.

Вотъ почему весьма естественно, что интеллектуальный уровень начинаетъ въ XVII столѣтіи быстро понижаться съ прекращеніемъ переселенія изъ-за границы. Германія до того обезлюдена тридцатилѣтней войной, что она уже не въ состояніи выдѣлять изъ себя выходцевъ. Франція еще разъ посылаетъ значительный контингентъ эмигрантовъ, въ моментъ изгнанія гугенотовъ при Людовикѣ XIV,—это служитъ нѣкоторымъ освѣженіемъ голландскому населенію, но не на долго.

Въ XVIII столѣтіи Голландія представляетъ уже совершенно другую картину, чѣмъ въ XVII. Торговля страны все еще значительна, но она не приноситъ уже прежняго дохода. Въ государствѣ значительное число богатыхъ людей, они безусловно господствуютъ въ странѣ. Вслѣдствіе того, расходы продолжительныхъ войнъ покрываются не увеличеніемъ податей, что отчасти было бы возможно при богатствѣ страны, а займами, которые заключаются у богатыхъ торговцевъ, открывая имъ выгодное помѣщеніе капиталамъ. Новымъ элементамъ становится все труднѣе и труднѣе замѣнять въ производительной дѣятельности страны мѣсто старыхъ фамилій, закоснѣвшихъ въ своемъ богатствѣ. Обыкновенно приписываютъ застой страны развитію роскоши. Но истинная причина заключается въ недостаткѣ умственныхъ способностей у людей, хотя этотъ недостатокъ и объясняется отчасти образомъ воспитанія.

Во второй половинѣ XVIII столѣтія голландцы въ сущности живутъ уже только на счетъ интеллектуальной работы другихъ народовъ. Подобно флорентійцамъ, они превратились въ банкировъ всѣхъ народовъ. Собствен-

ная торговля незначительна; тамъ гдѣ извѣстное торговое предпріятіе еще процвѣтаетъ, можно быть увѣреннымъ, что это происходитъ благодаря трудолюбію, энергіи и познаніямъ иностранныхъ приказчиковъ, находящихся въ дѣлѣ. Бо́льшая часть голландскихъ судовъ плаваетъ уже подъ начальствомъ иностранныхъ капитановъ; суда эти фрахтуются иностранными купцами, экипажъ судовъ на девять десятыхъ тоже состоитъ изъ иностранцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ странѣ жалуются на увеличеніе числа бѣдныхъ и на недостатокъ работы.

Какая перемѣна въ теченіе двухъ столѣтій! Въ 1781 году разразилась война съ англичанами, которыхъ они такъ часто побѣждали на морѣ; теперь же они теряютъ весь свой флотъ, пришедшій въ негодное состояніе, англичане отбираютъ отъ нихъ всѣ колоніи; богатая деньгами, но бѣдная людьми Голландія оказывается совершенно беззащитною.

Нибуръ, путешествуя по Голландіи въ 1808 году, замѣчаетъ, что населеніе страны въ сущности состоитъ только изъ богатыхъ и нищихъ. Численность средняго и рабочаго сословія убываетъ, по его словамъ, въ ужасающемъ размѣрѣ; вслѣдствіе недостатка средствъ существованія, въ Амстердамѣ на 220.000 жителей приходится 110.000 бѣдныхъ. Земля обрабатывается арендаторами и поденщиками, землевладѣльцы же живутъ въ городахъ или на дачѣ. Только въ фризскихъ провинціяхъ сохранилось еще здоровое крестьянское населеніе, тамъ же еще можно встрѣтить цвѣтущее среднее сословіе, состоящее въ соразмѣрномъ численномъ отношеніи къ сельскому населенію.

Свое мнѣніе о голландцахъ, послѣ десяти мѣсячнаго пребыванія въ этой странѣ, Нибуръ резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Я познакомился съ многими и въ томъ числѣ очень

порядочными людьми; но до сихъ поръ я не слышалъ выраженія ни одной замѣчательной мысли, ни одного остраго замѣчанія, ни одной остроумной шутки. Для меня вообще очень сомнительно найдется ли во всей Голландіи, за исключеніемъ фрисландской мѣстности, гдѣ все имѣетъ другую окраску,—хотя одна оригинальная голова. Это не можетъ быть послѣдствіемъ климата, потому что и въ прежнія времена въ Голландіи былъ тотъ же климатъ, а между тѣмъ тогда происходило нѣчто другое въ головахъ голландцевъ. Можно сказать, что ощущается всеобщій недостатокъ въ геніи, въ изобрѣтательной силѣ, въ жаждѣ познанія и во вкусѣ—и что недостатокъ этотъ ощущался уже болѣе столѣтія».

Великобританія.

Какъ во всѣхъ странахъ, заселенныхъ германскимъ племенемъ, и въ Англіи современный государственный порядокъ выработался изъ феодальныхъ началъ, но феодальные порядки пали тамъ гораздо ранѣе, чѣмъ на континентѣ. Уже въ XVII столѣтіи, послѣ революціи, крѣпостное состояніе перестало существовать въ Англіи. Господскія земли замѣтно расширились на счетъ крестьянской земли. Значительное число крестьянъ, вытѣсненныхъ изъ прежняго своего владѣнія, превратились въ фермеровъ. Но сословіе свободныхъ крестьянъ все еще продолжаетъ существовать; къ концу XVII столѣтія число фригольдеровъ доходило еще до 180.000, составляя, съ своими семействами, шестую часть населенія страны; и на фермеровъ того времени тоже можно было еще смотрѣть какъ на крестьянъ. Аренда, которую они платили, была не высока и мало измѣнялась. Дворъ и усадьба большею частью оставались во владѣніи одного

и того же семейства. Многія крестьянскія семьи пріобрѣтали даже земли покупкою на сторонѣ.

Торговля, уже начавшая развиваться при Елизаветѣ, достигаетъ особеннаго значенія послѣ навигаціоннаго акта Кромвеля. Параллельно съ нею развивается и внутренняя промышленность, особенно шерстяное мануфактурное производство. Несмотря на все это, до 1760 г. Великобританію еще нельзя считать торговою державой; городское населеніе еще не получило преобладанія надъ сельскимъ населеніемъ, въ привозѣ заграничнаго хлѣба еще не представляется необходимости. Борьба между двумя классами, клонящаяся къ упраздненію крестьянъ, начинается въ XVIII столѣтіи.

Тойнби, въ книгѣ, посвященной вопросу о промышленной революціи XVIII-го столѣтія (Lectures on the industrial revolution of the 18-th century in England, London 1887, by Arnold Toynbee) замѣчаетъ, что «настоящее распредѣленіе землевладѣнія въ Англіи, слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ той системѣ управленія, которая сдѣлала Англію свободнымъ народомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ признать, что способъ распредѣленія поземельной собственности въ Германіи и Франціи, который считается обыкновенно вѣрнѣйшимъ оплотомъ противъ революціи, въ сущности является результатомъ формы правленія которая уничтожила свободу». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ еще: «Аграрный переворотъ представляетъ ту цѣну, которую мы заплатили за нашу политическую свободу». Это замѣчательныя слова въ устахъ англичанина.

Хотя Англія и считается монархіей, но совокупность правительственной власти находится фактически въ рукахъ парламента; внутри же страны въ отдѣльныхъ графствахъ преобладаетъ система полнаго самоуправленія,

которое по самому существу дѣла сосредоточивается въ рукахъ дворянства. При такой формѣ управленія, цѣна земли должна была возвыситься до уровня совершенно не соотвѣтствующаго ея доходности, такъ какъ только при условіи обладанія недвижимымъ имуществомъ можно было имѣть надежду получить участіе какъ во внутреннемъ управленіи, такъ и въ высшемъ правленіи государства.

Англійское дворянство не составляетъ замкнутой касты, младшіе сыновья дворянъ часто переходятъ въ среднее сословіе и наоборотъ, изъ средняго сословія переходятъ въ дворянство личности, обладающія большимъ состояніемъ и пріобрѣвшія недвижимое сельское имущество.

Очевидно, что подобные порядки, по мѣрѣ усиленія благосостоянія средняго сословія, должны были имѣть все бо́льшее и бо́льшее вліяніе на распредѣленіе земли. Уже въ началѣ XVIII столѣтія, значительныя пространства земли переходятъ въ руки разбогатѣвшихъ торговцевъ. Такъ какъ мелкій землевладѣлецъ крѣпко держится за землю, то нужно было еще нѣчто, чтобы предоставить среднему сословію возможность вытѣснять постепенно крестьянъ изъ ихъ изстари насиженныхъ отцовскихъ участковъ. Желая увеличить доходы землевладѣльцевъ, парламентъ, состоящій преимущественно изъ представителей этого класса, облагаетъ привозъ иностраннаго хлѣба высокими ввозными пошлинами, въ видахъ поднятія цѣнъ, и замѣчательно, что именно это обстоятельство становится роковымъ для мелкихъ землевладѣльцевъ.

Высокія цѣны на хлѣбъ, въ связи съ увеличивающейся численностью населенія и съ сильнымъ возрастаніемъ заработной платы, вызываютъ необходимость интензивной обработки земли. Въ большихъ имѣніяхъ земля обра-

батывается арендаторами на научныхъ основаніяхъ. Мелкіе крестьяне, принужденные платить такую же высокую цѣну рабочимъ, не въ состояніи слѣдить въ культурѣ за большими имѣніями и потому приходятъ въ затруднительное положеніе. Уже сто лѣтъ тому назадъ Сэръ Фредерикъ Эденъ писалъ, что упадокъ мелкихъ землевладѣльцевъ естественное послѣдствіе введенія въ страну улучшенной культуры. По его словамъ, «полуголодный владѣлецъ 10 или 20 акровъ принужденъ продавать свою землю богатому сосѣду, хозяйство котораго ведется въ широкихъ размѣрахъ». Кромѣ того, крестьяне подвергаются различнымъ стѣсненіямъ со стороны мелкаго дворянства, которое принуждено, заботиться объ увеличеніи своихъ доходовъ, чтобы поддержать свое привилегированное положеніе въ виду постояннаго роста богатства средняго сословія. Съ этою цѣлью у крестьянъ начинаютъ отнимать, большею частью безъ всякаго за то вознагражденія, общественную пастбищную землю. Стѣсненному такимъ образомъ во всѣхъ отношеніяхъ крестьянину предлагаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ за его землю такую цѣну, которая находится внѣ всякаго отношенія къ ея доходности; удивительно ли послѣ того, что крестьянинъ соглашается на отчужденіе и переселяется въ городъ, гдѣ его ожидаютъ хорошіе заработки.

Вслѣдствіе постоянно усиливающагося прилива свѣжихъ силъ изъ деревни, интеллектуальный уровень средняго сословія начинаетъ расти весьма быстро. Развитіе промышленности, вслѣдствіе совершившихся замѣчательныхъ техническихъ изобрѣтеній, достигаетъ необыкновеннаго подъема.

Съ усиленіемъ средняго сословія и увеличеніемъ его богатства еще болѣе усиливается натискъ на крестьянскую землю и экспропріація крестьянскихъ землевладѣль-

цевъ. Съ 1700 по 1760 г. около 300.000 экровъ крестьянской земли перешло въ руки горожанъ, а съ 1760 по 1843 г. пространство отчужденной земли составляло уже почти семь милліоновъ экровъ.

Постоянное расширеніе интензивности обработки начинаетъ поставлять въ затруднительное положеніе уже не однихъ крестьянъ, но и мелкихъ землевладѣльцевъ дворянскаго сословія. При всеобщемъ возвышеніи богатства сельскому сквейру (squire) уже не хватаетъ прежнихъ доходовъ для поддержанія прежняго образа жизни, онъ входитъ въ долги; тѣмъ самымъ его положеніе еще ухудшается и скоро настаетъ моментъ когда онъ принужденъ рѣшиться на продажу своего семейнаго имущества.

Поземельныя цѣны поднялись на высоту совершенно несоразмѣрную съ доходностью; чтобы хотя нѣсколько приравнять доходъ къ стоимости земли, ее начинаютъ обрабатывать самымъ раціональнымъ образомъ, рабочихъ замѣняютъ машинами, мелкія фермы соединяются вмѣстѣ, для образованія большихъ фермъ, которыя передаются уже не въ руки прежнихъ мелкихъ земледѣльцевъ а сдаются арендаторамъ-капиталистамъ, болѣе способнымъ вести интензивное хозяйство. Такимъ образомъ все бо́льшее и бо́льшее число мелкихъ земледѣльцевъ сгоняется съ земли. Эденъ указываетъ на деревню, въ которой въ теченіе двадцати лѣтъ тридцать прежнихъ мелкихъ фермъ слились въ двѣ большія фермы. Другой примѣръ приводитъ Коббетъ: въ бургклерскомъ приходѣ одинъ фермеръ обработывалъ въ 1826 г. пространство земли, на которомъ, еще не задолго передъ тѣмъ существовало 14 фермъ, доставлявшихъ 14 семьямъ приличное существованіе. Такимъ образомъ происходитъ постоянное сокращеніе сельскаго населенія, не только крестьянъ и дворянъ-земледѣльцевъ, но и фермеровъ и рабочихъ.

До 1820 г. ежегодный приростъ населенія постоянно увеличивается, доходя до 6% къ 1781 г., до 9%, къ 1801 г. и въ послѣднее десятилѣтіе, т.-е. съ 1811 по 1820 г., даже до 18%.

Съ этого времени приростъ населенія начинаетъ уменьшаться, особенно вслѣдствіе значительной эмиграціи въ Америку, но все еще остается довольно значительнымъ. Приращеніе происходитъ однако уже исключительно въ средѣ городскаго населенія; сельское населеніе не только не даетъ прироста, но даже уменьшается изъ года въ годъ. Въ 1811 г. послѣднее составляло еще 35% всего населенія Великобританіи, въ 1821 году отношеніе падаетъ до 33%, а въ 1841 году даже до 26%. Положительныя цифры еще замѣчательнѣе относительныхъ. Въ 1851 г. въ Англіи занималось сельскимъ хозяйствомъ 2.084.153 человѣка, въ 1861 г.—2.010.454 и въ 1871 г.—только 1.657.138, а въ 1881 г. число ихъ дошло до 1.383.184 человѣка.

Еще печальнѣе представляется картина, если сравнивать сельское населеніе Англіи въ различныя эпохи не количественно, но качественно.

Независимые крестьяне-землевладѣльцы yeomanry и мелкіе крестьяне-фермеры совершенно исчезли съ лица земли. Громадныя пространства находятся въ рукахъ небольшаго числа лицъ. Половина всей земли въ Великобританіи распредѣлена между 2.512 владѣльцами, которые живутъ въ городахъ или въ своихъ роскошныхъ виллахъ, ни сколько не заботясь о хозяйствѣ. Особенные агенты служатъ посредниками между ними и ихъ фермерами, вышедшими изъ средняго сословія. Положеніе фермеровъ далеко не обезпеченное. Въ хорошіе годы они могутъ разбогатѣть, но въ случаѣ сельско-хозяйственнаго кризиса имъ грозитъ разореніе. Сельскіе рабочіе, поденщики, пред-

ставляютъ самый печальный классъ населенія. Ихъ положеніе гораздо хуже положенія фабричныхъ рабочихъ въ городахъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ существуетъ способъ обработки, извѣстный подъ названіемъ Gangsysteme. Массы мужчинъ, женщинъ и дѣтей, подъ предводительствомъ гангмейстера, переходятъ съ мѣста на мѣсто, принимая на себя съ подряда уборку хлѣба. Это самый деморализованный сбродъ людей.

Не ограничиваясь пользованіемъ доходами своего сельско-народнаго капитала, Англія потребила самый капиталъ. Въ теченіе полуторасотлѣтней борьбы среднее сословіе совершенно уничтожило классъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Снятіе привозныхъ пошлинъ на хлѣбъ въ 1849 г. было послѣднимъ ударомъ;—производство зернового хлѣба стало уже совсѣмъ невыгоднымъ, поля превращены въ пастбища; по словамъ одного писателя, «въ Англіи быкъ и овца съѣли людей».

Усиленный приливъ свѣжихъ силъ изъ деревни, отдавшій все свое населеніе городамъ, содѣйствовалъ значительному подъему интеллектуальнаго уровня средняго класса; англійскіе фабриканты, англійскіе мореходцы сдѣлались первыми фабрикантами и мореходцами въ свѣтѣ. Англійская работа въ началѣ XIX столѣтія не знаетъ соперниковъ, она завладѣла всѣмъ міровымъ рынкомъ; но эти результаты были осуществлены въ значительной мѣрѣ на счетъ сельскаго сословія. Половина англійскаго народонаселенія принуждена нынѣ кормиться иностраннымъ хлѣбомъ,—въ Англіи въ сущности остались только два сословія—среднее и рабочее.

Будетъ ли Англія при такихъ условіяхъ въ состояніи долго сохранить свое выдающееся положеніе? На этотъ вопросъ Ганзенъ отвѣчаетъ отрицательно.

Послѣ истребленія всего крестьянскаго землевладѣль-

ческаго населенія, съ истощеніемъ резервуара, который снабжалъ англійское населеніе новыми силами, движеніе народонаселенія должно по необходимости пріостановиться. А застой въ этомъ потокѣ свѣжей жизни не можетъ не имѣть послѣдствіемъ пониженія интеллектуальнаго уровня средняго сословія; по мнѣнію Ганзена уже теперь проявляются нѣкоторые признаки такого пониженія.

Подобно Голандіи, въ нисходящій періодъ ея развитія, Англія, господствовавшая прежде на всѣхъ рынкахъ, начинаетъ теперь уже страшиться конкуренціи другихъ странъ. Подобно тому, какъ въ Голандіи и въ Англіи стремятся объяснить это явленіе чрезвычайнымъ возвышеніемъ заработной платы; англійскіе капиталы, не находя достаточнаго употребленія у себя дома, начинаютъ переливаться въ другія страны; въ Англіи раздаются уже жалобы на упадокъ духа предпріимчивости, на меньшую чѣмъ прежде солидность торговыхъ домовъ. Подобно тому, какъ это было въ Голандіи, и Англія начинаетъ уже пользоваться интеллектуальнымъ трудомъ иностранцевъ въ своихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ. На основаніи матеріала, собраннаго въ восьмидесятыхъ годахъ торговыми палатами, оказывается, что 35 процентовъ самыхъ выдающихся торговыхъ домовъ въ Лондонѣ занимаютъ въ своихъ конторахъ иностранныхъ, преимущественно нѣмецкихъ, конторщиковъ. Торговые дома, имѣющіе дѣло съ заграничными рынками, принуждены обращаться къ содѣйствію иностранцевъ, потому что 40% всѣхъ англійскихъ конторщиковъ не знаютъ иностранныхъ языковъ, ни французскаго, ни нѣмецкаго; общее мнѣніе таково—что нѣмецкій конторщикъ болѣе развитъ, легче подчиняется установленному въ конторѣ порядку, болѣе свѣдущъ въ коммерческихъ дѣлахъ—и при всемъ

томъ, довольствуется меньшимъ жалованьемъ, чѣмъ его конкурентъ англичанинъ. Точно также и капитаны жалуются на англійскихъ матросовъ, предпочитая имъ нерѣдко иностранцевъ.

Все это суть признаки не восходящаго, а скорѣе начала нисходящаго движенія страны.

Современная Германія.

Почти столѣтіе потребовалось крестьянскому сословію для того чтобы заселить пространства земли, опустошенныя тридцатилѣтней войной. Только послѣ нѣсколькихъ поколѣній, около второй половины XVIII-го столѣтія, численность сельскаго населенія достигаетъ того размѣра, при которомъ въ немъ начинаетъ появляться нѣкоторый избытокъ населенія. Этотъ избытокъ притекаетъ, какъ вездѣ, въ города, содѣйствуя оживленію ихъ дѣятельности и поднятію интеллектуальнаго уровня. Послѣдствія Наполеоновскихъ войнъ, причиняютъ, въ началѣ нашего столѣтія, опять нѣкоторый застой въ движеніи народонаселенія. Численность населенія значительно уменьшилась, кромѣ того происшедшее около этого времени освобожденіе крестьянъ связываетъ болѣе значительную часть жителей съ землею, давая возможность на томъ же пространствѣ земли бо́льшему чѣмъ прежде числу людей полезно употреблять свой трудъ и снискивать средства существованія; съ возстановленіемъ равновѣсія, приливъ сельскаго населенія въ города опять возобновляется.

Въ теченіе первыхъ десятилѣтій настоящаго столѣтія нѣмцы были еще преимущественно земледѣльческимъ народомъ. Но затѣмъ начинается быстрое развитіе промышленности и торговли, — на всѣхъ рынкахъ Германія вступаетъ въ соперничество съ другими народами; — съ

развитіемъ промышленности, растетъ численность рабочаго сословія; Германія уже не можетъ прокармливаться собственнымъ хлѣбомъ, она принуждена привозить хлѣбъ изъ-за границы.

Какое же вліяніе имѣло это развитіе на сельское сословіе, не произошло ли оно, какъ и въ другихъ странахъ, на счетъ послѣдняго? Судя по внѣшнему виду сельскихъ мѣстностей, на этотъ вопросъ можно бы отвѣчать отрицательно. Въ Германіи до сихъ поръ вездѣ встрѣчаются цвѣтущія деревни, дворъ составляетъ обыкновенно собственность живущаго на немъ крестьянина. Мелкая и средняя земельная собственность совсѣмъ не переходитъ во владѣніе средняго сословія. Мелкихъ арендаторовъ въ большей части Германіи не видно.

Было бы однако крайне ошибочно, на основаніи этихъ благопріятныхъ внѣшнихъ симптомовъ, заключать объ удовлетворительномъ состояніи экономическаго и хозяйственнаго здоровья страны. Ожесточенная борьба средняго сословія съ земледѣльческими классами началась, и, къ сожалѣнію, сдѣлала уже замѣтные успѣхи; только форма, въ которой происходитъ эта борьба, нѣсколько отличается отъ того, что происходило въ другихъ странахъ.

Освобожденіе крестьянъ, предоставленіе имъ полной свободы распоряжаться своей землею и введеніе римскаго права уравняло права всѣхъ дѣтей крестьянина-землевладѣльца. Крестьянинъ оказался однако осмотрительнѣе закона; въ большей части Германіи сохранилось обычное право, по которому участокъ переходитъ нераздѣльно въ руки одного сына, обыкновенно старшаго. Остальныя дѣти выдѣляются еще при жизни родителей, получая нѣкоторое денежное вознагражденіе.

Этого было достаточно, пока Германія оставалась

преимущественно земледѣльческимъ государствомъ, для того, чтобы вполнѣ обезпечить существованіе крестьянскаго землевладѣльческаго сословія. Но съ развитіемъ промышленности и торговли, положеніе дѣла измѣняется. Усиленіе численности городскаго населенія вызываетъ потребность въ усиленномъ производствѣ хлѣба, усиленный спросъ поднимаетъ цѣны хлѣбныхъ продуктовъ, а вслѣдствіе того начинаютъ расти и цѣны на землю. Продажная цѣна поднимается значительно выше дѣйствительной стоимости, обусловленной доходностью земли; несмотря на то, спросъ на землю продолжается въ значительныхъ размѣрахъ, потому что капиталы разбогатѣвшихъ городскихъ жителей ищутъ вѣрнаго помѣщенія въ недвижимую собственность.

Это обстоятельство не могло остаться безъ вліянія на увеличеніе задолженности крестьянскаго имущества. Крестьянинъ обращается къ кредиту большею частью не съ мелiоративными видами, а для выдѣла наслѣдниковъ. Чѣмъ болѣе возвышается рыночная цѣна земли, тѣмъ выше должна расти и сумма выдѣла; дѣло можетъ дойти до того, что наслѣдникамъ становится вообще болѣе выгоднымъ, при высокой цѣнѣ земли, продавать имѣніе и дѣлить между собою весь капиталъ.

Но и тамъ, гдѣ еще продолжается порядокъ наслѣдованія по обычному праву, задолженность крестьянскаго имущества растетъ съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе. Росту задолженности содѣйствуетъ съ другой стороны возникновеніе массы кредитныхъ учрежденій, чрезвычайно облегчающихъ заключеніе займовъ.

Въ послѣдніе годы задолженность крестьянъ дошла до такихъ размѣровъ, что, по мнѣнію многихъ, еслибы внезапно превратить всѣхъ крестьянъ въ арендаторовъ, по образу англійскихъ фермеровъ, вся сумма аренды, ко-

торую бы имъ пришлось уплачивать за свою землю, не достигала бы той суммы, которую они нынѣ платятъ ежегодно, въ видѣ процентовъ и погашенія по своимъ долгамъ, лежащимъ на ихъ землѣ.

Люди знакомые съ положеніемъ дѣла утверждаютъ, что значительная часть процентовъ по долгамъ уплачивается въ настоящее время крестьянами уже не изъ доходовъ земли, а путемъ заключенія новыхъ займовъ; иначе трудно было бы и объяснить постоянно продолжающееся усиленіе задолженности. Въ одной Пруссіи, по свѣдѣніямъ сообщаемымъ оффиціальнымъ статистическимъ бюро, увеличеніе цифры долговъ съ апрѣля 1886 по апрѣль 1887 года составляло 133 милліона марокъ.

Если борьба городскихъ капиталовъ съ сельскимъ населеніемъ, клонящаяся къ совершенному упраздненію послѣдняго, будетъ продолжаться въ тѣхъ же размѣрахъ, то катастрофа станетъ неминуемой. Цѣнность земли поднялась столь несоразмѣрно высоко, что имѣнія перестаютъ находить покупателей. Когда же является покупатель на задолженное имущество крестьянина, послѣдній большею частью рѣшается на продажу, имѣя въ виду, за уплатою всѣхъ долговъ, съ остаткомъ полученныхъ денегъ, выселиться въ Америку, чтобы тамъ начать новое хозяйство.

Въ чемъ же должна заключаться задача правительства по отношенію къ процессу движенія народонаселенія?

При разъясненіи этого вопроса, слѣдуетъ имѣть въ виду, что между государствомъ и обществомъ существуетъ категорическое различіе.

Семейство составляетъ основаніе общества, а потому силу, которая приводитъ въ движеніе весь общественный организмъ, слѣдуетъ искать въ эгоизмѣ. Каждое отдѣль-

ное лицо, озабоченное необходимостью обезпечить благосостояніе членовъ своей семьи, постоянно ведетъ среди общества борьбу за существованіе. Его цѣль присвоить и обезпечить себѣ возможно бо́льшую часть изъ общаго дохода; оно не останавливается даже передъ необходимостью подрыва интересовъ другихъ — въ этомъ и заключается борьба за существованіе; фабрикантъ, открывшій новый улучшенный способъ производства, не остановится передъ примѣненіемъ его, несмотря на то, что результатомъ этого примѣненія будетъ разореніе массы другихъ соперничающихъ съ нимъ фабрикъ. Оставляя въ сторонѣ рѣдкія исключенія, слѣдуетъ признать, что каждое отдѣльное лицо гораздо болѣе занято заботою о благосостояніи своего семейства, чѣмъ заботою объ общемъ благѣ страны. Несомнѣнно большинство лицъ предпочтетъ оставить свое потомство вполнѣ обезпеченнымъ въ бѣдной странѣ, чѣмъ оставить его бѣднымъ въ богатой странѣ.

На основаніи теоріи, долго господствовавшей въ Европѣ — ничѣмъ нестѣсненное соперничество должно служить лучшимъ регуляторомъ общественныхъ отношеній и вести къ наибольшей производительности труда. По ученію этой теоріи, дѣятельность государства должна ограничиваться устраненіемъ препятствій, которыя могутъ возникать на пути свободнаго развитія экономическихъ силъ. Паденіе отдѣльныхъ индивидумовъ въ этой борьбѣ, регулируемой соперничествомъ, не должно вызывать сожалѣнія, потому что въ этомъ проявляется постоянная побѣда сильнѣйшихъ въ хозяйственномъ отношеніи, т.-е. наиболѣе полезныхъ въ производительномъ отношеніи индивидумовъ. Это положеніе примѣняется не только къ отдѣльнымъ личностямъ, но и къ цѣлымъ классамъ населенія. Если ремесло вытѣсняется мануфак-

турой, то этимъ только доказывается, что оно перестало имѣть экономическое право на существованіе. Тоже самое происходитъ и въ сельскомъ хозяйствѣ когда небольшія имѣнія поглощаются большими владѣніями. Обладающій капиталомъ владѣлецъ большаго имѣнія, работающій при посредствѣ арендаторовъ и поденщиковъ, въ состояніи употреблять рабочую силу болѣе интензивнымъ образомъ, т.-е., при томъ же расходѣ силъ получать большее количество продуктовъ. Обезлюденіе сельскихъ мѣстностей не имѣетъ особеннаго значенія; это только передвиженіе населенія изъ одной мѣстности въ другую— исчезающая сельская семья замѣняется городскою семьей. Пока доходы народа и численность населенія растутъ, можно заключать о хозяйственномъ здравіи народа. Цѣлью народнаго хозяйства служитъ приращеніе народнаго дохода, а приращеніе дохода, основанное на усиленіи производства, вѣрнѣе всего достигается ничѣмъ не стѣсняемымъ соперничествомъ.

Изъ всего вышеизложеннаго вытекаетъ однако, что всеобщее соперничество приноситъ не одни хорошіе плоды. Несомнѣнно, оно въ состояніи посредствомъ мобилизаціи всѣхъ силъ народа вызвать быстрое развитіе его благосостоянія и поднять страну временно на высокую степень могущества, но вмѣстѣ съ тѣмъ безграничное соперничество вноситъ въ народный организмъ зародышъ болѣзни, который долженъ вести къ его разстройству. Народъ состоитъ не только изъ индивидумовъ, которые при равныхъ условіяхъ вступаютъ между собою въ борьбу, но изъ цѣлыхъ группъ или классовъ населенія между которыми также происходитъ борьба, но только далеко не при одинаковыхъ условіяхъ. Постоянно избытокъ населенія перваго класса переходитъ во второй классъ, который съ своей стороны постоянно выдѣляетъ изъ себя

слабосильные и малоспособные элементы, ниспадающіе въ третій классъ. Быстротою теченія народнаго потока объясняется высота интеллектуальнаго уровня, а потому и высота культуры народа. Безграничная конкуренція вызываетъ, однако, не только развитіе средняго сословія, она даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность среднему сословію направлять свои интеллектуальныя силы на успѣшную борьбу съ двумя другими сословіями, — даетъ ему возможность, вытѣсняя крестьянское сословіе, солиднѣе обосновывать свое имущественное положеніе и эксплуатируя рабочихъ, увеличивать свой доходъ. Упраздненіе крестьянскаго класса, временно усиливаетъ притокъ населенія къ городамъ и вслѣдствіе того культура страны быстро достигаетъ высшаго развитія. Но этотъ цвѣтъ страны можно сравнить съ краскою на лицѣ чахоточнаго. Непосредственно за израсходованіемъ всего сельскаго сословія, начинается быстрое пониженіе интеллектуальнаго уровня средняго сословія, и вмѣстѣ съ тѣмъ всеобщій упадокъ. Конкуренція дѣйствуетъ полезно въ средѣ отдѣльныхъ личностей, которыя сражаются при равныхъ условіяхъ, но она становится пагубною въ своемъ дѣйствіи среди классовъ населенія, потому что послѣднимъ приходится всегда бороться далеко не при равныхъ условіяхъ и не равнымъ оружіемъ.

Роскошь и изнѣженность, которымъ обыкновенно приписываютъ паденіе народовъ, суть не причины, а симптомы упадка. Роскошь и изнѣженность проявляются и во времена цвѣтущаго состоянія народа. Но пока народный потокъ течетъ неустанно, только люди, одаренные твердымъ характеромъ и выдающимися способностями, могутъ сохранить свое положеніе въ среднемъ сословіи, изнѣженные же роскошью индивидуумы немилосердно выбрасываются въ низшее сословіе. Только когда теченіе

населенія замедляется и пріостанавливается, неспособныя личности начинаютъ находить возможность сохранять свое положеніе.

Задача государства объясняется изъ его существа; между тѣмъ какъ общество, подъ вліяніемъ эгоизма и естественной склонности къ размноженію, слѣпо стремится впередъ, напирая на границы наличныхъ средствъ существованія,—государство можетъ признавать только медленное, но зато непрерывное поступательное движеніе впередъ, потому что оно обязано заботиться столько же о далекой будущности, сколько и о настоящемъ; общество знаетъ только настоящее; для моментальной выгоды настоящаго, оно всегда готово возлагать тяжелыя бремена на плечи послѣдующихъ поколѣній. Общество алчно протягиваетъ руку на народный капиталъ, стремясь израсходовать его; государство же заботится о сохраненіи и о приращеніи этого капитала.

Такимъ образомъ сама собою опредѣляется сфера дѣятельности, которая должна принадлежать государству во внутренней политикѣ. Государство не можетъ оставаться только правовымъ государствомъ, задача котораго заключалась бы исключительно въ охраненіи постояннаго приращенія національнаго дохода. Оно, напротивъ того, можетъ быть даже поставлено иногда въ необходимость сдерживать быстроту этого приращенія,—подобно тому, какъ землевладѣлецъ можетъ быть принужденъ сдерживать стремленіе своего арендатора, направленное на увеличеніе доходовъ имѣнія, когда онъ замѣчаетъ, что это приращеніе имѣетъ быть достигнуто путемъ хищнической эксплоатаціи имѣнія. Государство должно слѣдить затѣмъ, чтобы народное хозяйство не велось хищническимъ образомъ и заботиться о сохраненіи силъ народа неослабными.

Общество, уничтожая сельско-хозяйственное сословіе, тѣмъ самымъ поневолѣ ведетъ хищническое хозяйство. Государство должно стремиться къ ускоренію народнаго теченія и поднятію тѣмъ самымъ интеллектуальнаго уровня средняго сословія, при сохраненіи существующихъ трехъ главныхъ элементовъ народонаселенія. Для того чтобы потокъ могъ стремиться неустанно, необходимо, чтобы питающіе его источники не изсякали,—затѣмъ въ пути не должно быть заносовъ, замедляющихъ движеніе воды. Другими словами, задача государства заключается въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы борьба соперничества ограничивалась отдѣльными лицами, не превращаясь въ борьбу между классами населенія.

Значеніе крестьянскаго сословія для государства заключается, какъ мы видѣли, въ томъ, что крестьянинъ доставляетъ городскому населенію не только съѣстные припасы, но доставляетъ ему также и людей; отъ количества и качества этого контингента зависитъ интеллектуальный уровень средняго класса. Съ этой точки зрѣнія сельское сословіе получаетъ для государства особенное, спеціальное значеніе. Оно представляется кореннымъ основаніемъ всего строя государства; народъ, желающій оградить себя отъ быстраго ниспаденія, принужденъ обращать особенное вниманіе на сохраненіе въ своей средѣ возможно многочисленнаго и сильнаго крестьянскаго сословія. Задача государства относительно сельскаго класса заключается потому въ созданіи для него такихъ условій существованія, при которыхъ данное семейство, при нормальныхъ условіяхъ хозяйничанья, могло бы оставаться въ теченіе продолжительнаго періода времени во владѣніи своимъ родовымъ участкомъ. Какого рода должны

быть эти условія вытекаетъ изъ существа и характера дохода, которымъ пользуется это сословіе. Для городскаго населенія источникомъ дохода служитъ трудъ. Пятеро сыновей, ремесленники или работники, могутъ пользоваться каждый такимъ же размѣромъ дохода, какъ ихъ отецъ. Но для сельскаго хозяина главный источникъ дохода—силы природы. Поэтому раздѣлъ земельнаго участка между пятью сыновьями землевладѣльца, имѣло бы приблизительно тоже самое значеніе, какъ еслибы купецъ раздѣлилъ свои способности, или работники свою физическую силу на пять частей, чтобы распредѣлить ихъ между своими пятью сыновьями. Вотъ почему прежде всего желательно не допускать раздробленія участковъ введеніемъ извѣстнаго рода фидеикомиссныхъ учрежденій. Никакая другая мѣра дѣлу не поможетъ; еслибы даже сложить разомъ всѣ крестьянскіе долги, то въ теченіе короткаго времени, при продолжающейся дѣлимости участковъ, дѣло пришло бы опять въ прежнее положеніе. Поощреніе меліораціи въ крестьянскомъ хозяйствѣ требуетъ большой осторожности; только такія меліораціи крестьянскаго хозяйства могутъ быть признаны полезными, которыя предпринимаются крестьянами безъ помощи кредита, на собственныя средства, и не заставляютъ ихъ выходить изъ роли сельскаго производителя въ положеніе промышленника. Баварская мѣстность, называемая Альгау (Allgäu), съ давнихъ поръ славилась породою своего скота. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ этой мѣстности завели сыроваренie по швейцарскимъ образцамъ. Нѣкоторое время дѣло шло очень хорошо, и получалась хорошая прибыль; но затѣмъ вслѣдствіе избытка производства дѣло пошло въ обратную сторону; теперь у крестьянъ на рукахъ значительный складъ сыровъ, не находящій покупателей. Тó, что отличаетъ

сельскаго хозяина отъ горожанина, заключается именно въ вѣрности и обезпеченности его дохода, а потому онъ и не долженъ вообще пускаться въ разныя промышленныя предпріятія, которыя суть дѣло городскихъ жителей. Вѣрность и обезпеченность крестьянскаго дохода достигается только производствомъ самыхъ простыхъ естественныхъ продуктовъ, для которыхъ вся страна представляетъ обезпеченный рынокъ, которые потребляются всѣмъ населеніемъ. Вотъ почему въ случаѣ подрыва доходности крестьянскихъ земель ввозомъ заграничнаго хлѣба, государство обязано оградить существованіе крестьянства наложеніемъ покровительственной пошлины на привозъ хлѣба. Для рабочаго сословія, какъ дальше будетъ указано, такія пошлины составляютъ также благодѣянія. Но и самыя высокія охранительныя пошлины не помогутъ крестьянамъ если только будетъ продолжаться раздробленіе земли.

Здоровое крестьянское сословіе можетъ быть сохранено для государства только путемъ выдѣленія его изъ области всеобщей конкуренціи, путемъ перехода имущества къ наслѣдникамъ безъ раздѣла. Затѣмъ необходимо поставить въ нѣкоторые предѣлы отчуждаемость крестьянскихъ имѣній за долги; наконецъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянская земельная собственность слишкомъ обременена поземельнымъ налогомъ, слѣдуетъ приступить къ облегченію излишней тяжести.

Возможно-ли возстановленіе крестьянскаго сословія тамъ, гдѣ это сословіе совершенно упразднилось, какъ, напр., въ Англіи, довольно сомнительно; но въ Германіи пока еще крестьянство существуетъ, оно находится однако въ столь тяжкомъ положеніи, что если ничего не будетъ сдѣлано для исправленія дѣла, то кризисъ неминуемо разразится и обхватитъ всю страну.

Для сохраненія въ силѣ средняго класса, государство принуждено прибѣгать къ совершенно другимъ мѣропріятіямъ, чѣмъ тѣ, которыя вызываются необходимостью сохраненія средняго сословія. Селянинъ нуждается прежде всего въ покоѣ и обезпеченности, потребность городскаго жителя составляетъ, напротивъ того, свободное и ничѣмъ нестѣсненное движеніе. Необходимо, не подвергая опасности положенія крестьянина, содѣйствовать поднятію средняго сословія на возможно высокій уровень интеллектуальнаго развитія и поддерживать его на этомъ уровнѣ поощреніемъ быстраго и сильнаго теченія народонаселенія. Первое условіе къ тому наличность свѣжихъ силъ, перемѣщающихся изъ деревни въ города. Она всегда будетъ существовать, пока будетъ существовать въ странѣ здоровое крестьянское населеніе. Необходимо далѣе облегчить новымъ элементамъ возможность выходить въ люди; въ этихъ видахъ не слѣдуетъ допускать, чтобъ полагались какія-либо искусственныя преграды со стороны тѣхъ, которые въ данное время находятся уже въ обезпеченномъ положеніи. Начало соперничества должно быть признано закономъ, борьба должна происходить при равномъ оружіи.

Здѣсь не можетъ быть задачей подвергать анализу всѣ тѣ мѣры, которыя предлагались въ послѣднее время для воспособленія тому или другому классу средняго сословія. Несомнѣнно учрежденіемъ хорошихъ спеціальныхъ и техническихъ училищъ многое можетъ быть достигнуто. Поддерживать искусственно мелкія ремесла, которыя, вслѣдствіе развитія фабричнаго производства, обречены на постепенное вымираніе, было бы ошибочно. Но тѣмъ болѣе желательно огражденіе отраслей ремесла, которыя еще могутъ продолжать существованіе, отъ эксплоатаціи предпринимателей, вторгающихся между про-

изводителемъ и потребителемъ. Такъ, напримѣръ, во многихъ городахъ портные находятся въ полной зависимости отъ промышленниковъ, содержащихъ магазины съ платьями; сапожники — отъ кожевенныхъ торговцевъ и т. п. Введеніе цѣлесообразнаго цеховаго устройства могло бы помочь дѣлу. Слово цехъ пользуется нехорошей славой и не безъ причины, если имѣть въ виду цеховое устройство прежнихъ временъ, которое несомнѣнно сдерживало движеніе народонаселенія. Исключительный монопольный характеръ цеховаго устройства могъ однако проникнуть въ это учрежденіе только послѣ тридцатилѣтней войны, когда, вслѣдствіе недостатка населенія, всякое движеніе въ немъ пріостановилось. Цеховое устройство должно было пасть съ того момента какъ избытокъ сельскаго населенія сталъ опять притекать въ города; но вмѣстѣ съ худымъ было выброшено за бортъ и хорошее, потому что придаточное, второстепенное считали въ цеховомъ устройствѣ за главное.

Точно также какъ сельскому сословію никакія мѣропріятія не помогутъ, если ему не будетъ обезпечена устойчивость и незыблимость положенія, — точно также среднее сословіе не можетъ ни развиваться, ни процвѣтать, если ему не будетъ предоставлена полная подвижность доходности. Свободная конкуренція составляетъ его настоящій жизненный элементъ. Болѣе развитому, болѣе способному, должна быть предоставлена возможность вытѣснять малоспособнаго, лѣниваго и неразвитаго; безъ этого никакія мѣры не достигнутъ цѣли.

Развитіе капитализма въ наше время служитъ значительной задержкой движенія народонаселенія. Доходъ рентьера не зависитъ отъ его интеллектуальной работы, и потому люди неспособные и не трудящіеся могутъ долго сохранять свое положеніе въ обществѣ, не уступая

мѣста болѣе способнымъ свѣжимъ силамъ. Капитализмъ находитъ существенную поддержку въ государственныхъ займахъ, дающихъ нетрудящемуся и неспособному владѣльцу облигацій возможность спокойно существовать на получаемые проценты; а потому государство, которое желаетъ поддержать живое движеніе населенія, должно стараться сокращать свои долги, по возможности покрывая государственные расходы доходами, почерпаемыми изъ податнаго источника.

Торговое и промышленное преобладаніе народовъ, всегда обусловливается преобладаніемъ ихъ интеллектуальнаго уровня. Когда падаетъ послѣдній, тогда ни накопленныя имущества, ни наличность значительнаго числа рабочихъ не спасаютъ, какъ мы видѣли, страну отъ ниспаденія съ прежней высоты развитія. Какъ только промышленность страны лишается, съ упадкомъ народнаго интеллекта, своихъ способныхъ руководителей, — ея рабочіе превращаются въ толпу пролетаріевъ. Съ другой стороны, какъ скоро подъ вліяніемъ интеллектуальнаго труда промышленность начинаетъ развиваться въ странѣ, является всегда и необходимое число рабочихъ, вызываемыхъ хорошею заработною платой. Этотъ приростъ рабочихъ не пришлое деревенское населеніе; численность рабочихъ разростается изъ собственной ихъ среды. Благодаря хорошимъ заработкамъ въ началѣ этого столѣтія въ Англіи нерѣдко 12 и 16-лѣтнія фабричныя работницы, даже 10-ти-лѣтнія вступали въ бракъ («Тойнби»): Сэръ Робертъ Пиль говорилъ въ 1806 году: «Въ хлопчатобумажной промышленности машины вызвали совершенно новое народонаселеніе къ жизни».

При существованіи высокой заработной платы пред-

приниматели должны обладать выдающимися способностями, чтобы, несмотря на дороговизну работы, получать прибыль отъ предпріятія. Всякое пониженіе заработной платы дозволяетъ менѣе способнымъ людямъ вступать въ дѣло, и чѣмъ ниже будетъ падать плата за трудъ, тѣмъ болѣе будетъ понижаться интеллектуальный уровень массы предпринимателей, а потому въ интересѣ послѣднихъ сколь можно болѣе понижать заработную плату при томъ же качествѣ работы. Хотя въ соперничествѣ промышленныхъ народовъ на всемірномъ рынкѣ побѣда обусловливается преобладаніемъ интеллектуальнаго развитія въ каждомъ изъ нихъ,—но одержаніе побѣды значительно облегчается дешевизною физической работы въ состязающейся странѣ. Съ другой стороны можно утверждать, что народъ стоящій на высшемъ уровнѣ интеллектуальнаго развитія, въ состояніи уплачивать и высшую заработную плату. Будетъ ли онъ это въ дѣйствительности дѣлать — другой вопросъ. Въ Англіи въ теченіе первой половины настоящаго столѣтія заработная плата стояла очень низко несмотря на значительные доходы промышленности; она начала возвышаться только со времени организаціи рабочихъ союзовъ, вынудившихъ предпринимателей лучше оплачивать ихъ трудъ. Несмотря на возвышеніе рабочей платы, Англія продолжала, однако, расширять раіонъ своего сбыта, и это обстоятельство служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ высоты тогдашняго интеллектуальнаго развитія ея промышленнаго сословія. Напротивъ того, жалобы, которыя раздаются въ настоящее время на повышеніе заработной платы и сѣтованія, что высокая плата за трудъ работника препятствуетъ англичанамъ попрежнему успѣшно конкурировать съ соперничающими съ ними на всемірномъ рынкѣ странами, служитъ весьма опаснымъ симптомомъ. Подобныя жалобы

указываютъ на уменьшеніе въ средѣ англійскаго промышленнаго сословія тѣхъ выдающихся способностей, которыя необходимы предпринимателямъ для того, чтобы вести успѣшно дѣло при возвышеніи заработной платы.

Изъ всего вышеизложеннаго можно вывести заключеніе, что возвышеніе заработной платы (уменьшая число предпринимателей и спросъ на работу) имѣетъ послѣдствіемъ уменьшеніе числа рабочихъ; напротивъ того, пониженіе заработной платы ведетъ къ увеличенію численности этого класса.

Съ точки зрѣнія промышленной производительности страны можно бы поэтому утверждать, что низкая заработная плата выгодна для страны. Она доставляетъ предпринимателю болѣе высокую прибыль и тѣмъ самымъ облегчаетъ учрежденіе новыхъ промышленныхъ предпріятій, которыя безъ того бы не возникли, а каждое новое предпріятіе, увеличивая спросъ на работу, даетъ занятіе бо́льшему, чѣмъ прежде, числу рабочихъ. Не слѣдуетъ, однако, терять изъ виду, что рабочіе не машины, которыя можно бы было выбросить, когда промышленность перестаетъ въ нихъ нуждаться, и не рабочій скотъ, численность котораго можно увеличивать и уменьшать по произволу производителя; о рабочемъ вопросѣ можно правильно судить только разсматривая его съ точки зрѣнія общаго вопроса населенческой политики.

Вслѣдствіе тенденціи, присущей рабочему классу къ быстрому наростанію, въ странѣ уже довольно рано проявляется избытокъ рабочаго населенія, т.-е. группа лицъ не находящихъ употребленія своему труду, рабочій пролетаріатъ. Но и эта группа можетъ въ нѣкоторой степени содѣйствовать еще развитію промышленности, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ запасъ рабочей силы, готовой трудиться за уменьшенную плату, лишь бы не

оставаться безъ занятія, а при удешевленной рабочей платѣ могутъ возникать отрасли промышленности, существованіе коихъ при прежнемъ болѣе высокомъ вознагражденіи труда было немыслимо. Но зато какъ только обнаруживается нѣкоторый застой въ промышленной дѣятельности, число незанятыхъ рабочихъ, пролетаріатъ, начинаетъ расти съ стремительной быстротой. Такъ какъ въ средѣ пролетаріата смертность обыкновенно значительно превышаетъ рождаемость, то этимъ путемъ возстановляется до нѣкоторой степени равновѣсіе между предложеніемъ труда и спросомъ на трудъ.

Изъ всего этого вытекаетъ, что государство никогда не можетъ надѣяться какими-либо хозяйственными мѣропріятіями уменьшить на продолжительное время численность безрабочаго населенія, ибо несомнѣнно, что увеличеніе численности рабочаго населенія, находящаго занятіе въ промышленномъ производствѣ страны, всегда влечетъ за собою и увеличеніе класса безработныхъ.

Особенно опасно поддерживать искусственными мѣрами такія отрасли промышленности, которыя не имѣютъ въ себѣ силы существовать самостоятельно. Подобныя мѣропріятія могутъ служить только разсадникомъ пролетаріата. Могло бы потому казаться, что между интересами государства и общими интересами рабочаго населенія даннаго времени существуетъ нѣкоторый конфликтъ. Интересъ послѣдняго требуетъ повидимому, чтобы по мѣрѣ увеличенія числа рабочихъ, увеличивался и спросъ на ихъ работу, — но это требованіе настолько же неосуществимо, насколько было бы неосуществимымъ желаніе крестьянъ, чтобы съ увеличеніемъ численности сельскаго населенія, увеличивалось и пространство земли.

Отсюда является вопросъ: въ какой мѣрѣ вообще для страны желательно существованіе такой группы рабо-

чихъ, которая находилась бы, относительно своего существованія, въ зависимости отъ возможности сбыта продуктовъ своего труда за границу?

Внѣшняя торговля приводится всегда къ обмѣну продуктовъ умственной и физической работы на естественныя произведенія другихъ странъ. Возможность продавать, такъ сказать, чистый трудъ, ставитъ населеніе страны, вывозящей фабричныя произведенія, въ такое положеніе, въ которомъ это населеніе, относительно добыванія средствъ существованія, уже не находится въ зависимости отъ мѣстнаго производства. Но за то средства, выручаемыя страною изъ внѣшней торговли, никогда не представляютъ вѣрнаго и обезпеченнаго дохода. Постоянныя колебанія спроса на заграничныхъ рынкахъ вызываютъ постоянные кризисы; наконецъ, заграничные рынки могутъ и совершенно закрыться.

Несомнѣнно, что приращеніе численности населенія страны далѣе границъ собственнаго производства средствъ существованія увеличиваетъ могущество страны, расширяя источникъ, изъ котораго почерпается и военная организація и податная доходность страны. Но эта выгода только кажущаяся; она можетъ обратиться даже въ прямой ущербъ для страны, когда численность рабочихъ начинаетъ развиваться совершенно несоразмѣрно съ численностью прочихъ классовъ населенія и когда, при паденіи заработной платы—сила и здоровье всего рабочаго класса начинаютъ приходить въ страдательное положеніе. Интересъ государства требуетъ поэтому ограниченія несоразмѣрно значительнаго развитія промышленной дѣятельности. Мѣропріятія государства должны быть направлены къ тому, чтобы по возможности возникали исключительно такія предпріятія, которыя въ состояніи не только обезпечить на нѣкоторое время достаточную за-

работную плату своимъ рабочимъ, но и нести кромѣ того нѣкоторую жертву на содержаніе безработной части рабочаго населенія. Такая мысль была положена въ основаніе соціальной политики Бисмарка. Эта политика не имѣетъ цѣлью упразднить свободное соперничество между членами средняго сословія, но она направлена къ тому, чтобы предупредить превращеніе соперничества въ борьбу между отдѣльными классами населенія,—борьба, въ которой несомнѣнно рабочее населеніе не устояло бы, и которая имѣла бы послѣдствіемъ низверженіе всего рабочаго сословія на степень пролетаріата. Эта политика не налагаетъ оковъ на промышленную дѣятельность; она предоставляетъ ей полнѣйшій просторъ, но она не допускаетъ накопленія излишней массы рабочихъ, которые, оставаясь безъ средствъ содержанія, ложились бы тяжелымъ бременемъ на все остальное населеніе и увеличивали бы число недовольныхъ. Германское законодательство, установляя страхованіе рабочихъ, несомнѣнно обременяетъ промышленность, поставляя высшія противъ прежняго требованія къ способностямъ предпринимателей. Противодѣйствуя образованію такихъ промышленныхъ учрежденій, которыя могутъ существовать только съ трудомъ и притомъ при самой низкой заработной платѣ,—законодательство сдерживаетъ развитіе промышленности; но не слѣдуетъ забывать, что богатство и могущество, по словамъ Мальтуса, желательны только какъ средства для обезпеченія благосостоянія народа.

Подобными мѣропріятіями государство можетъ настолько увеличить участіе физической работы въ общей доходности народа, что каждому отдѣльному рабочему будетъ обезпечено, если и не блестящее, то по крайней мѣрѣ вѣрное существованіе и возможность беззаботно прожить дни старости. Съ другой стороны, государство

можетъ вліять сдерживающимъ образомъ и на слишкомъ быстрое приращеніе численности рабочаго сословія. Такъ какъ рабочій часто женится изъ бѣдности, то улучшеніе его состоянія можетъ вызвать бо́льшую съ его стороны осмотрительность и осторожность. Устройство удобныхъ и дешевыхъ жилищъ и столовыхъ для холостыхъ рабочихъ можетъ также служить къ предупрежденію слишкомъ раннихъ браковъ; но главнымъ образомъ законъ долженъ по возможности ограничивать допущеніе женщинъ и дѣтей въ промышленныя заведенія. Отсутствіе разсчета на работу женскихъ членовъ семейства, сознаніе, что вся отвѣтственность за содержаніе семейства лежитъ на немъ одномъ, будетъ несомнѣнно сдерживать рабочаго отъ легкомысленныхъ раннихъ браковъ. Физическая работа,—низшій образъ работы, не требующій почти ничего другого, кромѣ здоровой пары рукъ; она потому всегда будетъ оплачиваема ниже всякой другой; но государство можетъ вліять въ томъ смыслѣ, чтобы и низшая заработная плата была достаточна для предохраненія рабочаго отъ нужды.

Удешевленіе средствъ существованія, вслѣдствіе ввоза, напримѣръ, дешеваго хлѣба, столь же мало въ состояніи помочь рабочему на продолжительное время, какъ и расширеніе промышленности. Заработная плата при дешевомъ хлѣбѣ, начинаетъ понижаться, это вызываетъ къ жизни новыя предпріятія, спросъ на работу увеличивается и на нѣкоторое время положеніе рабочаго становится лучшимъ; тѣмъ самымъ, однако, вызывается увеличеніе численности рабочаго сословія и скоро оно приходитъ въ прежнее положеніе, даже въ еще худшее, потому что становится еще болѣе подверженнымъ опасности промышленныхъ кризисовъ.

Наконецъ учрежденіемъ фабричныхъ инспекторовъ

государство можетъ также противодѣйствовать систематической эксплоатаціи физической работы. Тамъ гдѣ учрежденъ такой надзоръ, и гдѣ въ этомъ же смыслѣ дѣйствуетъ общественное мнѣніе, обыкновенно установляется нѣкоторая средняя норма заработной платы; предприниматель, который не можетъ ее уплачивать, не долженъ и браться за дѣло.

Промышленность, зависящая въ своемъ существованіи отъ сбыта своихъ произведеній на заграничные рынки, можетъ считаться только настолько полезною для страны, насколько она въ состояніи достаточно оплачивать трудящихся въ ней рабочихъ, и кромѣ того нести еще нѣкоторыя жертвы для огражденія отъ недостатка вызванный ею къ жизни избытокъ рабочаго населенія.

Вотъ та цѣль, къ которой должно стремиться государство въ своихъ заботахъ о благосостояніи рабочаго класса. Для этого прежде всего необходимо сознавать, что естественный избытокъ рабочаго населенія (пролетаріатъ) представляетъ неизбѣжное явленіе, которое никакими мѣрами не можетъ быть вполнѣ устранено, а менѣе всего расширеніемъ промышленности на счетъ пониженія заработной платы. Развитіе промышленности и соединенное съ нею приращеніе рабочаго сословія только тогда приносятъ странѣ дѣйствительную пользу, когда они являются послѣдствіемъ не дешевизны трудовой платы, а возвышеннаго уровня интеллектуальной дѣятельности народа.

ГЛАВА II.

Общія соображенія.

При оцѣнкѣ всякаго положенія весьма важно, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на вопросъ.

Вотъ почему и въ вопросѣ о крестьянскомъ землевладѣніи въ Россіи, который насъ занимаетъ, необходимо прежде всего выяснить себѣ цѣль, которую слѣдуетъ имѣть въ виду.

Вопросъ о положеніи сельскаго хозяйства и землевладѣнія въ странѣ имѣетъ значеніе не только въ экономическомъ, но и въ соціальномъ отношеніи. Исторія показываетъ, что за упадкомъ сельскаго класса, рано или поздно, слѣдуетъ неизбѣжно паденіе благосостоянія и могущества самой страны. Никакія богатства, никакія сокровища литературы и искусства не въ состояніи поддержать ее на данной высотѣ. Богатство страны сохраняется только до тѣхъ поръ, пока оно постоянно оплодотворяется трудомъ и интеллигенціею людей, ея жителей.

Особенно поучительна въ этомъ отношеніи судьба Испаніи. Благодаря необыкновенному для тѣхъ временъ развитію торговли и промышленности и приливу драго-

цѣнныхъ металловъ изъ Америки, въ Испаніи накопились баснословныя богатства. Могущество государства, въ предѣлахъ котораго не заходило солнце, казалось непоколебимымъ, его богатство неисчерпаемымъ. И что же: съ пониженіемъ интеллигенціи и ослабленіемъ энергіи и труда въ населеніи, обнаружившимися вслѣдъ за разореніемъ мелкаго крестьянскаго землевладѣнія,—все это исчезло какъ дымъ, и нѣкогда богатая Испанія превратилась въ бѣднѣйшую страну Европы.

Итакъ, главный, первостепенный вопросъ для страны заключается не въ приращеніи богатства, а въ развитіи и поддержаніи энергичнаго и трудолюбиваго населенія.

Населеніе же каждой страны черпаетъ необходимыя для постояннаго своего обновленія свѣжія силы изъ среды сельскаго землевладѣнія.

Все изложенное даетъ намъ твердое и опредѣленное основаніе для обсужденія вопроса о положеніи сельскаго хозяйства и крестьянскаго землевладѣнія въ Россіи.

При столь преобладающемъ значеніи сельскаго населенія, нельзя просто ставить вопросъ о томъ: какими мѣропріятіями можетъ быть поднята и развита у насъ культура земли; необходимо измѣнить программу и поставить вопросъ слѣдующимъ образомъ: какія изъ мѣропріятій, направленныхъ къ этой цѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ способны сохранить для страны здоровое сельское населеніе?

Съ этой точки зрѣнія всякія мѣропріятія, хотя и представляющіяся въ данную минуту полезными для развитія нашей сельско-хозяйственной культуры, но грозящія подрывомъ сельскому населенію въ будущемъ, — слѣдовало бы признать безусловно вредными.

Такъ, напримѣръ, если смотрѣть на вопросъ о переходѣ крестьянскихъ земель въ другія руки и о развитіи

фермерскаго хозяйства одновременно съ обезземеленіемъ крестьянъ, съ узкой точки зрѣнія увеличенія сельско-хозяйственной производительности въ данный моментъ, могло бы казаться что подобный переворотъ не представляетъ никакой опасности для страны.

Капиталистъ, пріобрѣвшій крестьянскую землю, можетъ употребить на ея культуру болѣе значительныя средства, а фермеръ, которому онъ сдастъ землю, приложитъ къ ней съ своей стороны еще новый капиталъ. Вслѣдствіе того явится возможность ввести интензивное раціональное хозяйство; земля станетъ давать гораздо большее количество произведеній, страна будетъ богатѣть. Къ тому же положеніе хорошо оплачиваемаго сельскаго рабочаго можетъ даже считаться гораздо лучшимъ сравнительно съ положеніемъ бѣднаго крестьянина, эксплоатируемаго деревенскимъ кулакомъ.

Но если смотрѣть на вопросъ съ точки зрѣнія необходимости сохраненія въ странѣ здороваго сельскаго землевладѣльческаго населенія, то самое предположеніе о замѣнѣ крестьянскаго хозяйства фермерскимъ, соединеннымъ съ обезземеленіемъ крестьянства, представляется немыслимымъ, такъ какъ въ конечномъ результатѣ подобный переворотъ, послѣ временнаго обогащенія страны, повелъ бы неизбѣжно къ всеобщему обѣднѣнію и къ упадку силы и могущества государства.

У насъ еще могутъ существовать различныя мнѣнія по этому вопросу только потому, что самое основаніе, которое должно служить критеріумомъ въ данномъ случаѣ, еще недостаточно выяснено, потому что не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ томъ, къ чему слѣдуетъ идти.

Убѣжденіе въ необходимости сохраненія сельскаго населенія выражается у насъ и въ законодательныхъ мѣрахъ и въ общественномъ мнѣніи; но причина, приво-

димая для обоснованія этого убѣжденія, совершенно несостоятельна. Можно сказать, что защищающіе это мнѣніе инстинктивно отдаютъ себѣ отчетъ въ его безусловной правильности, но не могутъ его достаточно обосновать логически.

Вотъ почему это мнѣніе и встрѣчаетъ еще много противниковъ, которые весьма убѣдительно опровергаютъ доводы защитниковъ крестьянскаго землевладѣнія, и они, съ своей точки зрѣнія, совершенно правы.

Полагаютъ обыкновенно, что сохраненіе крестьянскаго землевладѣнія необходимо для предупрежденія развитія въ странѣ пролетаріата. Крестьянинъ, надѣленный землею, никогда не превратится вполнѣ въ пролетарія; у него всегда будетъ пристанище, куда онъ можетъ пріютиться.

Но на это справедливо замѣчаютъ, что дѣлимость земли имѣетъ свои предѣлы; съ увеличеніемъ населенія земля не будетъ распространяться и потому явится моментъ, когда появленіе класса безземельныхъ станетъ неизбѣжнымъ. Сдерживать развитіе болѣе промышленной культуры земли, въ видахъ избавленія государства отъ пролетаріата, было бы потому неосновательно, такъ какъ по самому существу дѣла искомая цѣль никогда не можетъ быть достигнута; а съ другой стороны, чѣмъ менѣе страна производитъ, тѣмъ она бѣднѣе—тѣмъ менѣе обезпечено положеніе всѣхъ ея жителей.

Авторъ сочиненія «Неурожай и народное бѣдствіе»—совершенно справедливо замѣчаетъ, что «какъ ни держаться стародавнихъ порядковъ общиннаго землевладѣнія, какъ ни преклоняться предъ геніальною смѣткою мужика при распредѣленіи по душамъ земельныхъ надѣловъ,—однако самые ярые поборники общины не могутъ же скрывать отъ себя, что рано или поздно настанетъ такое время, когда при сохраненіи за всѣми членами

общины, сколько бы ихъ ни народилось въ будущемъ, права на земельный надѣлъ, это право наконецъ сдѣлается чисто фиктивнымъ, по ничтожности того участка земли, который будетъ доставаться на долю каждаго. Кончится вѣдь тѣмъ, что право всѣхъ на землю будетъ равносильно праву умереть съ голоду на участкѣ земли, недостаточномъ для пропитанія человѣка».

Это возраженіе логически неопровержимо; — на этой почвѣ съ противниками крестьянскаго землевладѣнія бороться нельзя.

Но сущность задачи совсѣмъ не въ томъ, чтобы въ предупрежденіе развитія пролетаріата всѣ были надѣлены землею. Избытокъ населенія неизбѣжно долженъ обращаться къ другимъ занятіямъ. Задача заключается въ томъ, чтобы сохранить вообще въ странѣ достаточную наличность крестьянскаго землевладѣльческаго населенія.

Развитіе пролетаріата, очевидно, нежелательно, но вліять на уменьшеніе пролетаріата распредѣленіемъ земли между всѣмъ нарождающимся населеніемъ, значило бы дѣйствовать на симптомы явленія, не касаясь его основанія.

Пролетаріатъ въ большей или меньшей мѣрѣ всегда будетъ существовать въ странѣ; уже не говоря о томъ, что надѣлить всѣхъ и навсегда землею представляло бы положительную невозможность. Отъ появленія пролетаріата никакая страна уберечься не можетъ, но чѣмъ страна здоровѣе, чѣмъ ея населеніе состоятельнѣе, тѣмъ пролетаріатъ менѣе опасенъ. Пролетаріатъ—это болѣзнь населенія, а здоровый организмъ гораздо легче переноситъ проявляющіеся въ немъ недуги.

Среди состоятельнаго населенія пролетаріатъ является только нѣкоторымъ бременемъ, ложащимся на главную массу населенія, принужденную содержать неимущихъ своихъ членовъ.

Основаніемъ же здоровья страны и благосостоянія населенія служитъ здоровый и многочисленный сельскій классъ. Сохранять и оберегать крестьянское землевладѣніе необходимо потому не въ видахъ устраненія пролетаріата, а въ видахъ сохраненія здоровья страны. И вотъ почему въ данномъ предположеніи можно бы въ крайнемъ случаѣ даже утверждать, что еслибы пришлось отказаться на нѣсколько десятковъ лѣтъ отъ всякаго усовершенствованія сельскаго хозяйства съ тѣмъ, чтобы сохранить на будущее время постоянный запасъ крестьянскаго землевладѣльческаго населенія, то и предъ столь тяжелою жертвою не слѣдовало бы останавливаться, потому что жизнь народа считается не десятками лѣтъ, а вѣками. Крестьянское землевладѣніе это зерно благосостоянія, положенное въ землю; это зерно можетъ долго пролежать въ землѣ не всходя; но наступитъ время—и оно взойдетъ и принесетъ богатый плодъ; безумно было бы выбрасывать его изъ земли и истреблять только потому, что въ теченіе нѣкотораго времени оно не всходило. Страна, рѣшающаяся на уничтоженіе своего крестьянскаго землевладѣнія въ видахъ полученія большей производительности почвы въ данную минуту, дѣйствовала бы столь же безсмысленно, какъ человѣкъ, срубающій дерево, чтобы воспользоваться его плодами.

Если стать на это твердое основаніе, то едва-ли можетъ быть два различныхъ мнѣній по настоящему предмету.

Приводя вышеизложенную аргументацію для выясненія нашей мысли, мы тѣмъ самымъ однако вовсе не хотимъ сказать, чтобы сохраненіе крестьянскаго землевладѣнія служило препятствіемъ къ усовершенствованію нашего сельскаго хозяйства,—какъ объ этомъ будетъ подробнѣе указано далѣе.

Въ своемъ многочисленномъ крестьянскомъ землевладѣльческомъ населеніи Россія обладаетъ цѣннымъ залогомъ развитія благосостоянія и могущества въ будущемъ. Все, что можетъ служить къ сохраненію этого залога, къ его укрѣпленію и развитію — должно быть потому тщательно оберегаемо, все, что могло бы подрывать его — должно быть безусловно устраняемо.

Съ этой точки зрѣнія при оцѣнкѣ различныхъ явленій нашей сельской жизни, напримѣръ, общиннаго владѣнія, отчужденія крестьянскихъ надѣловъ и т. п., прежде всего поставляется вопросъ — какъ эти явленія относятся къ главному условію нашего развитія, сохраненію сельскаго класса, — слѣдуетъ ли ихъ считать въ этомъ отношеніи полезными или вредными явленіями.

Но затѣмъ у насъ нерѣдко ставится еще другой вопросъ: слѣдуетъ ли вообще отступать въ чемъ-либо отъ настоящаго крестьянскаго положенія, которое было выработано лучшими людьми Россіи и просуществовало уже болѣе четверти столѣтія.

Какъ высоко ни ставить работы Редакціонныхъ Коммиссій, — этого свѣтлаго явленія нашей общественной жизни, когда около разрѣшенія столь важнаго вопроса были сосредоточены всѣ выдающіеся по своимъ способностямъ и по знакомству съ крестьянскимъ дѣломъ люди того времени, было бы однако фетишизмомъ утверждать, что ни одна черта этого положенія никогда не должна подвергнуться малѣйшему измѣненію.

И въ средѣ Редакціонныхъ Коммиссій были, какъ извѣстно, два мнѣнія по общинному вопросу, были защитники, были и противники общины. Заключеніе, къ которому пришли Редакціонныя Коммиссіи, было просто компромиссомъ между этими двумя противоположными мнѣніями; согласились сохранить общину, но вмѣстѣ съ

тѣмъ облегчить всѣми мѣрами общинникамъ выходъ изъ общины, чтобы современемъ она могла распасться сама собою.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе четверти столѣтія и опытъ жизни далъ намъ много драгоцѣнныхъ указаній. Этими указаніями богата не только наша отечественная русская, но и заграничная жизнь.

Замѣчательно, что не только у насъ, но и за границей, въ Германіи, гдѣ частная собственность считалась всегда какою-то святынею, теперь возникаютъ и обсуждаются почти тѣ же вопросы, какъ и у насъ—о неотчужденіи крестьянскаго землевладѣнія и объ ограниченіи пользованія кредитомъ.

Болѣе или менѣе люди всегда находятся подъ вліяніемъ того общаго настроенія, того ходячаго мнѣнія, которое господствуетъ въ данное время.

Въ теченіе большей части XIX столѣтія, а особенно въ срединѣ его, около 60-хъ годовъ, когда писалось крестьянское положеніе, во всей Европѣ преобладалъ почти безграничный культъ индивидуализма. Думали путемъ уничтоженія всякихъ связей, группировавшихъ прежде людей, осуществить полную свободу личной дѣятельности и тѣмъ достигнуть совершенства экономическаго и интеллектуальнаго развитія людей.

Логически это мнѣніе не было лишено основанія, но оно было односторонне, и въ своей односторонности становилось ошибочнымъ.

Несомнѣнно, чѣмъ менѣе стѣснительности, связей, оковъ налагается на развитіе личности, тѣмъ дѣятельность людей становится свободнѣе и можетъ принести болѣе пользы, потому что всякое стѣсненіе сдерживаетъ человѣческую энергію.

Но въ практическомъ мірѣ нѣтъ ничего абсолютнаго и никогда сама жизнь не направлялась подъ вліяніемъ

одного только начала. Всякое стремленіе въ подобномъ исключительномъ направленіи, должно неминуемо привести къ вредной односторонности.

Развитіе начала индивидуальной свободы до послѣднихъ логическихъ границъ привело бы къ идеалу дикаго человѣка, потому что совершенно дикій человѣкъ, не зная ни законовъ, ни условныхъ порядковъ, несомнѣнно свободнѣе всякаго культурнаго человѣка, его дѣятельность ни чѣмъ не стѣсняется, кромѣ столь же нестѣсненной свободы другаго сосѣдняго дикаря; между ними потому немыслимо какое-либо другое отношеніе, кромѣ отношенія борьбы.

Индивидуальная свобода имѣетъ важное и существенное значеніе, но только въ разумномъ сочетаніи съ другимъ столь же важнымъ началомъ организаціи, которое лежитъ въ основаніи всякой общественной жизни.

Не слѣдуетъ забывать, что каждый народъ представляетъ не простую агрегацію отдѣльныхъ личностей, но есть дѣйствительный живой организмъ; только потому и можно говорить о патріотизмѣ, объ общественномъ мнѣніи, о національныхъ стремленіяхъ.

Разрозненныя отдѣльныя личности, не имѣющія (какъ песчинки на берегу морскомъ) между собою никакой органической связи, подчиняются въ своихъ взаимодѣйствіяхъ, одному закону случайности и потому всегда будутъ представлять разрозненную дезорганизованную массу людей, въ средѣ которыхъ борьба за существованіе будетъ доходить до послѣднихъ предѣловъ ожесточенія. При такихъ условіяхъ все болѣе и болѣе будутъ выдѣляться яркія крайности, съ одной стороны громадныя богатства будутъ сосредоточиваться въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ; а съ другой, будетъ развиваться въ странѣ крайній пауперизмъ. Нѣчто подобное замѣчается

уже въ настоящее время въ Америкѣ; это младшее изъ государствъ стоитъ нынѣ, можетъ быть, ближе всѣхъ другихъ народовъ къ соціальному перевороту.

Исторія взяла на себя воочію доказать ошибочность того исключительнаго направленія, которое такъ долго господствовало въ общественной жизни, въ общественномъ мнѣніи и въ наукѣ. Послѣдствіемъ господства этого начала является на практикѣ то рабочее движеніе, которое развилось во всѣхъ европейскихъ странахъ въ столь ужасающихъ размѣрахъ, и которое составляетъ въ настоящее время главную заботу каждаго правительства.

Въ началѣ, когда только что началось это движеніе, вызванное естественнымъ стремленіемъ рабочихъ сгруппироваться въ нѣкоторый союзъ для отстаиванія своихъ интересовъ и завѣдыванія своими дѣлами—его легко можно бы было направить къ полезному результату, т.-е. дарованію фабричному рабочему населенію нѣкоторой организаціи, подобно тому, какъ въ прежнее время ремесло имѣло свою цеховую организацію. Съ устраненіемъ всего вреднаго, стѣснительнаго, существовавшаго въ цеховомъ устройствѣ, можно было сохранить все хорошее и полезное, которое заключается во всякой цѣлесообразной и раціональной организаціи.

Но на первыхъ порахъ правительство отнеслось почти во всѣхъ странахъ къ рабочему движенію отрицательно, стѣсняя и преслѣдуя всякіе рабочіе союзы. Впослѣдствіи уже не воспрещая рабочіе союзы оно стало относиться къ нимъ индиферентно; не заботясь объ организаціи движенія, правительство предоставляло ему идти своимъ путемъ.

Такая политика привела къ самымъ печальнымъ результатамъ, тому развитію соціализма, которое вездѣ получаетъ все бо́льшее и бо́льшее преобладаніе. Даже въ

Англіи,—классической странѣ индивидуализма—гдѣ соціалистическія теоріи долго не могли найти почвы, на послѣднихъ собраніяхъ тредюніонистовъ соціалистическія тенденціи не только высказались, но и получили рѣшительное преобладаніе.

Теперь всѣ поняли опасность и стремятся введеніемъ посредническихъ коммиссій и разными другими мѣрами остановить развитіе зла; но какъ бы не было слишкомъ поздно!

Многія обстоятельства заставляютъ опасаться, что удобное время пропущено, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ соціализмъ получилъ уже значительное развитіе.

Еще въ эпоху полнѣйшаго господства теоріи индивидуализма, въ Англіи противъ этого направленія возвышался авторитетный голосъ Карлейля. Этотъ геніальный писатель раньше другихъ и глубже другихъ предвидѣлъ и предсказалъ опасность господства подобнаго односторонняго направленія.

«Соціальный вопросъ»—говоритъ Карлейль,—«представляется неразрѣшимымъ (т.-е. при данномъ направленіи); ибо по мѣрѣ того, какъ общество подвигается впередъ въ индивидуалистическомъ отношеніи, зло все болѣе и болѣе растетъ. Индивидуализмъ не послѣднее слово цивилизаціи; это самое первое проявленіе жизни человѣка, находящагося въ дикомъ состояніи; то, что возвышаетъ человѣка надъ животнымъ, это способность жизни въ общественныхъ условіяхъ, а всякое общество покоится на альтруистическомъ началѣ, т.-е. на извѣстной долѣ самопожертвованія въ пользу общества (согласіи на подчиненіе нѣкоторому ограниченію своихъ индивидуальныхъ правъ и воленій).

«Въ настоящее время съ одной стороны накопляются громадныя богатства, а съ другой стороны эти богатства

приносятъ очень мало пользы массѣ народа. На одной сторонѣ перепроизводство, на другой—недостатокъ и нужда. Положеніе англійскаго общества можно сравнить съ положеніемъ миѳологическаго царя Мидаса, котораго боги одарили громаднымъ изобиліемъ золота, но который погибъ съ голода посреди своего богатства, не имѣя возможности превратить золото въ хлѣбъ. Весь народъ распадается на два класса: богатыхъ и бѣдныхъ; между ними стоитъ еще среднее сословіе, образующее какъ бы соединительный между ними мостъ, но этотъ мостъ становится все уже и все тоньше. На двухъ полюсахъ общества богатство и голодъ дѣйствуютъ какъ два противоположные электрическіе тока и все болѣе растетъ опасность, что они соединятся во всесокрушающемъ блескѣ молніи».

По мнѣнію Карлейля, положеніе англійскихъ рабочихъ въ его время было хуже, чѣмъ въ какую-либо другую изъ предшествовавшихъ эпохъ.

Какая же причина столь бѣдственнаго положенія дѣла,—спрашиваетъ Карлейль?

«Pauperism is ower social sin grown manifest [1]). Всѣ недостатки и страданія, которые проявляются въ настоящемъ обществѣ, суть только симптомы той внутренней болѣзни, которою страдаетъ Англія, и потому всякое леченіе, въ видѣ вспомоществованія бѣднымъ и т. п., въ состояніи только удалить симптомъ болѣзни, а не исцѣлить самую болѣзнь.

«Мѣсто вѣры (убѣжденія) заняло невѣріе (т.-е. индиферентизмъ); на мѣсто общественной дѣятельности стала эгоистическая дѣятельность лицъ, заботящихся только о собственномъ, а не объ общественномъ интересѣ. Преж-

[1]) Пауперизмъ — это обнаруженіе нашего соціальнаго (общественнаго) грѣха.

няя организація все болѣе и болѣе разрушается. Между тѣмъ какъ въ прежнія времена отдѣльныя лица органически сливались въ группы, нынѣ каждый индивидуумъ все болѣе и болѣе изолируется. То, что мы въ настоящее время называемъ обществомъ, все болѣе и болѣе приближается къ тому состоянію борьбы внѣ всякаго общества, которое существовало въ самыя первыя дикія времена. Въ этой борьбѣ слабый все болѣе принижается, а сильный все болѣе возвышается.

«Членъ клана и старшина начальникъ его,—вассалъ и его сюзеренъ,—крѣпостной селянинъ и его господинъ,—солдатъ и его начальникъ,—подданный и глава государства, находились между собою во взаимныхъ обязательныхъ отношеніяхъ. Въ основаніи этихъ отношеній лежалъ не расчетъ прибыли и убытка, а нѣкоторыя идеи: лояльности, справедливости, долга и т. п., идеи, которыя должны были осуществляться въ этихъ обязательныхъ отношеніяхъ. Несомнѣнно, часто эти идеи въ дѣйствительности не осуществлялись, но все же было важно, что онѣ существовали и что неисполненіе требованій, поставленныхъ ими, считались въ нѣкоторой мѣрѣ нелояльностью,—измѣною долгу. Нынѣ же эти идеи совершенно исчезли, а новыхъ руководящихъ началъ не возникло». Противупоставляя фабрикантовъ своего времени рыцарю прежнихъ временъ, который по крайней мѣрѣ принципіально былъ обязанъ бороться за идею справедливости,—Карлейль сравниваетъ ихъ съ дикими, которые ведутъ борьбу только изъ-за добычи. «Сюзеренъ былъ связанъ со своимъ васаломъ общими интересами, они были принуждены дѣлить вмѣстѣ радость и горе, прибыль и убытокъ;—нынѣ же богатый пользуется бѣднымъ только для своихъ собственныхъ цѣлей; ему необходимо содержать его пока онъ для него работаетъ; но только

что онъ можетъ обойтись безъ него—онъ старается развязаться съ нимъ. Заплативъ ему сполна заработную плату, онъ убѣжденъ, что по справедливости вполнѣ съ нимъ расквитался и уже ничѣмъ ему болѣе не обязанъ. Бѣда въ томъ, что сознаніе отвѣтственности, связанной со властью и имуществомъ, совершенно теряется почти во всѣхъ классахъ общества [1]).

«Въ настоящее время всѣ люди стараются какъ можно скорѣе разстаться другъ съ другомъ. Между тѣмъ все развитіе цивилизаціи совершалось такимъ путемъ, что отношеніе между личностями становилось все продолжительнѣе. Номадъ свободнѣе земледѣльца; онъ даже домъ свой перевозитъ съ мѣста на мѣсто. Всякій прогрессъ состоитъ именно въ томъ, что подобная несвязность мало-по-малу прекращается. Цивилизованный человѣкъ живетъ не въ колесныхъ домахъ; онъ строитъ каменные хоромы, воздѣлываетъ поле, заключаетъ бракъ на всю жизнь, обладаетъ многими издавна сложившимися благами, которыя даже не могутъ цѣниться на денежномъ рынкѣ,—родословной, библіотекой, книгой законовъ и т. п. Его связываютъ съ землею воспоминанія и надежды, которыя захватываютъ тысячелѣтія, и ими же онъ связывается съ подобными ему существами самыми разнообразными узами.

«Настоящая рознь, существующая нынѣ рѣзкая противоположность интересовъ между людьми происходитъ отъ того, что высшіе классы перестали признавать и

---

[1]) Карлейль приводитъ въ видѣ сатиры разсказъ, какъ одинъ человѣкъ, проработавши все лѣто на своихъ лошадяхъ, говоритъ имъ осенью: у меня теперь зимою не будетъ для васъ работы, но гдѣ-нибудь въ мірѣ работа всегда найдется; я даю вамъ полную свободу, бѣгите и ищите гдѣ вы найдете работу. Лошади убѣгаютъ, ищутъ работы, нигдѣ ея не находятъ, и наконецъ съ отчаянія перескакиваютъ черезъ заборъ и начинаютъ ѣсть чужое добро.

исполнять тѣ обязанности, къ которымъ они призваны— а именно: руководить низшими классами.

«Изо всего этого вытекаетъ, что индивидуализмъ есть отрицаніе общества. Люди увидѣли міръ не таковымъ, каковъ онъ въ дѣйствительности; но природа говоритъ тѣмъ индивидумамъ и тѣмъ народамъ индивидумовъ, которые стремятся устроить свою жизнь на ошибочномъ воззрѣніи исключительности индивидуализма: нѣтъ, вы ошибаетесь. По этому пути васъ ожидаютъ: затхлость, паденіе, недостатокъ пищи, развалившіяся хижины, затѣмъ соціальная демократія, баррикады, крайности республики и въ концѣ концовъ—хаосъ»!

Вотъ почему Карлейль восклицаетъ, обращаясь къ современнымъ ему сторонникамъ индивидуализма: «вы не созидаете новаго превосходнѣйшаго общества, какъ вы это полагаете, но вы занимаетесь ежедневнымъ расшатываніемъ зданія, сооруженнаго вашими отцами,—зданія, которое, хотя и не вполнѣ ограждало отъ дождя, но все же давало вамъ кой-какое пристанище».

Это господствовавшее около 1860-хъ годовъ во всей Европѣ направленіе индивидуализма, направленіе, которое не осталось безъ глубокаго вліянія и на общественное мнѣніе Россіи, необходимо принять въ соображеніе, при оцѣнкѣ крестьянскаго положенія. Составители его очевидно не могли не подчиняться вліянію преобладавшей въ тѣ времена идеѣ, и можно только удивляться той мудрой осторожности, съ которою они старались избѣжать всякихъ крайностей въ этомъ направленіи, но господствующая идея не могла не дать нѣкоторой окраски ихъ замѣчательному созданію.

Въ настоящее время, когда сама исторія взяла на себя трудъ указать намъ вредныя послѣдствія крайняго индивидуализма, мы можемъ, не подчиняясь никакой гос-

подствующей теоріи и не связываясь никакими предвзятыми мыслями, приступить къ изслѣдованію различныхъ сторонъ крестьянскаго землевладѣнія и въ особенности общиннаго вопроса, исключительно на основаніи того, что намъ дѣйствительно даетъ жизнь.

ГЛАВА III.

Общинное владѣніе и частная собственность.

Общинное владѣніе, какъ извѣстно, не представляетъ исключительной бытовой принадлежности Россіи; это переходный моментъ образа пользованія землей, черезъ который прошли и другія европейскія государства. Съ развитіемъ культуры, общинное владѣніе вездѣ уступало мѣсто частной собственности, составляющей идеалъ народнаго хозяйства всякаго благоустроеннаго и развитаго государства...

Таково ходячее понятіе, которое преобладаетъ у насъ и въ литературѣ, и въ общественномъ мнѣніи.

Что общинное владѣніе существовало и въ другихъ странахъ—это несомнѣнно; также несомнѣнно, что оно вездѣ постепенно преобразовывалось въ частную собственность; но представляетъ ли ничѣмъ неограниченная частная земельная собственность наиболѣе совершенный идеалъ развитія народнаго хозяйства?

Для отвѣта на такой вопросъ желательно воспользоваться вѣковымъ опытомъ другихъ странъ. Если опытъ европейской жизни отвѣчаетъ утвердительно на вышепоставленный вопросъ, то, очевидно, и насъ долженъ ожи-

дать въ будущемъ переходъ къ ничѣмъ неограниченной частной земельной собственности, и вся задача будетъ заключаться только въ томъ—въ какой постепенности и какимъ путемъ слѣдуетъ идти къ осуществленію предлежащей намъ цѣли.

Частная собственность можетъ, однако, принимать различныя формы въ своемъ проявленіи,—какая же изъ этихъ формъ наиболѣе примѣнима къ намъ? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, слѣдуетъ выяснить: какой наиболѣе совершенный типъ частной поземельной собственности выработался въ Европѣ, т.-е. какая изъ формъ частной земельной собственности наиболѣе оправдалась въ жизни другихъ странъ?

Поземельная собственность распадается, главнымъ образомъ, на два противоположные типа:—большой поземельной собственности, преобладающей преимущественно въ Англіи и южной Италіи,—и мелкой поземельной собственности, доступной безграничному дробленію, главнымъ представителемъ коей служитъ Франція.

Средняя земельная собственность нигдѣ не играетъ выдающейся роли; по своему распространенію въ странѣ, она уступаетъ почти вездѣ большой дворянской и мелкой крестьянской собственности, тѣмъ болѣе, что довольно трудно провести грань—гдѣ кончается большое, и гдѣ начинается среднее землевладѣніе,—такъ какъ по своему характеру и по своимъ свойствамъ среднее землевладѣніе весьма мало отличается отъ большой поземельной собственности, между тѣмъ какъ мелкое крестьянское землевладѣніе обладаетъ весьма отличительнымъ признакомъ: это—воздѣлка земли и веденіе хозяйства самимъ землевладѣльцемъ.

Вышеприведенный «Очеркъ исторіи развитія и упадка народовъ», Ганзена и состояніе настоящаго положенія

дѣлъ въ Сициліи, по современнымъ итальянскимъ источникамъ,—приводятъ къ несомнѣнному заключенію, что преобладаніе большаго землевладѣнія въ странѣ, такъ называемыхъ латифундій, отзывается весьма неблагопріятно на благосостояніи государства. Замѣчательно, что почти два тысячелѣтія тому назадъ, въ отрицательной оцѣнкѣ этой формы землевладѣнія Ганзену предшествовалъ другой, знаменитый въ свое время писатель, Плиній, слова котораго: «Latifundia perdidera Italiam, jam vero et provincias»—достаточно извѣстны.

Совершенно другія послѣдствія имѣетъ, повидимому, преобладаніе мелкой земельной собственности. Согласно господствующему мнѣнію, измельчаніе земли привело во Франціи къ самымъ благопріятнымъ результатамъ, не только въ народно-хозяйственномъ, но и въ соціальномъ отношеніи, служа лучшимъ оплотомъ противъ распространенія коммунистическихъ ученій, такъ какъ всѣ мелкіе крестьяне—землевладѣльцы, а число ихъ милліоны,—и всѣ стоятъ за идею собственности. Земля свободна, доступна всѣмъ, и потому самый мелкій людъ находится въ обладаніи клочка земли. Какъ же селянину не стоять безусловно за право собственности!

Выразителемъ этого мнѣнія, въ послѣднее время, явился извѣстный писатель Maurice Block, въ сочиненіи: «l'Europe politique, économique et sociale», изд. 1894 г.

По его указаніямъ, изъ 38 милліоновъ жителей во Франціи, до 19 милліоновъ составляютъ сельское населеніе. Земля распредѣлена между значительнымъ числомъ рукъ. Въ 1875 г. во Франціи считалось 10 милліоновъ участковъ, въ 1882 г.—12 милліоновъ, а въ 1884 г.—уже 14 милліоновъ. Число же собственно земледѣльцевъ, владѣющихъ землею, увеличилось въ десять лѣтъ на 338.000. Изъ числа земельныхъ участковъ только

около полупроцента принадлежитъ большой собственности, т.-е. имѣніямъ, превышающимъ 40 гектаровъ. Эти цифры несомнѣнно указываютъ на благопріятное положеніе сельскаго сословія.

Къ тому же результату приходитъ и другой защитникъ измельчанія земельной собственности, нѣмецкій писатель Брентано. По его словамъ, свободная дѣлимость крестьянскихъ земель крайне поощряетъ стремленіе народа къ сбереженію. Всякому желательно купить клочокъ земли, и потому всякій стремится накопить небольшую сумму, чтобы сдѣлаться землевладѣльцемъ. Изъ числа полутора милліона сельскихъ рабочихъ во Франціи 727.000 владѣютъ сами небольшими участками земли. Измельчаніе земли привело къ тому, что вся Франція обработана какъ садъ. Пространство обработанной земли, по отношенію ко всей площади, увеличилось съ 78 на 83%; средній доходъ съ гектара удвоился, и вмѣстѣ съ тѣмъ задолженность крестьянъ за послѣднія двадцать лѣтъ уменьшилась, потому что наслѣдственные дѣлежи происходятъ натурой, и выдѣленіе наслѣдниковъ не вызываетъ отягощенія земли долгами; въ томъ же смыслѣ дѣйствуетъ и уменьщеніе числа рожденій.

Но если ближе вникнуть въ дѣло, то положеніе земледѣльческаго населенія Франціи представляется нѣсколько въ другомъ видѣ. Беркгаузъ, въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Münch. Allg. Zeitung», доказываетъ, что производительность питательныхъ веществъ съ 1789 года уменьшилась во Франціи. Площадь, занимаемая большими имѣніями, свыше 40 гектаровъ, составляетъ около 45% всего пространства обрабатываемой земли, хотя по числу имѣній въ сравненіи съ массою мелкихъ участковъ, большія имѣнія, какъ указываетъ M. Block, и могутъ составлять всего $^1/_2$%! Одно большое, «латифундіальное» имѣніе,

можетъ по пространству равняться сотнямъ и тысячамъ мелкихъ участковъ. Пространство, занимаемое мелкими участками, вмѣщающими менѣе 10 гектаровъ, составляетъ только 25% или около одной четверти всей культивированной земли, такъ что, повидимому, дѣло идетъ къ поглощенію мелкой собственности «латифундіями»—крупною собственностью.

Параллельно съ оптимистическими воззрѣніями Блока, и во Франціи слышатся другіе голоса, горько жалующіеся на бѣдственное положеніе сельскаго хозяйства и на поглощеніе мелкихъ участковъ большими владѣніями. Вслѣдствіе соперничества дешеваго американскаго и азіатскаго зерна, сельское хозяйство находится въ страдательномъ положеніи во всей Европѣ, но во Франціи къ этому присоединяются еще послѣдствія крайняго измельчанія земли, вызваннаго закономъ о равной дѣлимости наслѣдства, большая подвижность имѣній и постоянная ихъ перепродажа. Наполеоновскій законъ вызвалъ въ жизнь значительное крестьянское сословіе, это несомнѣнно, — но то же измельчаніе земли, содѣйствовавшее въ началѣ распространенію крестьянскаго сословія, впослѣдствіи, при крайнемъ своемъ развитіи и подорвало это сословіе;— образовать мелкую собственность не трудно, но сохранить ее—гораздо труднѣе. Обязательный равный раздѣлъ имущества между всѣми дѣтьми часто по необходимости приводитъ къ ликвидаціи наслѣдства, т.-е. къ превращенію его въ деньги, для болѣе удобнаго раздѣла капитала между наслѣдниками; это обстоятельство и вызываетъ постоянную продажу и перепродажу земли. Привязанность сельскаго населенія къ землѣ начинаетъ уменьшаться, появляется стремленіе къ хищнической эксплуатаціи земли, а послѣдствіемъ всего этого оказывается разореніе мелкой и средней земельной собственности и

переходъ земли въ руки новыхъ большихъ владѣльцевъ. Богатому землевладѣльцу, желающему прикупить сосѣдніе, мелкіе, крестьянскіе участки, приходится только выждать удобное время. Всякій семейный раздѣлъ послѣ смерти хозяина-землевладѣльца даетъ богатому сосѣду случай пріобрѣсть тотъ или другой смежный участокъ, и притомъ съ публичной продажи по дешевой цѣнѣ. Такимъ образомъ, во Франціи за послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ начали образовываться настоящія «латифундіи»; и эти «латифундіи» расположены не въ самой бѣдной, а въ самой богатой части Франціи. Всѣ виноградники деп. Жиронды, производящіе лучшія вина, перешли въ небольшое число рукъ. Есть владѣльцы виноградниковъ, производящіе ежегодно до трехъ милліоновъ литровъ вина. То же самое можно сказать и про пшеничныя и свекловичныя земли. Вездѣ встрѣчаются капиталисты-горожане, пріобрѣтающіе громадныя пространства земли. Новые землевладѣльцы значительно отличаются отъ прежнихъ, владѣвшихъ наслѣдственно имѣніями; то были дѣйствительно сельскіе люди, а не спекулянты на землю. Живя въ Парижѣ и проживая тамъ доходы отъ своихъ имѣній, новые землевладѣльцы ничѣмъ не связаны съ мѣстнымъ сельскимъ людомъ. Завѣдываніе имѣніемъ предоставляется управляющимъ или фермерамъ. Многіе покупаютъ и продаютъ землю на спекуляцію, какъ акціи, имѣя въ виду нажиться только на разницѣ въ цѣнѣ. Объ увеличеніи производительности земли въ своихъ имѣніяхъ они мало заботятся. Въ видахъ увеличенія доходности, разбиваютъ землю на мелкіе участки и сдаютъ ихъ въ аренду.

На подобіе того, что̀ издавна происходитъ въ Англіи и во Франціи, мелкіе фермеры начинаютъ въ послѣднее время вытѣснять классъ мелкихъ землевладѣльцевъ; —

положеніе самое неблагопріятное для страны, какъ это показалъ примѣръ Ирландіи. Клочекъ земли, который едва въ состояніи питать одного хозяина, теперь долженъ питать двухъ—собственника и фермера.

Въ этомъ заключается одна изъ главныхъ причинъ настоящаго затруднительнаго положенія сельскаго хозяйства во Франціи. Въ «Revue des Revues» (1894 г.)—G. Saint-Auclair, давая отчетъ о книгѣ Lair'a: «Etudes sur les populations rurales», указываетъ, что, по мнѣнію Лэра, французское земледѣліе находится въ бѣдственномъ положеніи: «l'agriculture française est aux abois». Сельскій пауперизмъ, подъ вліяніемъ упадка цѣнъ на хлѣбъ и ряда неурожаевъ, развился въ ужасающихъ размѣрахъ. Масса нищихъ и бродягъ шляются изъ фермы въ ферму, облагая ихъ рѣшительно контрибуціями (rançonnant et terrorisant les cultivateurs);—въ случаѣ отказа въ помощи, они поджигаютъ дома и амбары, топчутъ цвѣтники и т. п.

Несомнѣнно, паденіе цѣнъ и неурожаи имѣли большое значеніе въ упадкѣ земледѣлія и во Франціи. Но еслибы крестьянское населеніе сохранилось тамъ въ лучшемъ положеніи, то эти пагубныя явленія не отразились бы на сельскомъ хозяйствѣ столь разорительнымъ образомъ. Крестьянинъ-землевладѣлецъ менѣе другихъ страдаетъ отъ упадка цѣнъ на зерно, потому что значительную долю своего хлѣба онъ самъ потребляетъ въ своемъ хозяйствѣ. Неурожаи подавляютъ и его, но состоятельный крестьянинъ всегда легче можетъ вынести эту невзгоду;—у него могутъ быть средства и запасы, которые позволятъ ему безъ разоренія переносить тяжелое время, особенно если онъ не обремененъ долгами. Измельчаніе собственности дошло, однако, до того, что число состоятельныхъ крестьянъ уменьшается изъ года въ годъ; всѣ эти

мелкіе собственники, вслѣдствіе пульверизаціи земли, не могутъ и думать о какомъ-либо раціональномъ хозяйствѣ, о сбереженіи запасовъ на черный день,—они живутъ изодня въ день, и потому первымъ же неурожаемъ разоряются.

Что положеніе сельскаго населенія далеко не столь удовлетворительно, какъ его описываетъ Морисъ Блокъ—можно заключить уже изъ того обстоятельства, что вожди соціализма начали въ послѣднее время переносить пропаганду своего ученія въ сельскія мѣстности, т.-е. въ ту среду, которая до сихъ поръ была имъ недоступна, и которую М. Блокъ, въ своемъ оптимизмѣ, считаетъ все еще лучшимъ оплотомъ противъ всякихъ разрушительныхъ тенденцій. До сихъ поръ соціалистическая партія рекрутировалась, главнымъ образомъ, изъ среды рабочихъ большихъ фабрикъ, горнаго промысла, портовыхъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Мелкая промышленность и ремесло держатся отъ нея въ сторонѣ. Но въ настоящее время вожди соціализма открываютъ кампанію уже въ средѣ сельскаго населенія; это открыто было заявлено ими на послѣднемъ соціалистическомъ конгрессѣ, въ Нантѣ. Давленіе большой поземельной собственности на мелкихъ владѣльцевъ, въ связи съ несправедливымъ распредѣленіемъ податей, вызываетъ въ значительной мѣрѣ неудовольствіе крестьянъ; этимъ обстоятельствомъ соціаль-демократы и хотятъ воспользоваться для своей агитаціи, полагая не безъ основанія, что наступило время къ вербованію сторонниковъ въ средѣ мелкаго земледѣльческаго сословія. Они заявили въ Нантѣ, что намѣрены пріостановиться забастовками въ промышленныхъ центрахъ и перенести пропаганду въ селенія, обѣщая мелкимъ землевладѣльцамъ и сельскимъ рабочимъ новый «аграрный» законъ. Они намѣрены преимущественно обратиться къ такимъ рабочимъ, которые, вслѣдствіе безпре-

станныхъ раздѣловъ земли, превратились въ простыхъ поденщиковъ, со словами: «вы обмануты тѣми, которые владѣютъ теперь вашею землею; они васъ обокрали и продолжаютъ васъ эксплуатировать; мы соціаль-демократы, можемъ вамъ вернуть вашу собственность,—въ городахъ нашъ девизъ: право на работу; въ селеніяхъ—право на землю».

Серьезное значеніе, которое придаютъ во Франціи этому новому направленію соціаль-демократической партіи, можно вывести изъ того, что вскорѣ послѣ нантскаго конгресса знаменитый французскій государственный человѣкъ и ученый Jules Simon, спеціалистъ по рабочему вопросу, въ статьѣ, помѣщенной въ газетѣ «Figaro» и обратившей на себя всеобщее вниманіе, высказалъ мнѣніе, прямо противоположное поверхностному оптимизму М. Блока. Жюль Симонъ полагаетъ, что соціалистическимъ агитаторамъ не особенно трудно будетъ вовлечь въ свои теоріи мелкаго землевладѣльца, которому приходится напрягать всѣ силы, только для того, чтобы съ трудомъ прокормить себя и своихъ, и вселить въ него убѣжденіе, что государство и общество очень мало дѣлаютъ въ его пользу; это имъ удастся по мнѣнію Ж. Симона, и тѣмъ легче, что въ деревняхъ съ развитіемъ неудовольствія идетъ рука объ руку и уменьшеніе религіознаго чувства. «Если мы допустимъ,—заключаетъ онъ свою статью,—распространеніе соціалистической пропаганды въ этой сферѣ, въ средѣ населенія, столь подготовленнаго къ воспринятію ея,—то можетъ освободиться ужасная сила, которая пока еще сама себя не сознаётъ; мы усматриваемъ, какъ возможное и даже вѣроятное послѣдствіе этого начинающагося движенія, повтореніе прежнихъ крестьянскихъ войнъ, такъ-называемой jacquerie».

Можно однако замѣтить, что во Франціи дѣло дошло до столь печальнаго положенія не вслѣдствіе свободы дѣлимости земли, а вслѣдствіе обязательности раздѣла земли по наслѣдству между всѣми дѣтьми въ равныхъ доляхъ, въ силу закона Наполеона I.

Въ Германіи такого обязательнаго постановленія не существуетъ (кромѣ немногихъ мѣстностей южной Германіи, которыя сохранили еще Наполеоновскій кодексъ), а между тѣмъ и тамъ поднятъ въ настоящее время сельско-хозяйственный и землевладѣльческій вопросъ.

Чтобы составить себѣ понятіе о настоящемъ положеніи сельскаго хозяйства въ Германіи, приведемъ прежде всего авторитетныя слова, произнесенныя нынѣшнимъ министромъ финансовъ Микелемъ, въ собраніи сельскихъ землевладѣльцевъ, происходившемъ въ началѣ 1894 года:

«Нѣмецкое сельское хозяйство,—говоритъ г. Микель,—находится въ бѣдственномъ положеніи (Nothlage); положеніе это обусловлено тѣмъ обстоятельствомъ, что, при возрастающихъ собственныхъ расходахъ производства, ему приходится конкурировать съ продуктами странъ, производящихъ гораздо дешевле. Въ началѣ столѣтія земельная собственность была освобождена отъ всѣхъ, лежавшихъ на ней, феодальныхъ тягостей, но затѣмъ правительство уже не считало болѣе нужнымъ заботиться о ней. Необходимо вернуться отъ господствовавшаго въ то время убѣжденія, что поземельная собственность—товаръ, какъ и всякій другой,—къ старогерманскому праву, по которому земля составляла не индивидуальную собственность, но родъ семейной собственности, съ особеннымъ наслѣдственнымъ порядкомъ. Въ послѣднія тридцать лѣтъ законы издавались только для промышленности; теперь нужно обратить вниманіе и на сельское хозяйство».

Если министръ можетъ произносить въ публичномъ собраніи подобныя слова, то это служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что положеніе сельскаго хозяйства и землевладѣльцевъ озабочиваетъ въ Германіи всѣхъ и каждаго.

Параллельно съ вопросомъ о бѣдственномъ положеніи большаго землевладѣнія, вопросъ объ огражденіи крестьянскихъ семейныхъ участковъ отъ крайняго раздробленія и отъ поглощенія ихъ большою собственностью и капиталомъ — въ настоящее время самые жизненные, самые жгучіе вопросы въ Германіи.

Слова: «bäuerliches Anerberecht», крестьянское унаслѣдованіе,—какъ бы нѣкоторая магическая формула,—получили способность приковывать къ себѣ всеобщее вниманіе. Объ этомъ предметѣ говорятъ и спорятъ въ правительственныхъ сферахъ, въ агрономическихъ, народно-хозяйственныхъ и соціаль-политическихъ собраніяхъ, въ наукѣ и литературѣ.

Что́ же означаютъ эти слова?

«Anerberecht», это—прямая противоположность римскому праву наслѣдства; оно можетъ быть также переведено словами: право единичнаго наслѣдованія. Однимъ словомъ, это не что́ иное, какъ существующее уже въ дворянскихъ имѣніяхъ майоратное или минораное право; это понятіе «фидеикоммиссовъ», примѣненное къ крестьянскому землевладѣнію.

На это «Anerberecht» указываетъ и г. Микель въ своей рѣчи, говоря, что необходимо возвратиться къ древне-германскому праву, по которому земля составляла недѣлимую принадлежность всей семьи.

Но какъ возвратиться къ этому въ настоящее время: слѣдуетъ ли вводить это право обязательно или факультативно,—и если факультативно, то слѣдуетъ ли ввести

«Anerberecht», какъ вообще господствующее право, которое получаетъ примѣненіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ духовномъ завѣщаніи не сдѣлано спеціальнаго распоряженія, отмѣняющаго это право по отношенію къ данному случаю (directes Intestaterberecht)? — или слѣдуетъ, наоборотъ, предоставить каждому, желающему ввести въ своемъ семействѣ Anerberecht, заявить о томъ правительству, для внесенія его имѣнія въ особый списокъ — «Höferolle», въ который включаются всѣ земли, стоящія подъ дѣйствіемъ Anerberecht'а (indirectes Intestaterberecht)?—затѣмъ, какимъ способомъ удовлетворять другихъ наслѣдниковъ,—выдѣленіемъ-ли извѣстнаго капитала, или только части доходовъ; какъ при этомъ опредѣлять стоимость имѣнія, на основаніи его дѣйствительной стоимости, или рыночной цѣнности; какимъ образомъ должна происходить уплата выдѣляемой сонаслѣдникамъ части; кому слѣдуетъ предоставить выборъ наслѣдника; затѣмъ, въ какой мѣрѣ слѣдуетъ ограничить при этомъ кредитоспособность крестьянъ: слѣдуетъ ли поставить ее подъ контроль сельскаго общества, съ солидарнымъ ручательствомъ онаго; наконецъ, не слѣдуетъ ли вообще допустить нѣкоторую опеку, нѣкоторый надзоръ деревенскаго общества за всѣми его членами, и въ какой мѣрѣ?—вотъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые сосредоточиваютъ на себѣ въ настоящее время общественное вниманіе въ Германіи, вызывая самыя ожесточенныя пренія [1]).

---

[1]) До какой степени всѣ заинтересованы этимъ вопросомъ, можно судить по массѣ книгъ и статей, появляющихся въ печати. При поверхностномъ даже обзорѣ литературы этого предмета за самое послѣднее время, можно указать на слѣдующія сочиненія и статьи:

Ed. Braun.—Berufsgenossenschaften der Gegenwart und Zukunft in Russland und Deutschland.

Weber—Статьи въ Schriften des Vereins für Socialpolitik.

Дальше всѣхъ, въ смыслѣ преобразованія настоящаго положенія частной поземельной собственности, идетъ доцентъ полит. экон. въ Цюрихѣ, Руландъ, въ своемъ «Leitfaden zur Einführung in das Studium der Agrarpolitik».

По его мнѣнію, послѣ того, какъ всѣ слѣдовавшія одна за другою теоріи, и свобода торговли, и умѣренная протекція, и соціализмъ, оказались несостоятельными къ разрѣшенію аграрнаго вопроса,—слѣдуетъ направить стремленіе главнымъ образомъ, къ эманципаціи земли отъ власти капитала. Съ этою цѣлью онъ предлагаетъ обращеніе поземельной собственности частью въ артельное, частью въ общинное владѣніе (Vergesellschaftlichung des Grundbesitzes); — въ этихъ видахъ Руландъ не останавливается даже передъ выкупомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, земли казною; онъ совѣтуетъ организовать сельскій кредитъ по системѣ Родбертуса и Шефле. Наконецъ, Руландъ полагаетъ, что слѣдовало бы допускать пріобрѣтеніе недвижимыхъ имѣній только такими покупателями, которые въ состояніи уплатить всю стоимость имѣнія, безъ пособія кредита; онъ не отрицаетъ, что это будетъ имѣть, въ нѣкоторой мѣрѣ, характеръ монополизаціи земли, но онъ считаетъ это полезнымъ въ видахъ перехода земель-

---

D-r A. Stengele—Das Anerberecht und seine Bedeutung für Süddeutschland.

Th. Saergel—Das häusliche Erbrecht in Baiern und sein Einfluss auf die socialen Verhältnisse.

Rodbertus—Rentenprincip.

Schäffle—Incorporation des Hypothecarcredits. Deutsche Kern und Zeitfragen.

Ratzinger—Erhaltung des Bauernstandes.

Ruhland—Ueber die Grundprincipien actueller Agrarpolitik.

Его же—Leitfaden zur Einführung in das Studium der Agrarpolitik.

Conrad—Verwerthung des Rentenprincips für Sicherung der Grundbesitzverhältnisse. Jahrbuch für Nat. Oec.

Buchenberger—Agrarwesen und Agrarpolitik.

Brentano—Ueber Gebundenheit und Theilbarkeit des ländlichen Grundeigenthums. Vortr. in der jur. Gesel. in München.

ныхъ участковъ только въ руки самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ.

По его мнѣнію, одна изъ главныхъ задачъ національной хозяйственной политики заключается въ возстановленіи прежняго разграниченія и прежней противоположности (Gegensatz) между городомъ и селеніемъ (Stadt und Land); это—своего рода естественное дѣленіе труда, такъ какъ горожанинъ-капиталистъ, занятый промышленною и торговою дѣятельностью въ городѣ, не можетъ посвящать себя одновременно завѣдыванію хозяйствомъ своего сельскаго имѣнія, и принужденъ предоставить эту работу другимъ, т.-е. управляющимъ. Необходимо, чтобы земля была сохранена для производительной работы и не сдѣлалась добычей капитала, который пріобрѣтаетъ недвижимыя имѣнія большею частью для спекулятивныхъ цѣлей, или для своего удовольствія. Сохраненіе производительной функціи земли необходимо для блага соціальнаго организма; сельскозяйственная дѣятельность была до сихъ поръ носителемъ всего происходившаго въ ней развитія; ее необходимо потому сохранить, въ видахъ поддержанія дальнѣйшаго развитія существующаго. Авторъ описываетъ самыми яркими красками, высказывая притомъ много новыхъ соображеній, опасность, которой подвергается народъ, допускающій развитіе задолженности сельской недвижимой собственности (Grundbesitz) городскому капиталу, происходящее оттого опустѣніе земли (Verödung des flachen Landes), усиливающуюся зависимость продовольствія страны отъ иностранныхъ рынковъ, и обращеніе земли, агента производительности, на непроизводительныя цѣли, превращеніемъ ея въ сады, парки, охотничьи ограды и т. п.

Древне-германская, полная свѣжей жизни противоположность между городомъ и сельскою мѣстностью (Stadt

und Land),—говоритъ Руландъ,—подвергается опасности совершенно исчезнуть. Производство хлѣба все болѣе и болѣе падаетъ ниже уровня потребленія страны. При высокой цѣнѣ земли и значительной задолженности имѣній, сельское хозяйство становится все менѣе и менѣе выгоднымъ; вслѣдствіе того усиливается переселеніе изъ деревни въ городъ, и въ обратномъ смыслѣ происходитъ движеніе, наплывъ богатыхъ горожанъ въ сельскія мѣстности. Капиталистъ скупаетъ крестьянскіе участки, и скоро въ Германіи придутъ къ тому же положенію, въ которомъ находится Англія, гдѣ сельская земельная собственность достигла столь высокихъ цѣнъ, что земля уже не можетъ обрабатываться дѣйствительными сельскими хозяевами. Сельская земельная собственность сдѣлалась роскошью городскихъ обывателей; покупаютъ земли не для обработки ихъ, не для серьезнаго занятія сельскимъ хозяйствомъ, а для того, чтобы играть въ лэндлорды. Деревни, особенно въ красивыхъ живописныхъ мѣстностяхъ, замѣняются замками, парками и охотничьими оградами. Въ такихъ имѣніяхъ земля допускается къ обработкѣ только въ тѣхъ ея частяхъ, которыя владѣльцу не нужны для его удовольствія. Въ той мѣрѣ, въ какой земледѣліе перестаетъ быть основаніемъ и регуляторомъ заготовки хлѣба для мѣстнаго населенія, въ той же мѣрѣ будущность страны становится менѣе обезпеченной, — говоритъ Руландъ.

Не такъ далеко идетъ Конрадъ въ своей статьѣ: «Verwerthung des Rentenprincips zur Sicherung der Grundbesitzverhältnisse. Онъ стоитъ за введеніе Anerberecht'a, съ тѣмъ, чтобы совладѣльцамъ выдѣлялась не часть капитала, а только часть дохода съ имѣнія (Antheil am Gutsertrag in Form einer Rente), такъ какъ наслѣдникъ наслѣдуетъ не капиталъ, а землю, дающую ему возможность полученія дохода приложеніемъ къ ней своего

труда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Конрадъ предлагаетъ учрежденіе сельскихъ кредитныхъ крестьянскихъ товариществъ, которыя, сообразно высотѣ ренты, обезпеченной за каждымъ сонаслѣдникомъ, выдавали бы на соотвѣтствующій получаемому доходу капиталъ поземельныя облигаціи, могущія быть реализуемы на биржѣ, а главный наслѣдникъ, остающійся во владѣніи имѣнія, уплачивалъ бы ренту и погашеніе въ руки кредитнаго общества, выдавшаго облигаціи. Такимъ образомъ, обязательства главнаго наслѣдника, остающагося владѣльцемъ земли, къ сонаслѣдникамъ опредѣлялось бы не капиталомъ (который приходится занимать), а рентой, и эта рента уже при посредствѣ кредитнаго общества и биржи превращалась бы въ капиталъ соотвѣтственно условіямъ денежнаго рынка въ данное время.

Шефле, сходясь въ этомъ вопросѣ съ Руландомъ, съ своей стороны предлагаетъ «инкорпорацію сельскаго ипотечнаго кредита», — т.-е. образованіе для крестьянской недвижимой собственности общественныхъ крестьянскихъ земельныхъ банковъ—съ солидарною отвѣтственностью на подобіе тѣхъ кредитныхъ обществъ, которыя издавна уже существуютъ въ Пруссіи для большаго землевладѣнія. Руландъ отличается отъ Шефле тѣмъ, что онъ считаетъ нужнымъ положить въ основаніе оцѣнки имѣнія, какъ при залогѣ его, такъ и при продажѣ, истинную цѣнность земли (wahre Werth). Эта истинная цѣнность должна быть опредѣляема на основаніи разсчета доходности земли (Ertragswerth) при экстензивномъ на ней хозяйствѣ,—за которое онъ принимаетъ трехпольную систему, и съ прибавленіемъ къ выведенной на этомъ основаніи цифрѣ стоимости всѣхъ произведенныхъ въ имѣніи меліорацій, улучшеній. Съ этою цѣлью, при каждомъ измѣненіи системы хозяйства стоимость

происходящаго отъ того возвышенія доходности должна быть опредѣляема мѣстными экспертами. Истинная цѣнность должна служить регуляторомъ выдѣла при переходѣ имѣнія по наслѣдству. При отчужденіи крестьянскаго участка, продажа можетъ быть совершаема только черезъ посредство мѣстнаго кредитнаго общества, которое беретъ имѣніе въ свое распоряженіе, выплачивая владѣльцу, желающему его продать, всю истинную цѣнность имѣнія. Затѣмъ, кредитное общество предлагаетъ это имѣніе по той же цѣнѣ мѣстнымъ крестьянамъ и отдаетъ его тому изъ нихъ, который въ состояніи внести наибольшую часть капитала истинной цѣнности. При равномъ предложеніи со стороны нѣсколькихъ крестьянъ, рѣшаетъ жребій (торговая цѣна во всякомъ случаѣ устраняется). Индивидуальная ипотека на отдѣльные участки не допускается; кредитоваться на сторонѣ можетъ только само кредитное общество. Въ случаѣ необходимости кредитнаго пособія, отдѣльно хозяинъ долженъ обращаться только къ своему мѣстному кредитному обществу. При этомъ и Шефле, и Руландъ, и Рацингеръ, который въ этомъ отношеніи къ нимъ присоединяется, — требуютъ чтобы предѣлъ кредитованія каждаго крестьянскаго хозяина былъ ограниченъ извѣстнымъ размѣромъ (Verschuldungsgränze). Крестьянину разрѣшается заключать займы только для опредѣленной цѣли: или для мелiоративныхъ работъ, или для разсчетовъ по наслѣдству, для покупки имѣнія. Покупающимъ имѣнія Шефле предполагаетъ разрѣшать кредиты не свыше 40%. Минимумъ капитала, который покупщикъ обязанъ самъ внести, долженъ составить 60%. Руландъ, какъ выше указано, идетъ въ этомъ отношеніи еще дальше.

На всѣ эти предположенія возражаетъ проф. Брентано, крайній защитникъ свободной дѣлимости земли:

«Несомнѣнно,—говоритъ онъ въ вышеуказанной рѣчи:—примѣненіе теоріи ренты Родбертуса къ регуляціи крестьянскихъ наслѣдствъ значительно облегчило бы положеніе главныхъ наслѣдниковъ (Anerben) крестьянскихъ имуществъ и уменьшило бы соразмѣрно тяжесть долговъ, лежащихъ на крестьянскихъ имуществахъ; но я отрицаю, чтобы при этомъ была соблюдена справедливость относительно сонаслѣдниковъ; кромѣ того, подобная система дѣлаетъ невозможнымъ отчужденіе частей крестьянскаго участка, такъ какъ весь участокъ долженъ отвѣчать солидарно за обязательства мѣстнаго кредитнаго общества».

Поэтому прежде всего слѣдуетъ дать себѣ отчетъ въ томъ, какіе до сихъ поръ были результаты свободной дѣлимости имѣній?

Въ Пруссіи, дѣйствительно, послѣдовало нѣкоторое поглощеніе крестьянскихъ участковъ большими имѣніями. На 1.000 гектаровъ земли въ 1816 г. приходилось 575 гектаровъ, находившихся въ рукахъ дворянства (Rittergutsbesitz), а въ 1859 г. — 597 гектаровъ, — напротивъ того, на долю самостоятельныхъ крестьянскихъ участковъ приходилось въ началѣ столѣтія 374 гектаровъ, а въ 1859 г. уже только 352 гектара.

Но что значитъ,—говоритъ авторъ,—это незначительное уменьшеніе въ виду благотворныхъ результатовъ, достигнутыхъ, напр., во Франціи свободною дѣлимостью земель (данныя его уже приведены выше). Въ тѣхъ мѣстностяхъ Германіи, гдѣ существуетъ свободная дѣлимость земли, земля находится въ постоянномъ движеніи, и много участковъ пріобрѣтаются фабричными рабочими. Когда въ 1848 г. были отмѣнены въ Баваріи прежніе законы, стѣснявшіе свободное распоряженіе поземельною собственностью, крестьяне стали широко пользоваться новою свободой, часто съ пользою для себя, а часто и

къ своему вреду. Это обстоятельство и вызвало измѣненіе настроенія общественнаго мнѣнія въ смыслѣ склоненія къ ограниченію крестьянъ въ свободѣ распоряжаться своею землею. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ Anerberecht, какъ обычное право, величина крестьянскихъ участковъ уменьшается, вѣроятно вслѣдствіе обремененія ихъ долгами при выдѣлѣ сонаслѣдниковъ, въ мѣстностяхъ же нестѣсненной дѣлимости округленіе существующихъ и образованіе новыхъ сельско-хозяйственныхъ участковъ превышаетъ размѣръ измельчанія. Изъ 14 милліоновъ гектаровъ, которые подвергались раздробленію въ 1890 г., 13 милліоновъ были присоединены къ другимъ уже существующимъ имѣніямъ; кромѣ того, образовались около 17-ти новыхъ хозяйствъ величиною не менѣе 5 гектаровъ, и только остальные, менѣе милліона гектаровъ, пошли на образованіе самыхъ мелкихъ участковъ. Такимъ образомъ, оказывается, что ни свобода наслѣдованія, ни дѣлимость не могутъ считаться причиною упадка крестьянскаго благосостоянія, какъ это обыкновенно полагаютъ. Чѣмъ меньше участокъ, тѣмъ интенсивнѣе на немъ культура. Лишеніе значительной части населенія (младшихъ наслѣдниковъ) обладанія землею увеличиваетъ мѣстный пролетаріатъ.

Замкнутость имѣній, по мнѣнію Брентано, ведетъ къ крайнему обремененію ихъ долгами, при наслѣдственныхъ выдѣлахъ, и устраняетъ значительное число населенія отъ обладанія землею, что съ своей стороны ведетъ къ развитію въ народѣ непредусмотрительности и къ увеличенію числа рожденій и смертей. Свободная дѣлимость земель большею частью имѣетъ послѣдствіемъ совершенное отсутствіе задолжанія, вызываетъ сильное стремленіе къ сбереженію и, соединяя милліоны людей съ землею, призываетъ ихъ къ охранѣ начала собственности.

Большія имѣнія пріобрѣтаются въ видахъ помѣщенія капитала; другое дѣло — крестьянскія мелкія имѣнія. Земледѣлецъ, покупая землю, ищетъ не способа помѣщенія капитала, а возможности примѣнять къ землѣ свою рабочую силу; вотъ почему онъ готовъ уплатить за землю деньги, значительно превосходящія ея доходную цѣнность. При такихъ условіяхъ было бы крайне несправедливо выдѣлять сонаслѣднику только часть дохода—и притомъ не сообразно рыночной цѣнѣ имѣнія, а сообразно оцѣночной ея стоимости; тѣмъ болѣе, что отецъ, можетъ быть при пособіи всѣхъ дѣтей, переплачивалъ за покупаемую землю сумму, превышающую ея цѣнность. Главный наслѣдникъ получаетъ землю, дающую ему положеніе самостоятельнаго хозяина, а наслѣдники лишаются этого преимущества. Несправедливость подобнаго порядка наслѣдованія увеличивается въ той мѣрѣ, въ какой цѣнность земли превосходитъ ея дѣйствительную стоимость.

Брентано приходитъ потому къ заключенію, что и въ хозяйственномъ, и въ политическомъ отношеніи, опасно вводить насильственно Anerberecht въ такія мѣстности, гдѣ это право не вытекаетъ изъ свободной воли жителей и не составляетъ историческаго обычая.

Можно возразить,—прибавляетъ Брентано,—что если при свободной дѣлимости земля не обременяется наслѣдственными долгами, то зато такъ-называемые покупные долги возникаютъ въ тѣмъ бо́льшей мѣрѣ, такъ какъ, вслѣдствіе значительнаго запроса на землю, цѣна ея поднимается совершенно внѣ всякаго соотношенія къ доходности, а стремленіе къ пріобрѣтенію весьма сильно. Дѣйствительно, статистика подтверждаетъ, что обремененіе кредитомъ значительнѣе въ мелкихъ владѣніяхъ, чѣмъ въ большихъ. Но для мелкаго землевладѣльца капитальная доходность имѣнія не представляетъ преиму-

щественнаго интереса. Онъ покупаетъ землю, главнымъ образомъ, для того, чтобы имѣть возможность примѣнять къ ней свой трудъ, и вотъ почему мелкіе землевладѣльцы быстрѣе другихъ погашаютъ долги, какъ это доказываетъ тотъ фактъ, что продажа мелкихъ имѣній за долги относительно менѣе значительна, чѣмъ продажа среднихъ и большихъ имѣній. На основаніи статистическихъ данныхъ можно утверждать, что экспропріація за долги случается тѣмъ рѣже, чѣмъ болѣе, въ качествѣ источника доходности, привходитъ собственный трудъ землевладѣльца (Wirthschaftsreinertrag als Arbeitereinkommen).

«Да вообще, — заключаетъ Брентано свою рѣчь, — развѣ крестьянское самостоятельное владѣніе представляетъ идеалъ для каждой страны и для каждаго времени? Вовсе и не существуетъ такого хозяйственнаго идеала, который бы оставался навсегда неизмѣннымъ. Уже не говоря о томъ, что различныя системы хозяйничанья обусловливаются различною величиною обрабатываемой земли, нельзя же сельско-хозяйственный вопросъ разсматривать исключительно съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія. Сельское хозяйство — только часть народнаго хозяйства и потому должно направляться тѣми требованіями, которыя считаются необходимыми для общихъ цѣлей. Поэтому и распредѣленіе земельной собственности нельзя разсматривать абсолютно, а слѣдуетъ разсматривать его въ связи съ общими условіями народнаго хозяйства. Чѣмъ болѣе наше народное хозяйство изъ преимущественно земледѣльческаго переходитъ, въ настоящее время, въ положеніе преимущественно промышленное; чѣмъ болѣе, съ другой стороны, затрудняется, вслѣдствіе паденія цѣнъ, производство зерновыхъ хлѣбовъ для внутренняго рынка, — тѣмъ важнѣе въ народно-хозяйственномъ отношеніи дробленіе поземельной собственности, въ виду

того, что мелкіе участки производятъ только для собственнаго потребленія, а не для продажи. Въ своемъ хозяйствѣ мелкіе владѣльцы сохраняютъ полную самостоятельность, какая бы ни была цѣна хлѣба, а потому мелкія хозяйства и составляютъ главнѣйшую основу государственнаго и общественнаго порядка»...

Рацингеръ не считаетъ возможнымъ оставить безъ отвѣта вышеприведенныя соображенія проф. Брентано.

«Столь прославляемая проф. Брентано благодать измельчанія поземельныхъ участковъ въ дѣйствительности приведетъ въ окончательномъ результатѣ только къ горькой нищетѣ и ея послѣдствіямъ»... Вышедшій самъ изъ крестьянскаго сословія и хорошо знакомый съ исторіею ея быта, Рацингеръ приводитъ въ подтвержденіе своего мнѣнія нѣсколько фактовъ, близко ему извѣстныхъ; такъ, напримѣръ, въ общинѣ Обершвейнбахъ изъ 59 крестьянскихъ хозяйствъ остается только шесть большихъ хозяйствъ, остальныя же превратились въ мелкіе подворные участки, включающіе менѣе одного и до 5 гектаровъ. Рацингеръ соглашается съ тѣмъ, что крестьянское сословіе можетъ сохранить свой характеръ только въ томъ случаѣ, если параллельно съ ограниченіемъ владѣнія, котораго безусловно требуетъ общій интересъ, за крестьяниномъ будетъ оставлена возможность свободно распоряжаться своею индивидуальною дѣятельностью. Индивидуализмъ лежитъ въ характерѣ нѣмецкихъ крестьянъ — имъ нельзя жертвовать для ассоціаціонныхъ или корпоративныхъ цѣлей. Округленный крестьянскій дворъ составляетъ для крестьянина его экономическую единицу, его гордость и благополучіе — это чувство должно быть въ немъ сохранено. Но общество (die Gesammtheit) имѣетъ, однако, право охранять землю противъ легкомыслія или корыстолюбія ея владѣльца, т.-е. противъ ея

раздробленія подъ вліяніемъ минутнаго интереса. Брентано не признаетъ никакого общественнаго интереса по отношенію къ землѣ. Онъ останавливается на точкѣ зрѣнія отдѣльнаго землевладѣльца въ данное время, и потому отстаиваетъ его право распоряженія землею, какъ всякимъ другимъ товаромъ, т.-е. свободно продавать и раздроблять ее по усмотрѣнію.

Разумно-пропорціональное распредѣленіе земли и почвы имѣетъ, однако, не только въ соціальномъ, но и въ хозяйственномъ отношеніи величайшее значеніе. Только подобное распредѣленіе обезпечиваетъ раціональную воздѣлку земли, наибольшій зерновой доходъ и сохраненіе плодородія почвы. Только тамъ, гдѣ существуютъ покосы, несоразмѣрные пространству пахотной земли, можетъ существовать достаточное скотоводство, необходимое для удобренія земли. Слишкомъ измельченные участки не допускаютъ примѣненія правильной плодоперемѣнной системы, необходимой для возстановленія почвенныхъ силъ, и потому легко истощаются. Только въ мѣстностяхъ, въ которыхъ значительно развито промышленное производство, мелкіе участки могутъ существовать съ пользою, какъ дополнительное обезпеченіе работника.

«Мы даже,—говоритъ Рацингеръ: — признаемъ большія владѣнія, если они переходятъ въ латифундіи, величайшимъ несчастіемъ для страны. Но нѣкоторый процентъ большихъ владѣній необходимъ не только для капиталистическаго и хозяйственнаго развитія, но и для введенія культурныхъ усовершенствованій воздѣлки почвы. Многія улучшенія могутъ вводиться только крупными владѣльцами, потому что въ случаѣ неудачи, подобные опыты могутъ быть выносимы только послѣдними; мелкихъ же и среднихъ владѣльцевъ они разоряютъ. Мелкіе владѣльцы могутъ только подражать, въ случаѣ ихъ

удачи, нововведеніямъ, вводимымъ крупными владѣльцами съ значительными для себя жертвами, такъ что отъ послѣднихъ исходитъ всякій сельскохозяйственный прогрессъ. Крестьянинъ по своему характеру недовѣрчиво относится ко всякимъ нововведеніямъ, и въ этомъ онъ до извѣстной степени правъ, потому что ему часто совѣтовали мѣропріятія, которыя безъ пользы для его хозяйства обременяли его производство излишнимъ расходомъ, не увеличивая дохода. По самому существу дѣла, за большими имѣніями долженъ оставаться опытъ, а за крестьянскими — подражаніе.

«Вообще совершенно ошибочно полагаютъ, что индивидуальная свобода землевладѣльца находится въ противоположности съ тою связностью (Gebundenheit) имѣнія, которая вызывается интересами общества. Послѣдніе требуютъ, чтобы землевладѣлецъ полагалъ наиболѣе труда на воздѣлку своей земли, а именно тѣ землевладѣльцы, которые знаютъ, что ихъ имѣніе сохранится въ семействѣ, будутъ прилагать наиболѣе старанія къ своему хозяйству. Эти старанія должны ослабѣвать тамъ, гдѣ законъ, устанавливая равную дѣлимость по наслѣдству, ведетъ къ измѣльчанію имущества. Вотъ почему даже въ тѣхъ мѣстностяхъ Германіи, гдѣ существуетъ подобный законъ, здравый смыслъ крестьянъ стремится такъ или иначе обойти его вредныя послѣдствія. Въ Баваріи, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще дѣйствуетъ французскій законъ, сонаслѣдники бо́льшею частью соглашаются на выдѣлъ столь умѣренной суммы, которая дозволяла бы главному наслѣднику сохранить имѣніе, не слишкомъ обремененное долгами и продолжать раціональную воздѣлку его.

«Между интересами общества и интересами землевладѣльцевъ никакой противоположности не существуетъ. Она созидается искусственно закономъ наслѣдственной

равной дѣлимости. Съ измельчаніемъ земли уменьшается и ея плодородіе; если же, вмѣсто раздѣла натурой, выдѣлъ совершается путемъ обложенія земли непомѣрными долгами, то рано или поздно тяжелая задолженность побудитъ владѣльца рѣшиться на раздробленіе или продажу имѣнія. Отстаивая прежнее обычное право, не допускавшее раздѣловъ на равныя части, мы отстаиваемъ поэтому интересъ общества.

«Мы полагаемъ необходимымъ,—прибавляетъ Рацингеръ:—установленіе также нѣкотораго законодательнаго ограниченія и по отношенію къ покупателямъ имѣній. Въ настоящее время имѣнія пріобрѣтаютъ преимущественно спекулянты, которые стремятся превратить въ деньги вѣками накопленный сельскохозяйственный капиталъ, срубая лѣсъ, продавая отдѣльно по высокой цѣнѣ хорошіе покосы и ослабляя такимъ образомъ на долгое время плодородіе и доходность почвы. Подобному хищническому хозяйству долженъ быть положенъ предѣлъ въ интересахъ общества и всего народа. Законодательная преграда должна заключаться въ обязательствѣ для каждаго покупателя прохозяйничать въ имѣніи нѣсколько лѣтъ, т.-е. въ воспрещеніи быстрой перепродажи.

«Въ Виртембергѣ подобное законодательство существуетъ принося полезные результаты и противодѣйствуя поднятію цѣнъ на земли до чрезвычайной высоты.

«Многіе не хотятъ понять, что земельная собственность имѣетъ по отношенію ко всему обществу высокое культурное, нравственное и соціальное значеніе; для блага каждой страны необходима нѣкоторая градація въ размѣрахъ землевладѣнія: умѣренное число большихъ имѣній и нѣсколько бо́льшее число мелкихъ имѣній при преобладаніи средняго крестьянскаго землевладѣнія. Крестьяне-землевладѣльцы не только прилагаютъ наибольшій

трудъ къ воздѣлкѣ земли и тѣмъ обезпечиваютъ наибольшую доходность ея, но и представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ соціально-политическій элементъ высочайшаго значенія»...

Мы воздерживаемся отъ всякой положительной оцѣнки различныхъ, болѣе или менѣе противоположныхъ соображеній, которыя высказываются въ Германіи по отношенію къ аграрному вопросу. Мы привели все вышеизложенное только для того, чтобы указать, какія воззрѣнія устанавливаются въ настоящее время въ западной Европѣ относительно наилучшаго типа землевладѣнія.

Въ началѣ настоящей главы мы высказали мнѣніе, что если только западно-европейская жизнь дѣйствительно выработала окончательно наиболѣе совершенный типъ землевладѣнія, то рано или поздно и намъ придется усвоить этотъ типъ. Все вышеизложенное показываетъ, однако, что вѣковая европейская жизнь этого типа до сихъ поръ не выработала. Преобладаніе большой поземельной собственности, съ присущимъ ей стремленіемъ къ поглощенію сосѣднихъ мелкихъ участковъ, осуждено исторіею, какъ вредное для страны и народа. Французская система мелкой собственности съ обязательными раздѣлами по наслѣдству, въ виду вредныхъ ея послѣдствій, которыя особенно въ послѣднее время высказываются съ полною яркостью, тоже не выдерживаетъ критики. Затѣмъ, третій типъ — преобладаніе мелкой крестьянской собственности безъ обязательныхъ наслѣдственныхъ дѣленій — представлялся бы самымъ соотвѣтственнымъ благосостоянію страны, еслибы онъ могъ сохраняться самъ собою. Но примѣръ Германіи показываетъ, что онъ не обладаетъ этою способностью; обремененіе долгами по разнымъ поводамъ, съ одной стороны, и сила

капитальнаго запроса, съ другой, — приводятъ къ переходу крестьянскихъ участковъ въ однѣ руки, особенно въ виду происходящаго подъ вліяніемъ этого запроса на землю спекулятивнаго возвышенія цѣны ея внѣ всякой соразмѣрности съ доходностью.

Все общественное мнѣніе Германіи занято въ настоящее время вопросомъ: какъ же предохранить среднюю крестьянскую собственность отъ грозящей ей опасности? Хотя по этому поводу высказываются самыя разнообразныя мнѣнія, однако, повидимому, большинство склоняется въ пользу нѣкоторыхъ ограниченій свободы крестьянскаго землевладѣнія, въ смыслѣ установленія недѣлимости крестьянскаго семейнаго участка (недѣлимое тягло), ограниченія права продажи и права кредитованія.

Даже крайніе сторонники индивидуализма и полной свободы дробленія участковъ, какъ проф. Брентано, возражаютъ только противъ насильственнаго введенія семейнаго наслѣдственнаго права въ тѣ мѣстности, гдѣ оно не сохранилось какъ бытовое начало.

Настоящее воззрѣніе является въ Германіи не въ видѣ результата отвлеченныхъ умозрѣній или бюрократически-регламентативныхъ стремленій, а въ смыслѣ потребности возвращенія къ прежнему историческому бытовому порядку, который выражался въ семейномъ началѣ, и проявлялся въ средѣ землевладѣнія въ видѣ не частной, а семейной земельной собственности. Земля принадлежала не личности, а семейству. Это начало въ теченіе XIX-го столѣтія совершенно исчезло изъ германскаго законодательства; оно сохранилось, однако, въ жизни многихъ мѣстностей, особенно южной Германіи, въ видѣ бытоваго обычая. Теперь въ семейной собственности начинаютъ усматривать самый совершенный типъ мелкаго землевладѣнія — приходятъ къ убѣжденію, что къ нему

необходимо возвратиться для блага народа, какъ на это указалъ и министръ Микель въ своей рѣчи, и рады тому, что, въ противоположность къ требованіямъ существовавшаго законодательства, этотъ типъ сохранился, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ народномъ быту, такъ какъ это должно облегчить возможность возвращенія къ нему.

Въ народной жизни бытовыя учрежденія вырабатываются всегда подъ вліяніемъ глубокаго историческаго начала, вытекающаго такъ сказать, изъ души народа. Германскій крестьянскій бытъ выработалъ недѣлимость семейныхъ участковъ земли и не усматриваетъ въ немъ, подобно Брентано, несправедливости относительно другихъ сонаслѣдниковъ, потому что такая постановка вопроса непосредственно вытекаетъ изъ священнаго семейнаго начала. По словамъ г. Микеля, земля не товаръ, какъ всякій другой; она не должна имѣть характеръ индивидуальной собственности, это—родъ семейной собственности. Земля—кормилецъ семьи, потому необходимо сохранить семейный участокъ недѣлимымъ; изъ этого прямо вытекаетъ и Anerberecht, и ограниченіе кредитной способности крестьянъ, и воспрещеніе отчужденія отдѣльныхъ частей имѣнія, и надзоръ общества. Все семейство живетъ на семейномъ участкѣ и кормится имъ; братья и сестры, не надѣленные землею, или остаются жить и работаютъ дома на семейномъ участкѣ, или уходятъ на заработки въ другую деревню или въ городъ; но, чтобы нѣсколько обезпечить ихъ существованіе, имъ дается нѣкоторый выдѣлъ въ суммѣ, не могущей, однако, подорвать хозяина имѣнія.

Такимъ образомъ, выработалось историческое начало семейной собственности, противоположное понятію частной индивидуальной собственности.

Къ понятію подобнаго семейнаго владѣнія по существу подходитъ и наше общинное владѣніе; оно основано на томъ же семейномъ началѣ; общество есть распространенное семейство. Оно существовало на Западѣ, гдѣ его замѣнила позже частная собственность; но безусловное примѣненіе индивидуальнаго начала не оправдалось въ жизни, и теперь опять стремятся возвратиться къ началу семейной собственности.

Съ этой точки зрѣнія, вопросъ значительно упрощается; дѣло идетъ уже не о выборѣ между общиннымъ владѣніемъ и частною собственностью; какъ полагаютъ многіе, послѣдняя уже осуждена жизнью въ тѣхъ странахъ, гдѣ она долго господствовала въ крестьянскомъ сословіи. Весь вопросъ сводится къ выбору между болѣе широкимъ или болѣе ограниченнымъ примѣненіемъ одного и того же начала. Общинное владѣніе можно назвать распространеннымъ началомъ семейнаго владѣнія, а семейное владѣніе—ограниченнымъ общиннымъ владѣніемъ.

Если въ Германіи, послѣ того какъ начало семейной собственности было упразднено закономъ, послѣ вѣковаго опыта примѣненія начала частной, почти неограниченной собственности къ крестьянскому землевладѣнію и несмотря на сильно выраженный въ нѣмецкомъ крестьянинѣ типъ индивидуализма,—нынѣ рѣшаются возвратиться къ началу семейной собственности, — то не слѣдуетъ ли опасаться, что и у насъ, послѣ упраздненія общиннаго владѣнія, можетъ настать время, когда, пройдя тоже черезъ опытъ полной частной собственности въ ея примѣненіи къ крестьянскому землевладѣнію, выяснится необходимость возвратиться къ тому, что́ мы старались упразднить, и вводить законодательнымъ порядкомъ, какъ бы внѣшнимъ образомъ, то́, что́ у насъ такъ долго суще-

ствовало естественно въ видѣ бытоваго права? Такое опасеніе тѣмъ болѣе основательно, что въ нашемъ народѣ не только не преобладаетъ, какъ въ Германіи, типъ крайней индивидуальности, а напротивъ того, по своему характеру нашъ народъ болѣе склоненъ къ общественности, къ совокупной дѣятельности, какъ это ясно выражается въ проявленіи у насъ артельнаго начала—въ ремесленной, промысловой и даже торговой дѣятельности.

Но, съ другой стороны, надо замѣтить, что если и древне-германское наслѣдственное право, и наше бытовое общинное владѣніе сходятся въ отрицаніи частной индивидуальной собственности, то между ними все же существуетъ очень значительное различіе на практикѣ.

Въ Германіи единицею владѣнія является дѣйствительно семья, семейный участокъ; у насъ же—распространенная семья, т.-е. община. Вслѣдствіе того, тамъ крестьянское владѣніе округляется въ семейномъ участкѣ, имѣющемъ опредѣленныя границы и составляющемъ твердыя, неизмѣняющіяся владѣнія; у насъ, напротивъ того, семейное владѣніе поглощается общиннымъ владѣніемъ, и потому не имѣетъ ни той твердости, ни той округленности, ни того постоянства.

Главная цѣль и древне-германскаго права, и вновь вводимаго Anerberecht'а заключается въ огражденіи недѣлимости семейнаго участка и въ предупрежденіи крайняго измельчанія земли. У насъ же, напротивъ того, при существованіи общиннаго владѣнія повсемѣстно жалуются на постоянные семейные раздѣлы и на крайнее дробленіе полевыхъ участковъ. Общинное владѣніе, повидимому, не въ состояніи оградить насъ отъ этого важнаго неудобства.

Поэтому могло бы казаться, что то, въ чемъ общинное владѣніе сходится съ древне-германскихъ наслѣд-

нымъ правомъ, это—только ограничительная, отрицательная сторона его, т.-е. отрицаніе начала частной собственности, между тѣмъ какъ положительная сторона—недѣлимость крестьянскихъ участковъ и сохраненіе ихъ въ рукахъ одного и того же семейства, къ чему стремится германское право, у насъ путемъ общиннаго владѣнія не осуществляется.

Необходимо поэтому выяснить, составляютъ ли частые передѣлы и дробленіе участковъ присущее общинному владѣнію свойство, или являются они только случайнымъ придаточнымъ явленіемъ нашего сельскаго быта, т.-е. выяснить — въ чемъ заключается сущность нашего общиннаго владѣнія.

Съ формальной стороны, существо общиннаго владѣнія состоитъ въ устраненіи частной собственности. Вся земля принадлежитъ общинѣ: это—юридическое опредѣленіе; но для народнаго хозяйства главное значеніе общиннаго владѣнія заключается не въ юридической, а въ хозяйственной, экономической сторонѣ дѣла. Юридическая сторона уже потому не имѣетъ для насъ особеннаго значенія, что наша народная жизнь не выработала отчетливо того предѣла гдѣ кончается общинное владѣніе и гдѣ начинаются другія формы владѣнія. И четвертное владѣніе, и участковое владѣніе нерѣдко сливаются въ отдѣльныхъ своихъ проявленіяхъ, напримѣръ, въ вопросѣ о передѣлахъ, съ общиннымъ владѣніемъ. Затѣмъ, общинное владѣніе, въ смыслѣ типа эксплуатаціи земли, можетъ соединяться съ различными юридическими формами — и съ пользованіемъ, и съ владѣніемъ, и съ собственностью земли. Извѣстно, что нѣкоторые колонисты, на купленныхъ ими земляхъ, переходятъ къ общинному пользованію ими. Существуетъ и общинное пользованіе, и общинное владѣніе, и общинная собственность; въ

каждомъ изъ этихъ видоизмѣненій формы владѣнія преобладающее значеніе принадлежитъ хозяйственной сторонѣ дѣла. Вотъ почему, не входя въ юридическія различія, мы всегда будемъ употреблять наиболѣе принятый терминъ—общиннаго владѣнія.

Но юридическое понятіе не можетъ не вносить и въ хозяйственныя отношенія своего отпечатка; отсутствіе частной собственности влечетъ за собою отсутствіе опредѣленныхъ семейныхъ участковъ и болѣе или менѣе частые періодическіе передѣлы земли. Этотъ вполнѣ логическій, въ отвлеченномъ отношеніи, выводъ далеко не всегда оправдывается на практикѣ; намъ лично извѣстны мѣстности, гдѣ не было передѣловъ болѣе четверти столѣтія,—итакъ, общинное владѣніе можетъ существовать очень продолжительное время безъ передѣловъ. Точно также неопредѣленность семейныхъ участковъ не составляетъ существеннаго признака общиннаго владѣнія, ибо во многихъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ продолжительное время не было передѣловъ, семейные участки въ теченіе десятковъ лѣтъ переходятъ по наслѣдству отъ отца къ дѣтямъ.

Итакъ, ни отсутствіе опредѣленныхъ семейныхъ участковъ, ни частные передѣлы, а тѣмъ болѣе дробленіе земли — не составляютъ существенной принадлежности общиннаго владѣнія, потому что общинное владѣніе можетъ существовать безъ нихъ продолжительное время.

Существенный признакъ общиннаго владѣнія заключается въ правѣ общины распоряжаться общинною землею, въ контролѣ за ея распредѣленіемъ между общинниками и въ завѣдываніи податнымъ дѣломъ.

Общество слѣдитъ за переходомъ участковъ отъ одного владѣльца къ другому, регулируетъ эти переходы и вліяетъ на нихъ; право регулированія распредѣленія

земли не влечетъ, однако, за собою фактически-частыхъ переходовъ земли изъ рукъ въ руки; контроль этотъ вовсе не требуетъ даже каждый разъ непосредственнаго вмѣшательства общества въ распредѣленіе участковъ земли. Участки могутъ переходить по обычному праву отъ отца къ сыну, отецъ можетъ при жизни выдѣлить сына,—не испрашивая каждый разъ спеціальнаго разрѣшенія на то отъ общества; но все же каждый такой переходъ владѣнія совершается, такъ сказать, съ молчаливаго согласія общества. Общество не протестовало, значитъ — оно согласно. Но въ случаѣ несправедливаго раздѣла или выдѣла общество всегда можетъ вмѣшаться и сказать свое властное слово, ибо оно считаетъ себя владѣльцемъ всей общинной земли. Обиженный наслѣдникъ или выдѣленный сынъ можетъ обратиться съ жалобою къ обществу, которое въ этомъ случаѣ разбираетъ его дѣло. То обстоятельство, что въ послѣднее время проявляется стремленіе нѣкоторой правительственной регламентаціи въ этихъ отношеніяхъ, и что часть аттрибутовъ общества переходитъ иногда къ волостнымъ судамъ—не измѣняетъ сущности дѣла.

Обществу принадлежитъ затѣмъ податной контроль; какъ владѣлецъ всей земли, община отвѣчаетъ солидарно передъ казною за исправное поступленіе податей. Она несетъ круговую поруку, хотя, какъ мы дальше увидимъ, эта круговая порука вовсе не требуетъ платежей исправными членами за неисправныхъ. Заботясь объ исправномъ отбываніи податей и повинностей, общество отбираетъ участки отъ неплатящихъ членовъ и передаетъ ихъ такимъ, которые принимаютъ на себя обязанность исправно вносить подати.

При каждой подати предметъ, обложенный податью, отвѣчаетъ своею цѣнностью за исправный взносъ подати.

Если домовладѣлецъ въ городѣ не платитъ налога, то домъ его подвергается публичной продажѣ, т.-е. отчуждается отъ него. На этомъ же основаніи происходитъ въ общинѣ отбираніе земли отъ неплательщика. Разница заключается только въ томъ, что при отчужденіи всякаго другаго податнаго предмета за неплатежъ подати, остатокъ проданной суммы, за вычетомъ изъ него недоимки, возвращается недоимщику. Въ средѣ общины отчужденіе земли получаетъ нѣсколько другой характеръ; земля не считается собственностью извѣстнаго лица, а имѣетъ только характеръ орудія производства, предоставляемаго общиннику даромъ, чтобы дать ему возможность утилизировать свой трудъ. Разъ онъ дѣлаетъ это не старательно, не исполняетъ обязанностей, связанныхъ съ владѣніемъ,—земля отъ него отнимается. Даромъ онъ получилъ надѣлъ, даромъ онъ отъ него отбирается. Таково основаніе существующаго общиннаго порядка; но это не исключаетъ возможности введенія, въ будущемъ, экспропріаціи, съ возвращеніемъ недоимщику разницы, особенно по мѣрѣ совершенія выкупа земли.

Верховное право общины — свободно распоряжаться землею, принадлежащею общинѣ, контролировать ея распредѣленіе между членами общества и переходъ участковъ отъ однихъ общинниковъ къ другимъ — и неразрывно связанное съ этимъ право распорядительнаго контроля надъ исполненіемъ податныхъ обязанностей общинниками; въ этихъ двухъ функціяхъ заключается главная сущность общиннаго владѣнія. И такъ, если въ юридическомъ отношеніи общинное владѣніе и представляетъ крайнюю противоположность частной собственности, то можно сказать, что въ хозяйственномъ отношеніи, въ тѣхъ случаяхъ, когда община переходитъ къ продолжи-

тельнымъ срокамъ передѣловъ,—съ оставленіемъ на весь промежутокъ времени между передѣлами въ рукахъ каждой семьи одного и того же участка,—разстояніе между общиннымъ владѣніемъ и частною собственностью значительно сокращается. Оно становится даже едва замѣтнымъ по отношенію къ тѣмъ видамъ крестьянской земельной собственности, которые подлежатъ ограниченію въ свободѣ завѣщанія, продажи и кредитныхъ сдѣлокъ, т.-е. по отношенію къ тому типу мелкой земельной собственности, къ осуществленію котораго стремятся въ настоящее время въ Германіи.

ГЛАВА IV.

Будущее общиннаго владѣнія въ Россіи.

Прежде чѣмъ приступить къ разрѣшенію вопроса: къ чему намъ слѣдуетъ идти, и слѣдуетъ ли признать послѣднею цѣлью нашего развитія постепенное упраздненіе общиннаго владѣнія,—необходимо разсмотрѣть предварительно главнѣйшія возраженія, представляемыя противниками общины противъ общиннаго владѣнія.

Главный общій доводъ противниковъ этой формы землевладѣнія,—доводъ, о которомъ уже выше была рѣчь,—заключается въ томъ, что общинное владѣніе не представляетъ особенности русскаго быта; что это—переходное явленіе въ жизни каждаго народа, и что если мы желаемъ достигнуть улучшенія нашего сельскаго хозяйства, то мы должны отрѣшиться со временемъ отъ этой совершенно примитивной формы землевладѣнія, которая, задерживая успѣхи сельскаго хозяйства, не въ состояніи дать того, чего отъ нея ожидаютъ ея сторонники,—т.-е. не въ состояніи оградить насъ отъ пролетаріата.

Выше было уже указано, что вѣковой опытъ Запада, перешедшаго отъ общиннаго владѣнія къ частной собственности, до сихъ поръ не только не выработалъ нор-

мальнаго типа крестьянскаго землевладѣнія, но что въ послѣднее время на Западѣ даже стала проявляться склонность къ нѣкоторому ограниченію свободнаго распоряженія крестьянскою недвижимою собственностью. Мы видѣли также, что пролетаріатъ является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ избытка населенія, и что потому отъ общиннаго владѣнія и не слѣдуетъ ожидать, чтобы оно могло оградить страну навсегда отъ этой опасности.

Не останавливаясь потому на такихъ общихъ соображеніяхъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ, болѣе практическихъ возраженій и остановимся, главнымъ образомъ, на двухъ самыхъ существенныхъ.

Лишая—говорятъ намъ—отдѣльныхъ крестьянъ права собственности на землю, общинное владѣніе ставитъ сельское хозяйство въ условія противныя основнымъ требованіямъ раціональной экономіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, подчиняя каждаго отдѣльнаго крестьянина порядкамъ общаго сѣвооборота, оно устраняетъ всякую возможность иниціативы отдѣльныхъ личностей и тѣмъ самымъ тормозитъ усовершенствованіе крестьянскаго хозяйства.

Разсмотримъ каждое изъ этихъ двухъ весьма серьезныхъ возраженій отдѣльно.

Нельзя оспаривать, что вполнѣ обезпеченная частная собственность и ничѣмъ не стѣсненная свобода распоряженія имуществомъ представляютъ наиболѣе выгодное условіе для производительности. Для того, чтобы полагать свой трудъ и свои сбереженія—будь это капиталъ, будь это навозъ—въ землю, крестьянинъ долженъ быть увѣренъ, что та же земля останется за нимъ, онъ долженъ быть обезпеченъ въ своемъ владѣніи. Между тѣмъ частые передѣлы лишаютъ его этой увѣренности. Общинникъ, тщательно воздѣлавшій и унавозившій свой участокъ, можетъ получить при передѣлѣ неунавоженную и

даже запущенную землю. Это обстоятельство должно отнимать у крестьянина желаніе старательно воздѣлывать свой участокъ.

Но дѣло въ томъ, что не слѣдуетъ смѣшивать возможность извѣстнаго явленія съ дѣйствительнымъ, фактическимъ его осуществленіемъ.

Еслибы дѣйствительно передѣлы были вездѣ очень частые, и еслибы они вообще, были связаны исключительно съ общиннымъ владѣніемъ, то несомнѣнно слѣдовало бы признать общинное владѣніе главнымъ тормазомъ нашего сельско-хозяйственнаго развитія. Но уже редакціонныя коммисіи указывали на то, что въ общинномъ владѣніи слѣдуетъ тщательно отдѣлять юридическую сторону, т.-е. принадлежность земли цѣлому обществу и право ея разверстки, отъ экономической стороны, въ смыслѣ практики земельныхъ передѣловъ. Для полноты общественной жизни, по ихъ указанію, вовсе не необходимо единовременное дѣйствіе обоихъ началъ: община можетъ существовать, и во многихъ мѣстахъ дѣйствительно существуетъ, безъ періодическихъ передѣловъ; послѣдніе представляются въ общественномъ быту лишь второстепеннымъ явленіемъ, одною изъ первыхъ ступеней въ развитіи этого учрежденія, формою, постепенно отпадающею по мѣрѣ сгущенія народонаселенія, возвышенія цѣнности земли или приложенія къ почвѣ болѣе усиленнаго труда.

Справедливость этого предположенія можно подтвердить многочисленными данными. Такъ, напримѣръ, по словамъ г. Карелина, въ теченіе двадцатилѣтняго періода, 1858—1878, считая за передѣлы также и общія переверстки,—въ московской губерніи въ одной трети обществъ не было ни одного передѣла, въ половинѣ обществъ было два передѣла; остальныя общины дѣлили чаще. Въ Там-

бовской губерніи передѣлы совершаются черезъ 9, 11 и 12 лѣтъ; только въ Моршанскомъ уѣздѣ, потому что тамъ зе́мли бо́льшею частію не унавоживаются, передѣлы происходятъ черезъ 5—7 лѣтъ. Въ Казанской губерніи въ различныхъ обществахъ передѣлы происходятъ черезъ 20, 15, 12, 10 и 6 лѣтъ. Въ Смоленской губерніи черезъ 10 и 16 лѣтъ, въ Петербургской — черезъ 25, 15 и 10 лѣтъ и т. д.

Сравнивая общинное съ частнымъ владѣніемъ, мы видимъ, что и общинникъ, при отсутствіи частыхъ передѣловъ, поставляется почти въ столь же нормальныя условія культуры, какъ и собственникъ земли. Сущность не въ юридическомъ характерѣ владѣнія и не въ названіи: частная собственность, а въ обезпеченіи землевладѣльцу продолжительнаго владѣнія обработываемою землею; но это достигается и при общинномъ владѣніи. Выше указано, что въ Московской, Казанской, Тамбовской губерніяхъ среднею продолжительностью сроковъ владѣнія можно принять 10 лѣтъ, въ Смоленской губерніи — 13 лѣтъ, въ Петербургской — даже 15 лѣтъ; это — сроки, весьма близко подходящіе къ среднимъ срокамъ владѣнія частною собственностью. Въ рукахъ одного и того же владѣльца имѣніе остается, по словамъ г. Карелина, въ Екатеринославской губерніи около 11 лѣтъ, въ Московской — около 17 лѣтъ, во Франціи — отъ 12 до 15 лѣтъ, въ Пруссіи — около 15 лѣтъ и въ Австріи — около 16 лѣтъ.

Частые передѣлы происходятъ только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ на обработку земли еще не полагается большаго труда, или гдѣ подати несоразмѣрно велики.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ обработка земли находится еще на весьма низкой степени развитія, крестьяне бо́льшею частію цѣнятъ только естественныя свойства земли,

стараясь распредѣлить это естественное орудіе производства; т.-е. почву, по возможности равномѣрно, а потому и передѣляютъ часто земли, чтобы достигнуть бо́льшаго выравненія. Съ другой стороны, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля не окупаетъ податныхъ платежей, переверстки и передѣлы происходятъ постоянно, потому что каждый крестьянинъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, стремится облегчить лежащую на немъ тяготу.

Но если съ одной стороны и общинное владѣніе допускаетъ продолжительные сроки пользованія землей, то, съ другой стороны, передѣлы совершенно не составляютъ исключительной принадлежности общиннаго владѣнія; они встрѣчаются у насъ и при участковомъ и наслѣдственномъ владѣніи землею, и вызываются необходимостью освободиться отъ крайней чрезполосности; то же явленіе встрѣчается даже и за границею. По указанію проф. Посникова, и въ Германіи, при существованіи частной собственности, необходимо отъ времени до времени повторять разверстаніе угодій. Такъ, напримѣръ, нассауская система стремится къ исправленію спеціальной чрезполосицы крестьянскихъ угодій, вызывающей сервитутъ проѣзда, оборота плуга и т. п. Оставляя число полосъ почти нетронутымъ, межеваніе стремится расположить ихъ такимъ образомъ, чтобы къ каждой былъ свободный доступъ со стороны дороги или межника. Приводя эти данныя, заимствованныя у проф. Посникова, авторъ книги: «Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ», справедливо замѣчаетъ: «если западные ученые признаютъ необходимость періодически исправлять распланированіе мелкой поземельной собственности,—если нассауская система межеванія построена на признаніи того основнаго начала расположенія угодій, какое господствуетъ въ нашей общинѣ, если, наконецъ, эта система правительст-

веннаго размежеванія почти не измѣняетъ числа полосъ, то спрашивается: какія сельско-хозяйственныя преимущества связаны съ уничтоженіемъ общиннаго землевладѣнія въ Россіи»?

Главное заблужденіе противниковъ общины, приписывающихъ вину въ неудовлетворительномъ состояніи нашего сельскаго хозяйства общинному владѣнію, заключается въ томъ, что они полагаютъ, что культура слѣдуетъ за формою владѣнія, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности происходитъ противное. Между формою владѣнія и формою культуры существуетъ несомнѣнно тѣсная связь, но въ томъ смыслѣ, что существенныя измѣненія въ формѣ культуры вызываютъ обыкновенно соотвѣтствующія измѣненія въ формѣ владѣнія, а не наоборотъ. Однимъ словомъ: не культура слѣдуетъ за формою владѣнія, а форма землевладѣнія слѣдуетъ за культурой.

Для выясненія этого положенія возьмемъ примѣръ охотничьяго племени, номада и земледѣльца.

Охотничій народъ нуждается въ обширныхъ лѣсахъ, въ которыхъ охота могла бы обезпечивать ему средства существованія. Напротивъ того, номадное племя, занимающееся скотоводствомъ, не можетъ существовать безъ достаточнаго количества пастбищныхъ пространствъ. Но если надѣлить охотничій народъ самыми богатыми пастбищами, онъ все же не превратится въ номада, предающагося скотоводству.

Только тогда, когда онъ самъ, подъ давленіемъ разныхъ условій, придетъ къ убѣжденію въ необходимости измѣнить образъ жизни и отъ прежнихъ обычаевъ перейти къ занятію разведенія скота, только тогда пастбищныя пространства получатъ для него цѣнность, — однимъ словомъ, съ измѣненіемъ культуры, онъ перей-

детъ и къ другой формѣ землевладѣнія. Тѣ же луговыя пространства, на которыя онъ прежде не обращалъ никакого вниманія, онъ теперь станетъ считать драгоцѣнною собственностью, за обладаніе коей онъ готовъ будетъ вести ожесточенныя войны съ сосѣдями. Но пока онъ не убѣдится самъ въ необходимости измѣнить свой бытъ, никакими внѣшними мѣрами, никакимъ измѣненіемъ образа землевладѣнія его къ тому побудить нельзя. Многія дикія племена индѣйцевъ Сѣв. Америки не могли понять необходимости перехода, съ уменьшеніемъ свободныхъ земель, къ другому образу жизни, и потому мало-по-малу исчезли съ лица земли, не преобразовавшись ни въ номада, ни въ земледѣльца.

Точно такъ же номадное племя скотоводовъ не будетъ придавать никакого значенія пахотнымъ землямъ, лежащимъ по сосѣдству съ его пастбищами; но разъ оно рѣшится перейти къ земледѣльческимъ занятіямъ, эти земли получатъ немедленно въ его глазахъ особенное значеніе, оно станетъ охранять ихъ, обнесетъ ихъ оградой и т. п. Только номадъ сдѣлается земледѣльцемъ не потому, что въ его владѣніяхъ окажутся пахотныя земли, а пахотныя земли получатъ для него цѣнность и значеніе только потому, что онъ рѣшился перейти къ обработкѣ земли.

Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ великороссійскихъ губерній, совмѣстно съ продолжительными промежутками между передѣлами, замѣчается нѣкоторое развитіе, нѣкоторое усовершенствованіе системы обработки земли, связанное съ измѣненіемъ сѣвооборота. Такъ, напримѣръ, въ смоленской губерніи, гдѣ передѣлы происходятъ черезъ 10 — 16 лѣтъ, начинаетъ распространяться травосѣяніе. При поверхностномъ, предвзятомъ отношеніи къ вопросу, можно бы изъ этого вывести заключеніе, что продолжительные сроки передѣловъ сдѣлали возможнымъ

улучшенный способъ сельскаго хозяйничанья. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, дѣло несомнѣнно происходило въ совершенно обратномъ направленіи. Только потому, что въ данной мѣстности община сознавала необходимость улучшить хозяйство, она рѣшалась продлить сроки владѣнія, понимая, что безъ того улучшеніе культуры невозможно. Г. Карелинъ прямо говоритъ, напримѣръ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ тамбовской губерніи, въ которыхъ существуютъ наиболѣе краткіе сроки передѣловъ, эта непродолжительность пользованія участками земли объясняется тѣмъ, что крестьяне въ этихъ мѣстностяхъ почти не удобряютъ земли (стр. 73).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ юго-восточныхъ черноземныхъ губерній происходятъ ежегодные передѣлы, тамъ же распространена подесятинная сдача земли подъ посѣвъ на одинъ годъ,—чѣмъ же это объяснить? Тѣмъ, что мужикъ въ этой мѣстности избалованъ прежнею благодатью; онъ всѣ свои надежды возлагаетъ на Бога и на естественныя силы природы, не заботясь ни объ унаваживаніи земли, ни объ улучшеніи культуры. При такихъ условіяхъ только естественныя силы земли и имѣютъ для него цѣнность, а потому онъ и передѣляетъ землю ежегодно или по крайней мѣрѣ въ краткіе сроки.

Точно такъ же, по описанію автора «Прогрессивныхъ теченій въ крестьянскомъ хозяйствѣ», въ южной степной полосѣ, позже другихъ колонизованной и отставшей отъ остальной Россіи въ дѣлѣ эволюціи хозяйственныхъ формъ, хозяйство находится на полпути отъ залежнаго къ паровому, и для возстановленія производительныхъ силъ почвы не примѣняется ни удобреніе, ни тщательная паровая обработка, а лишь обращеніе истощеннаго участка подъ выпасъ скота,—въ этой полосѣ доходность надѣла зависитъ въ весьма малой степени отъ ухода за нимъ.

При такихъ условіяхъ крестьянинъ не привязывается къ тому или другому участку; а такъ какъ доходность хозяйства, при столь экстенсивной его системѣ, въ значительной степени зависитъ отъ естественныхъ свойствъ почвы, то неудивительно, что въ этой мѣстности заботы обществъ направлены на то, чтобы уровнять своихъ членовъ въ пользованіи естественными свойствами надѣла; и потому перераспредѣленіе земли въ натурѣ повторяется такъ часто. Степной крестьянинъ столь мало дорожитъ постоянствомъ пользованія однимъ и тѣмъ же участкомъ земли, что безъ всякой нужды для дѣла, лишь въ виду бо́льшей простоты извѣстнаго акта, соглашается каждые три года получить слѣдующую ему долю земли въ новомъ мѣстѣ.

Всѣ эти данныя указываютъ неопровержимо, что не краткосрочность владѣнія служитъ причиною элементарности культуры, а, напротивъ того, элементарность культуры обусловливаетъ сокращенные сроки.

Мы убѣждены, что еслибы оказалось возможнымъ составить такую хронологическую таблицу, въ которой въ одной графѣ были бы показаны промежутки между передѣлами въ различныхъ мѣстностяхъ, въ другой—время, когда общество перешло отъ болѣе краткихъ къ болѣе продолжительнымъ срокамъ передѣловъ, въ третьей—степени усовершенствованія, введеннаго въ крестьянскую культуру, а въ четвертой — время, когда общество перешло къ этой усовершенствованной культурѣ,—то оказалось бы, что въ большинствѣ случаевъ время продленія сроковъ передѣловъ не предшествовало, а слѣдовало или скорѣе совпадало съ эпохою перехода къ улучшенной культурѣ земли.

Въ каждомъ простомъ экономическомъ вопросѣ крестьянинъ очень хорошо понимаетъ свой интересъ. Правда, по

своей натурѣ, онъ не податливъ на всякія усовершенствованія и не легко рѣшается на нововведенія, но, разъ убѣдившись въ необходимости ввести то или другое измѣненіе въ обычную культуру земли, — или унавоживаніе земли, или посѣвъ клевера, — онъ простою мужицкою логикою приходитъ къ заключенію, что при этомъ производить частые передѣлы невыгодно, и естественно переходитъ къ болѣе продолжительнымъ срокамъ.

Не ограничиваясь удлиненіемъ сроковъ передѣловъ, практическій умъ крестьянъ прибѣгаетъ еще и къ разнымъ другимъ мѣрамъ, для устраненія того вреднаго вліянія, которое передѣлы могутъ имѣть на необходимое улучшеніе въ обработкѣ земли.

Такъ, напримѣръ, по словамъ г. Карелина, въ случаѣ, если какой-нибудь общинникъ повысилъ качество своего участка удобреніемъ или болѣе глубокою вспашкою и т. п., а другіе надѣлы остались безъ соотвѣтственнаго улучшенія, міръ рѣшаетъ — окупились ли его трудовыя затраты. Если оказывается, что не окупились, то улучшенный участокъ остается внѣ передѣла, или же міръ заставляетъ тѣхъ общинниковъ, которые получаютъ части такого надѣла, заплатить прежнему владѣльцу соотвѣтственное сдѣланному улучшенію вознагражденіе. Это вознагражденіе дается, впрочемъ, иногда и въ томъ случаѣ, когда улучшенный участокъ уже окупилъ трудовыя затраты прежняго владѣльца—въ видѣ поощренія къ старательной воздѣлкѣ земли. Въ черноземной полосѣ введенъ обычай, по которому за домохозяевами, удобряющими свои участки, признается право получить при передѣлѣ за удобренную землю равнаго качества удобренную землю или сохранить свой участокъ (въ тамбовской, орловской, тульской, казанской и московской губерніяхъ); или же имъ дается, какъ выше указано, денежное воз-

награжденіе. Въ казанской губерніи образуются для унавоженныхъ полосъ особые жеребьи, такъ что при передѣлахъ совершенно невозможно для какого-либо домохозяина обмѣнъ навозника на ненавозную почву. Такимъ образомъ, общинники придумываютъ разные способы для устраненія невыгодныхъ послѣдствій передѣла.

Возраженіе, что подобные пріемы составляютъ рѣдкое явленіе и исключеніе изъ общаго порядка крестьянскаго хозяйства, не можетъ имѣть въ данномъ случаѣ значенія. Но даже единичные случаи подобныхъ пріемовъ доказываютъ, что они вполнѣ совмѣстимы съ общиннымъ порядкомъ землевладѣнія, и потому могутъ быть примѣняемы и въ другихъ случаяхъ, коль скоро крестьяне данной мѣстности сознаютъ необходимость перехода къ лучшей культурѣ.

Въ связь съ общиннымъ владѣніемъ и передѣлами приводятъ обыкновенно чрезполосность участковъ и крайнюю узкость полосъ. Послѣдствіемъ чрезполосности являются: трата времени при переѣздѣ съ одной полосы на другую, особенно, если полоски расположены въ разныхъ клиньяхъ, трата земли на межники между полосками, засореніе полей сорными травами, растущими на межникахъ, перебрасываніе зерна при посѣвѣ на чужія полоски (вслѣдствіе узкости ихъ), затаптываніе сосѣднихъ полосъ при поворотѣ земледѣльческихъ орудій, затруднительность пользованія плугомъ, необходимость переѣзда черезъ чужія полоски, невозможность пахать поперечно, что́ весьма важно для производительности почвы, и т. д. Можно согласиться, однако, съ защитниками общины, что многія изъ этихъ неудобствъ — какъ, напримѣръ, трата времени при переѣздѣ на различные участки, засореніе полосокъ сорными травами межниковъ, невозможность пахать узкія полоски плугомъ — значительно

преувеличены. Можно даже указать на нѣкоторые случаи, въ коихъ узкія полоски приносятъ своего рода пользу; такъ, напримѣръ, хлѣба, растущіе на глинистой почвѣ, подвергаются на широкихъ полосахъ вымочкамъ, между тѣмъ какъ борозды, окаймляющія узкія полоски, служатъ своего рода дренажемъ. Для избѣжанія вымочки, мѣстами полоски пашутся бугоркомъ, имѣющимъ выпуклую средину и понижающимся по краямъ; эта выпуклость и не даетъ водѣ застаиваться,—между тѣмъ подобная пахота возможна только на полоскахъ, которыя не шире 15 аршинъ.—Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ чрезполосность дѣйствуетъ въ смыслѣ страхованія посѣвовъ отъ непогоды. Градъ, дождь, идущій полосой, вымочка—при сплошной запашкѣ подвергаютъ хозяина бо̀льшимъ убыткамъ. Когда же поля разбросаны по разнымъ мѣстамъ, то не всѣ подвергаются дѣйствію непогоды. Въ елизаветградскомъ уѣздѣ херсонской губерніи стремленіе крестьянъ имѣть посѣвы въ разныхъ мѣстахъ объясняется именно надеждой, что если не то̀, такъ другое мѣсто зацѣпитъ дождикъ и все же ровнѣе будетъ урожай. Даже частные съемщики земли придерживаются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этой системы, снимая поля въ разныхъ мѣстахъ.

Не останавливаясь далѣе на техническихъ подробностяхъ, нельзя однако оспаривать, что вообще чрезполосность и узкость полосъ представляютъ значительное неудобство. Самымъ очевиднымъ доказательствомъ тому можетъ служить то обстоятельство, что даже сами крестьяне сознаютъ это неудобство и стараются нейтрализовать его разными мѣрами. Такъ, во избѣжаніе чрезполосности бываютъ случаи, что вмѣсто передѣла надѣлъ новаго общинника нарѣзывается перпендикулярно всѣмъ полоскамъ, идущимъ параллельно, съ одного конца, такъ что новый надѣлъ отнимаетъ у каждой полоски неболь-

шую часть ея и не приходится мѣнять надѣловъ, т.-е. не требуется ломки межъ. Если новый дворъ долженъ получить полъ-надѣла, а надѣлъ въ десяти полоскахъ, то ему отводятъ не десять половинныхъ полосокъ, а пять цѣлыхъ полосъ въ такой комбинаціи, чтобы качество ихъ почвы и отдаленность участка приблизительно равнялись качеству и отдаленности остальныхъ участковъ и т. п.

Вредное вліяніе чрезполосности и измельчанія участковъ на культуру земли вообще не подлежитъ сомнѣнію, но было бы совершенно ошибочно и неосновательно связывать эти неудобства съ общиннымъ владѣніемъ. Чрезполосность и измельчаніе земли далеко не составляютъ исключительной принадлежности общиннаго владѣнія. Въ области подворнаго пользованія землей чрезвычайно распространена не только чрезполосность, но и дробленіе земли. Самый фактъ равномѣрнаго наслѣдованія вызываетъ постоянные дѣлежи земли, послѣдствіемъ которыхъ является та же чрезполосность и то же измельчаніе участковъ, какое встрѣчается и при общинномъ владѣніи, но только безъ того корректива, который имѣется при послѣднемъ. Въ сѣверо-западномъ краѣ, по словамъ С. Я. Капустина (см. Карелинъ), крестьянскій надѣлъ каждаго поселенія, не связаннаго общиннымъ началомъ, представляетъ поражающую чрезполосность, которая со временемъ должна достигнуть такихъ размѣровъ, что всякое улучшеніе сельскаго хозяйства сдѣлается невозможнымъ. Въ полтавскомъ уѣздѣ, гдѣ господствуетъ почти исключительно подворно-наслѣдственная форма владѣнія землею, дробленіе усадебныхъ участковъ дошло до предѣловъ возможнаго. Въ курской губерніи четвертное владѣніе породило страшную чрезполосицу, которая является какъ бы самою характерною особенностью четвертнаго

владѣнія. Вышеизложенное, а также многіе другіе примѣры, которые приводить г. Карелинъ, доказываютъ, что при мелкой собственности чрезполосность не только не уменьшается, но даже увеличивается. Вообще же при подворной формѣ землевладѣнія чрезполосность со всѣми ея неудобствами выражается въ гораздо болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ при общинномъ землевладѣніи. Общинники, путемъ передѣловъ, путемъ пріурочиванія надѣловъ къ одному мѣсту, всегда могутъ уменьшить чрезполосность; вотъ почему нерѣдко случается, что подворныя общины прибѣгаютъ къ передѣлу земель, какъ къ послѣднему средству выйти изъ затрудненія. Уничтоженіемъ общиннаго владѣнія не достиглось бы ни уничтоженія чрезполосности, ни прекращенія дробленія земли; напротивъ того, получились бы въ этомъ отношеніи еще гораздо худшіе результаты, т.-е. такая запутанность землевладѣнія, которая сдѣлала бы совершенно невозможною сколько-нибудь порядочную обработку земли. Что бы вышло, еслибы всѣ наши общинныя земли разбились на отдѣльные подворные участки, еслибы тысячи общинныхъ владѣній, обзеденныхъ одною межою, превратились въ милліоны отдѣльныхъ частныхъ владѣній,—даже трудно себѣ представить.

Точно также неосновательно предположеніе, что общинное владѣніе является причиною скученности деревень и большихъ поселеній.

Въ черноземной полосѣ Россіи крестьяне всегда селились и селятся крупными сплоченными поселками, располагаясь вдоль теченія рѣкъ или по крайней мѣрѣ вдоль такихъ ложбинъ, которыя способны къ образованію запрудъ, такъ какъ въ обширныхъ и ровныхъ междурѣчныхъ пространствахъ, за отсутствіемъ воды, при чрезмѣрной глубинѣ почвенныхъ водъ, образованіе поселковъ

невозможно,—сама природа ихъ не допускаетъ. Поэтому существованіе большихъ скученныхъ поселеній ни въ какой зависимости отъ общиннаго владѣнія не состоитъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію втораго изъ двухъ вышеизложенныхъ главныхъ возраженій,—къ зависимости каждаго отдѣльнаго общинника отъ общаго сѣвооборота и невозможности, вслѣдствіе того, переходить отъ трехполья къ другимъ, болѣе усовершенствованнымъ, системамъ воздѣлки земли.

Необходимость подчиняться, при общинномъ владѣніи, общему сѣвообороту несомнѣнно существуетъ, и несомнѣнно она связываетъ иниціаторскую дѣятельность отдѣльныхъ лицъ. Но это положеніе имѣетъ и свою полезную сторону. Энгельгардтъ видитъ въ принудительной обработкѣ полей даже то преимущество, что крестьяне волей-неволей подражаютъ при ней самымъ опытнымъ и дѣловымъ хозяевамъ. Хотя это и не исключаетъ преобладанія рутины и служитъ задержкой нововведеніямъ, но, съ другой стороны, всякое нововведеніе можетъ считаться обезпеченнымъ, разъ только община убѣдится въ его пользѣ. Если уже общество рѣшится ввести какое-либо улучшеніе въ культуру, то оно можетъ считаться окончательно принятымъ на будущее время, и въ такомъ случаѣ примѣръ одного общества дѣйствуетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ на сосѣднія общины,—то, къ чему склонилось одно общество, быстро перенимается другими обществами. Авторъ книги «Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ» идетъ еще далѣе, онъ говоритъ: «спрашивается, гдѣ правильнѣе поставлено хозяйство,—тамъ ли, гдѣ отдѣльныя лица пользуются полнымъ произволомъ, или гдѣ ихъ воля подчиняется рѣшенію всего міра? Иначе говоря, регламентація міра вообще и въ частности, какъ представителя общинной формы землевладѣ-

нія, задерживаетъ ли распространеніе безпорядочной культуры и способствуетъ ли принятію правильной системы смѣны запахиваемой и отдыхающей частей пашни—перваго шага на пути къ дальнѣйшимъ улучшеніямъ хозяйства, — или дѣйствуетъ въ противоположномъ направленіи... Вмѣшательство міра въ свободу каждаго члена общества распоряжаться своимъ участкомъ должно быть признано въ данномъ случаѣ полезнымъ прогрессивнымъ шагомъ. Хотя и вѣроятно, что это стѣсненіе личной иниціативы удержитъ нѣсколько человѣкъ отъ еще болѣе широкаго шага, но это возможное неудобство вмѣшательства съ лихвой вознаграждается тою пользою, какую оно приноситъ всему земледѣлію».

Во всякомъ случаѣ, стѣсненіе иниціативы отдѣльныхъ выдающихся личностей не безусловно. Въ настоящее время значительное число крестьянъ уже владѣютъ отдѣльными купленными участками. На этихъ-то участкахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и на усадебныхъ и огородныхъ земляхъ, предпріимчивые крестьяне нерѣдко начинаютъ дѣлать опыты новыхъ культуръ, которые потомъ мало-по-малу переходятъ и къ обществу.

Для доказательства, что общинное владѣніе не служитъ безусловнымъ тормазомъ всякаго усовершенствованія, какъ въ средѣ отдѣльныхъ личностей, такъ и въ средѣ обществъ, мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь нѣкоторыя данныя о развитіи травосѣянія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, почерпнутыя изъ вышеуказаннаго сочиненія «Прогрессивныя теченія въ кр. хоз.».

Мы считаемъ нужнымъ остановиться именно на травосѣяніи, потому что оно имѣетъ для крестьянскаго хозяйства чрезвычайно важное значеніе. Посѣвъ клевера, по отзывамъ сельскихъ хозяевъ, увеличиваетъ въ двѣнадцать разъ питательность продукта даннаго поля, по-

тому что клеверъ даетъ въ четыре раза болѣе урожая, а пудъ клевера въ три раза питательнѣе пуда обыкновеннаго сѣна. Поэтому травосѣяніе отвѣчаетъ главнѣйшей потребности крестьянскаго хозяйства, потребности въ кормовыхъ средствахъ, недостатокъ, которыхъ ведетъ къ сокращенію скотоводства, безъ котораго невозможно удобреніе, а слѣдовательно и сносные урожаи. Кромѣ того, введеніе травосѣянія, требующаго измѣненія существующей плодоперемѣнной системы, представляетъ самый наглядный примѣръ побѣды прогресса надъ рутиною общиннаго хозяйства, при существованіи общиннаго владѣнія.

Травосѣяніе практикуется главнымъ образомъ въ нечерноземной полосѣ, какъ потому, что здѣсь крестьяне держатъ больше молочнаго скота, а запашки доставляющія кормъ скоту (солому), имѣютъ сравнительно небольшія, такъ и по существующей возможности отвести подъ посѣвъ травъ особые участки, ибо травосѣяніе, при первомъ появленіи въ крестьянскомъ хозяйствѣ, обыкновенно начинается не съ пахотнаго поля, а съ выгона, луга и т. п.

На сѣверѣ посѣвъ травъ производится въ олонецкой и вологодской губерніяхъ. Въ сѣверныхъ уѣздахъ послѣдней травосѣяніе есть дѣло давнее. Посѣвы тимофеевки были извѣстны здѣсь еще въ началѣ настоящаго вѣка. Побережья р. Сухоны считаются колыбелью русскаго травосѣянія; крестьяне этой мѣстности, между прочимъ, производятъ сѣмена тимофеевки для продажи въ Петербургъ и Москву. На сѣверѣ травосѣяніе начинается большею частію съ участковъ, не входящихъ въ правильный полевой сѣвооборотъ, и при обиліи некультивированной земли для него служатъ новины и другіе участки, находящіеся въ распоряженіи отдѣльныхъ членовъ общества, и потому травосѣяніе можетъ здѣсь практиковаться отдѣль-

ными крестьянами; но оно практикуется и цѣлыми обществами на поляхъ, подчиненныхъ правильному сѣвообороту.

Въ центральной Россіи дѣло находится въ иномъ положеніи. Здѣсь земли мало и пользованіе всѣмъ надѣломъ регулируется міромъ. Ограниченность спеціальныхъ выгоновъ ведетъ къ установленію обязательнаго сѣвооборота, препятствующаго отдѣльнымъ членамъ общества вести травосѣяніе на поляхъ, лугахъ и выгонахъ. Чтобы ввести травосѣяніе даже на особыхъ участкахъ, кромѣ усадебной земли, здѣсь требуется согласіе міра и участіе всей общины. Еще затруднительнѣе введеніе травосѣянія въ полевой сѣвооборотъ, такъ какъ, кромѣ всеобщаго согласія, это требуетъ ломки хозяйства — примѣненія многополья. Несмотря на такія затрудненія, недостатокъ кормовыхъ средствъ все-таки побуждаетъ крестьянъ вводить травосѣяніе на своихъ поляхъ, при чемъ они придумываютъ различныя системы примѣненія трехполья къ требованіямъ новой культуры. Такъ, крестьяне ярославской губерніи придумывали четырехпольный сѣвооборотъ, въ которомъ клеверъ снимается два года подъ рядъ и возвращается на прежнее мѣсто черезъ шесть лѣтъ. Къ тому же пришла недавно и одна деревня псковскаго уѣзда. Нѣсколько деревень гдовскаго уѣзда, с.-петербургской губерніи, передѣлили свои поля и перешли къ четырехпольной системѣ съ посѣвомъ клевера.

Въ кашинскомъ уѣздѣ, тверской губерніи, травосѣяніе получило замѣтное распространеніе. Мѣстное изслѣдованіе земскаго статистическаго бюро 1889 г. зарегистрировало 70 общинъ, въ которыхъ, въ бо́льшихъ или меньшихъ размѣрахъ, примѣняется травосѣяніе. Въ 19 изъ этихъ общинъ трава сѣется на приусадебной землѣ, въ 25-ти на особо отведенныхъ для того участкахъ, въ 16-ти—въ одномъ изъ полей, и въ 10 общинахъ посѣвъ

травъ введенъ въ правильный полевой сѣвооборотъ, при чемъ травосѣяніемъ занимаются всѣ или почти всѣ домохозяева. Посѣвъ травъ на приусадебной землѣ обыкновенно служитъ началомъ къ тому, чтобы сѣять ихъ и на поляхъ; на него крестьяне такъ и смотрятъ какъ на опытъ. Посѣвы на отдѣльныхъ участкахъ имѣютъ также еще экспериментальный характеръ. Въ этихъ случаяхъ община, замѣтивъ стремленіе бо́льшаго или меньшаго числа своихъ членовъ заняться травосѣяніемъ, отводитъ для того особый участокъ, не обязывая каждаго (за исключеніемъ одной общины) утилизировать его непремѣнно путемъ посѣва травы. Поэтому, кто въ силѣ удобрить свою полосу и пріобрѣсти сѣмена, тотъ и сѣетъ траву... Въ другихъ уѣздахъ тверской губерніи травосѣяніе распространено гораздо меньше.

Въ смоленской губерніи особенную заботу о своихъ лугахъ проявляютъ крестьяне сычевскаго уѣзда. Испорченные, заросшіе лишаемъ и мхомъ луга они переламываютъ плугомъ, засѣваютъ льномъ, а затѣмъ или получаютъ прекрасный естественный покосъ, или засѣваютъ участокъ клеверомъ. Около 30% деревень уѣзда часть луга съ примыкающею долею пашни огораживаютъ отъ скотины, а иногда и засѣваютъ клеверомъ. Въ другихъ деревняхъ для послѣдняго отводятъ часть поля. Тѣмъ или другимъ способомъ рядомъ съ тремя полями обычнаго сѣвооборота образуется четвертое поле, которое пока живетъ самостоятельною жизнью и служитъ для производства корма скоту, но со временемъ можетъ соединиться съ хлѣбными полями и привести такимъ образомъ къ четырехпольному сѣвообороту. Послѣдующія извѣстія о томъ же предметѣ даютъ болѣе подробныя свѣдѣнія и показываютъ, что включеніе четвертаго поля въ общій сѣвооборотъ есть уже совершившійся фактъ. Первона-

чально травосѣяніе практиковалось на покупныхъ земляхъ, усадьбахъ и огородахъ отдѣльными, преимущественно зажиточными крестьянами. Затѣмъ посѣвы травъ были перенесены на отдѣльную полевую землю, и къ веснѣ 1891 года насчитывали до 40 деревень, гдѣ травосѣяніе на поляхъ примѣнялось всѣмъ обществомъ. Обыкновенно для посѣва травъ отдѣляется часть озимаго поля, но двѣ, три деревни устроили шестипольный оборотъ, а въ деревнѣ Корытневѣ на покупной землѣ заведенъ семипольный сѣвооборотъ. Сѣмена травы обыкновенно пріобрѣтаются на мірской счетъ. Для удовлетворенія спроса крестьянъ на сѣмена нѣсколько торговцевъ г. Сычевки открыли у себя сѣмянную торговлю; весной 1890 г. они продали 800 пудовъ, а въ 1891 г. уже 2.000 п.; сверхъ того сѣмена продаются богатыми крестьянами многихъ селъ.

Хотя относительно остальныхъ уѣздовъ и не имѣется столь подробныхъ данныхъ, однако, судя по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, крестьянское травосѣяніе производится также въ краснинскомъ, бѣльскомъ, дорогобужскомъ, духовщинскомъ и вяземскомъ уѣздахъ. Спросъ на сѣмена клевера и тимофеевки въ вяземскомъ уѣздѣ въ 1892 г. достигъ небывалыхъ размѣровъ, и въ концѣ апрѣля мѣсяца достать клеверныя сѣмена было совершенно невозможно.

О развитіи крестьянскаго травосѣянія въ московской губерніи мы заимствуемъ изъ статьи г. Крандіевскаго, напечатанной въ ноябрьскомъ нумерѣ журнала «Хозяинъ», слѣдующія свѣдѣнія.

Благодаря нѣкоторымъ, удачно сложившимся мѣстнымъ условіямъ, травосѣяніе въ великоламскомъ уѣздѣ получило наибольшее развитіе сравнительно съ другими уѣздами губерніи. Правильное травосѣяніе можно считать

прочно установившимся въ 19 селеніяхъ этого уѣзда, съ общею площадью пахатной земли болѣе 3.800 дес. и ежегоднымъ посѣвомъ клевера почти въ 500 дес. Въ трехъ селеніяхъ введенъ четырехпольный сѣвооборотъ, въ одномъ шестипольный, а во всѣхъ остальныхъ восьмипольный. Въ 1895 г. предположено произвести подготовительныя работы къ введенію общественнаго травосѣянія еще въ 10 селеніяхъ. Что касается развитія крестьянскаго травосѣянія вообще, т.-е. безъ введенія его въ правильный сѣвооборотъ, то оно продолжаетъ быстро идти впередъ, чему наглядным доказательствомъ служитъ тотъ фактъ, что изъ одного лишь волоколамскаго земскаго сельско-хозяйственнаго склада, весною 1894 г., кромѣ количества сѣмянъ, отпущенныхъ въ ссуду, было до семидесяти случаевъ продажи клевера и тимофеевки, въ тридцати различныхъ селеніяхъ; брали сѣмена отъ 1 фунта до 10 пудовъ. Въ общемъ въ теченіе года изъ склада отпущено крестьянамъ 345,5 пуд. тимофеевки. Кромѣ полученія изъ склада, сѣмена пріобрѣтались въ большихъ количествахъ отъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, а также непосредственно покупались въ сѣменныхъ магазинахъ Москвы. Значительное количество клеверныхъ сѣмянъ получено крестьянами въ своихъ хозяйствахъ; такъ крестьянами семи селеній заготовлено около 136 пудовъ клевера. Съ цѣлью содѣйствія развитію травосѣянія уѣздное земство уполномочило управу выдавать въ ссуду сѣмена клевера и тимофеевки на льготныхъ условіяхъ тѣмъ сельскимъ обществамъ, которыя при желаніи ввести у себя правильное травосѣяніе не имѣютъ достаточныхъ средствъ для пріобрѣтенія сѣмянъ.

Изъ волоколамскаго уѣзда травосѣяніе постепенно, путемъ естественнаго заимствованія, начинаетъ переходить и въ сосѣдніе уѣзды: рузскій, можайскій, клинскій.

Въ первомъ изъ нихъ въ 1894 г. приступило къ правильному травосѣянію пять селеній. Пахотной земли у нихъ 278 дес., изъ нихъ засѣяно клевером 82 десятины, сѣвооборотъ четырехъ- и восьмипольный. Въ 1895 году приступятъ еще семь селеній.

Въ можайскомъ уѣздѣ первый приговоръ о введеніи травосѣянія поступилъ въ управу въ 1893 г. Крестьяне рѣшились на это подъ вліяніемъ земскаго агронома. Въ 1894 году поступило еще семь заявленій, и притомъ изъ такихъ волостей, гдѣ нѣтъ даже и усадебнаго травосѣянія. Въ этихъ восьми селеніяхъ 1.609 дес. пахотной земли, изъ нихъ 144,5 подъ сѣянною травою, преимущественно четырехпольный сѣвооборотъ; только одно селеніе рѣшилось перейти къ восьмипольному. Въ клинскомъ уѣздѣ правильное общественное травосѣяніе существуетъ уже у крестьянъ четырехъ селеній, въ 1895 г. рѣшили перейти еще три селенія, а кромѣ того два селенія рѣшили отвести подъ посѣвъ травы особые углы въ озимыхъ поляхъ. Во всѣхъ девяти селеніяхъ подъ клевером будетъ 553 десятины. Нѣкоторые зачатки травосѣянія проявляются также въ дмитровскомъ и подольскомъ уѣздахъ.

Кромѣ вышеприведенныхъ мѣстностей, посѣвъ травъ по крестьянской землѣ начинается еще въ губерніяхъ: архангельской, новгородской, рязанской, тульской, полтавской, волынской, кіевской, въ губерніяхъ литовскихъ и бѣлорусскихъ; но мы не имѣемъ точныхъ данныхъ о развитіи, какое травяная культура уже получила въ этихъ мѣстностяхъ.

Итакъ, изъ всего вышеизложеннаго оказывается, что если общинное владѣніе и можетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ тормазить введеніе улучшенной культуры, оно все же не представляетъ въ этомъ отношеніи непреодолимаго препятствія. Съ другой стороны, по словамъ автора «Про-

грессивныхъ теченій», выработанная на почвѣ общиннаго владѣнія привычка къ совмѣстному разрѣшенію хозяйственныхъ вопросовъ и отсутствіе въ личности стремленія дѣйствовать во что бы то ни стало по индивидуальному произволу, являются важнымъ факторомъ, способствующимъ распространенію улучшеныхъ пріемовъ въ массѣ рядоваго крестьянства [1]). Въ обществахъ съ подворнымъ владѣніемъ землей врядъ ли будутъ часто встрѣчаться случаи, составляющіе обыкновенное явленіе при господствѣ общинной формы, — случаи одновременнаго введенія посѣва травъ всѣми или почти всѣми домохозяевами.

Еслибы общинное землевладѣніе было дѣйствительно причиною, задерживающею наше крестьянское хозяйство на его низкой степени развитія, то слѣдовало бы предполагать, что въ мѣстностяхъ съ участковымъ наслѣдственнымъ порядкомъ пользованія землей культура полей должна стоять гораздо выше. Но это предположеніе далеко не оправдывается въ дѣйствительности. Авторъ замѣчательнаго, во многихъ отношеніяхъ, сочиненія «Неурожай и народное бѣдствіе», къ которому мы еще будемъ имѣть случай возвратиться, прямо указываетъ на низкій уровень земледѣлія въ тѣхъ частяхъ Россіи, гдѣ общиннаго владѣнія не существуетъ, гдѣ преобладаетъ подворное владѣніе. Этотъ низкій уровень земледѣлія въ подобныхъ мѣстностяхъ, — замѣчаетъ авторъ, — обыкновенно даже служитъ главнымъ доводомъ, приво-

[1]) Попытки травосѣянія, — говоритъ вышеприведенный авторъ въ другомъ мѣстѣ, — отдѣльныхъ крестьянъ по внѣнадѣльной землѣ привлекаютъ мало вниманія; внѣнадѣльное общественное травосѣяніе возбуждаетъ уже большій интересъ, который достигаетъ высшихъ степеней въ случаяхъ, когда посѣвъ травъ производится обществомъ на надѣльной землѣ. Деревня съ травосѣяніемъ служитъ предметомъ живѣйшаго интереса и горячихъ обсужденій въ округѣ съ райономъ иногда верстъ за 30.

димымъ противъ подворнаго владѣнія, тѣми лицами, которыя стремятся доказать, что не общинное землевладѣніе служитъ у насъ помѣхою къ развитію крестьянскаго хозяйства, между тѣмъ какъ главною причиною низкаго уровня земледѣлія въ этихъ мѣстностяхъ слѣдуетъ считать то обстоятельство, что и въ области подворнаго хозяйства преобладаетъ раздробленность земельныхъ участковъ, обычныя рутинныя формы воздѣлки земли и крупныя скученныя поселенія, — т.-е. условія, при которыхъ подворное владѣніе, по справедливому замѣчанію автора, можетъ быть даже еще хуже общиннаго владѣнія.

Несомнѣнно, было бы неправильно видѣть въ подворномъ владѣніи причину низкаго уровня хозяйства въ означенныхъ мѣстностяхъ, между тѣмъ какъ это является послѣдствіемъ совершенно другихъ причинъ. Но во всякомъ случаѣ это служитъ доказательствомъ тому, что форму владѣнія далеко нельзя считать главною причиною того состоянія, въ которомъ находится культура земли въ данной мѣстности. И при общинномъ владѣніи, какъ показываетъ примѣръ многихъ мѣстностей, улучшеніе культуры возможно; а съ другой стороны, одно существованіе подворнаго владѣнія недостаточно для того, чтобы породить культуру тамъ, гдѣ другія условія этому препятствуютъ.

Ограничиваясь вышеизложеннымъ относительно экономическаго вліянія общины, посмотримъ еще какъ она дѣйствуетъ въ административномъ и соціальномъ отношеніи.

Мнѣнія по этому предмету крайне различны: есть крайніе оптимисты и крайніе пессимисты.

По мнѣнію однихъ, общинное владѣніе является главнымъ, если не единственнымъ источникомъ всѣхъ тѣхъ неурядицъ въ области крестьянскаго хозяйства, съ ко-

торыми приходится нынѣ считаться. Вредъ общиннаго владѣнія далеко не исчерпывается земельными передѣлами, а кроется, главнымъ образомъ, въ мірской солидарности, въ господствѣ міра надъ личностью, во всѣхъ проявленіяхъ крестьянской жизни, семейныхъ, бытовыхъ, хозяйственныхъ и общественныхъ. Общество остается безучастнымъ къ судьбѣ каждаго изъ его членовъ въ отдѣльности, и ничѣмъ не помогаетъ отдѣльнымъ членамъ; всякій членъ общины предоставленъ самъ себѣ, своимъ силамъ, своей судьбѣ; о призрѣніи больныхъ и неимущихъ община не заботится. Общественная польза нигдѣ не полагается въ основаніе дѣйствій и хозяйничанья общины. Каждый отдѣльный хозяинъ вынужденъ эксплуатировать своего собрата; міроѣдство — обычное явленіе; кулаки радуются разстройству сосѣда, чтобы захватить его землю, а хорошіе люди только и думаютъ о томъ, какъ уйти отъ зла, т.-е. отъ земли, не чувствуя возможности стать при такихъ условіяхъ на ноги; однимъ словомъ, община, какъ стимулъ благосостоянія общинниковъ — это отвлеченная идея, которая на практикѣ не облеклась въ жизнь. Въ настоящее время патріархальность общины подорвана, сыновья и внуки вышли изъ-подъ власти отцовъ, авторитетъ старѣйшихъ членовъ общины палъ, старики устранились отъ схода и общественныхъ дѣлъ, — уже не они повелѣваютъ дѣтьми, а дѣти ими. На сходкахъ появились водка и подкупъ. При всѣхъ своихъ дурныхъ проявленіяхъ общество все же воспитало въ себѣ сознаніе своей силы: «міръ силенъ, супротивъ него ничего не подѣлаешь» — и если община еще дорога крестьянамъ, то только въ этомъ послѣднемъ отношеніи.

Существуетъ затѣмъ противное вышеизложенному мнѣніе, которое все видитъ въ розовомъ свѣтѣ. Общинный

порядокъ прежде всего укрѣпляетъ въ крестьянахъ семейную связь, которая держитъ молодыхъ членовъ семейства въ необходимой дисциплинѣ. Общинное владѣніе служитъ гарантіей и залогомъ несомнѣнно самобытнаго прогресса крестьянской культуры, — ибо разъ принятое обществомъ культурное улучшеніе уже окончательно въ немъ внѣдряется. Притомъ же міръ не позволяетъ истощать земли, опредѣляя количество посѣва льна, табаку и т. п. истощающихъ почву растеній на каждое хозяйство; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ міръ обязываетъ каждаго хозяина унавоживать свою полосу земли и запрещаетъ продажу позема на сторону; гдѣ недостатокъ выгона, міръ опредѣляетъ, какое количество скота можно выгонять каждому хозяину, — подобными распорядительными мѣрами міръ сохраняетъ порядокъ и справедливость въ общинѣ и содѣйствуетъ лучшей культурѣ. Міръ заботится о больныхъ и неимущихъ, и часто отстаиваетъ права крестьянъ противъ міроѣдовъ; міроѣдство часто сталкивается съ сильными традиціями міра и находитъ въ нихъ отпоръ. Въ Сибири были случаи, что, по выдѣлѣ усадебъ, кулаки-міроѣды стали успѣшно добиваться покупки ихъ, но міръ возсталъ на это и постановилъ запретъ крестьянамъ продавать усадьбы. Даже передѣлы земли не вызываются какимъ-либо эгоистическимъ чувствомъ или личнымъ разсчетомъ большинства, такъ какъ большею частью передѣлы оказываются невыгодными для большинства; бываютъ даже случаи (въ воронежскомъ уѣздѣ), когда при передѣлѣ по чувству справедливости часть большинства домохозяевъ сознательно поступается своими интересами въ пользу меньшинства; наконецъ, въ самыхъ передѣлахъ, кромѣ уравнительнаго, усматриваютъ еще и благотворительное вліяніе. По мнѣнію оптимистовъ, богатый крестьянинъ, лишившись при

передѣлѣ хорошо унавоженнаго имъ участка, перенесетъ этотъ ущербъ довольно легко; обладая значительнымъ числомъ скота, онъ и съ тощимъ участкомъ справится безъ большаго труда,—а полученіе при передѣлѣ хорошо унавоженнаго участка можетъ послужить помогой бѣдному крестьянину, оправиться и сдѣлаться состоятельнымъ хозяиномъ, между тѣмъ, какъ ему самому было бы не подъ силу снабдить свой участокъ достаточнымъ количествомъ навоза, чтобы обезпечить за собою урожай. Карелинъ приводитъ примѣръ крестьянина блазновской общины тверской губерніи, который на вопросъ, не мѣшаютъ ли удобренію передѣлы, отвѣчалъ: «Богъ дастъ соберу хорошій урожай, а тамъ пусть пользуется другой, который не сдюжаетъ удобрить съ мое».

Въ данномъ вопросѣ необходимо искать истину на срединѣ между этими двумя крайними мнѣніями. Общинные порядки далеко не всегда представляютъ тотъ идеалъ порядка, справедливости и чувства самоотверженія и благотворительности, который желаютъ видѣть въ общинномъ устройствѣ его восторженные защитники; но съ другой стороны, и черныя картины пессимистовъ или значительно преувеличены, или приписываютъ общинному владѣнію такіе народные недостатки, которые являются послѣдствіемъ неразвитости народа вообще.

Обращаясь къ первымъ, т.-е. къ оптимистамъ, позволительно сомнѣваться, чтобы крестьянская община при передѣлахъ руководилась чувствомъ самоотверженія и благотворительности. Можетъ быть, въ средѣ крестьянъ и встрѣчаются иногда отзывы, въ родѣ изреченія блазновскаго крестьянина, но въ общемъ сомнительно, чтобы мужикъ равнодушно смотрѣлъ на переходъ при передѣлѣ хорошо унавоженнаго имъ участка къ другому; при передѣлахъ крестьяне руководятся не чувствомъ благотвори-

тельности, а совсѣмъ другими, гораздо болѣе практическими побужденіями, и трудно предположить, чтобы въ окончательномъ результатѣ подобные переходы, еслибы они дѣйствительно часто встрѣчались на практикѣ, имѣли полезные результаты.

Не слѣдуетъ вообще идеализировать мужика. Въ его характерѣ можно находить, какъ и у всѣхъ людей, и хорошія и худыя качества, а къ этому слѣдуетъ присоединить неразвитость и грубость народа, придающія недостаткамъ крестьянина весьма неприглядный видъ. Вслѣдствіе условій жизни, въ которыхъ поставлены крестьяне, не только у русскаго крестьянина, но и у всякаго другаго—француза, нѣмца,—весьма сильно развивается черта эгоизма; его жизнь такъ тяжела, требуетъ такихъ усилій, что естественно онъ пріучается придавать имуществу, которое онъ осуществляетъ съ такимъ трудомъ, преувеличенное значеніе. Доброту можно считать отличительною чертою русскаго народа, и, несмотря на то, крестьянинъ почти всегда готовъ эксплуатировать своего сосѣда; тамъ, гдѣ его интересы сталкиваются съ интересами сосѣда или общества, онъ будетъ стараться всѣми силами проводить свой интересъ,—сдерживающимъ началомъ въ этомъ отношеніи является только интересъ другихъ членовъ общества и самаго общества. Но тотъ же крестьянинъ, который не задумается отобрать при случаѣ землю у своего сосѣда, поѣдетъ съ міромъ возить даромъ лѣсъ для своего погорѣвшаго односельчанина, поможетъ ему рубить избу или пойдетъ на помогу другому при какой-либо спѣшной работѣ, хотя и за угощеніе, но безъ всякаго другаго вознагражденія. Такимъ образомъ, мы постоянно наталкиваемся, въ жизни народа, на худыя и хорошія черты, которыя тѣсно переплетены между собою; только слѣдуетъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что многія непри-

глядныя явленія въ этой жизни суть не послѣдствія общиннаго владѣнія, а имѣютъ совершенно другія причины, въ томъ числѣ, главнымъ образомъ, неразвитость народа и предоставленіе его, болѣе, чѣмъ въ теченіе четверти столѣтія, совершенно самому себѣ, при чемъ худыя качества отдѣльныхъ личностей могли получить преобладающее вліяніе.

Къ сожалѣнію, ожиданія, возлагавшіяся составителями крестьянскаго положенія на благотворное вліяніе въ обществахъ благоразумнаго и трудолюбиваго большинства на общественныя дѣла, оправдались далеко не въ той степени, какъ бы желательно. Во многихъ обществахъ получали вліяніе не эти члены его, а личности сплошь и рядомъ далеко не безупречной репутаціи, преслѣдовавшія исключительно свои корыстныя цѣли, которымъ не трудно было составлять на сходахъ большинство изъ разоренныхъ членовъ и дѣлать сходки своимъ орудіемъ. Еще чаще въ общественныхъ дѣлахъ встрѣчался случай, когда въ отдѣльныхъ обществахъ по тѣмъ или инымъ причинамъ слагалось большинство, состоящее изъ худшихъ элементовъ, плохихъ хозяевъ, мало заинтересованныхъ въ общественномъ дѣлѣ; громадную роль стало играть и вино на сходкахъ.

Все это несомнѣнно; но причину всему этому не слѣдуетъ искать въ общинномъ владѣніи. Самому неразвитому классу населенія продолжительное время была предоставлена столь широкая, безконтрольная власть самоуправленія, какою не пользовался ни одинъ другой классъ общества. На крестьянскій судъ не существовало даже права жалобы или апелляціи. Удивительно-ли, что при этомъ во многихъ случаяхъ выработались въ жизни крестьянъ весьма неблаговидныя привычки.

Но тамъ, гдѣ не сталкивались отдѣльные интересы,

гдѣ община дѣйствовала въ общемъ дѣлѣ, она, какъ администраторъ, проявляла нерѣдко удивительную мудрость; никакія полицейскія мѣры, никакія регламентаціи, не въ состояніи дѣйствовать такъ практично и такъ разумно, какъ дѣйствуетъ община, въ тѣхъ случаяхъ, когда она не искушается какимъ-либо личнымъ интересомъ вліятельнаго общинника. Можно сказать потому, что вездѣ, гдѣ община дѣйствовала какъ община, она приносила существенную пользу народно-хозяйственному быту; тамъ же, гдѣ ея дѣйствія уклонялись въ неблаговидную сторону, это вызывалось не общиннымъ устройствомъ, а побочными причинами, эгоистическими стремленіями воротилы и т. п. Этимъ объясняется, что народъ, особенно въ великороссійскихъ губерніяхъ, держится общины, не смотря на всѣ ея грѣхи и недостатки. Онъ инстинктивно сознаетъ ея пользу, и не можетъ себѣ представить существованіе другаго порядка. Свѣдѣнія, сообщенныя губернаторами, показали, что во всѣхъ великороссійскихъ губерніяхъ крестьянское населеніе, твердо стоя за общину, видитъ въ ней форму землевладѣнія, наиболѣе для него привычную.

Разсмотрѣвъ главнѣйшія возраженія, приводимыя противъ общиннаго владѣнія, мы теперь можемъ приступить къ обсужденію вопроса: слѣдуетъ-ли сохранять общинную форму землевладѣнія, или слѣдуетъ идти къ постепенному ея упраздненію?

По размѣрамъ распространенія общиннаго землевладѣнія въ Россіи, этотъ вопросъ имѣетъ крайне важное для будущаго благосостоянія Россіи значеніе.

Общинное землевладѣніе преобладаетъ у насъ въ губерніяхъ великороссійскихъ и бѣлорусскихъ, а подворно-наслѣдственное — въ Малороссіи, западныхъ губерніяхъ

и во многихъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края. Но и въ подворномъ районѣ участковое владѣніе господствуетъ не исключительно; встрѣчаются мѣстами и общинныя владѣнія. Въ Малороссіи на 10.300.000 дес. подворнаго владѣнія считаютъ 18.600.000 дес. общиннаго, такъ что въ сущности нельзя сказать, чтобы даже въ Малороссіи, главномъ центрѣ подворнаго владѣнія, оно было преобладающею формою землевладѣнія.

Такимъ образомъ, смѣло можно утверждать, что болѣе трехъ-четвертей, почти четыре-пятыхъ всей Европейской Россіи находятся въ настоящее время подъ началомъ общиннаго землевладѣнія. При такихъ условіяхъ легко понять, какую первостепенную важность имѣетъ разрѣшеніе этого вопроса для благосостоянія Россіи и дальнѣйшаго развитія въ будущемъ крестьянскаго землевладѣнія.

У насъ часто высказывается мнѣніе, что вопроса объ общинномъ землевладѣніи пока не слѣдуетъ касаться, что въ будущемъ сама жизнь укажетъ тотъ путь, по которому дѣло должно идти.

Съ такимъ воззрѣніемъ, однако, согласиться невозможно. Чтобы идти впередъ твердыми шагами, нужно ясно сознавать, къ чему идешь. Въ противномъ случаѣ, неизбѣжна масса ошибокъ, которыя должны вредно отозваться на благосостояніи страны. Каждое мѣропріятіе правительства, которое касается крестьянскаго хозяйства, въ бо́льшей или меньшей мѣрѣ всегда будетъ затрогивать вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи, а потому, безъ твердо опредѣленной и ясно поставленной цѣли въ будущемъ, въ этихъ мѣропріятіяхъ всегда будетъ высказываться нѣкоторое шатаніе, нѣкоторое уклоненіе то въ ту, то въ другую сторону, которое не можетъ оставаться безъ невыгодныхъ послѣдствій въ жизни страны.

Предъ нами три пути; — по которому же изъ нихъ слѣдуетъ направляться?

Идеалъ будущаго можетъ представляться намъ:

или въ формѣ сохраненія, развитія и совершенствованія общиннаго владѣнія;

или въ видѣ постепеннаго его упраздненія, съ переходомъ къ участково-семейной собственности, преимущественно въ формѣ хуторнаго хозяйства;

или въ видѣ предоставленія всего дѣла случайному ходу, безъ всякаго вмѣшательства администраціи и законодательства — къ чему бы это ни привело въ будущемъ, — признавая, что даже обезземеленіе крестьянъ, если оно состоится подъ естественнымъ напоромъ жизни, не можетъ представить ни вреда, ни опасности.

Каждый изъ этихъ трехъ идеаловъ будущаго имѣетъ своихъ защитниковъ, но слѣдуетъ признать, — въ средѣ значительнаго числа лицъ, раздѣляющихъ убѣжденіе, что общинное землевладѣніе есть только переходная форма пользованія землею, — вторая изъ означенныхъ трехъ идеальныхъ цѣлей будущаго пользуется несомнѣннымъ предпочтеніемъ.

Только небольшое число убѣжденныхъ поклонниковъ англійскаго фермерскаго хозяйства раздѣляетъ мысль о томъ, что слѣдуетъ предоставить ходъ поземельнаго дѣла его собственному произвольному теченію, въ надеждѣ, что и мы придемъ со временемъ къ усовершенствованному капитальному фермерскому хозяйству съ наемными рабочими, въ которыхъ превратятся наши крестьяне послѣ болѣе или менѣе общаго ихъ обезземеленія. Дѣйствительно, разорить общину вовсе не такъ трудно, и это можетъ даже при нѣкоторыхъ условіяхъ совершиться само собою; мы даже готовы допустить, что переходъ

земли въ капитальныя руки одновременно съ обезземеленіемъ крестьянъ можетъ временно вызвать быстрый подъемъ благосостоянія страны и сельскохозяйственной культуры. Но этотъ подъемъ будетъ обманчивымъ. За нимъ неизбѣжно послѣдуетъ упадокъ и благосостоянія, и могущества страны. Народъ, желающій существовать вѣками, долженъ думать не только о настоящемъ, но и о будущемъ; культура людей должна идти у него впереди культуры земли.

Исторія показываетъ намъ, что сохраненіе мелкаго крестьянскаго землевладѣнія служило вездѣ и всегда залогомъ благосостоянія и могущества страны, и что съ исчезновеніемъ крестьянскаго землевладѣнія всякая страна приходила въ упадокъ; исторія показываетъ намъ въ то же время, что крестьянское землевладѣніе, предоставленное самому себѣ, не можетъ сохраниться,—оно требуетъ законодательной охраны. Непреложность этого послѣдняго положенія, доказанная историческими примѣрами всей Европы, подтверждается и нашимъ собственнымъ жизненнымъ опытомъ.

Хотя у насъ существованіе мелкой крестьянской собственности представляется еще явленіемъ исключительнымъ,—явленіемъ, которое начало образовываться только въ послѣднее время, но и этого уже было достаточно, чтобы показать на практикѣ, что то, что проявлялось на Западѣ, должно проявиться и у насъ, т.-е. постепенное поглощеніе мелкой собственности большою и сосредоточеніе земли въ немногихъ рукахъ, если не будутъ приняты противъ того соотвѣтствующія мѣры.

Во всѣхъ селеніяхъ, отступившихъ отъ мірской разверстки земли,—пишетъ В. Орловъ о московской губерніи,—исподволь развивается значительная неравномѣрность въ размѣрахъ поземельнаго владѣнія отдѣльныхъ

дворовъ. У однихъ дворовъ при маломъ составѣ семей земельныя доли настолько велики, что семьи не въ состояніи бываютъ обрабатывать всю землю и часть ея сдаютъ въ аренду; другіе дворы владѣютъ, наоборотъ, столь ничтожными долями, что вести на нихъ правильное земледѣльческое хозяйство бываетъ невозможно, и потому такія доли или продаются, или сдаются тоже въ аренду, а владѣльцы ихъ отдаются исключительно стороннимъ промысламъ; наконецъ, нѣкоторые дворы, въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, совсѣмъ лишаются земли и становятся такимъ образомъ навсегда безземельными крестьянами.

Еще замѣчательнѣе фактъ изъ нашей же жизни, приводимый княземъ Васильчиковымъ. Въ тѣхъ изъ нѣмецкихъ колоній, въ коихъ былъ принятъ съ самаго начала душевой надѣлъ или русская мірская организація съ передѣлами, всѣ колонисты, по прошествіи цѣлаго столѣтія, остались при землѣ. А напротивъ того, въ тѣхъ, гдѣ было введено подворное владѣніе и единонаслѣдіе, въ настоящее время уже половина колонистовъ остается безъ земли, хотя первоначальный надѣлъ и былъ у всѣхъ равный, и несмотря на то, что бо́льшая часть этихъ переселенцевъ была уже переселена вторично на новые добавочные надѣлы (Карелинъ).

То же самое явленіе, еще въ гораздо сильнѣйшей мѣрѣ, стало проявляться въ послѣднее время у нашихъ участковыхъ владѣльцевъ въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ...

Итакъ, и вѣковой опытъ западно-европейскихъ странъ, и нашъ собственный опытъ приводятъ къ одному и тому же заключенію. Мелкое крестьянское поземельное владѣніе можетъ быть обезпечено только путемъ законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ ограниченію свободы

распоряженія землевладѣльцевъ тою землею, которая находится въ ихъ владѣніи.

Россія имѣетъ предъ собою вѣковую жизнь; она должна думать не только о настоящихъ, но и о будущихъ интересахъ страны, и потому, если сохраненіе крестьянскаго землевладѣнія, путемъ разныхъ ограничительныхъ мѣръ, и задерживало бы нѣсколько развитіе сельскаго хозяйства въ данную минуту, эту жертву, не колеблясь, слѣдовало бы принести въ интересахъ будущаго страны.

Опытъ европейскихъ странъ, опередившихъ насъ въ своемъ развитіи, долженъ служить намъ указаніемъ. Усиленное развитіе сельскохозяйственной культуры, съ принесеніемъ въ жертву мелкаго землевладѣнія, повело вездѣ къ печальнымъ результатамъ. Эти результаты приводятъ даже нынѣ сосѣднюю намъ Германію къ убѣжденію въ необходимости принятія разныхъ ограничительныхъ мѣръ въ смыслѣ стѣсненія свободы распоряженія частною земельною собственностью. Предоставленное самому себѣ, крестьянское землевладѣніе стало бы у насъ разлагаться даже быстрѣе, чѣмъ за границей, потому что, лишенный устоя и охраны общины, предоставленный самому себѣ, нашъ крестьянинъ оказался бы еще беззащитнѣе противъ напора капитала, естественно стремящагося завладѣть землею, чѣмъ нѣмецкій, или французскій, или англійскій крестьянинъ, въ характерѣ которыхъ черта индивидуальности выступаетъ гораздо сильнѣе.

По пути сельскохозяйственнаго развитія лучше идти медленнѣе, чѣмъ погубить основы здороваго развитія въ будущемъ.

Выразителемъ втораго идеала, т.-е. желательности постепеннаго упраздненія общиннаго владѣнія съ переходомъ къ участково-семейной собственности, преимущественно въ формѣ хуторнаго хозяйства, является между

прочими авторъ сочиненія: «Неурожай и народное бѣдствіе».

«Одного разселенія крестьянъ изъ большихъ поселковъ на отдаленныя надѣльныя земли» по его словамъ, «далеко не достаточно для улучшенія крестьянскаго хозяйства. Необходимо устранить крайнюю ихъ раздробленность. Выходъ изъ этого положенія представляется, повидимому, только одинъ—возможное разселеніе крестьянъ, съ отведеніемъ въ пользованіе каждаго отдѣльнаго двора всей причитающейся ему распашной земли не въ безчисленномъ множествѣ отдѣльныхъ микроскопическихъ мелкихъ полосъ, но въ одномъ общемъ округленномъ участкѣ, по возможности ближе прилегающемъ къ крестьянской усадьбѣ. За симъ, надлежало бы опредѣлить извѣстный minimum земельнаго участка, соотвѣтственно нормальной потребности средней крестьянской семьи и, конечно, различный въ различныхъ мѣстностяхъ, пріуроченный не къ ревизской душѣ, а къ отдѣльному хозяйству, который долженъ бы составлять неотъемлемую принадлежность каждаго двора, и не могъ бы быть отчуждаемъ.

«Только при этомъ условіи у крестьянъ могли бы быть развязаны руки въ отношеніи различныхъ, все болѣе и болѣе необходимыхъ земельныхъ улучшеній... Но спрашивается: возможно ли осуществленіе проектируемой мѣры, безъ совершеннаго упраздненія общиннаго землевладѣнія и перехода къ подворному? Переходъ отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному есть вопросъ будущаго, но этотъ переходъ рано или поздно неизбѣжно совершится у насъ, точно такъ же, какъ онъ совершился во всѣхъ тѣхъ государствахъ, гдѣ земельная община, въ тѣхъ или другихъ формахъ, существовала нѣкогда. Пріуроченіе полей къ огородамъ могло бы служить переход-

ною ступенью и составило бы необходимое улучшеніе. Впредь до времени могли бы оставаться въ общемъ пользованіи отдаленные участки, навсегда луговыя, выгонныя и лѣсныя пространства; при этомъ, гдѣ то окажется возможнымъ, желательно разселеніе крестьянъ на отдѣльные участки надѣльныхъ земель, хуторами или даже отдѣльными усадьбами, т.-е. подворное пользованіе и неотчуждаемое владѣніе распашными землями, съ выдѣломъ извѣстнаго числа надѣльныхъ земель изъ подворнаго пользованія для общественныхъ запашекъ, а также временно въ видѣ запаснаго фонда [1]) для будущихъ поколѣній. Но и подворное владѣніе только тогда можетъ принести ожидаемые отъ него полезные результаты, когда оно, такъ сказать, развяжетъ руки крестьянамъ въ дѣлѣ земельныхъ улучшеній, приблизитъ крестьянъ къ обрабатываемой ими землѣ и создастъ обособленные округленные участки съ поселками и хуторами, на мѣсто нынѣшнихъ безчисленныхъ коновъ, отрубковъ, смѣнъ и полосъ, которые отдѣлены другъ отъ друга столь же безчисленными, поросшими бурьяномъ, межниками, которые невозбранно вытаптываются скотомъ всего селенія и надъ которыми отдѣльные крестьяне, даже не общинники, а полные собственники, не властны распоряжаться по своему усмотрѣнію.

«Поэтому и при подворномъ владѣніи, возможное объединеніе разбросанныхъ участковъ, округленіе и сосредоточеніе ихъ вокругъ или хотя бы по близости крестьянскихъ дворовъ—составляетъ тотъ идеалъ, къ которому надлежитъ стремиться, какъ къ главному условію сельско-хозяйственнаго прогресса въ области крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія».

[1]) Непонятно, въ какомъ видѣ на практикѣ могутъ осуществиться эти запасные фонды.

Итакъ, идеаломъ развитія, къ которому слѣдуетъ стремиться въ будущемъ, представляются, по мнѣнію автора, обособленные, округленные участки съ отдѣльными усадьбами, хуторами, около которыхъ была бы по возможности пріурочена и округлена вся принадлежащая каждому хозяйству надѣльная земля. Къ этому идеалу слѣдуетъ стремиться не только въ районѣ подворнаго владѣнія, но и въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ преобладаетъ общинное владѣніе. При этомъ авторъ задаетъ себѣ вопросъ: возможно ли осуществленіе проектируемой мѣры безъ совершеннаго упраздненія общиннаго землевладѣнія? Но перспектива упраздненія общиннаго землевладѣнія въ будущемъ, по мнѣнію автора, не должна насъ пугать, ибо переходъ отъ общиннаго владѣнія къ подворному есть вопросъ будущаго; этотъ переходъ рано или поздно неизбѣжно совершится у насъ точно такъ же, какъ онъ совершился во всѣхъ тѣхъ государствахъ, гдѣ земельная община въ тѣхъ или другихъ формахъ существовала нѣкогда.

Можно согласиться съ авторомъ, что съ совершенно отвлеченной точки зрѣнія подобные обособленные и округленные участки, въ видѣ отдѣльно разбросанныхъ фермъ, мызъ или хуторовъ (при чемъ вся принадлежащая хозяйству земля находилась бы, такъ сказать, подъ руками), представляютъ весьма благопріятное въ отношеніи сельско-хозяйственной культуры положеніе, хотя въ соціальномъ отношеніи, какъ на это было обращено вниманіе въ Германіи, изолированная жизнь народа, въ отдѣльныхъ хуторахъ или мызахъ, имѣетъ и нѣкоторыя невыгодныя стороны, порождая одичаніе и огрубѣніе въ характерѣ населенія, между тѣмъ какъ общественная жизнь въ деревнѣ способствуетъ нѣкоторой мѣрѣ умственнаго развитія людей.

Но въ дѣйствительности разселеніе великороссійской деревни на отдѣльные хуторные поселки было бы до такой степени противно всѣмъ обычаямъ народа, что оно просто немыслимо. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ въ литературѣ не приведено ни одного случая такого перехода великороссійскихъ крестьянъ къ хуторному образу жизни. Даже дѣйствительные переходы къ подворному владѣнію, т.-е. съ пріуроченіемъ и разграниченіемъ участковъ, составляютъ рѣдкое исключеніе; они случаются почти только въ пригородныхъ селахъ, гдѣ земля очень дорога. Большею частью подобные переходы имѣютъ совершенно фиктивный характеръ и совершаются только въ видахъ уничтоженія круговой поруки или въ видахъ обезпеченія за семействомъ извѣстнаго надѣла, но не опредѣленнаго отграниченнаго участка земли. Переходы къ подворному владѣнію часто приводятъ только къ промежуточной — между общинной и собственной — формѣ землевладѣнія, не имѣющей главнаго качества частнаго владѣнія и обладающей всѣми недостатками того и другаго;—является типъ, близко подходящій къ четвертному владѣнію, крестьяне продолжаютъ владѣть чрезполосно, устраиваютъ общія переверстки для уравненія земли или для устраненія чрезполосности.

До какой степени крестьяне свыклись съ понятіемъ общиннаго владѣнія и сколь вообще мало имъ доступна мысль о чистой частной собственности—видно изъ того, что многіе приговоры о переходѣ отъ общиннаго къ подворному владѣнію включаютъ постановленіе: «въ случаѣ кто изъ насъ окажется нерадивымъ къ платежу, то отъ того участокъ его земли отобрать и передать другому». Сообразно съ этимъ и послѣ перехода къ подворному владѣнію они продолжаютъ практиковать свалку и навалку тяголъ.

Но еще замѣчательнѣе то, что и въ районѣ давнишняго подворнаго владѣнія эта форма владѣнія часто включаетъ разные общинные порядки, какъ, напр., передѣлы, зависимость отъ общаго сѣвооборота, власть міра-громады на распредѣленіе земли. Въ черниговской и полтавской губерніяхъ лица, владѣющія участками менѣе 50 десятинъ, обязательно получили надѣлы (по объясненію автора соч. «Неурожай») въ общихъ смѣнахъ (клиньяхъ) и должны подчиняться принятому въ данной мѣстности сѣвообороту. Владѣнія крестьянскихъ обществъ въ большинствѣ представляютъ отдѣльные, такъ называемые отрубные участки, но внутри ихъ земля также разбивается обязательно на три поля, при чемъ поле, находящееся подъ паромъ, служитъ пастбищемъ для скота всѣхъ участковъ. Каждый владѣлецъ, земля котораго находится въ общихъ смѣнахъ, имѣетъ по участку въ каждой смѣнѣ.

Въ кіевской губерніи, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ подворное владѣніе, въ отдѣльныхъ селеніяхъ тоже замѣчается стремленіе къ введенію нѣкоторыхъ общинныхъ порядковъ землевладѣнія, напр., передѣла земель. Хотя размѣръ подворнаго участка, принадлежащаго каждому домохозяину, и опредѣленъ въ подворныхъ спискахъ, но границы этихъ участковъ не обозначены, такъ какъ полевая земля расположена обыкновенно въ трехъ или четырехъ смѣнахъ. Выдѣлъ подворнаго участка изъ трехъ или четырехъ полей къ одному мѣсту признается невыгоднымъ, потому что при этомъ домохозяинъ лишился бы права пастбища на паровыхъ поляхъ своихъ односельчанъ; каждому пришлось бы, кромѣ того, обзавестись отдѣльнымъ пастухомъ и испытать тому подобныя неудобства. Другимъ доказательствомъ того, до какой степени общинное устройство вошло въ плоть и кровь русскаго человѣка, служитъ еще и

тотъ фактъ, что «власть міра (по словамъ автора соч. «Неурожай») или громады надъ отдѣльными членами сельской общины здѣсь (въ мѣстностяхъ съ подворными владѣніями) почти такъ же велика, какъ и при общинныхъ порядкахъ. Случаи отобранія земли у ихъ владѣльцевъ, насильственнаго обмѣна одного участка на другой, и подчиненіе хозяйственной дѣятельности отдѣльнаго лица рѣшенію большинства на сходѣ случаются весьма часто». Такимъ образомъ, даже въ районѣ подворнаго владѣнія, типъ частной собственности не сохраняется въ своей чистотѣ, а подходитъ весьма близко къ общинному владѣнію. Отобраніе земли, насильственная обмѣна участковъ— что же это такое какъ не общинный порядокъ; затѣмъ, та же зависимость отъ общаго сѣвооборота, то же вліяніе громады, т.-е. міра. Но еще замѣчательнѣе, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на югѣ даже иностранные колонисты, поселившіеся въ Россіи и получившіе личные надѣлы, переняли у русскихъ крестьянъ порядки общиннаго владѣнія.

Если общинные порядки проявляются даже въ районѣ подворнаго владѣнія, то можно-ли сомнѣваться въ ихъ самобытной силѣ въ районѣ великороссійскаго общиннаго владѣнія, мыслимо-ли, чтобы великороссійскіе крестьяне-общинники согласились когда-либо переселиться изъ деревни на обособленные участки, отдѣльные хутора, чтобы они отказались отъ общественной деревенской жизни.

Несомнѣнно, и въ западныхъ государствахъ крестьяне жили общинниками, и, несмотря на разныя практическія трудности, постепенно разселялись въ отдѣльные хутора, хотя и это произошло не вездѣ, но нельзя терять изъ виду нѣкоторыя особенности русскаго характера. Между тѣмъ какъ на Западѣ всегда преобладалъ индивидуализмъ, у насъ въ народѣ проявляется несомнѣнно стремленіе къ

общественности, къ ассоціаціи; это замѣтно не только въ сельской, но и въ промышленной области: наши промышленныя артели суть прямое проявленіе этого стремленія. Переходъ отъ общиннаго владѣнія къ частной собственности совершился на Западѣ повсюду; но едва-ли тамъ были случаи обратнаго перехода—отъ частной собственности къ общинному владѣнію [1]); между тѣмъ у насъ такіе переходы совершенно не составляютъ исключительнаго явленія, и это доказываетъ, въ какой мѣрѣ мы болѣе склонны къ общинному владѣнію, чѣмъ другіе европейскіе народы.

Въ костромской губерніи нерѣдко случаются переходы къ общинному землевладѣнію владѣльцевъ вполнѣ самостоятельныхъ и спеціально размежеванныхъ участковъ. Наши однодворцы, обращенные въ крестьянъ изъ мелкихъ дворянъ Петромъ Великимъ, сохранили за собою собственность земли; и сдѣлавшись потомъ государственными крестьянами, они перешли къ общинному владѣнію, соединивъ свои участки.

Но еслибъ не существовало даже этого препятствія, вытекающаго изъ бытовыхъ особенностей русскаго народа, къ превращенію общинныхъ деревень въ отдѣльные кустарные поселки, представились бы на практикѣ совершенно непреодолимыя трудности. Слѣдуетъ только представить себѣ, что̀ такое значитъ преобразовать общинную деревню въ хуторные участки, съ тѣмъ, чтобы каждый хозяинъ имѣлъ около себя въ одной округѣ и пахоту, и выгонъ, и покосъ. Даже при существованіи общины жалуются на дробленіе участковъ, на измельчаніе полосъ, на чрезполосность; но всѣ эти затрудненія и не-

[1]) Только въ самое послѣднее время стали проявляться въ Германіи, какъ мы видѣли, нѣкоторыя стремленія къ подчиненію свободы распоряженія частной собственностью въ деревнѣ общественному контролю.

удобства увеличатся въ тысячу кратъ, когда общинныя деревни станутъ переходить къ хуторному порядку. Были случаи, что крестьяне дѣлали постановленія о переходѣ къ подворному владѣнію; но когда дѣло доходило до дѣлежа, то никакъ не могли добиться безобиднаго для всѣхъ распредѣленія земли. Переходъ отъ общиннаго владѣнія къ хуторному породилъ бы еще болѣе ужасающую чрезполосность, какъ это доказываетъ примѣръ подворнаго владѣнія.

Г. Карелинъ приводитъ данныя о томъ, что въ сѣверо-западномъ краѣ крестьянскій надѣлъ каждаго поселенія, не связанный общиннымъ началомъ, представляетъ поражающую чрезполосность, которая со временемъ должна достигнуть такихъ размѣровъ, что всякое улучшеніе въ сельскомъ хозяйствѣ станетъ невозможнымъ. Въ полтавскомъ уѣздѣ, гдѣ господствуетъ почти исключительно подворно-наслѣдственная форма владѣнія землею, дробленіе усадебныхъ участковъ дошло до предѣловъ возможнаго; возникли крайняя чрезполосица и многополосица. Близкое по своей сущности къ подворному—четвертное владѣніе, породило въ тимскомъ уѣздѣ, въ курской губерніи, страшную чрезполосицу. О четвертномъ владѣніи въ Предтеченской волости, елецкаго уѣзда, орловской губ., сообщаютъ, что расположеніе угодій является рѣзко различнымъ для общинныхъ и четвертныхъ земель: послѣднія вездѣ (кромѣ одной деревни) находятся въ страшной чрезполосицѣ; первый, напротивъ того, преимущественно въ одномъ, рѣдко въ двухъ особнякахъ для каждаго общества. Особенно рѣзко это различіе проявляется въ тѣхъ обществахъ, гдѣ часть земли находится въ общинномъ, а часть—въ четвертномъ владѣніи. Главная цѣль и главная трудность въ общинныхъ владѣніяхъ заключается въ пріуроченіи земли къ одному мѣсту, для

уничтоженія чрезполосности; но насколько эта трудность должна еще увеличиться при окончательномъ раздѣлѣ и при намѣреніи округлить владѣніе каждаго хозяина около того мѣста, куда онъ перенесетъ свой хуторъ, когда эта разверстка будетъ окончательною, которую уже нельзя, впослѣдствіи исправить, какъ это допускаетъ общинное владѣніе!..

Но и это еще не все; — остается еще отмежевать каждый участокъ, снабдить хозяина законными на то документами, и т. п.

Общинная деревня имѣетъ характеръ большаго собственника; она окружена одною границей, съ сосѣдями размежевана, а внутри распредѣляетъ землю по своему усмотрѣнію, такъ что споровъ о границахъ землевладѣнія почти не бываетъ. Но что же будетъ, когда каждый такой коллективный собственникъ распадется на десятки и сотни мелкихъ участковъ?—это будетъ такая путаница, изъ которой трудно будетъ когда-либо выбраться. Авторъ сочиненія «Неурожай» замѣчаетъ что наше законодательство ставитъ иногда искусственныя преграды пріуроченію крестьянской земли къ одному мѣсту и образованію хуторовъ. По свѣдѣніямъ Моск. общ. сел. хоз. видно, что въ полтавской губерніи весьма часто попытки крестьянъ, подворныхъ владѣльцевъ, поселиться на своихъ земляхъ хуторами и даже отгородить свои участки для предохраненія ихъ отъ потравъ не могли быть осуществлены, какъ противорѣчащія правиламъ размежеванія въ этихъ губерніяхъ, на основаніи которыхъ лица, владѣющія участками менѣе 50 дес., получили, какъ мы видѣли, свои участки въ общихъ клиньяхъ. Вотъ почему попытки отдѣльныхъ крестьянъ измѣнить принятый въ мѣстности сѣвооборотъ, оградить свой участокъ и выстроиться въ немъ отдѣльными хуторами—по жалобѣ сосѣдей, восхо-

дили до суда; и судъ признавалъ ихъ противными положенію о размежеваніи, и присуждалъ крестьянъ къ сносу построекъ и уничтоженію изгородъ.

Какъ ни прискорбны подобныя явленія, но они все же служатъ доказательствомъ тѣхъ трудностей, которыя встрѣчаетъ на практикѣ выдѣленіе крестьянъ, на надѣльныхъ земляхъ, въ изолированные хутора.

Остальные крестьяне протестовали противъ выдѣла отдѣльныхъ хозяевъ, очевидно, потому, что ихъ интересы значительно нарушались этимъ; они лишались выгона.

Если такія дѣла уже доходили до суда, то тутъ несомнѣнно былъ вопросъ не рутины, а жизненнаго первостепеннаго интереса. Не въ томъ дѣло, чтобы отдѣльныя личности выселялись изъ деревни въ хутора на надѣльной землѣ съ ущербомъ, для остальныхъ односельчанъ, а чтобы вся деревня разселилась по хуторамъ. Только тогда вопросъ будетъ окончательно разрѣшенъ, но пріуроченіе каждаго хозяина къ отдѣльному мѣсту встрѣчаетъ почти неодолимыя препятствія.

Съ другой стороны, постановленіе межеваго закона, по которому отдѣльные хозяева, владѣющіе участками менѣе 50 дес., получали свои надѣлы въ общихъ клиньяхъ, съ общими планами, несомнѣнно обусловлено трудностью обмежеванія каждаго мелкаго участка пространствомъ менѣе 50 дес. въ отдѣльности; оттого и пришлось сгруппировать ихъ въ 50-ные десятинные участки.

Всѣ эти трудности, и разграниченія, и обмежеванія, препятствующія даже въ подворномъ районѣ распространенію хуторнаго хозяйства, въ районѣ общиннаго владѣнія получили бы совершенно неодолимое значеніе.

Но если невозможно преобразовать общину въ хуторное хозяйство, то почему же не перейти просто къ подворно-наслѣдственному семейному владѣнію, т.-е. къ

упраздненію общиннаго владѣнія безъ разселенія землевладѣльцевъ въ хутора и безъ немедленнаго пріуроченія участковъ, съ ограниченіемъ только права отчужденія и залога земли. Но какую бы это представило выгоду?

Мы видѣли, что при подворномъ владѣніи еще въ, бо́льшей мѣрѣ преобладаетъ дробленіе участковъ. Дѣло доходитъ до того, что часто подворные владѣльцы (чтобы найти какой-либо исходъ изъ совершенно невозможнаго въ культурномъ отношеніи положенія) рѣшаются переходить къ общинному владѣнію. Неоцѣненное по своимъ результатамъ свойство общиннаго владѣнія заключается именно въ томъ, что при отсутствіи у насъ опредѣленности границъ поземельнаго владѣнія, порождающемъ недостаточную твердость даже самаго права собственности, общинное владѣніе является однимъ изъ важнѣйшихъ условій ликвидаціи этой неопредѣленности въ будущемъ.

Первая и самая существенная задача улучшенія нашего землевладѣнія заключается въ пріуроченіи участковъ, въ уничтоженіи чрезполосности. Но этого-то результата гораздо легче достигнуть, какъ мы видѣли, при общинномъ, чѣмъ при участковомъ владѣніи. Что же другое, какъ не это обстоятельство, побуждаетъ крестьянъ, находящихся на положеніи подворнаго владѣнія, переходить къ общинному владѣнію?

При подворномъ владѣніи участки земли остаются неотъемлемо въ пользованіи одной и той же семьи; они имѣютъ характеръ семейныхъ участковъ. Но развѣ при общинномъ владѣніи, тамъ, гдѣ передѣлы очень рѣдки, не достигается то же самое? Развѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, напр., гдѣ не было передѣловъ со времени освобожденія крестьянъ, отдѣльные участки не превратились фактически въ семейные участки?

Мы нигдѣ не говорили противъ семейныхъ участковъ. Образованіе ихъ въ высшей степени желательно, но только ихъ не слѣдуетъ вводить насильственно, путемъ ломки общиннаго владѣнія, а выжидать, пока они сами фактически образуются въ средѣ общиннаго владѣнія и съ сохраненіемъ этого начала. Потребность имѣть свой опредѣленный участокъ, не мѣняя его постоянно на сосѣдніе участки, такъ естественна, что по мѣрѣ улучшенія сельскаго хозяйства, крестьяне-общинники сами къ тому приходятъ, постепенно удлинняя все болѣе и болѣе промежутки между передѣлами и даже отказываясь отъ передѣловъ. Они довольствуются для уравненія земли свалкою и навалкою тяголъ, а передѣлы превращаются какъ бы въ отвлеченное право общины, т.-е. такое право, которое хотя большею частію и не осуществляется на дѣлѣ, но къ которому можно всегда прибѣгнутъ въ крайнемъ случаѣ.

Объ образованіи семейныхъ участковъ заботится само общество.

Превращать общинную землю въ семейно-подворные участки, не пріуроченные и чрезполосные, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи постепенно пріурочивать ихъ, уничтожать чрезполосность и установлять надъ ними контроль общества, на подобіе Германіи, значило бы идти искусственнымъ путемъ, путемъ ломки народнаго быта, къ тому, что̀ можетъ̀ быть достигнуто̀ гораздо проще и съ бо̀льшимъ удобствомъ̀ естественнымъ путемъ, развивая и усовершенствуя то начало общиннаго владѣнія, которое у насъ существовало искони, и которое до того вошло въ плоть и кровь народа, что даже подворные владѣльцы, четвертные собственники и колонисты, поселенные въ Россіи, себѣ его присвоиваютъ̀ въ бо̀льшей или меньшей мѣрѣ.

Если имѣть въ виду идеалъ семейнаго подворнаго владѣнія, т.-е. не то, какъ оно нынѣ существуетъ, съ его дробленіемъ участковъ и чрезполосностью, а подворное владѣніе улучшенное, съ пріуроченіемъ отдѣльныхъ участковъ по возможности къ одному мѣсту безъ чрезполосности и т. п., то съ нимъ слѣдуетъ сравнивать общинное владѣніе не въ своихъ самыхъ элементарныхъ проявленіяхъ, но такъ же усовершенствованное. По мѣрѣ же усовершенствованія того и другаго, разстояніе между ними все болѣе и болѣе сокращается; такъ что и то, и другое въ окончательномъ результатѣ приходитъ почти къ одному и тому же.

Итакъ, вмѣсто того, чтобы мечтать о хуторномъ хозяйствѣ или искусственно вести дѣло къ превращенію общиннаго въ подворное владѣніе, надо признать неизбѣжность существующаго факта и идти отъ него.

Задача законодателя заключается въ томъ, чтобы вѣрно оцѣнить данныя условія жизни и сообразить, какъ, считаясь съ этими условіями, вести дѣло. Это единственный практическій и разумный путь, и потому слѣдуетъ ставить окончательною цѣлью не упраздненіе общиннаго владѣнія постепеннымъ преобразованіемъ его въ какую-либо другую юридическую форму землевладѣнія, а сохраненіе нашей обычной формы землевладѣнія, съ сосредоточеніемъ вниманія на экономической сторонѣ, т.-е. на заботѣ о примѣненіи къ жизни наилучшей культуры.

Отстаивая необходимость сохраненія у насъ общиннаго владѣнія, мы, однако, полагаемъ, что не слѣдовало бы препятствовать выходу изъ общиннаго владѣнія какъ отдѣльныхъ общинниковъ, такъ и цѣлыхъ общинъ, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда къ тому явится потребность; но только подъ условіемъ, чтобы такой выходъ былъ дѣйствительный, а не мнимый, т.-е. чтобы участокъ лица,

выходящаго изъ общины (или каждаго общинника — въ случаѣ перехода всей общины къ участковому владѣнію), былъ выдѣляемъ предварительно въ натурѣ, съ отмежеваніемъ его въ сторонѣ отъ другихъ общинныхъ земель.

Можно быть увѣреннымъ, что при этомъ условіи переходы общинниковъ къ частному владѣнію общинною землею будутъ явленіемъ чрезвычайно рѣдкимъ и не нанесутъ никакого вреда общинному владѣнію въ Россіи. А въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда подобный переходъ будетъ дѣйствительно совершаться, его надо будетъ признавать выраженіемъ дѣйствительной мѣстной потребности и никоимъ образомъ ему не препятствовать.

Точно такъ же, какъ не слѣдуетъ препятствовать дѣйствительному выходу изъ общины желающимъ, не слѣдуетъ воспрещать и частнымъ владѣльцамъ, четвертнымъ, подворнымъ и другимъ, которые бы пожелали ввести у себя общинное владѣніе, осуществлять это желаніе. Однимъ словомъ, сохраняя и ограждая типъ общиннаго владѣнія отъ разрушенія недѣйствительными выходами изъ онаго, отчужденіемъ невыдѣленной крестьянской земли и т. п., слѣдовало бы во всемъ остальномъ предоставить полный просторъ движенію жизни.

Намъ остается еще разсмотрѣть вопросъ: въ какомъ видѣ мы можемъ представить себѣ постепенное усовершенствованіе экономическихъ условій общинной жизни?

Возражая противъ разныхъ искусственныхъ въ этомъ отношеніи проектовъ, которые возникаютъ въ разное время въ нашей литературѣ, г. Карелинъ замѣчаетъ, въ главѣ: «проектируемый типъ общиннаго владѣнія», что задача современной экономической политики должна быть сведена къ реорганизаціи общины въ высшую форму

землевладѣнія и землепользованія, т.-е. форму общинно-артельную; всѣ другія формы имѣютъ болѣе темныхъ сторонъ, чѣмъ современное общинное землевладѣніе...

Трудно понять, что авторъ имѣетъ въ виду подъ названіемъ общинно-артельной формы. Намъ кажется, что тутъ представляется нѣкоторое смѣшеніе понятій. Землевладѣльческая община и артель суть два понятія далеко не однозначащія, такъ что ихъ довольно трудно сочетать вмѣстѣ. Артельное начало заключается въ соединеніи индивидуальныхъ силъ и средствъ для общей цѣли, для общей работы, съ распредѣленіемъ дохода отъ этой общей работы, по извѣстной опредѣленной схемѣ, между отдѣльными членами артели. Общинно-землевладѣльческое начало заключается, напротивъ того, въ распредѣленіи принадлежащаго всей общинѣ земельнаго имущества между отдѣльными ея членами для самостоятельной эксплуатаціи этихъ надѣловъ отдѣльными членами общины. Артельное начало можно видѣть только въ общинныхъ запашкахъ. Но едва-ли превращеніе всей земли каждой деревни въ общинныя запашки, съ соотвѣтственнымъ распредѣленіемъ урожая впослѣдствіи между отдѣльными хозяевами, можетъ быть тѣмъ идеаломъ, къ которому слѣдуетъ стремиться.

Такой порядокъ уничтожилъ бы всякую самодѣятельность и всякое стараніе къ труду въ гораздо бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ частые передѣлы. Какъ мы видѣли, ходъ дѣла долженъ идти въ совершенно противоположномъ направленіи, а именно: къ все бо́льшему и бо́льшему осуществленію начала семейныхъ участковъ.

Вообще экономическая политика въ данномъ случаѣ должна имѣть въ виду не реорганизацію, а усовершенствованіе общины. Нечего придумывать что-либо новое, что-либо несуществующее; напротивъ того, слѣ-

дуетъ прислушиваться чутко ко всему, что создаетъ жизнь, что, такъ сказать, придумываетъ народная практическая мудрость; слѣдуетъ въ этомъ направленіи искать путь къ усовершенствованію. Уже нынѣ въ народной сельско-хозяйственной экономіи можно подмѣтить рядъ мѣръ, ведущихъ къ улучшенію общиннаго хозяйства; слѣдуетъ только внимательно изучать эти мѣры и содѣйствовать ихъ примѣненію въ болѣе обширномъ кругу. Слѣдя за тѣмъ, что общественная жизнь осуществила въ разныхъ мѣстностяхъ, можно уже теперь составить довольно богатую программу усовершенствованій, не придумывая ничего новаго, искусственнаго. Каждый отдѣльный фактъ, какъ бы онъ ни былъ изолированъ, проявляетъ извѣстное частное усовершенствованіе, которое совмѣстимо съ общиннымъ владѣніемъ.

Эту программу мы приблизительно могли бы себѣ представить въ слѣдующемъ видѣ.

Постепенное продленіе сроковъ между передѣлами, такъ чтобы окончательно начало передѣла сохранилось только въ видѣ принципіальнаго права общины, которое примѣнялось бы на практикѣ только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ ultima ratio, когда, напр., иначе нельзя выйти изъ образующейся чрезполосности, подобно тому, какъ и помѣщики приступали, во время размежеванія, къ обмѣну земель между собою.

Наслѣдственная передача участковъ отъ отца къ дѣтямъ или отъ родственника къ родственнику, при чемъ участки все болѣе и болѣе должны получать характеръ семейныхъ участковъ; переходъ участка въ постороннія руки (свалка и навалка тяголъ) только въ тѣхъ случаяхъ, когда семейство вымираетъ или неспособно поднять всю землю, или не можетъ платить податей. За отчужденный участокъ прежнему владѣльцу могло бы быть

назначаемо общиною нѣкоторое вознагражденіе, соотвѣтственно возвышенію культурной стоимости участка, вслѣдствіе сдѣланныхъ на немъ улучшеній.

Въ видѣ переходной мѣры, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще происходятъ болѣе или менѣе періодическіе передѣлы, примѣненіе тѣхъ различныхъ способовъ, которые уже теперь практикуются въ нѣкоторыхъ общинахъ для поощренія хозяйства, напр., оставленіе унавоженныхъ или вообще культурно-улучшенныхъ участковъ внѣ передѣла, выдача денежнаго вознагражденія за отходъ улучшеннаго участка и т. п.

Постепенное уничтоженіе, въ границахъ возможнаго, чрезполосности пріуроченіемъ участковъ къ одному мѣсту, къ чему уже представляются въ разныхъ мѣстностяхъ различные практическіе пріемы, напр., надѣлъ въ бо́льшемъ количествѣ землею низшаго качества и т. п.

Возможное сокращеніе семейныхъ раздѣловъ путемъ противодѣйствія крайнему измельчанію участковъ.

Повсемѣстное уравновѣшеніе податной тяготы съ дѣйствительною доходностью земли.

Преобразованіе круговой поруки въ томъ смыслѣ, какъ будетъ дальше указано.

Улучшеніе крестьянскаго самоуправленія и введеніе контроля надъ нимъ, съ тѣмъ, чтобы, не стѣсняя народную жизнь, противодѣйствовать нѣкоторымъ уродливымъ проявленіямъ эгоизма и личнаго произвола, міроѣдства и т. п.; наконецъ, постепенное опредѣленіе въ законѣ юридическихъ правъ отдѣльныхъ членовъ общины [1]).

Культурное улучшеніе хозяйства...

---

[1]) Не входя здѣсь, гдѣ мы разсматриваемъ экономическую сторону дѣла, въ развитіе этого послѣдняго вопроса, мы считаемъ нужнымъ указать нашимъ читателямъ на замѣчательную статью по этому предмету кн. А. Оболенскаго: «Основныя причины крестьянскаго нестроенія» («Русск. Вѣстн.», 1894).

Уже одного этого краткаго перечня было бы достаточно на многіе и многіе годы совмѣстнаго труда и правительства, и земства, и самихъ общинниковъ.

Роль правительства должна заключаться главнымъ образомъ въ законодательной дѣятельности, направленной къ сохраненію типа общины, къ устраненію всѣхъ разрушающихъ общину проявленій, къ улучшенію податной системы, къ регулированію мѣстнаго управленія и т. п.; но во всемъ этомъ слѣдуетъ идти съ крайнею осторожностью, дѣйствовать только послѣ основательнаго изученія мѣстныхъ условій, съ принятіемъ во вниманіе мѣстныхъ, бытовыхъ и культурныхъ особенностей, и болѣе всего опасаться и избѣгать всякой излишней регламентаціи.

Другая сторона дѣятельности правительства должна заключаться въ воспособленіи земству въ его трудахъ, направленныхъ къ культурному улучшенію крестьянскаго хозяйства. Въ этой широкой области самой полезной дѣятельности на благо всего народа, первая и главная роль должна принадлежать земству, а въ средѣ земства—мѣстнымъ его учрежденіямъ, т.-е. его уѣзднымъ брганамъ.

Стараніе привлечь къ участію мѣстныя силы по отношенію къ сельско-хозяйственнымъ мѣропріятіямъ тѣмъ болѣе необходимо, что въ каждомъ уѣздѣ и даже въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ одного уѣзда условія сельскохозяйственной жизни настолько разнообразны, что диктовать какія-либо общія мѣры изъ центра губерніи не представляется возможнымъ. Въ каждой отдѣльной мѣстности должны быть выработаны особенныя мѣры, вполнѣ отвѣчающія мѣстнымъ условіямъ, а это, очевидно, можетъ быть исполнено съ успѣхомъ только мѣстными органами, которые постоянно находятся въ ближайшемъ прикосно-

веніи съ сельско-хозяйственною жизнью отдѣльныхъ уѣздовъ, и которые одни только могутъ успѣшно направлять частности этой жизни, руководствуясь притомъ общими цѣлями, поставляемыми губернскими органами земства, которые въ случаѣ надобности должны приходить на помощь своими матеріальными средствами мѣстному земству.

Въ томъ же направленіи должно дѣйствовать и правительство, помогая земству, поддерживая его въ необходимыхъ случаяхъ своими средствами, но предоставляя вмѣстѣ съ тѣмъ въ дѣлѣ мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ улучшеній какъ иниціативу, такъ и главную дѣятельность самому земству.

Главное условіе успѣха въ этомъ важномъ дѣлѣ усовершенствованія крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства всегда будетъ заключаться въ томъ, чтобы не обобщать и не разбрасываться. Никогда не слѣдуетъ предлагать нашимъ крестьянамъ общихъ усовершенствованныхъ системъ культуры, не слѣдуетъ также предлагать имъ одновременно цѣлаго ряда мѣръ; однимъ словомъ, не слѣдуетъ разбрасываться, какъ выше сказано. Опредѣливъ для данной мѣстности наиболѣе необходимое въ данное время, слѣдуетъ сосредоточить на этомъ все вниманіе и не идти далѣе, пока въ этомъ пунктѣ не будетъ достигнуто полнаго результата. Въ одной мѣстности придется сосредоточиться на травосѣяніи, въ другой — пока еще только на введеніи унавоживанія полей, въ третьей — еще на какомъ-либо другомъ мѣропріятіи; но для этого необходимо предварительно изучить, что въ данной мѣстности и въ данное время составляетъ, такъ сказать, «злобу дня» и самую насущную потребность. А на этотъ вопросъ, удовлетворительный отвѣтъ можетъ дать только каждое мѣстное земство. Авторъ «Прогрессивныхъ тече-

ній въ крестьянскомъ хозяйствѣ» представляетъ чрезвычайно яркую картину того совершенно обратнаго въ этомъ отношеніи хода, по которому и правительство, и наука, и сельско-хозяйственныя общества, двигались до послѣдняго времени. Изучали новѣйшія агрономическія теоріи, учреждали опытныя фермы, разсуждали о культурѣ вообще, но того, что требуетъ крестьянское хозяйство въ каждой отдѣльной мѣстности, не давали себѣ труда изучать, и потому часто нельзя было найти отвѣта на самые простые практическіе вопросы, возникавшіе изъ этой среды. Такъ г. В. В. приводитъ для примѣра, что когда екатеринбургское и вятское земства, ассигновавъ въ 1881 году значительную сумму на распространеніе среди крестьянскаго хозяйства улучшенныхъ орудій, обратились въ И. В. Э. Общество съ просьбой указать имъ образцы, наиболѣе пригодные для крестьянскаго хозяйства, то получили въ отвѣтъ откровенное признаніе полнаго незнакомства общества, какъ съ мѣстными условіями края, такъ и съ подходящими для того орудіями, и совѣтъ—путемъ выставокъ и конкурса самимъ познакомиться съ существующими образцами и выбрать изъ нихъ наиболѣе подходящій. Какъ вопросъ, такъ и отвѣтъ свидѣтельствовали о совершенномъ незнакомствѣ съ мѣстными условіями сельско-хозяйственной жизни.

У насъ всѣ жалуются на печальное положеніе крестьянскаго хозяйства, на некультурность крестьянъ, на слѣпую приверженность ихъ къ рутинѣ; но много ли у насъ найдется лицъ, которыя бы серьезно старались помочь дѣлу? Благотворная дѣятельность на этомъ поприщѣ московскаго земства и немногихъ другихъ земскихъ дѣятелей, къ сожалѣнію, представляетъ до сихъ поръ довольно рѣдкое исключеніе. Предполагать, чтобы у крестьянъ, несмотря на ихъ приверженность къ заведенной рутинѣ,

не проявлялось стремленія къ выходу изъ неудовлетворительныхъ условій существующей культуры, совершенно несправедливо. Вышеприведенные примѣры развитія правильнаго травосѣянія у крестьянъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи, т.-е. реформы, требовавшей совершенной ломки принятой у нихъ до того времени системы хозяйства и сѣвооборота, лучше всего доказываетъ ихъ способность прогрессировать, разъ они убѣдились въ несомнѣнной пользѣ извѣстной прогрессивной силы. Книга г. В. В.: «Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ», изобилуетъ данными, могущими служить подтвержденіемъ вышеприведеннаго мнѣнія. Такъ, напр., въ новоузенскомъ уѣздѣ самарской губерніи, крестьяне построили до 1.000 плотинъ для орошенія и водопоя. Въ ярославской губерніи огородничество, садоводство, разведеніе лекарственныхъ травъ всецѣло находятся въ рукахъ крестьянъ и доведены ими до сравнительно высокой степени культурнаго развитія. Но замѣчательнѣе всего— развитіе, которое получило въ послѣднее время среди крестьянъ какъ употребленіе, такъ и постройка сельскохозяйственныхъ машинъ. Одинъ рязанскій округъ ежегодно пускаетъ въ продажу тысячи экземпляровъ рязанской молотилки. Кустарное производство молотилокъ распространилось на рязанскую, тульскую и владимірскую губерніи, а затѣмъ и на многія другія вплоть до вятской, пермской и даже уфимской. Обыкновенно, построивъ машину зимой, или купивъ ее въ долгъ у сосѣда, крестьянинъ отправляется лѣтомъ съ нею на сторону молотить по найму хлѣбъ владѣльцевъ и крестьянъ, знакомитъ такимъ образомъ хозяевъ съ новой машиной, продаетъ ее и возвращается домой съ тѣмъ, чтобы на будущій годъ возобновить ту же исторію. Ознакомившись съ новымъ орудіемъ, признавъ его удобства и услышавъ о мѣстѣ

производства, хозяева сами уже стараются выписать машину, слава о которой такимъ образомъ распространяется дальше и дальше.

Все вышеизложенное доказываетъ доступность русскаго крестьянина разнымъ улучшеніямъ въ хозяйствѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ явнымъ указаніемъ тому, что общинное владѣніе не является препятствіемъ прогрессу культуры.

Въ своей брошюрѣ: «Освобожденіе крестьянъ», Н. П. Семеновъ говоритъ, что «природный здравый смыслъ русскаго человѣка создалъ общину. Она ограждала его самостоятельность въ тяжелыя времена крѣпостной зависимости; хотя и расшатанная вліяніемъ реформы, община донынѣ еще держится, какъ основа русскаго народнаго быта. Ломать этотъ бытъ съ его крѣпкимъ семейнымъ началомъ есть то же самое, что разорять гнѣздо, которое свивала жизнь для своего существованія и продолженія. Такое разореніе оставляетъ народъ беззащитнымъ на перепутьѣ, на которомъ гнѣздо уже не можетъ опять скоро и удобно построиться. Это разореніе есть подрывъ государственныхъ народныхъ силъ».

Мы видѣли, что развитіе культуры вовсе не требуетъ этого «разоренія»; общинное владѣніе можетъ уживаться съ постепеннымъ развитіемъ и усовершенствованіемъ хозяйственныхъ пріемовъ. Все зависитъ отъ того, какъ приняться за дѣло. Можно утверждать безошибочно, что вездѣ, гдѣ только найдутся земскіе дѣятели, которые рѣшатся идти по слѣдамъ московскаго земства въ дѣлѣ усовершенствованія крестьянскаго сельскаго хозяйства,— тамъ рано или поздно успѣхъ увѣнчаетъ дѣло.

ГЛАВА V.

Отношеніе современнаго законодательства къ крестьянскому землевладѣнію.

Наше до-реформенное законодательство устранялось отъ всякаго вмѣшательства во внутренніе поземельные распорядки сельскихъ обывателей. Въ значительной части Россіи, т.-е. во всѣхъ великороссійскихъ мѣстностяхъ, съ незапамятныхъ временъ существовало владѣніе землею цѣлыми обществами, которое распредѣляло ее между своими членами по установившемуся обычаю. Начало общиннаго владѣнія настолько укоренилось въ нашей жизни, что наше законодательство примѣняло его даже къ иностраннымъ выходцамъ-колонистамъ. Только въ тридцатыхъ годахъ, при преобразованіи государственныхъ крестьянъ, являются нѣкоторыя распоряженія, касающіяся поземельныхъ распорядковъ крестьянъ. Относительно землевладѣнія удѣльныхъ крестьянъ существовалъ отдѣльный сводъ постановленій, который, между прочимъ, ограждалъ (ст. 367) права отдѣльныхъ крестьянъ на землю отъ посягательства со стороны общины, отъ одной ревизіи до другой, предоставляя, впрочемъ, обществу отбирать надѣлы у недоимщиковъ.

Положеніе 19 февраля 1861 г. привело къ полной развязкѣ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, но оно предоставляло будущему опредѣленіе дальнѣйшихъ отношеній освобожденныхъ крестьянъ.

Установляя главныя основанія землевладѣнія и новаго быта крестьянъ, законодательство 1861 года предусматривало дальнѣйшее постепенное развитіе его изданіемъ цѣлаго ряда дополнительныхъ постановленій.

Но въ теченіе истекшей четверти столѣтія ничего въ этомъ отношеніи не было сдѣлано, — это важное дѣло оставалось незаконченнымъ,—и въ этомъ слѣдуетъ между прочимъ искать причину тѣхъ недостатковъ и вредныхъ явленій, которые постепенно выработались въ крестьянскомъ быту, и на которыя такъ часто жалуются.

Только въ послѣднее время вниманіе нашего законодательства было обращено опять на вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи.

Съ 1886 по 1893 годъ было издано три закона, весьма близко касающіеся этого предмета.

Въ 1886 г. обнародованъ законъ о семейныхъ раздѣлахъ; въ 1893 г.—законъ о передѣлахъ, и въ томъ же 1893 г. — законъ о выкупѣ, отчужденіи и обремененіи кредитомъ крестьянской земли.

На распространеніе семейныхъ раздѣловъ между крестьянами раздавались всеобщія жалобы. Несомнѣнно, что семейные раздѣлы отзываются весьма неблагопріятно на крестьянскомъ благосостояніи. Многорабочая семья всегда представляетъ лучшій залогъ упроченія благосостоянія семьи. Въ многорабочей семьѣ одинъ помогаетъ другому: заболѣетъ одинъ работникъ—его могутъ замѣнить другіе, такъ что дѣло никогда не останавливается; кромѣ того, въ большерабочей семьѣ и больше скота, и боль-

шій инвентарь, т.-е. всѣ условія хорошаго хозяйства. Все это исчезаетъ, напр., когда три брата, у которыхъ было три лошади, раздѣлятся. Въ каждой изъ раздѣлившихся семей останется одинъ работникъ и одна лошадь; при этомъ хозяйство будетъ очевидно поставлено въ гораздо худшія условія; заболѣй самъ работникъ, или заболѣй у него лошадь—ему не откуда ждать помощи, и хозяйство его страдаетъ. Вотъ почему семейные раздѣлы всегда признавались вредными; такъ на нихъ посмотрѣли и редакціонныя коммиссіи. Но, опасаясь впасть въ излишнюю регламентацію и полагая что сельскія общества, будучи прямо заинтересованы въ сохраненіи многорабочихъ, экономически болѣе сильныхъ семей, хотя бы уже потому что при круговой порукѣ за исхудалыя семьи приходится отвѣчать состоятельнымъ членамъ общества, съумѣютъ сдерживать стремленія своихъ членовъ къ раздѣламъ въ границахъ дѣйствительной потребности, — ограничились подчиненіемъ дѣла о семейныхъ раздѣлахъ вѣденію сельскихъ сходовъ. По п. 5 ст. 51-ой Положенія 19 февраля 1861 г., совершеніе семейныхъ раздѣловъ подчинено разрѣшенію сельскихъ сходовъ, и для приданія рѣшенію сельскихъ сходовъ въ этихъ вопросахъ бо́льшаго значенія, примѣчаніемъ къ ст. 57 кромѣ того, постановлено, что подобныя рѣшенія сельскихъ сходовъ должны быть вносимы въ особую книгу.

Ожиданія, что сельскіе сходы изъ-за собственнаго интереса крестьянъ будутъ сдерживать излишнее развитіе семейныхъ дѣленій, не оправдались однако въ дѣйствительности. Оказалось, что въ 21-лѣтній періодъ, съ 1861 — 1882 г., въ 46 губерніяхъ европейской Россіи раздѣлилось 2.371,248 крестьянскихъ семей, при чемъ разрѣшенныхъ сходами было только 12,8%. Можно было предположить, что столь значительныя дробленія проис-

ходили только въ началѣ освобожденія крестьянъ, которые, пользуясь данной имъ свободой, спѣшили подѣлиться, тѣмъ болѣе, что до введенія всесословной воинской повинности дробленіе семей могло представлять для крестьянъ нѣкоторую выгоду по отправленію воинской повинности. Но и это предположеніе оказалось несостоятельнымъ. За пятилѣтіе, съ 1879 по 1884 г., среднее число крестьянскихъ раздѣловъ по 43 губерніямъ европейской Россіи дошло до 150.000 въ годъ, т.-е. превысило даже значительно среднее ежегодное число раздѣловъ, производившихся въ той же мѣстности за время, слѣдовавшее непосредственно за отмѣною крѣпостной зависимости. По всеобщему отзыву, постоянное ослабленіе численнаго состава крестьянскихъ семействъ, являвшееся послѣдствіемъ такого чрезмѣрнаго развитія раздѣловъ и возникновенія множества новыхъ семействъ, не обладающихъ необходимыми для правильнаго веденія хозяйства рабочими силами и матеріальными средствами, составляло одну изъ главныхъ причинъ замѣчавшагося въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ упадка благосостоянія сельскаго населенія и грозящаго ему въ будущемъ еще бо́льшимъ разореніемъ.

Подобное положеніе дѣла побудило правительство сдѣлать первый шагъ по пути урегулированія семейныхъ раздѣловъ въ тѣхъ сельскихъ обществахъ, въ которыхъ существуетъ общинное пользованіе мірскою полевою землей— въ видахъ нѣкотораго ограниченія свободы раздѣловъ.

Правила, Высочайше утвержденныя 18 марта 1886 г., заключаются въ слѣдующемъ:

1) Семейство, желающее раздѣлиться на самостоятельныя хозяйства, обязано заявить о томъ сельскому сходу и указать при этомъ какъ подлежащее раздѣлу имущество (ст. 5, п. а), такъ и справедливые способы

распредѣленія его между предположенными къ образованію новыми хозяйствами.

2) По такому заявленію, сходъ прежде всего удостовѣряется въ томъ, послѣдовало-ли на испрашиваемый раздѣлъ согласіе родителя или старшаго члена семьи, и при отсутствіи упомянутаго согласія приступаетъ къ обсужденію заявленія о раздѣлѣ только тогда, когда поводомъ къ нему служитъ расточительность или безнравственное поведеніе домохозяина.

3) При разсмотрѣніи заявленія о раздѣлахъ сходъ обсуждаетъ: а) существуетъ-ли основательный поводъ къ раздѣленію семьи; б) способны-ли образующіяся семейства къ самостоятельному веденію хозяйства; в) достаточны ли принадлежащіе имъ усадебные участки для устройства на нихъ усадебъ съ соблюденіемъ требованій строительнаго устава, а въ случаѣ неимѣнія такихъ участковъ — представляется-ли возможнымъ отвести ихъ изъ мірской усадебной или полевой земли, и г) будетъ-ли, въ случаѣ допущенія раздѣла, обезпечено исправное поступленіе числящихся на семьѣ недоимокъ и текущихъ окладовъ по податямъ, повинностямъ и другимъ казеннымъ взысканіямъ.

4) Если, по разсмотрѣніи дѣла, окажется, что предположенный раздѣлъ не удовлетворяетъ сказаннымъ въ ст. 3 условіямъ, то сходъ отказываетъ въ дозволеніи его.

5) Разрѣшая раздѣлъ, сходъ: а) распредѣляетъ между членами дѣлящейся семьи отведенный ей полевой надѣлъ и утверждаетъ, по надлежащемъ исправленіи, заявленныя ему предположенія о томъ, что̀ именно долженъ получить каждый участникъ раздѣла изъ принадлежащихъ семьѣ усадебнаго участка строеній и того движимаго имущества, которое составляетъ необходимую принадлеж-

ность крестьянскаго хозяйства (какъ-то: земледѣльческія орудія, скотъ и т. п.); б) производитъ раскладку между вновь образующимися хозяйствами лежащихъ на семьѣ податей, повинностей и другихъ казенныхъ взысканій, а также числящихся на ней недоимокъ, и в) въ случаѣ недостаточности принадлежащаго дѣлящейся семьѣ усадебнаго участка для возведенія необходимыхъ усадебныхъ построекъ (ст. 3, п. 6), отводитъ такой участокъ изъ свободныхъ мірскихъ земель.

6) Сельскій сходъ не вмѣшивается въ распредѣленіе между членами семейства другихъ, кромѣ указанныхъ въ статьѣ 5-ой движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, какъ-то: усадебныхъ, полевыхъ и иныхъ земель, пріобрѣтенныхъ въ собственность, другими, кромѣ надѣленія, способами, а также въ раздѣлѣ движимости, не составляющей необходимой принадлежности крестьянскаго хозяйства (ст. 5, п. а).

7) Для разрѣшенія семейнаго раздѣла, требуется согласіе не менѣе $^2/_3$ всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право участвовать въ сельскомъ сходѣ (Общ. пол. о крест. ст. 47).

8) Семейный раздѣлъ, хотя бы онъ послѣдовалъ съ разрѣшенія схода, не предоставляетъ участвующимъ въ семъ раздѣлѣ лицамъ никакихъ новыхъ правъ по исполненію воинской повинности. Семейство, раздѣлившееся безъ разрѣшенія сельскаго схода, почитается, въ отношеніи къ отбыванію податей и повинностей, а также по платежу другихъ казенныхъ взысканій, — за одну семью, при чемъ всѣ члены такого семейства несутъ общую отвѣтственность за исправное выполненіе сихъ обязанностей.

9) Приговоры сельскихъ сходовъ, постановленные по заявленіямъ о семейныхъ раздѣлахъ, на которые не было изъявлено согласія родителями, почитаются окончатель-

ными въ томъ случаѣ, когда сходъ отказалъ въ разрѣшеніи раздѣла, соотвѣтственно желанію родителя. Въ противномъ случаѣ, а также, когда несогласіе на раздѣлъ послѣдовало со стороны старшаго члена семьи (заступающаго мѣсто родителя), недовольные рѣшеніемъ схода члены семьи могутъ въ теченіе четырнадцати дней, считая съ постановленія приговора, принести жалобу уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, а гдѣ оно не учреждено — мировому посреднику, которыми жалоба сія разсматривается по существу. Принесеніе жалобы останавливаетъ исполненіе приговора о допущеніи раздѣла. Рѣшенія уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и мировыхъ посредниковъ по симъ дѣламъ признаются окончательными.

Осторожная предусмотрительность, съ которою составлено положеніе, доказывается уже тѣмъ, что это положеніе распространяется только на районъ общиннаго владѣнія; при такомъ ограниченіи дѣйствія новаго закона, законодатель очевидно имѣлъ въ виду, что общинная и участковая форма землевладѣнія, вызывая совершенно различныя отношенія крестьянъ къ землѣ, не могутъ оставаться безъ вліянія на степень ихъ самостоятельности въ имущественныхъ распоряженіяхъ. При общинной формѣ владѣнія, собственникомъ полученной въ надѣлъ полевой земли состоитъ общество, и отдѣльныя крестьянскія семьи пользуются отводимыми имъ участками только временно, впредь до новаго передѣла. Въ качествѣ владѣльца, охранителя и распорядителя мірской земли, общество должно заботиться, чтобы распредѣленныя между его членами угодья получили хорошую обработку, и, слѣдовательно, въ правѣ не допускать какъ такого раздробленія участковъ, при которомъ невозможно правильное веденіе на нихъ хозяйства, такъ равно и

перехода ихъ къ лицамъ, не обладающимъ нужными для удовлетворительнаго ихъ воздѣлыванія средствами. Въ противоположность сему тамъ, гдѣ полевая земля распредѣлена подворно, отведенные крестьянскимъ семьямъ земельные участки считаются ихъ собственностью, которою они распоряжаются по своему усмотрѣнію, безъ вмѣшательства общества. Существующій законъ дозволяетъ каждому домохозяину при жизни передать принадлежащую ему землю ближайшему наслѣднику или пріемышу, а на случай смерти владѣльца постановляетъ, что земельный его надѣлъ переходитъ къ наслѣдникамъ, согласно существующему въ каждой мѣстности обычному порядку. При этомъ, ни передача полевыхъ угодій, при жизни хозяина, ни распредѣленіе остающейся послѣ его смерти недвижимости между наслѣдниками умершаго собственника не становится въ зависимость отъ согласія общества; это послѣднее пріобрѣтаетъ право распоряженія подворнымъ участкомъ лишь въ случаяхъ выхода владѣющаго имъ семейства изъ общества или неимѣнія наслѣдниковъ послѣ умершаго домохозяина. Поэтому подчиненіе предположеннымъ правиламъ семейныхъ раздѣловъ крестьянъ, владѣющихъ полевыми угодьями наслѣдственно, составило бы прямое ограниченіе тѣхъ правъ на самостоятельное распоряженіе своимъ достояніемъ, которыя дарованы имъ закономъ и успѣли уже твердо укорениться въ народномъ сознаніи. Колебать это право по прошествіи двадцати пяти лѣтъ съ того времени, когда оно получило свое начало, не могло представляться удобнымъ. Наконецъ, чрезмѣрное дробленіе крестьянскихъ хозяйствъ въ Малороссіи ограничивается особеннымъ параграфомъ ихъ мѣстнаго положенія. Такимъ образомъ, въ той части Россіи, гдѣ преобладаетъ подворная форма землевладѣнія, измельчанію крестьянской поземельной соб-

ственности былъ поставленъ уже нѣкоторый предѣлъ дѣйствующимъ законодательствомъ.

Ограничивая дѣйствія закона райономъ общиннаго владѣнія, законъ весьма послѣдовательно изъемлетъ изъ дѣйствія его даже въ этомъ районѣ всякую недвижимую собственность, не принадлежащую къ надѣльной землѣ, а пріобрѣтенную ея владѣльцами купчею или иными способами.

Новый законъ сохраняетъ въ силѣ основное правило крестьянскаго положенія 1861 года, по которому главнымъ контролирующимъ элементомъ въ дѣлахъ о семейныхъ раздѣлахъ является мірской сходъ. Только во изм̀неніе 57-й статьи Общаго положенія мірскіе приговоры о семейныхъ раздѣлахъ включены въ число тѣхъ, кои для законной силы требуютъ согласія двухъ третей голосовъ.

Къ сохраненію существующаго порядка, кромѣ желанія не допускать излишней ломки и не вдаваться въ крайнюю регламентацію, могло побуждать еще и то соображеніе, что незначительность числа раздѣловъ, разрѣшенныхъ до сего времени сходами, сравнительно съ общею ихъ цифрою, могла свидѣтельствовать о томъ, что дозволенія на раздѣлы давались сельскимъ сходамъ весьма осторожно, и что такимъ образомъ надежда на сдерживающую, по отношенію къ раздѣламъ, дѣятельность сходовъ должна была считаться основательною; явленія же, не соотвѣтствовавшія первоначальнымъ ожиданіямъ, можно было приписать недостаточно полному и ясному опредѣленію въ законѣ порядка совершенія раздѣловъ и допущенія возможности лицамъ, не желавшимъ подчиниться рѣшенію схода, дѣлиться самовольно, не подвергаясь за то никакимъ невыгоднымъ послѣдствіямъ.

Къ воспо̀лненію этого недостатка Положенія 1861 г.

и направлено главнымъ образомъ содержаніе правилъ 1886 года, какъ видно изъ вышеприведеннаго.

На основаніи статьи 2-ой, условіемъ раздѣла, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ, постановляется согласіе отца семейства или старшаго члена, замѣняющаго отца.

По этому поводу нельзя не замѣтить, что при жизни отца отдѣленіе сына съ надѣломъ ему земли безъ согласія отца почти немыслимо; если отецъ не согласится его выдѣлить, ему просто не дадутъ земли;—онъ можетъ выйти изъ семьи, уйти на работу на сторону, но подѣлиться самовольно онъ не можетъ. Гораздо обыкновеннѣе обратный случай — что отецъ выдѣляетъ одного сына, и это обыкновенно происходитъ вслѣдствіе неладовъ выдѣляемаго сына съ отцомъ или съ другими лицами семейства, и такой выдѣлъ обыкновенно совершается не къ выгодѣ выдѣляемаго, такъ какъ часто не онъ, а другіе члены семейства виновны въ происходящихъ неладахъ. Это обстоятельство совершенно упущено изъ вида 2-ою статьею. Въ семействахъ же, въ которыхъ нѣтъ отца въ живыхъ, авторитетъ старшаго брата въ настоящее время крайне ослабѣлъ; впрочемъ, если два или три брата желаютъ подѣлиться, то это обыкновенно не желаніе одного изъ нихъ, а всѣхъ, такъ какъ каждый желаетъ зажить отдѣльнымъ семействомъ.

На эту разницу, впрочемъ, отчасти обращено вниманіе въ ст. 9-ой, установляющей окончательную силу за приговоромъ, отказывающимъ въ раздѣлѣ по несогласію отца, и допускающей обжалованіе приговора, если неразрѣшеніе произошло по несогласію со стороны не отца, а старшаго члена семьи.

Въ виду этихъ соображеній, нельзя придавать особеннаго значенія содержанію ст. 2-ой, такъ какъ она только

выражаетъ то, что дѣйствительно въ народномъ быту существуетъ и что до сихъ поръ нисколько не препятствовало семейнымъ раздѣламъ.

Статьи 3, 4 и 5-ая опредѣляютъ далѣе образъ дѣйствія сходовъ, способъ распредѣленія имущества при раздѣлѣ и т. п. Наконецъ ст. 8-ая опредѣляетъ послѣдствіе самовольнаго раздѣла. Семейство, раздѣлившееся безъ разрѣшенія схода, почитается въ отношеніи отбыванія податей и повинностей нераздѣлившимся, при чемъ всѣ члены семейства продолжаютъ нести общую отвѣтственность, несмотря на то, что они подѣлились.

Такимъ образомъ, всѣ эти опредѣленія никакой новой существенной преграды для семейныхъ раздѣловъ не налагаютъ. Единственно, что въ этомъ отношеніи могло бы имѣть дѣйствительно сдерживающее вліяніе на желающихъ дѣлиться, это недопущеніе раздѣловъ недоимщиками и требованіе предварительной уплаты недоимки. Но законодатель очевидно опасался идти такъ далеко въ принудительномъ направленіи, полагая вѣроятно, что потребность въ раздѣлѣ нерѣдко вызывается именно неудовлетворительнымъ ходомъ хозяйства семьи, проистекающимъ отъ расточительности, пьянства или безпечности домохозяина. Въ такихъ случаяхъ, желающая раздѣлиться семья почти всегда явится неисправною въ отбываніи лежащихъ на ней повинностей, при чемъ требованіе взноса ею недоимки и текущихъ платежей, будучи равносильнымъ прегражденію для нея выхода изъ бѣдственнаго положенія, могло бы привести къ полному ея разоренію. Кромѣ того, потребность раздѣла можетъ представиться въ такое время года, когда, по причинѣ отсутствія спроса на сельскіе продукты, спѣшныхъ полевыхъ работъ или крайняго бездорожья, даже вполнѣ обезпеченная семья оказывается не въ состояніи немед-

ленно пополнить всѣ причитающіеся съ нея платежи. По этимъ, вѣроятно, причинамъ, законодатель ограничился указаніями на то, что при разрѣшеніи семейныхъ раздѣловъ сельскіе сходы обязаны заботиться объ обезпеченіи уплаты состоящей на дѣлящемся семействѣ недоимки и опредѣлять, какую часть ея долженъ вносить каждый изъ участниковъ раздѣла (статья 5-ая и сл., п. б).

Такимъ образомъ, какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, законъ 18 марта 1886 года представляетъ собою только нѣкоторое развитіе, дополненіе и разъясненіе основнаго правила Крестьянскаго Положенія 1861 г., о подчиненіи семейныхъ раздѣловъ контролю мірскаго схода.

Никакихъ новыхъ существенныхъ ограниченій не введено; опредѣляется только нѣсколько точнѣе, въ какихъ размѣрахъ и какими пріемами долженъ совершаться контроль схода, на что онъ долженъ особенно обращать вниманіе и т. п.

Нельзя не отнестись съ крайнимъ сочувствіемъ къ осторожности законодателя, воздержавшагося отъ всякой излишней регламентаціи, въ сознаніи недостаточности тѣхъ мѣстныхъ свѣдѣній о крестьянскомъ бытѣ, которыми онъ обладалъ. При такихъ условіяхъ всякія слишкомъ рѣшительныя мѣропріятія, а въ особенности рѣшительное воспрещеніе совершать семейные раздѣлы, въ извѣстныхъ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, могли бы вызвать только опасныя неурядицы въ семейномъ быту крестьянъ.

Но, съ другой стороны, можно было предвидѣть, что если положеніе 1861 г. осталось безъ сдерживающаго вліянія на крестьянскіе семейные раздѣлы, та же участь постигнетъ и новый законъ о семейныхъ раздѣлахъ, составляющій одно только развитіе п. 5-го статьи 51-ой

Крестьянскаго Положенія. Эти опасенія вполнѣ подтвердились. Со времени изданія закона прошло восемь лѣтъ, и, вѣроятно, всѣ сельскіе хозяева и деревенскіе жители подтвердятъ, что до сихъ поръ уменьшенія семейныхъ раздѣловъ незамѣтно, до сихъ поръ еще законъ 1886 г. остается мертвой буквой.

Противодѣйствовать семейнымъ раздѣламъ по самому существу весьма трудно. Дѣло въ томъ, что желаніе жить своимъ домомъ и своимъ хозяйствомъ—чувство, врожденное каждому человѣку. Въ видахъ преуспѣянія хозяйства желательно, чтобы крестьяне жили большой семьей,—но много-ли мы найдемъ подобныхъ семейныхъ сожительствъ въ другихъ классахъ общества, гораздо болѣе развитыхъ и образованныхъ? Жить общимъ хозяйствомъ въ гостинницѣ или казармѣ гораздо выгоднѣе, гораздо дешевле, но, несмотря на это экономическое преимущество, каждый семейный человѣкъ стремится жить самостоятельно въ своемъ хозяйствѣ. Семейное общеніе сохраняется еще чаще, чѣмъ въ другихъ кругахъ, въ торговыхъ и промышленныхъ сферахъ; фирма «братья такіе-то»—довольно распространена въ Россіи. Но это все-же только общеніе капитала и промышленной дѣятельности, не препятствующее каждому брату жить отдѣльно въ своемъ личномъ семействѣ, своимъ хозяйствомъ. Это важное соображеніе, вытекающее изъ природы человѣка и обусловливаемое обстоятельствами семейной жизни, необходимо имѣть въ виду. Такое же стремленіе сосредоточиться въ своей семьѣ и быть независимымъ въ своей хозяйственной и домашней дѣятельности, проявляется и у крестьянъ; а вслѣдствіе ихъ бѣдности, отсутствія всякаго домашняго комфорта, оно проявляется въ этой сферѣ еще съ гораздо большею, почти стихійною силою,—и вотъ почему такъ трудно противодѣйствовать этой силѣ. Многорабо-

чія семьи еще сохраняются при жизни отца, у котораго нѣсколько взрослыхъ сыновей; отеческій авторитетъ уравновѣшиваетъ до извѣстной степени въ этомъ случаѣ индивидуальные интересы отдѣльныхъ членовъ семейства, хотя и тутъ часто бываютъ споры изъ-за предпочтенія однихъ членовъ семейства другимъ и т. п. причинъ. Но чтобы два или три семейные брата оставались въ общемъ хозяйствѣ—вещь исключительно рѣдкая. Значеніе старшаго брата почти совсѣмъ упразднилось въ народѣ, а при равноправности ихъ въ хозяйскомъ быту неизбѣжно являются споры и столкновенія разныхъ мелкихъ интересовъ, ведущихъ къ раздѣлу. Разладъ начинается обыкновенно изъ-за женщинъ-хозяекъ и ихъ столкновеній въ хозяйствѣ. При ограниченности удобствъ крестьянскаго хозяйства и крестьянской жизни, когда двумъ-тремъ хозяйкамъ приходится вести общее хозяйство въ одной избѣ, различные мелкіе споры и столкновенія являются неизбѣжными и, повторяясь почти ежедневно, приводятъ къ семейному разладу и окончательно къ семейному раздѣлу. И варка пищи, и уходъ за дѣтьми, и забота о скотѣ,—всѣ эти мелкія хозяйственныя отправленія, стѣсненныя въ одно мѣсто, неизбѣжно должны порождать постоянныя препирательства и столкновенія;—какъ разграничить сферу дѣятельности каждой хозяйки въ одномъ домѣ?! Къ этому присоединяется у мужчинъ обычное всѣмъ людямъ чувство эгоизма, которое у малосостоятельныхъ крестьянъ получаетъ особенную силу. Каждый желаетъ какъ можно болѣе пріобрѣсть для себя лично, имѣть свое отдѣльное достояніе, распоряжаться независимо отъ брата своимъ личнымъ имуществомъ; это чувство у крестьянина такъ сильно, что оно подавляетъ въ немъ совершенно мысль о той пользѣ, которую онъ можетъ извлечь изъ совмѣстнаго съ братомъ хозяйства,

и о томъ обезпеченіи, которое онъ находилъ бы въ общей семейной жизни. Можно-ли удивляться, что при такихъ условіяхъ крестьяне, нынѣ свободные люди, дѣлятся? Ограничивать и стѣснять стремленія свободнаго человѣка жить своимъ отдѣльнымъ хозяйствомъ довольно трудно и едва-ли справедливо, даже въ виду несомнѣнной экономической выгоды и пользы. Намъ самимъ приходилось бесѣдовать объ этомъ предметѣ съ крестьянами; приводимъ здѣсь одинъ разговоръ, который съ наглядною ясностью какъ бы фотографируетъ побужденія, руководящія обыкновенно крестьянами при семейныхъ раздѣлахъ. Разговоръ шелъ о друхъ братьяхъ, которые собирались подѣлиться, и, разумѣется, немедленно выяснилось, что первое побужденіе къ тому явилось вслѣдствіе спора между хозяйками — «бабы не поладили». Оба брата зажиточные, у нихъ двѣ избы, и лѣтняя, и зимняя, — поэтому естественно было спросить: если хозяйки не могутъ ужиться въ одномъ хозяйствѣ, то почему же, раздѣлившись домашнимъ хозяйствомъ и перебравшись каждый въ отдѣльную избу, имъ не продолжать по прежнему общаго полеваго хозяйства, пользуясь всѣми выгодами естественной семейной ассоціаціи? «Нѣтъ, ужъ дѣлиться, такъ дѣлиться совсѣмъ,—отвѣтилъ намъ нашъ собесѣдникъ:—потому что каждый братъ заботится о томъ, какъ бы улучшить свое хозяйство, а потому каждый и желаетъ хозяйничать отдѣльно; вотъ, онъ думаетъ, куплю себѣ лишнюю корову, побольше унавожу поле, получу лучшій урожай, и это все мнѣ пойдетъ въ пользу, а то пришлось бы дѣлить съ братомъ прибыль,—а каждый о себѣ заботится!» Эти подлинныя слова лужскаго крестьянина лучше всего выясняютъ, какимъ чувствомъ руководится крестьянинъ при семейномъ раздѣлѣ. Если чувство эгоизма дѣйствуетъ во всѣхъ людяхъ, даже въ са-

мыхъ образованныхъ, то слѣдуетъ ли дивиться тому, что оно проявляется такъ сильно въ малоразвитыхъ людяхъ. Въ виду всего этого нельзя не придти къ заключенію, что насильственно сдерживать семейную жизнь тамъ, гдѣ она естественно стремится распасться на отдѣльные элементы, т.-е. на отдѣльныя семьи—задача неосуществимая.

Раздѣлъ семьи и соединенное съ нимъ дробленіе земли представляютъ, однако, въ хозяйственномъ отношеніи несомнѣнно вредное явленіе, которому желательно противодѣйствовать. Для достиженія практическаго результата необходимо прежде всего дать себѣ ясный отчетъ въ положеніи дѣла и въ тѣхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, которыя вызываютъ данное явленіе. Если придти къ убѣжденію, что стремленіе крестьянъ къ образованію отдѣльныхъ семейныхъ участковъ есть стремленіе вполнѣ естественное, то вмѣсто того, чтобы воздѣйствовать на это стремленіе непосредственно, слѣдуетъ подойти къ нему съ другой стороны и поставить его на болѣе практическую почву. Не вторгаясь въ семейные распорядки крестьянъ, слѣдуетъ принять мѣры для противодѣйствія крайнему дробленію земли. Этимъ путемъ, на который стали уже многія другія страны и который начертанъ и у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ положеніяхъ, гораздо легче будетъ достигнуть удовлетворительнаго во всѣхъ отношеніяхъ результата.

По 96-ой ст. малороссійскаго положенія, крестьянскіе участки могутъ быть дѣлимы на части, но съ тѣмъ, чтобы каждая часть полеваго участка была не менѣе половины установленнаго для той мѣстности высшаго размѣра пѣшаго участка. А на основаніи 38-ой статьи и приложенія къ ней эти размѣры точно обозначены.

На основаніи 85-ой статьи положенія для сѣверо-западныхъ губерній, при переходѣ участковъ, на основаніи

ст. 83, и при переходѣ ихъ по наслѣдству, они могутъ быть, съ согласія помѣщика, раздѣляемы на части, но съ соблюденіемъ при этомъ условія, чтобы каждая часть была не менѣе десяти десятинъ.

Установленіемъ путемъ закона минимальныхъ участковъ крестьянскаго надѣла, которые уже не должны подлежать дальнѣйшему раздробленію, былъ-бы положенъ предѣлъ и измельченію почвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и крайнему развитію семейныхъ раздѣловъ, такъ какъ семейства, дошедшія до минимальнаго надѣла, не имѣя возможности дѣлить дальше землю, воздерживались бы по необходимости и отъ семейнаго раздѣла.

При установленіи минимальнаго размѣра земли, когда надѣлъ будетъ достигать этого послѣдняго предѣла дѣлимости, всѣ члены семейства, въ виду невозможности дальнѣйшаго раздѣла, по необходимости будутъ предаваться общему совмѣстному хозяйству на своемъ семейномъ участкѣ; если же наличность рабочихъ силъ въ семьѣ станетъ превышать потребность въ ней для обработки даннаго участка, тогда избытокъ населенія, т.-е. тѣ члены семейства, которые уже не будутъ находить примѣненія своему труду въ своей семьѣ, станутъ выбывать изъ семейства, или переселяясь въ другія мѣстности, или посвящая себя отхожимъ работамъ.

Въ сѣверной и средней Россіи занятіе отхожими промыслами составляетъ уже постоянный удѣлъ части крестьянскаго населенія. Въ черноземной же и степной полосѣ, гдѣ занятіе промыслами и ремеслами не развилось среди крестьянъ, избытокъ сельскаго населенія пойдетъ на постоянную работу къ сосѣднимъ помѣщикамъ — отчего со временемъ выиграетъ и помѣщичье, и крестьянское хозяйство. Въ настоящее время крестьяне въ этой полосѣ, снимая какія-либо работы у сосѣднихъ помѣщи-

ковъ, ведутъ ихъ одновременно съ своимъ хозяйствомъ, стараясь справить и то и другое; а отъ этого страдаетъ ихъ собственное хозяйство, потому что они лишены возможности производить у себя необходимыя работы въ удобное для того время; отъ этого страдаетъ и ихъ работа у помѣщиковъ, потому что имъ все же приходится заботиться и о своемъ хозяйствѣ. Когда же дробленіе земли достигнетъ узаконеннаго минимальнаго размѣра, тогда часть крестьянъ посвятится, вѣроятно, исключительно своему собственному домашнему дѣлу, а другая часть, составляющая избытокъ населенія, пойдетъ ужъ на постоянныя работы къ сосѣднимъ помѣщикамъ и не будетъ отрываться отъ этихъ работъ заботами о собственномъ хозяйствѣ. Когда такимъ образомъ постепенно образуется изъ избытка сельскаго населенія классъ постоянныхъ сельскихъ наемныхъ рабочихъ, то по всей вѣроятности, чтобы еще болѣе обезпечить за собою трудъ хорошихъ рабочихъ, многоземельные помѣщики станутъ надѣлять своихъ рабочихъ небольшими клочками земли, для устройства на нихъ усадьбы и огорода, — такъ что между землевладѣльцами-крестьянами и безземельными крестьянами образуется еще средній классъ осѣдлыхъ рабочихъ, надѣленныхъ отъ хозяина усадьбой въ долгіе годы. Нѣкоторые изъ выдѣляющихся изъ семьи крестьянъ станутъ арендовать у помѣщиковъ отдѣльные мызные участки, превращаясь нѣкоторымъ образомъ въ фермеровъ. Начало тому уже положено въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Авторъ книги «Неурожай» указываетъ, что въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ уже теперь устраиваются хутора, сдаваемые въ аренду крестьянамъ. Такъ, въ имѣніяхъ Д. А. Столыпина въ пензенской губерніи устроено 31 такой хуторъ, въ саратовской губерніи — 7 хуторовъ, въ таврической—23 хутора. Затѣмъ въ ека-

терінославской губерніи подобные хутора завелъ г. Короленко, водворяя на нихъ выходцевъ изъ малоземельныхъ частей полтавской губерніи. Въ виду подобныхъ удачныхъ примѣровъ хуторно-фермерской системы весьма желательно дальнѣйшее развитіе дѣла; созданіе прочнаго класса осѣдлыхъ арендаторовъ-хуторянъ, безъ ущерба для крестьянъ-землевладѣльцевъ, имѣло бы несомнѣнное значеніе какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ.

Задача государства заключается, какъ мы видѣли, совершенно не въ томъ, чтобы привязывать весь избытокъ населенія къ землѣ, а въ томъ, чтобы сохранять и укрѣплять сильное и здоровое крестьянское населеніе.

Такимъ образомъ, установленіе минимальныхъ участковъ представляетъ самую важную и самую насущную задачу будущаго; отъ удачнаго разрѣшенія этой задачи зависитъ и поддержаніе благосостоянія и силы крестьянскаго населенія, и улучшеніе культуры земли, задерживаемой нынѣ во многихъ мѣстностяхъ у крестьянъ крайнимъ дробленіемъ земли, а у помѣщиковъ отсутствіемъ достаточнаго числа постоянныхъ рабочихъ.

Опредѣленіе минимальныхъ участковъ для каждой мѣстности составляетъ несомнѣнно для законодательства крайне трудную задачу, потому что опредѣленіе этихъ размѣровъ потребуетъ предварительнаго, весьма тщательнаго изученія мѣстныхъ условій крестьянскаго хозяйства въ различныхъ районахъ общиннаго владѣнія; но исполненіе этой задачи никакъ нельзя признать для насъ непосильнымъ. Задача редакціонныхъ коммиссій, которымъ предстояло опредѣлить не только размѣръ минимальныхъ участковъ для Малороссіи и для сѣверо-западнаго края, но и размѣры нормальныхъ надѣловъ для всей Россіи, была въ этомъ отношеніи несравненно труднѣе, и, несмотря на то, она получила удовлетворительное разрѣ-

шеніе, и это въ такое время, когда существовавшія въ ихъ распоряженіи свѣдѣнія были еще малочисленнѣе чѣмъ въ настоящее время, и когда всѣ данныя пришлось собирать на мѣстахъ, такъ сказать, изъ жизни. Въ настоящее время весьма важно обратить вниманіе на то, какіе результаты дало въ практической жизни примѣненіе статей малороссійскаго и сѣверо-западнаго положенія, установившихъ минимальный размѣръ крестьянскихъ участковъ. Одно это изслѣдованіе дастъ богатый матеріалъ для разрѣшенія вопроса.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію закона 8-го іюня 1893 года о крестьянскихъ передѣлахъ.

Содержаніе этого закона слѣдующее:

1) Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, соблюдаются относительно передѣловъ нижеслѣдующія правила.

2) Дѣйствію сихъ правилъ подлежатъ: а) всѣ земли пахотныя, и б) тѣ изъ прочихъ угодій, которыя передѣляются на одинаковыхъ основаніяхъ съ пахотными землями.

3) Передѣлы упомянутыхъ въ статьѣ 2-ой земель производятся не иначе, какъ съ соблюденіемъ условій, опредѣленныхъ въ особомъ приговорѣ общества.

4) Въ приговорѣ объ условіяхъ передѣла должны быть означены: а) срокъ, на который совершается передѣлъ; б) по какому разсчету распредѣляется земля между домохозяевами (по душамъ ревизскимъ или наличнымъ, по тягламъ и т. п.), и в) сколько по этому разсчету душевыхъ или иныхъ надѣльныхъ участковъ причитается на каждаго изъ домохозяевъ.

5) Срокъ передѣла назначается въ двѣнадцать или болѣе лѣтъ.

Примѣчаніе. Установляемыя настоящими правилами ограниченія относительно срока и прочихъ условій передѣла не распространяются на тѣ случаи, когда разверстка мірской земли совершается для окончательнаго раздѣла земли на постоянные наслѣдственные участки.

6) Въ случаяхъ исключительныхъ новый передѣлъ можетъ быть производимъ и до наступленія срока, опредѣленнаго въ приговорѣ объ условіяхъ предыдущаго передѣла, но не иначе, какъ по испрошенію обществомъ особаго разрѣшенія губернскаго присутствія на сокращеніе сего срока.

7) Приговоръ объ условіяхъ передѣла постановляется порядкомъ, опредѣленнымъ въ статьѣ 54-ой положенія, и вступаетъ въ силу по провѣркѣ его на мѣстѣ земскимъ участковымъ начальникомъ и утвержденіи уѣзднымъ съѣздомъ.

8) Уѣздный съѣздъ, разсмотрѣвъ приговоръ, представленный земскимъ начальникомъ при его заключеніи, или утверждаетъ таковой, или отказываетъ въ утвержденіи, если признаетъ, что онъ постановленъ несогласно съ законами, либо клонится къ явному ущербу сельскаго общества, либо нарушаетъ законныя права отдѣльныхъ его членовъ. Въ случаѣ отказа въ утвержденіи, съѣздъ указываетъ обществу причины неутвержденія приговора и предоставляетъ обществу составить новый приговоръ объ условіяхъ передѣла.

9) При всякомъ передѣлѣ крестьянамъ, улучшившимъ качества своего надѣла посредствомъ удобренія земли, осушенія ея, устройства орошенія или инымъ способомъ, а равно правопреемникамъ сихъ крестьянъ, надѣлъ предоставляется, по возможности въ прежнемъ мѣстѣ. При невозможности сего, означеннымъ лицамъ или отводится надѣлъ равнаго качества съ прежнимъ, или, въ случаѣ

отвода земли худшаго качества, назначается вознагражденіе, производимое посредствомъ соотвѣтственной сбавки въ уплатѣ повинностей, либо на иныхъ основаніяхъ.

10) Со времени приведенія въ дѣйствіе приговора объ условіяхъ передѣла до утвержденія новаго по тому же предмету приговора, участки отдѣльныхъ домохозяевъ не могутъ быть отбираемы обществомъ ни въ полномъ составѣ, ни по частямъ, за исключеніемъ случаевъ: а) смерти домохозяина, увольненія его изъ общества, высылки по суду или общественному приговору, или безвѣстной его отлучки и оставленія хозяйства безъ попеченія, если притомъ послѣ умершаго или выбывшаго лица не осталось въ обществѣ членовъ семейства, за которыми участокъ можетъ быть оставленъ; б) отказа самого домохозяина отъ пользованія землею, и в) неисправности его въ платежѣ повинностей (ст. 188 положенія).

11) Обществу предоставляется: а) передавать участки, поступающіе въ распоряженіе его, въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ пунктами 1—3 предыдущей статьи, въ полномъ составѣ или по частямъ въ пользованіе другихъ домохозяевъ на время до слѣдующаго передѣла или на болѣе краткій срокъ, или же б) сохранить сіи участки до новаго передѣла въ общественномъ пользованіи, въ видѣ мірскихъ оброчныхъ статей.

12) Приговоры общества по предметамъ, означеннымъ въ статьяхъ 10-ой и 11-ой, постановляются порядкомъ, опредѣленнымъ въ статьѣ 54-ой положенія, объявляются лицамъ, до которыхъ относятся, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляются земскому начальнику. Приговоры сіи могутъ быть обжалованы лицами, до коихъ относятся, земскому начальнику въ теченіе тридцати дней со времени объявленія ихъ.

13) Земскій начальникъ провѣряетъ каждый представ-

ленный ему по статьѣ 12-ой приговоръ на мѣстѣ, разсматриваетъ принесенныя на оный жалобы и засимъ или разрѣшаетъ обществу привести приговоръ въ исполненіе, или входитъ съ представленіемъ объ отмѣнѣ онаго на общемъ основаніи (Пол. о зем. нач., ст. 31).

14) До утвержденія перваго, постановленнаго на основаніи настоящихъ правилъ, приговора объ условіяхъ передѣла, сельское общество въ распоряженіяхъ своихъ относительно отдѣльныхъ участковъ, отведенныхъ въ пользованіе домохозяевъ по послѣдней разверсткѣ, руководствуется постановленіями статей 10—13-ой сихъ правилъ, а участками, временно предоставленными домохозяевамъ послѣ общей разверстки (накладныя души), общество распоряжается сообразно тѣмъ условіямъ, на которыхъ участки сіи были предоставлены означеннымъ домохозяевамъ, но съ соблюденіемъ притомъ постановленій, содержащихся въ статьяхъ 12 и 13-ой сихъ правилъ.

Кн. А. Оболенскій, въ указанной выше статьѣ: «Основная причина крестьянскаго нестроенія», замѣчаетъ по поводу закона 8-го іюня, «что онъ представляетъ собою первую попытку если и не дать правила для сельской общины, то вызвать само общество на установленіе опредѣленнаго порядка пользованія землей и земельныхъ передѣловъ. Съ этой точки зрѣнія законъ этотъ представляется въ высшей степени важнымъ, но, конечно, онъ можетъ получить дальнѣйшее развитіе и разумное примѣненіе, лишь когда выяснятся тѣ общіе вопросы общиннаго землевладѣнія, безъ разрѣшенія которыхъ немыслимо установленіе въ немъ прочнаго и твердаго порядка».

Какъ первый опытъ побудить общество крестьянъ къ урегулированію и болѣе точному опредѣленію всѣхъ отношеній къ землѣ, законъ 8-го іюня 1893 г. имѣетъ

несомнѣнно немаловажное значеніе. Еслибы онъ ограничился требованіемъ постановленія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мірскихъ приговоровъ, ясно опредѣляющихъ условія передѣла, и еслибы онъ вмѣстѣ съ тѣмъ установилъ нѣкоторыя мѣропріятія, клонящіяся къ устраненію всякихъ положительныхъ злоупотребленій и правонарушеній, могущихъ случаться при передѣлахъ, то цѣлесообразная польза этого закона была бы внѣ всякаго сомнѣнія. Къ сожалѣнію, законъ 8-го іюня идетъ далѣе; онъ не ограничивается требованіемъ установленія опредѣленнаго порядка при передѣлахъ, онъ вступаетъ на путь регламентаціи, опредѣляя минимальные сроки передѣловъ и случаи, въ коихъ допускается сбавка и надбавка тяголъ.

Всматриваясь во всю совокупность закона, нельзя не придти къ убѣжденію, что главная цѣль его—устраненіе вредныхъ послѣдствій передѣловъ вообще. Законъ состоялся несомнѣнно подъ вліяніемъ существовавшаго и существующаго у насъ еще во многихъ кругахъ мнѣнія о мнимомъ вредѣ, наносимомъ передѣлами крестьянской культурѣ. Съ отвлеченной точки зрѣнія кажется совершенно несомнѣннымъ, что крестьянинъ, не обезпеченный въ пользованіи своимъ участкомъ, не станетъ заботиться о хорошей его обработкѣ; зачѣмъ ему сегодня унавоживать поле, которое, можетъ быть, завтра отберутъ у него... Но дѣйствительная жизнь ставитъ вопросъ совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ представляется отвлеченнымъ теоретическимъ соображеніямъ. Чтобы ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ вопроса, необходимо было предпослать составленію закона основательное изслѣдованіе на мѣстахъ порядковъ и обычаевъ крестьянскаго быта—а этого изслѣдованія, къ сожалѣнію, сдѣлано не было.

Несмотря на господствовавшее у насъ убѣжденіе во

вредномъ вліяніи передѣловъ, о совершенномъ воспрещеніи ихъ не могло быть и рѣчи; такое воспрещеніе равнялось бы упраздненію общиннаго владѣнія въ Россіи.

Опасаясь идти такъ далеко, законъ ограничивается установленіемъ однообразнаго минимальнаго двѣнадцати-лѣтняго срока, въ видахъ устраненія по крайней мѣрѣ слишкомъ частыхъ передѣловъ. Таково, очевидно, его значеніе.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что, при разнообразіи почвенныхъ, климатическихъ и культурныхъ условій въ Россіи, установленіе одного минимальнаго размѣра для всей Россіи должо представлять на практикѣ большія и несомнѣнныя неудобства. Цифра, подходящая къ одной мѣстности, можетъ не подходить къ другой. Слѣдовало требовать вообще, чтобы въ приговорахъ опредѣлялся срокъ, на который производится передѣлъ, хотя могутъ быть случаи, когда, какъ мы дальше увидимъ, даже опредѣленіе срока представляетъ неудобства,—но опредѣленіе двѣнадцати-лѣтняго минимальнаго срока едва-ли вызывалось дѣйствительными потребностями нашей сельской жизни. Чѣмъ вообще обусловленъ этотъ двѣнадцати-лѣтній минимумъ? Можно предположить, что на немъ остановились какъ на періодѣ, представляющемъ три трехгодовыхъ сѣвооборота. Но почему же приняты именно три, а не два или четыре сѣвооборота? Особеннаго основанія къ тому быть не можетъ. Затѣмъ, какъ примѣнить этотъ срокъ къ мѣстностямъ, гдѣ крестьяне уже начали вводить многопольные сѣвообороты, вызванные посѣвами клевера, — мѣстный сѣвооборотъ можетъ совсѣмъ не составлять крайняго числа 12-ти; можно, правда, его удлиннить, ибо 12 лѣтъ составляютъ не обязательный, а только минимальный срокъ,—но какое значеніе остается тогда за этой цифрой?

Установляемый минимальный срокъ не произведетъ никакой пертурбаціи только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже фактически существуютъ близко подходящіе къ нему 8-ми, 9-ти, 10-ти и 11-ти-лѣтніе сроки, но тамъ примѣненіе его будетъ совершенно индифферентно; сами крестьяне уже придерживаются въ этихъ мѣстностяхъ подходящихъ сроковъ.

Но на двухъ крайнихъ концахъ, т.-е. въ тѣхъ случаяхъ, когда уже и теперь преобладали очень продолжительные сроки, и съ другой стороны, въ случаяхъ примѣненія до сихъ поръ самыхъ краткихъ, даже одногодовыхъ сроковъ на передѣлы, польза примѣненія статьи пятой болѣе чѣмъ сомнительна.

Мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ періодическихъ передѣловъ совершенно не существуетъ; земля остается до 20 и болѣе лѣтъ въ рукахъ одной и той же семьи; есть даже случаи, что, разъ подѣлившись при освобожденіи, крестьяне съ тѣхъ поръ не производили болѣе передѣловъ. Въ такихъ мѣстностяхъ регламентативное постановленіе статьи 4-й и 5-й можетъ имѣть послѣдствія, прямо противоположныя предусматриваемой цѣли. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ коихъ періодическихъ передѣловъ не существуетъ, передѣлы становятся исключеніемъ изъ общаго порядка. Къ нимъ прибѣгаютъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, напр., при развитіи крайней чрезполосности и т. п. Законъ 8-го іюня устраняетъ на будущее время эту возможность; въ случаѣ передѣла, надо опредѣлить срокъ. При безсрочномъ распредѣленіи земли, можетъ быть, прошло бы опять 10, 20, 30 лѣтъ до новаго передѣла, а можетъ быть, въ таковомъ и совсѣмъ не представилось бы надобности, но законъ требуетъ опредѣленія срока впередъ. Можно, несомнѣнно, превысить 12-ти-лѣтній срокъ, назначить 20 — 30 лѣтъ. Но

едва-ли крестьяне на это рѣшатся. Имѣя возможность передѣлиться во всякое время и не имѣя къ тому никакой необходимости, крестьяне спокойно оставались бы безъ передѣла долгое время. Но связывать себя впередъ приговоромъ на срокъ болѣе установленнаго правительствомъ имъ покажется опаснымъ; мало ли что́ можетъ случиться въ промежутокъ времени, а они связаны постановленіемъ схода. Вотъ почему, по всей вѣроятности, въ такихъ мѣстностяхъ при случающихся передѣлахъ станутъ принимать 12-ти-лѣтній срокъ и привыкнутъ мало-по-малу смотрѣть на эти 12 лѣтъ какъ на нормальный срокъ, установленный правительствомъ. Такимъ образомъ, нѣкоторыя общины, у которыхъ передѣлы уже перешли въ область преданія, опять возвратятся къ 12-ти-лѣтнимъ періодическимъ срокамъ. Вмѣсто удлиненія получится сокращеніе сроковъ; едва-ли это желательно и полезно.

Для устраненія этого неудобства слѣдовало бы при сохраненіи даже пятой статьи постановить: что въ тѣхъ случаяхъ, когда община желаетъ подѣлить землю на болѣе продолжительный срокъ, ей разрѣшается въ мірскомъ приговорѣ не обозначать срока, оговоривъ, что къ передѣлу будетъ приступлено, когда къ тому окажется необходимость, но во всякомъ случаѣ съ условіемъ, чтобы ранѣе 12 лѣтъ община не приступала къ передѣлу.

Совсѣмъ другаго рода трудность будетъ встрѣчать примѣненіе закона въ тѣхъ степныхъ мѣстностяхъ, гдѣ землю до сихъ поръ не унаваживаютъ и гдѣ потому передѣлы происходятъ въ самые краткіе промежутки времени, иногда даже ежегодно. Рѣшительно непонятно, какимъ образомъ возможно будетъ привести въ исполненіе тамъ требованія статьи 5-ой.

Статья 6-ая допускаетъ въ исключительныхъ случаяхъ

измѣненіе въ постановленіяхъ приговора, т.-е. разрѣшаетъ приступъ къ передѣлу ранѣе опредѣленнаго срока; въ степной области это исключеніе превратится несомнѣнно въ общее правило.

Какой же поводъ могъ быть къ понужденію этихъ примитивныхъ мѣстностей переходить разомъ отъ годоваго до 12-ти-годоваго срока? Очевидно, это было постановлено подъ дѣйствіемъ убѣжденія, что измѣненіе формы владѣнія землей должно повлечь за собою и измѣненіе формы культуры; между тѣмъ, мы видѣли, что въ дѣйствительности дѣло идетъ совершенно противоположнымъ образомъ. Если закрѣпить за нашимъ степнякомъ, не унавоживавшимъ до сихъ поръ землю, его участокъ на 10, 20, 30 лѣтъ, этимъ однимъ онъ никогда не вызовется на унавоживаніе пашни, а только его полу-захватное хозяйство будетъ приведено въ разстройство. Если же общество само додумается до того, что пора приступить къ унавоженію поля, то оно само удлиннитъ въ соразмѣрности сроки, такъ какъ лучшая обработка земли требуетъ и болѣе продолжительнаго владѣнія ею.

Въ виду всего вышеизложеннаго слѣдовало бы сохранить постановленіе статьи четвертой для всѣхъ передѣловъ до 12 лѣтъ, но съ предоставленіемъ обществу устанавливать сроки по своему усмотрѣнію, не связывая его ограниченіемъ статьи пятой. Только въ случаѣ составленія безсрочныхъ приговоровъ, таковые могли бы подлежать 12-ти-лѣтнему ограниченію, какъ выше указано.

Остальныя статьи установляютъ самый порядокъ производства раздѣловъ. Приговоръ о передѣлѣ долженъ, кромѣ срока, опредѣлять съ точностью всѣ условія владѣнія, по какому разсчету земля распредѣляется между хозяевами, сколько надѣловъ приходится на долю каждаго. Самый порядокъ распредѣленія земли по душамъ

ревизскимъ или наличнымъ, или тягламъ, предоставляется весьма осторожно на усмотрѣніе самихъ обществъ,—всякая регламентація въ этомъ отношеніи могла бы принести только вредъ.

Статья девятая установляетъ, что при всякомъ передѣлѣ крестьянамъ, улучшившимъ путемъ удобренія, осушенія, орошенія или инымъ способомъ, а равно и правопреемникамъ этихъ крестьянъ, надѣлъ предоставляется по возможности въ тѣхъ же мѣстахъ, равнаго качества или имъ назначается вознагражденіе.

При трудности опредѣленія характера улучшенія и опредѣленія стоимости его, означенная статья, при всей своей цѣлесообразности, на первое время будетъ находить примѣненіе довольно рѣдко; на нее надо смотрѣть, какъ на поощреніе крестьянъ къ примѣненію этого полезнаго порядка въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ уже началъ входить въ народный обычай.

Особеннаго вниманія, вслѣдствіе содержащейся въ ней регламентаціи, заслуживаетъ статья десятая, трактующая о скидкѣ и накидкѣ надѣловъ, т.-е. о такъ называемыхъ частныхъ передѣлахъ. Урегулированію этого проявленія крестьянской жизни посвященъ рядъ постановленій, опредѣляющихъ съ точностью всѣ тѣ случаи, когда вообще можетъ быть допускаема скидка и накидка тяголъ.

Нельзя отрицать, что при скидкѣ и накидкѣ надѣловъ дѣйствительно происходили весьма серьезныя правонарушенія. До сихъ поръ скидки и накидки надѣловъ порождали нерѣдко широкую практику произвола и насилій; бывали случаи, что за водку отбирались надѣлы отъ бѣдныхъ домохозяевъ для передачи богатымъ, и отбиралась не часть надѣла, а весь надѣлъ, такъ-что происходило полное обезземеленіе крестьянъ-домохозяевъ. Въ видахъ устраненія явныхъ правонарушеній, сенатскимъ опредѣле-

ніемъ было постановлено, что приговоры о свалкѣ и навалкѣ тяголъ нуждаются, для полученія законной силы, въ большинствѣ двухъ третей голосовъ, и что отбираніе всего надѣла вообще допустимо только при неисправности общинника въ отбываніи повинностей. Это опредѣленіе сената значительно ограничило кругъ злоупотребленій, но не могло ихъ устранить совершенно. Стали отбирать не весь надѣлъ, а столь значительную его часть, что хозяйничать на остальномъ становилось невозможнымъ.

Могло казаться, что, оставляя открытымъ вопросъ о свалкѣ и навалкѣ тяголъ, тѣмъ самымъ открывался широкій просторъ обходить постановленія закона, направленнаго къ урегулированію періодическихъ передѣловъ.

Подъ вліяніемъ вышеизложенныхъ опасеній законодатель не рѣшился ограничить вопросъ—необходимостью введенія мѣропріятій, направленныхъ къ устраненію злоупотребленій, происходившихъ при скидкѣ и накидкѣ надѣловъ, онъ пошелъ дальше. Считая нежелательнымъ слишкомъ частое проявленіе этой стороны общиннаго быта (даже при отсутствіи положительныхъ злоупотребленій) и исходя, съ другой стороны, изъ той точки зрѣнія, что правительство въ правѣ и обязано полагать предѣлы такимъ проявленіямъ народной жизни, которыя оно признаетъ вредными съ государственной точки зрѣнія, законъ 8-го іюня склонился къ нѣкоторому стѣсненію даже нормальнаго проявленія этого бытоваго порядка, ограничивъ его примѣненіе нѣкоторыми точно опредѣленными случаями.

Еслибы дѣйствительно, путемъ частныхъ передѣловъ можно было обходить общій законъ о періодическихъ передѣлахъ, то такая постановка вопроса не могла бы возбуждать никакихъ сомнѣній въ своей цѣлесообраз-

ности. Но при ближайшемъ изслѣдованіи предмета нельзя не признать опасеній, побудившихъ законодателя вступить въ этомъ вопросѣ столь рѣшительно на путь регламентаціи, чрезмѣрными и мало основательными. Въ сущности, — за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, носящихъ несомнѣнно характеръ злоупотребленій, — переверстаній угодья подъ видомъ скидки и накидки земли почти никогда не происходитъ. Самыя слова частный передѣлъ въ деревнѣ не извѣстны; это — созданіе административнаго и литературнаго языка, для выраженія предвзятаго понятія, которому въ дѣйствительной жизни ничего не соотвѣтствуетъ. До 1893 г. общіе передѣлы были предоставлены свободной волѣ обществъ; какой же интересъ могли имѣть общества скрывать общіе передѣлы подъ видомъ частныхъ передѣловъ? — очевидно, никакого; передѣлъ такъ передѣлъ! — производить же передѣлъ путемъ скидки и накидки надѣловъ — объ этомъ крестьяне никогда и не помышляли. При скидкѣ и накидкѣ земли въ средѣ хозяйствъ дѣло ограничивается обыкновенно передачею всего или части надѣла отъ одного домохозяина другому; при этомъ ни переверстки, ни ломки межъ не допускается. Бываютъ несомнѣнно злоупотребленія, но эти злоупотребленія заключаются въ несправедливомъ отобраніи отъ домохозяина части надѣла, но никакъ не въ практикованіи общаго передѣла путемъ свалки и навалки тяголъ. Частные передѣлы — это отвлеченная фикція, крестьянскимъ обществамъ неизвѣстная.

Сбавка и набавка надѣловъ не только не составляетъ, какъ полагаютъ многіе, случайнаго осложненія общиннаго владѣнія, но, напротивъ того, этотъ процессъ до того связанъ съ сущностью общиннаго владѣнія, что безъ него существованіе послѣдняго немыслимо. Безъ періодическихъ передѣловъ, какъ мы уже указывали,

община можетъ существовать продолжительное время, но лишеніемъ права скидки и накидки все отправленіе общинной жизни было бы подорвано. Только благодаря повременнымъ скидкамъ и накидкамъ надѣловъ, общины могутъ обходиться долгое время безъ передѣловъ. Жизнь проявляетъ въ этомъ отношеніи столько разнообразныхъ частностей, что ихъ довольно трудно подвести подъ регламентацію закона. Вызванная чрезмѣрными, не основанными на дѣйствительныхъ явленіяхъ жизни, опасеніями, статья десятая неизбѣжно должна стѣснять естественное теченіе общинной жизни.

Изъ собственнаго наблюденія, во время пребыванія въ деревнѣ, и изъ разговоровъ съ земскими начальниками мы не могли не вынести убѣжденія, что могутъ случаться такія проявленія и потребности скидки и накидки земельныхъ угодій, потребности, прямо вытекающія изъ условій крестьянской жизни, которыя не подходятъ подъ регламентативные пункты статьи десятой.

Чтобы не стѣснять крестьянской жизни, болѣе толковые земскіе начальники принуждены въ такихъ случаяхъ подводить, даже съ натяжкой, вызываемую необходимостью скидку или накидку подъ тотъ или другой пунктъ статьи, при помощи иногда крайне распространительнаго толкованія. Только этимъ путемъ и удается устранить въ данномъ случаѣ вредныя послѣдствія регламентаціи.

Желаемая цѣль устраненія злоупотребленій была бы вполнѣ достигнута безъ всякаго стѣсненія общинной жизни, еслибы статья десятая, вмѣсто принципіальнаго воспрещенія всякой свалки и навалки, съ перечисленіемъ, затѣмъ, тѣхъ исключительныхъ случаевъ, когда можетъ быть производима сбавка и прибавка надѣловъ, просто бы постановляла, что свалка и навалка не допускается, безъ согласія самого домохозяина, въ тѣхъ случаяхъ,

когда въ рабочемъ составѣ семейства домохозяина не произошло никакого измѣненія и когда домохозяинъ исправно уплачиваетъ повинности.

Слишкомъ значительному группированію участковъ въ однѣхъ рукахъ легко противодѣйствовать установленіемъ максимальнаго числа надѣловъ, которое можетъ быть соединено въ рукахъ одного домохозяина, на подобіе того, что уже существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ положеніяхъ; такъ, напр., 84 ст. сѣверозападнаго положенія ограничиваетъ число надѣловъ, могущихъ принадлежать одному домохозяину, тремя. Стремленію же малоземельныхъ семей отбирать надѣлы, путемъ свалки, у большеземельныхъ хозяевъ, была бы полагаема нѣкоторая преграда постановленіемъ статьи девятой настоящаго закона, которая требуетъ, чтобы владѣльцу отбираемаго участка назначалось извѣстное вознагражденіе за произведенныя имъ на участкѣ улучшенія.

Подобныя органическія мѣры лучше всякой регламентаціи сдерживали бы процессъ скидки и накидки участковъ въ здравыхъ и нормальныхъ границахъ. Вмѣшательство администраціи въ это проявленіе мѣстной жизни могло бы тогда быть допускаемо только въ случаѣ жалобъ заинтересованныхъ сторонъ для устраненія злоупотребленій.

Но законъ 8-го іюня не остановился на этой почвѣ, онъ пошелъ далѣе, и потому про него можно сказать, что въ крайнемъ случаѣ излишняя регламентація, вносимая имъ во внутреннее дѣло общины распредѣленіемъ надѣловъ, особеннаго вреда не принесетъ, потому что жизнь найдетъ возможность такъ или иначе обходить ее; что же касается тѣхъ статей положенія 8-го іюня, которыя имѣютъ цѣлью упорядоченіе дѣлопроизводства при составленіи мірскихъ приговоровъ и устраненіе всякихъ

злоупотребленій и насилій, то ихъ нельзя не признать безусловно полезными.

Совсѣмъ другое значеніе имѣетъ законъ 22-го ноября 1893 года. Онъ затрогиваетъ самые коренные вопросы крестьянскаго землевладѣнія, вводя въ существовавшій до того времени порядокъ такія измѣненія, которыя будутъ имѣть несомнѣнно самое благотворное вліяніе на весь крестьянскій землевладѣльческій бытъ.

Содержаніе закона слѣдующее:

1) Продажа надѣльной земли цѣлыми сельскими обществами допускается не иначе, какъ на основаніи особаго о томъ приговора общества, постановленнаго съ согласія не менѣе двухъ третей всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ, и утвержденнаго губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, по принадлежности. Если стоимость отчуждаемаго участка превышаетъ пятьсотъ рублей, то для продажи его требуется, сверхъ того, разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ финансовъ, а въ случаяхъ, когда участокъ отчуждается для горнопромышленныхъ цѣлей,—и по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ.

Дѣйствіе установляемаго настоящимъ правиломъ ограниченія не распространяется на случаи: а) обмѣновъ на основаніи ст. 86 пол. учр. крест. и обмѣновъ при размежеваніи, и б) отводъ земли по мірскимъ приговорамъ въ пользу причтовъ вновь устраиваемыхъ приходовъ. Означенные обмѣны и отводы производятся на существующемъ основаніи.

2) Участки надѣльной земли, пріобрѣтенные отдѣльными крестьянами или состоящіе въ подворно-наслѣдственномъ ихъ пользованіи, могутъ быть отчуждаемы посредствомъ даренія или продажи, какъ добровольной,

такъ и съ торговъ, за недоимки въ выкупныхъ платежахъ, только лицамъ приписаннымъ или приписывающимся къ сельскимъ обществамъ.

Дѣйствіе устанавливаемаго настоящимъ правиломъ ограниченія не распространяется на случаи: а) обмѣновъ, на основ. ст. 86 пол. учр. крест. и обмѣновъ при размежеваніи, и б) отчужденія надѣльной земли для промышленныхъ цѣлей. Въ семъ послѣднемъ случаѣ надѣльные участки могутъ быть продаваемы лицамъ всѣхъ состояній, но не иначе какъ съ особаго разрѣшенія, даваемаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министрами финансовъ и государственныхъ имуществъ, по принадлежности.

3) Крестьянскимъ обществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ воспрещается отдавать надѣльныя земли въ залогъ частнымъ лицамъ и частнымъ учрежденіямъ, хотя бы выкупная ссуда по симъ землямъ и была погашена. Обращеніе взысканія на означенныя земли по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ и продажа оныхъ на основаніи такихъ рѣшеній допускаются только для удовлетворенія претензій по закладнымъ, въ установленномъ порядкѣ, совершеннымъ до обнародованія настоящаго закона.

Во измѣненіе и дополненіе положенія о выкупѣ постановить: до уплаты выкупной ссуды, выдѣлъ отдѣльнымъ домохозяевамъ и досрочный выкупъ ими участковъ изъ земли, пріобрѣтенной обществомъ, допускается не иначе, какъ съ согласія общества и на условіяхъ, указанныхъ въ приговорѣ подлежащаго сельскаго схода.

Дѣйствіе вышеизложенныхъ правилъ не распространяется на губерніи царства польскаго, прибалтійскія, а равно на губерніи и области кавказскаго края и азіатской Россіи.

Постановленія закона 14-го декабря касаются трехъ

существенныхъ предметовъ: во-первыхъ, права отчужденія выкупленной надѣльной земли какъ цѣлыми обществами, такъ и отдѣльными крестьянами; во-вторыхъ, права залога надѣльныхъ земель, и въ-третьихъ, права досрочнаго выкупа и выдѣла участковъ.

Разсмотримъ каждый изъ этихъ трехъ предметовъ отдѣльно, и такъ какъ прежде, чѣмъ продавать участокъ, надо его выкупить, то мы и начнемъ наше разсмотрѣніе съ послѣдняго пункта.

Право досрочнаго выкупа и выдѣла участка поставляется разсматриваемымъ закономъ въ зависимость отъ согласія крестьянскаго общества; никакихъ другихъ ограниченій законъ на досрочный выкупъ не налагаетъ.

Согласіе общества въ данномъ случаѣ кажется столь естественнымъ и столь справедливымъ условіемъ, что слѣдуетъ удивляться, какъ положеніе 19-го февраля могло устранить это условіе.

На основаніи 165-ой статьи положенія о выкупѣ—до уплаты выкупной ссуды, выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ, изъ земли, пріобрѣтенной обществомъ, допускается не иначе, какъ съ согласія общества. Но если домохозяинъ, желающій выдѣлиться, внесетъ въ мѣстное казначейство всю причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду, то общество обязывается выдѣлить крестьянину, сдѣлавшему такой взносъ, соотвѣтственный ему участокъ, по возможности къ одному мѣсту, по усмотрѣнію самого общества, а впредь до выдѣла крестьянинъ продолжаетъ пользоваться пріобрѣтенною имъ частью земли, въ составѣ мірскаго надѣла, безъ взноса выкупныхъ платежей.

Въ связи съ этимъ ст. 36-я Общаго Положенія опредѣляетъ, что каждый членъ сельскаго общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, пріобрѣтенной въ обще-

ственную собственность, былъ ему выдѣленъ, въ частную собственность, участокъ, соразмѣрный съ долею его участія въ пріобрѣтеніи сей земли. Если такой выдѣлъ окажется неудобнымъ или невозможнымъ, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающаго выдѣлиться, деньгами, по взаимному соглашенію или по оцѣнкѣ.

Такимъ образомъ, положеніе 1861 года требовало согласія крестьянскаго общества только на выдѣлъ невыкупленной земли. Но каждый членъ общества могъ безъ согласія общества приступать во всякое время къ досрочному выкупу, требовать, на основаніи таковаго, обязательнаго выдѣла ему отдѣльнаго участка, сохраняя право, до совершенія такого выдѣла, пользоваться надѣломъ въ общей межѣ, и при окончательномъ выходѣ изъ общества, въ случаѣ невозможности выдѣленія земли, получать удовлетвореніе отъ общества деньгами.

Устраненіе согласія общества на досрочный выкупъ было несомнѣнно вызвано желаніемъ облегчить по возможности каждому общиннику выходъ изъ общины съ землею, въ видахъ поощренія частнаго участковаго хозяйства. По мнѣнію законодателя 1861 г., каждый членъ общества долженъ былъ имѣть право на опредѣленную часть общей собственности; для осуществленія этого права слѣдовало предоставить каждому сообщнику не только уступать другимъ свое право участія въ общемъ пользованіи землею, но и требовать до окончательнаго раздѣла земли между всѣми членами общества, выдѣла ему соотвѣтственнаго участка въ натурѣ.

Но можно-ли по справедливости согласовать такое требованіе съ тѣми началами, на которыхъ зиждется крестьянское общество и мірское общинное владѣніе?

На основаніи и народнаго обычая, и положенія 1861 г.,

надѣльная земля составляетъ принадлежность общества, и въ общемъ порядкѣ выкупается всѣмъ обществомъ. На основаніи 160 ст. пол. о вык., когда земля выкуплена цѣлымъ сельскимъ обществомъ, то она признается собственностью всего общества, которое пользуется правомъ разверстки оной между своими членами. Какъ первоначальная разверстка земли, такъ и всякіе послѣдующіе передѣлы оной между крестьянами допускаются не иначе какъ по приговору, утвержденному, по крайней мѣрѣ, двумя третями общаго числа всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ.

Спрашивается, какъ можно логически согласовать съ содержаніемъ 160-й статьи содержаніе 165-й статьи и 36-й статьи Общаго Положенія?

Если надѣльная земля составляетъ собственность всего общества и въ общемъ порядкѣ выкупается всѣмъ обществомъ, то на какихъ основаніяхъ можно было предоставить отдѣльному члену общества выкупать, безъ согласія общества, досрочно свой участокъ и право требовать себѣ выдѣла части общаго имущества, пока община продолжаетъ еще существовать и выкупъ остальныхъ надѣловъ еще не завершился? Понятно, что общество должно имѣть право ликвидировать свое общинное устройство, если оно признаетъ это умѣстнымъ, т.-е. перейти къ участково-наслѣдственному способу владѣнія землей. Точно такъ же общинѣ, какъ владѣльцу всей земли, должно принадлежать право выдѣлять участки тѣмъ изъ общинниковъ, которые съ ея согласія выходятъ изъ общины. Общество при этомъ всегда можетъ сообразить, какое количество земли и какую землю можно допустить къ досрочному выкупу безъ вреда для общины, т.-е. съ тѣмъ, чтобы право общества на всю остальную надѣльную землю тѣмъ самымъ не подрывалось. Обязывать же

общину отрѣзывать часть отъ общаго достоянія отдѣльнымъ ея членамъ, которые самовольно, безъ согласія другихъ членовъ, будутъ выходить изъ общины, въ такую эпоху, когда общій выкупъ земли еще не завершился,— это несомнѣнно противно всѣмъ требованіямъ ассоціаціонной справедливости. Можно ли представить себѣ, по отношенію ко всякому другому промышленному или торговому ассоціаціонному предпріятію,—напримѣръ, по отношенію къ акціонерной компаніи,—чтобы каждый отдѣльный членъ компаніи имѣлъ право выйти во всякое время изъ компаніи, съ требованіемъ, чтобы ему была выдѣлена извѣстная доля самаго предпріятія, часть магазина или фабрики или опредѣленная отрасль всей компанейско-торговой дѣятельности. При такихъ условіяхъ никакое ассоціаціонное предпріятіе не могло бы существовать; подобное право, предоставленное каждому изъ членовъ компаніи, неизбѣжно привело бы къ разоренію всякое промышленное и торговое общественное предпріятіе, а между тѣмъ къ сельско-хозяйственной общинѣ нашли возможнымъ примѣнить именно такое правило! Можно-ли послѣ того удивляться, что это правило приводило къ неблагопріятнымъ для общества результатамъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно вступало въ силу.

Допущеніе досрочнаго выкупа безъ согласія общества представляло еще и съ другой стороны поражающую несправедливость. Лица, выкупающія надѣльную землю въ различныя эпохи, находятся въ совершенно различныхъ условіяхъ. Вносящій выкупъ за надѣлъ, которымъ онъ пользуется въ данное время, можетъ въ дѣйствительности выкупать такую землю, которою до него владѣли и за которую платили десятки лѣтъ другіе члены общества. При передѣлахъ надѣльной земли, потомки первоначальныхъ плательщиковъ выкупной ссуды могутъ, въ зави-

симости отъ состава ихъ семейства, владѣть бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ земли, чѣмъ то, которое было во владѣніи предшествующихъ поколѣній. И эта несправедливость распредѣленія должна все болѣе и болѣе усиливаться, по мѣрѣ приближенія выкупной операціи къ окончанію, такъ какъ при досрочномъ выкупѣ требуется взносъ не всей стоимости земли, а только остальной, не выплаченной еще части капитальнаго долга; такимъ образомъ, одни могутъ получать выгоду на счетъ другихъ. Вотъ почему устраненіе общества отъ рѣшенія вопроса о досрочномъ выкупѣ представляло явную несправедливость.

Эту несправедливость крестьяне-общинники очень хорошо сознаютъ и потому относятся обыкновенно очень недружелюбно къ требованіямъ о выдѣлѣ земли лицамъ, совершающимъ досрочный выкупъ. Г. Карелинъ приводитъ нѣсколько примѣровъ неблагосклоннаго отношенія крестьянъ къ досрочнымъ выкупамъ. Въ одной деревнѣ самарскаго уѣзда крестьяне, выкупивъ четыре надѣла, требовали выдѣла ихъ въ отдѣльное мѣсто; міръ согласился, но съ тѣмъ, чтобы они вышли изъ общества и убирались со всѣмъ своимъ домомъ на выдѣленную землю, за пять верстъ отъ села. Вслѣдствіе такого постановленія міра крестьяне отказались отъ выдѣла выкупленнаго ими надѣла. Другому крестьянину, выкупившему надѣлъ, въ бугульминскомъ уѣздѣ, крестьяне отвели въ верстѣ отъ селенія безводный съ галькою участокъ. Подобныхъ примѣровъ можно бы привести еще много. Проф. Посниковъ передаетъ, между прочимъ, весьма интересный въ этомъ отношеніи разговоръ съ крестьянами села Знаменки, мелитопольскаго уѣзда (Ю.-Русск. Крест. Хозяйство). Когда ему случилось заговорить съ выборными села на тему о болѣе законной раскладкѣ земли, и онъ упо-

мянулъ о происходящемъ выкупѣ земли, одинъ изъ крестьянъ, рѣзко прервавъ его, сказалъ: «мы всѣ землю выкупаемъ, земля у насъ общая», — вотъ какъ смотритъ большинство крестьянъ на выкупаемую землю.

Предусматривая практическія затрудненія къ дѣйствительному выдѣлу досрочно выкупленной земли (тѣмъ болѣе, что дѣйствительный выдѣлъ въ сущности могъ бы состояться только съ согласія общества, ибо нельзя же, не упразднивъ самаго начала общественности, требовать насильственнаго выдѣла и пріуроченія земли безъ участія общества), ст. 165 допускаетъ, въ видѣ временной мѣры, оставленіе выкупленной земли въ составѣ мірскаго надѣла, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи выкупной операціи (ст. 36 Общ. Пол.) окончательно совершился отводъ земли, а если и тогда къ тому окажутся затрудненія, то выдѣляющійся крестьянинъ можетъ быть удовлетворенъ деньгами, по взаимному соглашенію или по оцѣнкѣ.

Уже не говоря о томъ, что какъ-то странно, что крестьянинъ, желающій выдѣлиться, вносившій столько лѣтъ выкупные платежи за землю, въ окончательномъ результатѣ остается безъ земли и самъ получитъ денежное вознагражденіе,—можетъ быть, совершенно несоотвѣтственное тѣмъ суммамъ, которыя онъ самъ уплатилъ въ теченіе времени,—такой выдѣлъ будетъ вовсе не выдѣломъ, а простымъ личнымъ выходомъ крестьянина изъ общества безъ земли [1]).

Но еще удивительнѣе постановленіе конца 165-ой статьи, допускающее досрочный выкупъ безъ предварительнаго выдѣла земли. Несомнѣнно, разрѣшеніе досрочнаго выкупа, даже безъ согласія общества, совершенно

[1]) Постановленіе это довольно трудно согласовать съ постановленіемъ ст. 130 Общ. Пол., которое полагаетъ довольно стѣснительныя условія выходу крестьянъ изъ общины.

несогласное съ основными началами общества, могло быть объясняемо только желаніемъ содѣйствовать образованію самостоятельныхъ семейныхъ участковъ, на которыхъ хозяинъ могъ бы вести свою культуру и свой сѣвооборотъ, не стѣсняясь сѣвооборотомъ общины,—но оставленіе до времени выкупленныхъ участковъ въ надѣлѣ устраняетъ возможность осуществленія именно означенной цѣли; ибо какой это самостоятельный семейный участокъ, когда земля остается по прежнему въ общинномъ пользованіи. При этомъ та польза, которой можно было ожидать отъ выкупа земли такимъ образомъ не осуществлялась, а весь вредъ, наносимый общинному хозяйству подобнымъ распоряженіемъ, оставался въ полной силѣ. Дозволеніе крестьянину, выкупившему свой надѣлъ, оставаться до времени въ общемъ владѣніи съ другими членами общины, должно было вызывать разныя неурядицы, весьма вредно дѣйствующія на общинную жизнь. Правда, эта комбинація должна была имѣть только временное дѣйствіе, но такъ какъ дѣйствительный выдѣлъ земли и пріуроченіе надѣла къ одному мѣсту пока осуществимы только въ рѣдкихъ случаяхъ, то исключеніе превратилось въ общее правило. Крестьяне, выкупившіе свой надѣлъ, остаются по прежнему въ общинномъ владѣніи съ другими членами общества—и такимъ образомъ создается неопредѣленное положеніе, которое, сохраняя всѣ невыгоды общиннаго владѣнія, не осуществляетъ дѣйствительныхъ выгодъ, ни общиннаго владѣнія, ни частной собственности. Отсутствіе требованія дѣйствительнаго выдѣла земли давало возможность ловкимъ скупщикамъ пріобрѣтать крестьянскія земли, и, оставаясь въ надѣлѣ, эксплуатировать и остальныхъ крестьянъ, приводя общество къ постепенному разоренію. Такимъ образомъ, въ среду общества водворялись лица, къ обще-

ству не принадлежавшія, ничего общаго съ нимъ не имѣвшія, не несшія никакихъ повинностей на общественныя надобности и занимавшія положеніе собственниковъ, оставаясь среди крестьянскихъ надѣловъ и пользуясь этимъ положеніемъ для эксплуатаціи крестьянъ. Остававшаяся во владѣніи общества земля вслѣдствіе того обезцѣнивалась, общество стѣснялось въ пользованіи выгоновъ и во всѣхъ своихъ хозяйственныхъ отправленіяхъ,—и все это должно было вести къ окончательному разоренію общины.

На основаніи всего вышеизложеннаго нельзя не признать положеніе закона 14 декабря, поставляющее досрочный выкупъ земли отдѣльными общинниками по крайней мѣрѣ въ зависимость отъ согласія двухъ третей голосовъ общества, вполнѣ раціональнымъ и справедливымъ.

Остается только сожалѣть, что законъ 14 декабря допускаетъ досрочный выкупъ надѣла безъ предварительнаго его выдѣла.

Вопросу о предварительномъ выдѣлѣ выкупаемаго участка и о пріуроченіи его къ отдѣльному мѣсту мы придаемъ столь коренное значеніе, что, по нашему мнѣнію, въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдовало согласіе крестьянъ на подобный выдѣлъ и самый выдѣлъ съ пріуроченіемъ къ одному мѣсту дѣйствительно состоялся, можно бы, безъ опасенія какого-либо вреда для крестьянскаго быта, допустить и ничѣмъ нестѣсненный досрочный выкупъ и даже отчужденіе подобнаго участка постороннимъ лицамъ; однимъ словомъ, при одномъ этомъ условіи можно бы предоставить владѣльцу каждаго такого выдѣленнаго и пріуроченнаго участка земли всѣхъ правъ частнаго собственника, безъ ограниченія. Если общинное владѣніе дѣйствительно глубоко сроднилось съ бытомъ русскаго народа, то нѣтъ и повода поддерживать его искус-

ственно, — слѣдуетъ только не разрушать его искусственно. А между тѣмъ допущеніе временнаго пользованія выкупленнымъ надѣломъ, съ оставленіемъ его въ составѣ мірскаго надѣла, — то, что предполагалось допустить въ видѣ временной мѣры и что превратилось въ господствующій порядокъ, — именно и служитъ къ искусственному подрыву общиннаго владѣнія. Не въ томъ опасность для крестьянскаго землевладѣнія, что нѣкоторая небольшая часть надѣльной земли перейдетъ въ полную собственность отдѣльныхъ крестьянъ, — лишь бы только она была дѣйствительно выдѣлена изъ общей межи. Фактъ такого выдѣла будетъ всегда исключительнымъ фактомъ, потому что крестьяне не легко согласятся на выдѣлъ выкупленной земли; такихъ случаевъ будетъ немного, а въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда подобный выдѣлъ окажется выполнимымъ, ничего, кромѣ пользы, отъ того произойти не можетъ. Опасность для крестьянскаго землевладѣнія представляетъ та неопредѣленная, двусмысленная форма владѣнія, которая — ни общинное владѣніе, ни частная собственность, и которая, благодаря 165-ой статьѣ, все болѣе и болѣе стала вводиться у насъ. Для устраненія этой вредной по своей неопредѣленности формы владѣнія и слѣдовало бы требовать, чтобы выдѣлъ участка всегда предшествовалъ его досрочному выкупу.

Съ какою цѣлью совершается у насъ вообще досрочный выкупъ? Такъ какъ онъ обыкновенно происходитъ безъ выдѣла, то это лучше всего доказываетъ, что при этомъ обыкновенно совершенно не имѣется въ виду образованіе самостоятельнаго хозяйственнаго участка, къ чему было направлено законодательство 1861 года. Эта цѣль совершенно остается въ сторонѣ, а выкупаютъ для обезпеченія надѣла за стариками, за женщинами, у которыхъ безъ того надѣлъ былъ бы отобранъ; крестьяне, нахо-

дящіеся на сторонѣ, на хорошихъ заработкахъ, выкупаютъ иногда надѣлъ, чтобы обезпечить за семьей спокойное пользованіе надѣломъ, внѣ всякихъ платежныхъ обязательствъ къ казнѣ и обществу, выкупаютъ просто подать, т.-е. выкупаютъ надѣлъ, чтобы сразу освободиться отъ выкупныхъ платежей и круговой поруки; наконецъ, выкупаютъ для того, чтобы перепродать участокъ другому, постороннему лицу; при этомъ самый выкупъ часто происходитъ на деньги, ссужаемыя покупателемъ, т.-е. земля запродается еще до выкупа.

Всякій такъ называемый выкупъ податей, т.-е. досрочный выкупъ участка, въ видахъ освобожденія отъ круговой поруки, не заслуживаетъ особеннаго поощренія, ибо этимъ путемъ часто устраняются отъ круговой поруки самые состоятельные члены общества, оставляя ее на плечахъ бѣднѣйшихъ крестьянъ.

Что же касается выкупа земли, для обезпеченія участка за стариками, женщинами или за семействами, рабочіе члены коихъ находятся на сторонѣ, то подобный выкупъ, при согласіи общины, могъ бы безъ вреда совершаться— и не требуя дѣйствительнаго выдѣла.

Но самый вредный—это выкупъ съ цѣлью немедленной перепродажи участка постороннему. Намъ лично извѣстны факты, гдѣ постороннее лицо, вкупившись въ общество, т.-е. сдѣлавшись владѣльцемъ невыдѣленнаго, но выкупленнаго участка, мало-по-малу распространяло кабалу на остальныхъ членовъ общества, вся деревня бѣднѣла, разорялась и приходила въ полную зависимость отъ вкупщика.

Противъ послѣдняго рода отчужденій направлены запретительныя постановленія закона отъ 14 декабря, объ отчужденіи крестьянскихъ надѣльныхъ участковъ. Продажа надѣльной земли цѣлыми сельскими обществами раз-

рѣшается только на основаніи приговоровъ, постановленныхъ съ согласія двухъ третей всѣхъ голосовъ общества и утвержденныхъ губернскимъ присутствіемъ; участки же надѣльной земли, выкупленные отдѣльными крестьянами, могутъ быть отчуждаемы только лицамъ, приписаннымъ или приписывающимся къ сельскимъ обществамъ.

Продажа надѣльной земли цѣлымъ обществомъ случается весьма рѣдко; поэтому главная сущность вопроса—въ отчужденіи надѣловъ отдѣльными крестьянами.

Требованіе, чтобы покупатель былъ приписанъ или приписался къ сельскому обществу, имѣетъ очевидно цѣлью воспрепятствовать вторженію постороннихъ элементовъ въ общество и переходу крестьянской надѣльной земли въ руки не-крестьянъ. Но въ сущности это ограниченіе большаго значенія имѣть не можетъ. Лицо, приписывающееся къ обществу въ моментъ пріобрѣтенія участка, будетъ, по всей вѣроятности, столь же чуждо интересамъ общества, какъ и всякое другое лицо некрестьянскаго сословія. Точно такъ же и лица, уже состоящія приписанными къ обществу, едва-ли будутъ представлять полезный элементъ, въ качествѣ пріобрѣтателей участковъ въ чужой деревнѣ. Такъ какъ крестьяне фактически не могутъ принадлежать одновременно двумъ обществамъ, то покупателями земли будутъ или лица, владѣющія въ другомъ мѣстѣ землею на подворно-участковомъ основаніи, или общинники, бросающіе свою общину, чтобы перейти въ другую. Какая же цѣль можетъ быть у этихъ двухъ категорій лицъ вкупаться въ чужую общину? Простой крестьянинъ-землевладѣлецъ никогда не станетъ приписываться къ чужой общинѣ,—развѣ онъ перейдетъ въ нее въ родственное семейство; но въ этомъ случаѣ ему незачѣмъ будетъ покупать землю, кромѣ рѣдкихъ исключеній. Покупать землю въ чужой общинѣ могутъ

крестьяне какъ участковые, такъ и общинники, бросающіе свою общину только со спекулятивною цѣлью кулачества, т.-е. въ видахъ эксплуатаціи той общины, въ которую они вкупаются, при чемъ устройство кабалы играетъ обыкновенно выдающуюся роль. Подобныя лица даже гораздо опаснѣе всякихъ покупателей изъ другихъ сословій.

Вотъ почему для дѣйствительнаго огражденія крестьянскихъ обществъ отъ вторженія въ ихъ среду подобныхъ личностей, было бы гораздо цѣлесообразнѣе, не выставляя требованія никого не ограждающей приписки къ обществу, постановить, что выкупленный и выдѣленный къ одному мѣсту крестьянскій участокъ можетъ быть продаваемъ всякому желающему, безъ ограниченія; выкупленные же и невыдѣленные участки могутъ быть отчуждаемы только членамъ того же общества, къ которому принадлежитъ продавецъ.

Воспрещеніе продажи надѣльной земли постороннимъ лицамъ можетъ несомнѣнно повести къ уменьшенію рыночной стоимости земли; но эта послѣдняя не играетъ никакой роли по отношенію къ надѣльной землѣ, которая предоставлена крестьянамъ не для спекулятивныхъ оборотовъ, а для обезпеченія жизненной потребности массы сельскаго населенія. Вѣдь сами крестьяне пріобрѣли свои надѣлы не на рынкѣ, а получили ихъ по условной цѣнѣ при участіи правительства. На крестьянскую землю нельзя смотрѣть какъ на товаръ, ничѣмъ не отличающійся отъ всякихъ другихъ цѣнностей, обращающихся на мѣновомъ рынкѣ. Даже въ Германіи, какъ видно изъ вышеприведенной рѣчи министра финансовъ Микеля, перестали смотрѣть на крестьянскую землю, какъ на обыкновенный товаръ.

Крестьянинъ можетъ рѣшиться на продажу своего

участка или просто потому, что ему предлагается мѣстнымъ промышленникомъ очень бо́льшая цѣна за землю, или потому, что, стѣсненный въ хозяйствѣ у себя дома, онъ желаетъ или пріобрѣсть землю по сосѣдству въ сторонѣ, или совершенно переселиться въ другую мѣстность.

Въ первомъ случаѣ совершенно нежелательно, въ видахъ государственныхъ интересовъ, чтобы подобныя продажи совершались, ибо онѣ имѣли бы послѣдствіемъ не только выдѣленіе одного крестьянина изъ общины, но большею частію постепенное разореніе всей общины, которая подпадетъ подъ эксплуатацію промышленника, кулака, вкупившагося въ общину.

Но во второмъ случаѣ, когда крестьянинъ, продающій свой надѣлъ, желаетъ совершенно переселиться — или пріобрѣсти участокъ въ другомъ мѣстѣ, онъ можетъ быть поставленъ въ необходимость отказаться отъ своего намѣренія вслѣдствіе невозможности выгодно продать свой участокъ, при условіи возможности отчужденія его только своимъ сообщникамъ; спрашивается, желательно-ли подобное искусственное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и выгодно-ли это для государственной экономіи.

Лишенный возможности продать свой участокъ на сторону, выселяющійся крестьянинъ будетъ притомъ поставленъ въ полнѣйшую зависимость отъ мѣстныхъ кулаковъ, въ пользу коихъ такимъ образомъ будетъ созидаема какъ бы искусственная монополія, особенно въ мелкихъ селеніяхъ, гдѣ вообще покупателей будетъ немного.

Для огражденія выселяющихся крестьянъ отъ эксплуатаціи мѣстныхъ спекулянтовъ-монополистовъ слѣдовало бы въ каждой мѣстности установить минимальныя цѣны за усадьбу и надѣльную землю, которую общество обязано

было бы каждый разъ выплачивать выселяющемуся семейству, за оставляемый имъ участокъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда это семейство не найдетъ возможности продать свой надѣлъ кому-либо изъ общинниковъ по болѣе значительной цѣнѣ. Минимальная цѣна надѣла могла бы слагаться изъ суммы выкупныхъ платежей, произведенныхъ уже выселяющимся общинникомъ за свой участокъ, съ присоединеніемъ стоимости улучшеній, введенныхъ въ обработкѣ участка, по установленной оцѣнкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для облегченія покупки оставляемой переселяющимся земли, правительство должно бы было приходить на помощь обществу выдачею ему нѣкоторой дополнительной ссуды подъ землю. Можно надѣяться, что если такимъ образомъ каждому крестьянину будетъ обезпечена возможность получить во всякомъ случаѣ извѣстную минимальную сумму за свой надѣлъ, то невозможность продавать его въ постороннія руки, вѣроятно, никого не удержитъ отъ переселенія или отъ перехода къ другому, болѣе выгодному для него промыслу.

Возбраняя прямое отчужденіе крестьянскихъ надѣловъ постороннимъ лицамъ, законъ 14 декабря 1893 г., чтобы быть послѣдовательнымъ, долженъ былъ предусмотрѣть возможность косвенныхъ отчужденій, путемъ кредитныхъ сдѣлокъ. Предупрежденію такого рода операцій посвященъ 3-й пунктъ означеннаго закона, не допускающій ни отдачи въ залогъ надѣльной земли, ни обращенія на нее взысканій по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ, ни продажи ея на основаніи такихъ рѣшеній, за исключеніемъ случаевъ удовлетворенія претензій по закладнымъ, совершеннымъ до обнародованія закона.

Соблазнъ получить разомъ значительную сумму денегъ подъ залогъ надѣльной земли такъ великъ, что, не говоря уже объ отдѣльныхъ домохозяевахъ, трудно раз-

считывать, чтобы этому соблазну не поддались даже цѣлыя общества, при извѣстныхъ условіяхъ, напримѣръ, при благопріятныхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ урожаяхъ. Измѣнившіяся условія урожайности земли или денежной цѣнности продуктовъ на рынкѣ легко могутъ опровергнуть самый предусмотрительный разсчетъ, а послѣдствіемъ этого является немедленно худшее изъ бѣдствій, которое можетъ постигнуть крестьянское общество: продажа общественной земли за недоимку и сопряженное съ такою продажею обезземеленіе цѣлаго общества. Въ нашей крестьянской жизни уже существуютъ факты, доказывающіе, что подобное предположеніе не составляетъ отвлеченнаго опасенія, но, напротивъ того, можетъ очень легко осуществиться въ дѣйствительной жизни крестьянскихъ обществъ.

Обычныя возраженія, что никакая промышленность не можетъ развиваться безъ кредита, что слѣдуетъ не стѣснять, а облегчать полученіе ссудъ подъ землю крестьянами и т. п., едва-ли могутъ быть примѣнимы къ настоящему именно случаю.

Обращаясь къ совокупности ограничительныхъ постановленій закона 14 декабря 1893 года, по отношенію къ выкупу, залогу и отчужденію крестьянскихъ надѣловъ,— возникаютъ еще два общіе вопроса, на которые намъ остается отвѣтить: какъ бы всѣ эти ограниченія ни оправдывались съ точки зрѣнія общихъ соображеній, но вызываются-ли они однако дѣйствительнымъ опытомъ жизни? и во-вторыхъ, не представляются-ли эти ограниченія несправедливыми въ смыслѣ лишенія крестьянъ такихъ правъ, которыя разъ уже были имъ дарованы, и не могутъ-ли они поколебать въ нихъ понятія о собственности?

Разсмотримъ каждое изъ этихъ возраженій въ отдѣльности.

До сихъ поръ, какъ случаевъ досрочнаго выкупа, такъ и случаевъ отчужденія земли въ постороннія руки, въ дѣйствительности было немного. До послѣдняго времени въ 46 губерніяхъ изъ общаго оклада надѣльной земли 96.000.000 десят. въ теченіе 28 лѣтъ выкуплено досрочно только 658.000 дес., т.-е. не болѣе $^1/_2\%$. Изъ нихъ перешла въ постороннія руки только одна треть, а двѣ трети выкупленной земли остаются въ рукахъ крестьянскихъ обществъ. Параллельно съ этимъ, частью на собственныя средства, частью съ помощью крестьянскаго банка, крестьяне пріобрѣли въ собственность на сторонѣ пространства земли, неизмѣримо превосходящія ту незначительную часть крестьянской надѣльной земли, которая перешла въ постороннія руки.

При такихъ данныхъ возникаетъ вышеуказанный общій вопросъ: слѣдуетъ-ли, на основаніи, повидимому, отвлеченныхъ соображеній, останавливать насильственно движеніе по выкупу крестьянскихъ надѣловъ и по отчужденію ихъ, которое хотя и можетъ имѣть въ нѣкоторыхъ случаяхъ вредныя послѣдствія, но въ другихъ можетъ приводить и къ полезнымъ результатамъ, тѣмъ болѣе, что это движеніе остается до сихъ поръ въ столь скромныхъ границахъ.

Дѣйствительно, до сихъ поръ крестьянами выкуплено досрочно еще не очень большое количество земли, но все же замѣтно постоянное усиленіе этого движенія. Съ 1872 по 1881 г. выкуплено всего земли на 8 милліоновъ рублей, а въ слѣдующее десятилѣтіе, съ 1882 по 1891 г., сумма сдѣлокъ доходитъ уже до 10 милліоновъ. По указаніямъ г. Сазонова («Неотчуждаемость крестьянскихъ

земель»), иостоянный ростъ досрочныхъ выкуповъ выражается по пятилѣтіямъ слѣдующими цифрами:

съ	1864	по	1869 г.	6%
»	1870	»	1875 »	13%
»	1876	»	1881 »	30%
»	1882	»	1887 »	48%

А такъ какъ съ каждымъ годомъ сумма, подлежащая взносу при выкупѣ земли, будетъ уменьшаться, то несомнѣнно, что досрочный выкупъ будетъ усиливаться все быстрѣе и быстрѣе.

Затѣмъ, тотъ фактъ, что двѣ трети выкупленной земли остаются въ рукахъ крестьянъ — еще ничего не доказываетъ, точно такъ же какъ сокращеніе площади надѣльной земли отнюдь не уравновѣшивается пріобрѣтаемыми крестьянами на правѣ частной собственности пространствами земли, такъ какъ надѣльная земля имѣетъ совершенно исключительное назначеніе.

Дѣло не въ томъ, чтобы всѣ были надѣлены землею, а также и не въ томъ только, чтобы земля оставалась въ рукахъ крестьянъ. Какъ бы ни мельчала земля, даже до совершенной ея пульверизаціи, но по мѣрѣ возрастанія населенія все труднѣе и труднѣе будетъ надѣлять всѣхъ землей; поэтому такимъ неосуществимымъ идеаломъ не слѣдуетъ и задаваться. Съ другой стороны, вопросъ также не въ томъ только, въ рукахъ какого сословія находится земля, а какъ она распредѣлена. Сосредоточеніе значительнаго количества крестьянской земли въ однѣхъ рукахъ, даже если это и крестьянскія руки, не желательно. Отъ того, къ какому сословію принадлежитъ скупщикъ, дѣло нисколько не измѣняется; скупщикъ надѣловъ крестьянинъ будетъ такъ же вреденъ,

какъ и скупщикъ-купецъ или скупщикъ-дворянинъ. Желательно сохраненіе отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ.

Необходимо не то, чтобы всѣ были надѣлены землею, желательно не то, чтобы значительныя пространства земли были сосредоточены въ рукахъ отдѣльныхъ крестьянъ, а желательно, чтобы въ странѣ постоянно сохранялось достаточное число крестьянскихъ семей, обезпеченныхъ въ своемъ существованіи земельнымъ надѣломъ,— а это и достигается огражденіемъ надѣльной земли отъ всякихъ на нее поползновеній, съ какой бы стороны они ни происходили. Н. П. Семеновъ считаетъ, что въ моментъ освобожденія крестьянъ крестьянское населеніе составляло около 60 милліоновъ душъ, которыя были надѣлены 134 милліонами десятинъ. Если считать среднимъ числомъ по четыре души на крестьянское семейство (мужа, жену и двоихъ дѣтей), то 60 милліоновъ душъ будутъ соотвѣтствовать 15 милліонамъ семей, которымъ изъ 136-милліоннаго надѣла приходилось, среднимъ числомъ, по 9-ти десятинъ на каждое семейство.

Такимъ образомъ, при сохраненіи всей надѣльной земли непочатою, пятнадцать милліоновъ крестьянскихъ семей навсегда были бы обезпечены въ своемъ существованіи; избытокъ же населенія частью селился бы на сторонѣ, увеличивая такимъ образомъ еще численность обладающаго землею крестьянскаго населенія, частію обращался бы къ другимъ промысламъ.

Весьма важно поэтому самое распредѣленіе крестьянской земли; необходимо заботиться, съ одной стороны, о томъ, чтобы участки не дробились въ такой мѣрѣ, при которой бы отдѣльный участокъ переставалъ обезпечивать существованіе отдѣльной семьи, что̀, какъ мы видѣли, можетъ быть достигнуто установленіемъ законнаго предѣла дѣлимости, а съ другой стороны — необходимо за-

ботиться о томъ, чтобы число семейныхъ участковъ тоже не уменьшалось и скупкою значительнаго числа участковъ въ однѣ руки [1]).

Итакъ, весьма важно самое распредѣленіе земли; а относительно того, какъ распредѣлялась выкупленная земля и сколько изъ нея сосредоточивалось въ рукахъ немногихъ скупщиковъ, относительно этого никакихъ статистическихъ данныхъ въ виду не имѣется.

Но еслибы даже всѣ вышеприведенныя цифры и соображенія о быстротѣ хода досрочной выкупной операціи и о распредѣленіи земли не имѣли значенія, — можно сказать, что разъ что извѣстное проявленіе жизни считается вреднымъ, само по себѣ, съ какою бы быстротою или медленностью оно ни распространялось,—оно должно быть задержано. На основаніи всего вышеизложеннаго, невозможно сомнѣваться въ томъ, что досрочный выкупъ крестьянскихъ надѣловъ и продажа ихъ въ другія руки, безъ предварительнаго выдѣла участка изъ общаго крестьянскаго надѣла и пріуроченія его къ одному мѣсту, составляетъ вредное явленіе, ведущее къ разоренію крестьянскихъ обществъ,—а потому и слѣдовало положить предѣлъ этому движенію заблаговременно, не ожидая его развитія. Чѣмъ позже было бы приступлено къ видоизмѣненію соотвѣтствующихъ статей положенія, тѣмъ дѣло представило бы болѣе трудности, ибо зло получило бы уже бо́льшее развитіе. Такимъ обра-

---

[1]) Выше было указано, что для предупрежденія скопленія значительнаго числа надѣловъ въ однѣхъ рукахъ необходимо установить максимальное число надѣловъ, которыми можетъ владѣть одинъ домохозяинъ. Но этого недостаточно; въ видахъ предупрежденія обхода указаннаго требованія, слѣдовало бы еще постановить, что и временныя переуступки частей надѣловъ, покосовъ и др. угодій бѣднѣйшими домохозяевами своимъ болѣе состоятельнымъ односельчанамъ должны быть допускаемы только на извѣстное, точно опредѣленное число лѣтъ, не болѣе срока одного или двухъ сѣвооборотовъ.

зомъ, незначительность отчужденія, до сихъ поръ, надѣльныхъ земель въ постороннія руки не только не можетъ служить доводомъ противъ полезности и цѣлесообразности принятой мѣры, но, напротивъ того, указываетъ еще на своевременность ея принятія, въ такой моментъ, когда зло еще не успѣло распространиться.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію втораго вопроса: справедливо-ли лишать крестьянъ того права полной собственности на землю, за которое они уже тридцать лѣтъ вносили выкупные платежи; не пошатнетъ-ли это мѣропріятіе въ умахъ крестьянъ понятіе о частной собственности, что́ могло бы имѣть весьма неблагопріятныя послѣдствія.

Еслибы установляемое закономъ 1893 года ограниченіе правъ, дарованныхъ крестьянамъ, было предпринято для выгоды какого-либо другаго сословія или класса людей, то подобное ограниченіе было бы крайнею несправедливостью. Но вѣдь данная мѣра принята въ интересѣ однихъ крестьянъ, совершенно въ ихъ духѣ и согласно съ ихъ бытовыми воззрѣніями; можетъ-ли при такихъ условіяхъ возникать вопросъ объ отвлеченной справедливости извѣстнаго мѣропріятія? Мы видѣли изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, что крестьянскія общества смотрятъ очень неблагосклонно на досрочный выкупъ надѣловъ отдѣльными общинниками; отчужденіе выкупленнаго участка постороннимъ лицамъ еще менѣе можетъ нравиться обществу. Замѣчаніе, что несправедливо лишать лицъ, тридцать лѣтъ платившихъ за извѣстное право, пользованія этимъ правомъ,—не имѣетъ достаточнаго основанія уже по той причинѣ, что выкупали землю въ теченіе тридцати лѣтъ не только общинники, желающіе совершить досрочный выкупъ и затѣмъ отчудить свой участокъ, но и всѣ остальные общинники; при этихъ условіяхъ—огражденіе

интересовъ всего крестьянскаго общества противъ посягательства на эти интересы отдѣльныхъ общинниковъ, стремящихся выдѣлиться изъ общества и продать свой участокъ постороннему лицу, вполнѣ отвѣчаетъ началамъ справедливости.

На основаніи нашего собственнаго опыта и на основаніи всего того, что́ намъ пришлось слышать отъ другихъ лицъ, мѣропріятія 1893 года до сихъ поръ нигдѣ не возбуждали неудовольствія среди крестьянъ, и въ литературѣ до сихъ поръ не встрѣчалось ни одного такого указанія. При томъ же, всѣ эти обвиненія пали бы сами собою, еслибы законъ 1893 г., вмѣсто заключающихся въ немъ ограничительныхъ статей, просто постановилъ, что для досрочнаго выкупа и для отчужденія выкупленнаго участка требуется предварительно выдѣлъ такого участка въ натурѣ. Никто не могъ бы ничего возразить противъ раціональности и справедливости подобнаго мѣропріятія, — а на самомъ дѣлѣ совершеніе дѣйствительнаго выдѣла въ натурѣ представляло бы каждый разъ гораздо болѣе затрудненія, чѣмъ полученіе согласія двухъ-трехъ голосовъ на досрочный выкупъ или приписка посторонняго, всякой правдой и неправдой, къ сельскому обществу.

Опасеніе, что лишеніе девяносто-милліоннаго населенія правъ собственности можетъ пошатнуть въ народѣ самое понятіе о собственности — точно также неосновательно. Крестьяне не лишаются права собственности вообще, а только ограничиваются ихъ права на надѣльную землю, на которую они сами привыкли смотрѣть какъ на общинно-семейное достояніе. На ряду съ своимъ владѣніемъ въ общемъ надѣлѣ и крестьянскія общества, и отдѣльные крестьяне, сплошь и рядомъ пріобрѣтаютъ покупкою участки земли, относительно полнѣйшей при-

надлежности коихъ покупателю, на правахъ полной собственности, они никогда не сомнѣвались и не сомнѣваются. Въ мысли ихъ всегда проводится рѣзкое различіе между купленною землею и надѣльною, на которую они смотрятъ какъ на земельный фондъ, обезпечивающій бытъ всей общины и нисколько не препятствующій отдѣльнымъ общинникамъ, на ряду съ пользованіемъ общимъ надѣломъ, покупать себѣ на сторонѣ землю въ полную собственность.

Если въ западной Европѣ, гдѣ столь сильно выработалось индивидуальное начало, приходятъ къ сознанію необходимости ограничить права крестьянъ въ пользованіи ихъ семейными участками, то можетъ-ли быть сомнѣніе въ необходимости нѣкотораго ограниченія и у насъ въ правахъ пользованія надѣльною землею?

Сводя вмѣстѣ все вышеизложенное, мы приходимъ къ заключенію, что законы 1886 и 1893 года представляютъ только первые шаги по тому трудному и длинному пути, который намъ еще предстоитъ.

Кн. А. Оболенскій справедливо замѣчаетъ въ концѣ указанной нами статьи: «Основная причина крестьянскаго нестроенія», что «великая и широкая задача предстоитъ нашему поколѣнію, быть можетъ, также и будущему, работа трудная и тяжелая, — устроеніе частнаго быта освобожденныхъ крестьянъ на основаніи положительнаго закона;.. пересмотръ Положеній 19-го февраля въ законодательномъ порядкѣ съ цѣлью устранить всѣ противорѣчія и неясности этого закона и сдѣлать изученіе народныхъ юридическихъ обычаевъ дѣломъ государственнымъ и придать ему то значеніе, которое оно, послѣ освобожденія народа, должно имѣть».

Задача дѣйствительно громадная; по своему объему, она можетъ сравниться только съ первоначальнымъ трудомъ составителей Положеній 19-го февраля. Но до тѣхъ поръ, пока эта работа не будетъ исполнена, величавое зданіе шестидесятыхъ годовъ будетъ оставаться безъ кровли, и упраздненіе крѣпостнаго состоянія не будетъ еще завершено.

ГЛАВА VI.

Крестьянскіе платежи и способы ихъ взысканія.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ нашей бытовой жизни существуетъ одно темное пятно, которое рѣзко отдѣляетъ насъ отъ другихъ образованныхъ странъ.

Болѣе трехъ-четвертей нашего народонаселенія живетъ подъ дѣйствіемъ податныхъ порядковъ, составляющихъ діаметральную противоположность тому, что̀ вся Европа, или, правильнѣе, весь образованный міръ признаетъ въ настоящее время кореннымъ основаніемъ всякаго нормальнаго фискальнаго устройства.

Вездѣ въ образованномъ мірѣ за подать отвѣчаетъ объектъ подати; отказываясь отъ самаго объекта, плательщикъ освобождаетъ себя отъ обязанности дальнѣйшей уплаты и соотвѣтственнаго налога, и накопившейся недоимки.

Нигдѣ въ образованномъ мірѣ тѣлесныя истязанія не допускаются какъ средство побужденія плательщиковъ къ исправному взносу слѣдующихъ съ нихъ податныхъ поступленій.

Эти два коренныя начала всякаго цивилизованнаго

фискальнаго порядка до сихъ поръ еще не находятъ примѣненія въ средѣ нашего сельскаго населенія.

Домовладѣлецъ, городской житель, и у насъ отвѣчаетъ только своею собственностью, своимъ домомъ, составляющимъ объектъ подати. Какія бы на немъ ни накопились недоимки, — отказавшись отъ своего дома, предоставивъ его правительству для обращенія въ публичную продажу, онъ тѣмъ самымъ освобождается отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности. Если продажа дома дастъ перевыручку, сверхъ суммы лежавшихъ на домѣ недоимокъ, вся разница обращается въ пользу домовладѣльца; если же сумма, вырученная при продажѣ, не покрываетъ всей суммы недоимокъ, то и тогда дальнѣйшія претензіи казны къ бывшему домовладѣльцу прекращаются съ отчужденіемъ самаго дома.

Точно также и купецъ, выписывающій товаръ изъ-за границы, всегда можетъ отказаться отъ товара, уступить его, какъ говорится, за пошлину, если онъ находитъ, что пошлина, причитающаяся за товаръ, превышаетъ его стоимость, — и тѣмъ погасить всѣ свои обязательства къ фиску, если только при объявленіи товара онъ не совершилъ обмана или подлога.

Но крестьянинъ-землевладѣлецъ, особенно если онъ общинникъ, не можетъ отказаться отъ земли и тѣмъ освободить себя отъ лежащаго на немъ окладнаго и недоимочнаго платежа. На основаніи 130-й статьи Общ. Полож., до выкупа земли, крестьянинъ, желающій уволиться изъ общества, долженъ не только отказаться отъ своего надѣла, но и уплатить еще всѣ лежащія на немъ недоимки. На основаніи 175-й статьи положенія о выкупѣ, каждый домохозяинъ, пріобрѣвшій отдѣльный участокъ въ личную собственность, выдачею отъ правительства выкупной ссуды, можетъ безпрепятственно выйти

изъ общества во всякое время; но до погашенія такой ссуды онъ обязанъ предварительно продать пріобрѣтенный участокъ другому лицу, на основаніяхъ, изложенныхъ въ статьѣ 169-ой. А статья 169 гласитъ такъ: участки, пріобрѣтенные отдѣльными крестьянами въ личную собственность, могутъ быть проданы и постороннему лицу, если только сіе послѣднее уплатитъ весь числящійся на участкѣ долгъ по выкупной ссудѣ.

Итакъ, просто отъ земли отказаться невозможно, пока не погашена вся выкупная ссуда.

Несмотря на уничтоженіе подушной подати, налогъ и выкупной платежъ все еще остаются въ нѣкоторой мѣрѣ связаны съ лицомъ плательщика; за нихъ отвѣчаетъ не одна земля, которая должна бы составлять объектъ налога.

Такое положеніе дѣла вытекало у насъ изъ условій крѣпостнаго быта; несмотря, однако, на освобожденіе крестьянъ и на уничтоженіе подушной подати, крестьянинъ все еще остается фактически прикрѣпляемымъ къ подати и выкупному платежу; полное его освобожденіе еще не совершилось. При такихъ условіяхъ, когда подать связана не съ однимъ податнымъ объектомъ, но еще и съ личностью плательщика, требованія фиска, не ограничиваясь однимъ объектомъ налога, должны распространяться и на личность плательщика; отсюда практикуемая у насъ до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ система примѣненія тѣлесныхъ наказаній, съ цѣлью понужденія неисправнаго плательщика къ пополненію лежащихъ на немъ податныхъ недоимокъ, отдача недоимщиковъ въ заработки, прежняя кабала и т. п.

Еслибы существующіе у насъ податные порядки имѣли единственнымъ послѣдствіемъ отдѣленіе насъ отъ другихъ цивилизованныхъ странъ міра, т.-е. дѣйствовали бы

только на наше самолюбіе,—то съ этимъ, до извѣстной степени, можно бы еще мириться. Но дѣло въ томъ, что весь образованный міръ призналъ безусловность двухъ вышеприведенныхъ коренныхъ началъ всякой правильной фискальной системы только по той причинѣ, что она обусловливаетъ благосостояніе каждаго государства. Существующій же у насъ порядокъ служитъ къ прямому подрыву благосостоянія страны, а потому онъ вреденъ и долженъ быть отмѣненъ [1]).

Реформа, которая призвана освободить насъ отъ послѣднихъ остатковъ крѣпостнаго права, совершится не вдругъ; на это потребуются многіе годы; но если не поставить ее передъ собою на очередь, если не опредѣлить съ точностью ту цѣль, къ которой слѣдуетъ идти, то мы еще долго не выйдемъ изъ настоящаго примитивнаго порядка, столь вредно дѣйствующаго на благосостояніе всего государства.

Еслибы у насъ имѣлся конкретный объектъ подати, въ видѣ принадлежащаго податному лицу извѣстнаго комплекта земли и хозяйственныхъ угодій, то можно бы обойтись безъ восходящихъ къ крѣпостному праву пріемовъ сбора податей, которые до сихъ поръ преобладаютъ у насъ еще во многихъ мѣстностяхъ. Вся трудность удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса, повидимому, заключается въ томъ, что при преобладаніи въ большей части Россіи общиннаго владѣнія, отдѣльные крестьяне не являются собственниками своихъ участковъ, и вслѣдствіе того эти участки теряютъ характеръ индивидуаль-

[1]) Проф. Посниковъ, указывая на изслѣдованія Ю. Э. Янсона, замѣчаетъ, что всякій читавшій книгу Янсона долженъ безусловно согласиться, что податная система наша не можетъ долѣе оставаться въ настоящемъ видѣ безъ серьезной опасности для благоденствія и настоящаго, и будущихъ поколѣній... (Общ. Землевлад., стр. 210).

наго податнаго объекта; вмѣстѣ съ тѣмъ, общинникъ несетъ солидарную съ прочими членами общины отвѣтственность въ исправномъ поступленіи податей,—отсюда круговая порука, которая, повидимому, является главнымъ препятствіемъ къ введенію, въ средѣ нашего сельскаго населенія, нормальнаго финансоваго порядка.

Посмотримъ же, насколько и общинное владѣніе, и круговая порука, служатъ въ дѣйствительности непреодолимымъ препятствіемъ, мѣшающимъ всякому усовершенствованію нашей системы взысканія податей.

О круговой порукѣ стали говорить съ тѣхъ поръ, какъ стали обращать вниманіе на крестьянскій бытъ, и несмотря на то, можно сказать, что не много встрѣчается явленій въ нашей народной жизни, съ сущностью коихъ были бы такъ мало знакомы, какъ съ сущностью круговой поруки. Усматривая ее только въ самой грубой формѣ ея проявленія, т.-е. въ формѣ понужденія состоятельныхъ крестьянъ къ уплатѣ недоимокъ за несостоятельныхъ и нерадивыхъ сообщниковъ,—большинство лицъ, занимающихся этимъ вопросомъ, видитъ передъ собою какъ бы нѣкоторую квадратуру круга: круговая порука есть зло, а при общинномъ владѣніи отъ круговой поруки отказаться невозможно, ломать же общинное владѣніе было бы опасно;—вотъ дилемма, изъ которой, повидимому, очень трудно найти какой-либо выходъ. До какой степени у насъ мало понимали существо круговой поруки, видно изъ того, что многіе на уничтоженіе подушной подати смотрѣли какъ на первый шагъ къ уничтоженію круговой поруки.

Отмѣна подушной подати была большимъ благодѣяніемъ для крестьянъ сама по себѣ, но на круговую поруку она осталась безъ всякаго вліянія,—да иначе и быть не могло.

Въ брошюрѣ: «Освобожденіе крестьянъ», Н. П. Семеновъ говоритъ слѣдующее по поводу круговой поруки.

«Противники исконнаго въ великороссійскихъ губерніяхъ общиннаго порядка владѣнія крестьянъ землею ставятъ ему въ укоръ вытекающую изъ него естественно круговую поруку, т.-е. отвѣтственность членовъ общины другъ за друга при отбываніи ихъ повинностей или выполненіи лежащихъ на цѣлой общинѣ долговыхъ обязательствъ. И дѣйствительно, въ тридцатилѣтіе, протекшее послѣ освобожденія крестьянъ, слышалось не мало справедливыхъ жалобъ со стороны самыхъ исправныхъ и зажиточныхъ крестьянъ на тягостное нерѣдко примѣненіе къ нимъ круговой поруки. Но эта тягость зависѣла положительно не отъ свойства той круговой поруки, которая сама собою вытекаетъ изъ общиннаго строя, а отъ свойства и размѣра повинностей и отъ способа ихъ взиманія. Только та круговая порука, которая не истекаетъ сама собой изъ общиннаго начала мірскаго строя, является въ глазахъ народа угнетеніемъ и какъ бы насиліемъ»...

Какого же рода круговая порука вытекаетъ «естественно» изъ общиннаго строя? За выясненіемъ этого вопроса можно обратиться къ сочиненію покойнаго Трирогова: «Община и Подать».

Круговая порука,—объясняетъ Трироговъ,— въ разныхъ мѣстностяхъ могла проявляться различнымъ образомъ:

Прежде всего въ томъ видѣ, когда къ уплатѣ недоимокъ, накопившихся на бѣднякахъ и неаккуратныхъ плательщикахъ, призываются только самые зажиточные крестьяне. Это самый грубый видъ круговой поруки, вызвавшій справедливыя нападки со стороны прессы и общественныхъ дѣятелей. Это наиболѣе извѣстный видъ круговой поруки, ибо о немъ кричатъ и на базарахъ, и

въ кабинетахъ. Но это видъ неестественный, исключительный, созданный или интригами, или произволомъ, или злоупотребленіемъ волостнаго или сельскаго начальства, которыя видятъ въ немъ лучшій способъ держать въ страхѣ и покорности, изъ корыстныхъ цѣлей, все зажиточное населеніе.

Другой видъ круговой поруки проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда общество, въ виду особыхъ настояній начальства, не допускающаго отлагательства, уплачиваетъ недоимки изъ общественныхъ суммъ, образующихся отъ оборотныхъ статей разнаго рода. Этотъ видъ хотя и менѣе грубый, чѣмъ первый, возбуждаетъ, однако, не малое и справедливое неудовольствіе со стороны рачительныхъ плательщиковъ податей, такъ какъ внесенная такимъ образомъ сумма могла бы послужить для удовлетворенія болѣе настоятельныхъ нуждъ, чѣмъ потворство лѣни и баловству нерадивыхъ однообщественниковъ.

Наконецъ, третій видъ круговой поруки заключается въ томъ, когда общество добровольно, по приговору своему, входитъ въ положеніе бѣдняка, или обиженнаго природой, или сдѣлавшагося жертвой конокрада, пожара или другихъ бѣдствій, маломощнаго двора одиночки, молодаго старательнаго хозяина со старухой матерью и т. п. Одаренный здравымъ смысломъ, союзъ людей распредѣляетъ всѣ дворы семей по экономической ихъ способности на различныя категоріи; каждая изъ нихъ сознательно принимаетъ на себя бремя обязательствъ по государству и обществу, лежащихъ на означенныхъ выше разрядахъ бѣдняковъ ихъ однообщественниковъ, и такъ какъ это бремя дѣлится на множество дробныхъ мелкихъ частей, распредѣленныхъ на домохозяйствахъ не поровну, а соотвѣтственно экономической силѣ или, другими словами, платежной способности каждаго, то перенесеніе

такого бремени становится мало замѣтнымъ. Таково начало взаимной общественной отвѣтственности, которая должна быть началомъ такъ-называемой круговой поруки...

Наблюденія, произведенныя Трироговымъ въ разныхъ обществахъ, показали, что общество ежегодно обсуждаетъ самымъ внимательнымъ образомъ раскладку общей суммы повинностей по дворамъ, при чемъ принимаетъ во вниманіе не голый дворъ, не одно только число работниковъ по возрасту, но оно входитъ по возможности подробно въ условія семейнаго положенія, принимая при этомъ въ соображеніе умственныя и физическія способности лицъ, его составляющихъ, возрастъ, отправленіе какихъ-либо общественныхъ должностей и т. п. Ѳедору Максимову,—приводитъ Трироговъ въ видѣ примѣра,—по соразмѣрности съ другими дворами слѣдовало бы получить 4 доли земли лучшей и 4 доли средней. Общество же дало ему только по $2^1/_2$ доли, въ томъ соображеніи, что работники этой семьи не сручные, не управятся противъ другихъ своихъ сверстниковъ съ большимъ количествомъ земли и не вынесутъ, наравнѣ съ ними, одинаковой тяжести повинностей; во время пашни нужно понукать лошадей и слѣдить глазами за направленіемъ борозды, а у работника Ѳедора глаза попорчены болѣзнью; братъ же его Василій говоритъ сиплымъ голосомъ, едва слышнымъ...

При такомъ порядкѣ вещей круговая порука, въ той формѣ, въ которой она будто бы установлена, по объясненію многихъ, Положеніемъ 1861 года,— сама собою исчезаетъ; по словамъ Трирогова, въ изслѣдованныхъ имъ обществахъ саратовской губерніи, фискальная круговая порука никогда не осуществлялась; еще не было случая, чтобы сельскій сходъ обсуждалъ и постановлялъ

о пополненіи по особой раскладкѣ всѣмъ обществомъ суммы повинностей, которая оказалась бы невнесенной, какимъ-либо однообщественникомъ-неплательщикомъ. Идея же круговой поруки если и осуществлялась и осуществляется постоянно обществомъ, то совершенно другимъ образомъ, а именно въ формѣ взаимной общественной отвѣтственности, какъ выше указано, т.-е. не въ видѣ явленія наплывнаго, вышедшаго изъ области административныхъ мѣръ, а въ видѣ элемента, самовытекающаго изъ тѣхъ началъ, по которымъ люди соединяются общими экономическими нуждами и общими усиліями, для удовлетворенія этихъ нуждъ, въ особый общественный союзъ.

Итакъ, круговая порука, какъ она вытекаетъ изъ бытоваго строя общиннаго владѣнія, есть взаимная общественная отвѣтственность, только предварительная, а не послѣдующая за раскладкой. Эта отвѣтственность въ нормальномъ проявленіи должна выражаться не въ грубой формѣ понужденія состоятельныхъ плательщиковъ, сверхъ уплаты лежащей на нихъ податной доли, еще и тѣхъ недоимокъ, которыя могутъ оказаться на нерадивыхъ членахъ, а въ формѣ предварительной оцѣнки податной силы каждаго домохозяина и распредѣленія тяготы причитающихся платежей соразмѣрно этой оцѣнкѣ, при чемъ состоятельные члены соглашаются принимать на себя относительно бо́льшую тяготу, облегчая въ соразмѣрности слабосильныхъ домохозяевъ. Когда платежи распредѣлены по справедливости сообразно платежнымъ способностямъ каждаго, всякій домохозяинъ знаетъ впередъ, сколько ему приходится платить, и можетъ спокойно разсчитывать, что болѣе положеннаго съ него не возьмутъ,—между тѣмъ, при обычной грубой формѣ круговой поруки, ни одинъ домохозяинъ не знаетъ впередъ, сколько съ него стянутъ; при этомъ никакое правильное

хозяйство невозможно, — подобная система становится прямою премiею нерадѣнiя и неисполнительности. Круговая же порука въ томъ видѣ, какъ она выработалась сама собою въ народномъ быту, является естественнымъ коррективомъ всякаго поземельно-подворнаго налога въ общинѣ. Ни земля, ни ревизская, ни рабочая душа, сама по себѣ, безъ этого корректива, не можетъ служить здоровою единицею подушной раскладки налога въ средѣ общины. Что законодательство, — замѣчаетъ Трироговъ, — всегда сознавало поверхностность, приблизительность и извѣстнаго рода несправедливость всякихъ общихъ нормъ обложенiя, лучше всего доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что во всѣ вѣка и во всѣхъ мѣстностяхъ жителямъ обыкновенно предоставлялось право раскладки между собою общей цифры сбора, на нихъ налагаемаго. Во всемъ этомъ высказывается безмолвное признанiе принципа, что истиннымъ знанiемъ своихъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ силъ обладаетъ только община, и что силы эти, одинаковыя въ ариѳметическомъ исчисленiи душъ, дворовъ или десятинъ земли, въ сущности глубоко различны между собою, какъ платежные источники.

Разсматривая порядки цѣлой массы обществъ, нельзя и помышлять о томъ, чтобы совершенство податной системы когда-нибудь дошло до личнаго знакомства съ каждымъ хозяйственнымъ дворомъ; чтобы на громадныхъ вѣсахъ государственной жизни взвѣшивался каждый отдѣльный скрупулъ ея мѣстныхъ богатствъ. Въ порядкахъ общины проявляется указанiе на болѣе естественныя единицы, чѣмъ тѣ, къ которымъ прибѣгаютъ земство и государство. Община отвергаетъ и душу, и десятину, какъ единственное выраженiе экономической силы, и, слѣдуя указанiямъ естественныхъ законовъ природы, все строитъ на домохозяйствѣ, въ которое и рабочая душа, и деся-

тина земли входятъ какъ элементы. Государство и земство считаютъ десятинами земли, придавая имъ большое значеніе, тогда какъ въ одномъ мѣстѣ общество сдало ихъ сосѣду-помѣщику, въ другомъ—готово принять ихъ только даромъ. Не только общество, но и волостныя собранія (въ изслѣдуемыхъ Трироговымъ мѣстностяхъ), облагая для своихъ нуждъ населеніе, никогда не принимаютъ въ соображеніе ни числа ревизскихъ душъ, ни числа десятинъ,—они знаютъ въ каждомъ обществѣ только число домохозяевъ, число окладныхъ мірскихъ долей и число рублей и копѣекъ, причитающихся на каждую долю. Зная это, волостной облагатель въ нѣсколько минутъ можетъ опредѣлить, на какую цифру онъ увеличитъ общую долю, если прибавитъ къ ней свои нужды.

Если въ народѣ и сохранилось названіе души, то подъ этимъ словомъ общество разумѣетъ не объектъ податей, не податную единицу въ каждой семьѣ и не наличную рабочую силу, а извѣстную долю всякаго сбора, какое бы названіе онъ ни носилъ и на какія бы потребности ни назначался временно или постоянно. Это писалъ Трироговъ въ послѣдній годъ существованія подушной подати, но это сохраняетъ значеніе и до сихъ поръ. То обстоятельство, что одни общества придерживаются цифры ревизскихъ душъ, другіе—болѣе постоянной цифры окладныхъ душъ, и главное, что какъ одни, такъ и другія распредѣляются по усмотрѣнію общины,—ясно свидѣтельствуютъ, что эти цифры не указываютъ ни на ревизское число членовъ общины, ни на наличныхъ рабочихъ ея членовъ. Это просто цифры долей, которыя община принимаетъ произвольно и которыя играютъ единственную роль во всѣхъ разсчетахъ экономическихъ силъ общины. Вотъ почему окладной душѣ соотвѣтствуетъ всегда земельная душа, представляющая сумму загоновъ или

полосъ пахотной земли, достающихся на долю домохозяйства въ разныхъ мѣстахъ.

Разъ установленное обществомъ число долей измѣняется не легко. Можетъ измѣниться отношеніе налоговъ; но до тѣхъ поръ, пока рѣзко не измѣнится составъ общества, оно будетъ ежегодно дѣлить окладной итогъ налога на разъ установленное въ немъ число равныхъ долей, потому что съ этою цифрою связаны предѣлы земли, разбивка участковъ и т. п.

По поводу этой внутренней раскладки тяготы въ средѣ общины много говорилось о преимуществѣ тягловой надъ душевой системой раскладки.

Во времена крѣпостнаго права преобладала тягловая раскладка. Тягломъ называлось хозяйство женатаго, семейнаго общинника, съ причитающимся ему надѣломъ и лежащею на надѣлѣ податью,—и вотъ почему въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля не окупала всѣхъ повинностей, по словамъ крестьянъ, распредѣлялась не земля, а тягота. Съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости крестьянамъ было предложено право распредѣлять между собою надѣлы или по душамъ, или по тягламъ; но такъ какъ они большею частію были надѣляемы землей по разсчету числа душъ, то у нихъ съ тѣхъ поръ и вошло въ обычай дѣлить землю по душамъ, съ тѣхъ поръ ввелись душевые разсчеты—отсюда окладная душа, земельная душа, молодая душа, пустѣющая душа и т. п. Но прежняя тягольная система имѣетъ до сихъ поръ еще горячихъ защитниковъ. Н. П. Семеновъ, въ вышеуказанной его брошюрѣ, говоритъ: «въ обществахъ крестьянъ, гдѣ существуетъ общинный порядокъ землевладѣнія, надлежитъ возстановить прежніе тягловые участки, опредѣливъ для данныхъ мѣстностей такой нормальный ихъ размѣръ, не допускающій уменьшенія участка, чтобы

правильное веденіе на немъ хозяйства было возможно и удобно»...

Какъ ни желательно возвращеніе къ прежнему тягольному порядку, но это едва-ли возможно. Желаніе возстановленія тягольнаго порядка, очевидно, совпадаетъ съ желаніемъ затруднить семейные раздѣлы, которые, какъ мы видѣли, часто ослабляютъ крестьянскія хозяйства; это понимаютъ и сами крестьяне, говоря: «одинъ въ полѣ не воинъ». Но остановить извѣстное движеніе—разъ оно началось и вошло въ обычаи народа—не такъ легко. Во времена крѣпостнаго права, помѣщики большею частью запрещали раздѣлы семей, а потому семейныя единицы были болѣе постоянны, и потому единицею всѣхъ разсчетовъ было семейное тягло.

Въ этомъ заключается единственная разница между душевымъ и тягольнымъ надѣломъ. Въ сущности, всякій надѣлъ есть тягло — можно бы говорить и о душевомъ тяглѣ, и о семейномъ тяглѣ; потому, правильнѣе было бы выражаться такимъ образомъ, что душевыя тягла замѣнили семейныя тягла,—вмѣсто того, чтобы говорить, что душевые надѣлы замѣнили тягло.

Тягло есть извѣстный земельный надѣлъ, служащій нормою извѣстнаго податнаго оклада,—это доля общей земли, которая тянетъ за собою извѣстную долю общей подати. Поэтому въ существѣ нѣтъ разницы, считать-ли, что данная семья надѣлена однимъ семейнымъ тягломъ или двумя съ половиною душевыми тяглами. Разница только въ томъ, что такъ какъ число семействъ—величина менѣе измѣняющаяся, чѣмъ число душъ, то душевые надѣлы ведутъ къ необходимости болѣе частыхъ общихъ передѣловъ. Но и это справедливо только относительно тѣхъ мѣстностей, гдѣ доходность земли не достигаетъ и во всякомъ случаѣ не превышаетъ размѣра общинныхъ

платежей; желая по возможности ровнѣе распредѣлить лежащую на нихъ тяготу, такія общества, при всякомъ нарожденіи новыхъ рабочихъ душъ, спѣшатъ производить передѣлы, чтобы разбить податную тяготу на бо́льшее число лицъ и тѣмъ самымъ сдѣлать ее менѣе обременительною. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ и душевые надѣлы не вызываютъ новыхъ передѣловъ, такъ какъ сами не находятся въ прямомъ соотвѣтствіи ни съ численностью ревизскихъ, ни съ числомъ наличныхъ или рабочихъ душъ, а представляютъ собою только условныя, опредѣленныя обществомъ, на продолжительное время, доли податныхъ платежей, приходящихся, по извѣстному разсчету, на каждаго домохозяина.

Вообще измельченію семей и подвижности надѣловъ, какъ выше указано, нельзя положить дѣйствительнаго предѣла ни запрещеніемъ семейныхъ раздѣловъ, ни насильственнымъ введеніемъ семейныхъ тяголъ; единственное къ тому средство, это — установленіе минимальной единицы участка, далѣе котораго дѣленіе земли уже не допускается. Тогда, по всей вѣроятности, эти минимальные участки превратятся въ тягловые надѣлы, которые будутъ служить основаніемъ всѣхъ распредѣленій и разсчетовъ между крестьянами.

Нужно обратить вниманіе еще на одну особенность крестьянскихъ фискальныхъ распорядковъ.

Обществу нужны не названія различныхъ податей и повинностей,—оно ихъ не знаетъ—а общая цифра причитающагося съ него платежа, которую оно затѣмъ и распредѣляетъ въ соотвѣтственномъ размѣрѣ подворно-подомохозяйственно, какъ говоритъ Трироговъ.

При такихъ условіяхъ, выраженія, подобныя тому, что крестьянскую землю нельзя болѣе облагать,—она и безъ того уже слишкомъ обложена, — теряютъ всякое

значеніе. Вопросъ можетъ быть въ томъ, соразмѣрно или чрезмѣрно крестьяне вообще обложены платежами, можно-ли вообще еще увеличивать эту тяготу или слѣдуетъ ее облегчить, — но вопросъ о томъ, подъ какимъ этикетомъ ихъ облагать, не имѣетъ никакого значенія. Какъ бы оффиціально ни называть налогъ, поземельнымъ, подворнымъ и т. п., для крестьянина это безразлично; ему важна только общая цифра, итогъ возлагаемаго на него платежа, который онъ затѣмъ разверстаетъ между отдѣльными домохозяевами по-своему.

Доля земли, достающаяся домохозяину, всегда пропорціональна податнымъ долямъ. Число долей итога повинностей, уплачиваемыхъ домохозяйствомъ, всегда соотвѣтствуетъ числу долей земли, получаемыхъ домохозяевами не только въ разныхъ родахъ полей, но и въ разныхъ видахъ мелкихъ участковъ земли. Какимъ же образомъ при такихъ условіяхъ могутъ вообще быть недоимки по каждому отдѣльному обложенію?

Домохозяинъ, принявшій на себя уплату одной души, принимаетъ обязательство участвовать въ дѣлѣ мірскомъ, земскомъ и государственномъ, лишь въ одной долѣ всѣхъ этихъ нуждъ; доля эта, напримѣръ, въ обществѣ, описываемомъ Трироговымъ, выразилась въ одной цифрѣ 12 р. 30 к., подлежащей внесенію въ теченіе цѣлаго года. Эта цифра является основною въ подворномъ обложеніи. Она представляетъ единицу обложенія. Какъ образовалась эта денежная единица, никогда никому впередъ не могло быть извѣстно: ни учрежденія облагающія, ни лица облагаемыя ее опредѣлить не могутъ, несмотря на то, что цифры государственныхъ налоговъ и податей точно опредѣлены и въ продолжительное время измѣненію не подвергаются. Чтобы отыскать это неизвѣстное, нужно имѣть только двѣ цифры: общую цифру всѣхъ обложеній,

кѣмъ бы они ни производились, и цифру душъ, т.-е. долей. Вышеуказанная цифра 12 р. 30 к. есть частное число, полученное отъ дѣленія цифры всѣхъ повинностей 2.607 р. 60 к. на цифру числа ревизскихъ душъ 212.

Общая податная цифра составляется обыкновенно волостными правленіями изъ всѣхъ окладныхъ листовъ, присылаемыхъ отъ разныхъ учрежденій и приговоровъ волостнаго и сельскаго сходовъ, о сборѣ на волостныя и мірскія нужды.

Очевидно, что платящій 12 р. 30 к. платитъ, какъ объясняетъ Трироговъ, въ этой цифрѣ всѣ платежи повинностей и сборовъ въ соотвѣтствующей 212 долѣ каждаго отдѣльнаго сбора, подъ названіемъ души, такъ что всѣ сборы подесятинные, поземельные и мірскіе на первый взглядъ кажутся душевыми.

Многіе несомнѣнно думаютъ, — прибавляетъ Трироговъ,—что недоимки, показываемыя подлежащими учрежденіями, изображаютъ дѣйствительную цифру недоимокъ, по разнымъ налогамъ, какъ это показывается въ отчетахъ. Но мѣстныя изслѣдованія Трирогова обнаружили, что ни народъ, съ котораго собираются повинности разныхъ названій (лишь въ окладныхъ листахъ изображенныя), ни сами сборщики, ни сельскіе писаря, ведущіе счеты, списки и податныя тетради, ни волостные писаря и старосты — цифры недоимокъ по каждому обложенію опредѣлить не могутъ ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ. Цифры недоимокъ по каждому отдѣльному налогу и сбору образуются и показываются лишь въ бюрократическихъ учрежденіяхъ, гдѣ, по словамъ Трирогова, фантазія канцеляріи уѣзднаго казначейства, а еще чаще сельскаго писаря, является единственнымъ основаніемъ бумажнаго зданія о недоимкахъ. И народъ, и сборщики податей, и писаря, всѣ всегда отвѣтятъ на вопросъ: —

сколько стоитъ на каждомъ дворѣ повинностей и сколько стоитъ на немъ общей недоимки, нераздѣльно по всѣмъ повинностямъ,—но сколько въ отдѣльности причитается по каждой повинности, — на это никто изъ нихъ не отвѣтитъ.

Убѣжденіе многихъ, мало знакомыхъ съ дѣломъ народнаго хозяйства, въ томъ, что налоги въ дѣйствительности взимаются и уплачиваются населеніемъ раздѣльно по предметамъ обложенія, а съ другой стороны, и самое законодательство, допускающее различные объекты податей, приводятъ, по убѣжденію Трирогова, къ большимъ несообразностямъ въ отношеніи народнаго благосостоянія.

Такимъ образомъ, въ жизни народа, совершенно въ рознь отъ оффиціальной терминологіи и отъ оффиціальныхъ фискальныхъ порядковъ, выработалась своя финансовая раскладочная система, простая, разумная и вполнѣ справедливая. Народъ практически пришелъ къ убѣжденію, что экономическія, а вслѣдствіе того и податныя силы населенія опредѣляются не количествомъ живаго душеваго населенія, ни пространствомъ десятинъ, на которомъ это населеніе живетъ и которое оно обработываетъ, а правильнымъ сочетаніемъ того и другаго, насколько оно выражается въ подвижной силѣ домохозяйства.

Несомнѣнно, и при общественной раскладкѣ бываютъ злоупотребленія, дѣйствуетъ кумовство и разныя другія вліянія, но гдѣ же злоупотребленій не бываетъ; для устраненія этихъ злоупотребленій необходимъ нѣкоторый контроль, къ которому обиженные жалобщики могли бы обращаться, но это нисколько не подрываетъ основной правильности, справедливости и цѣлесообразности системы крестьянской внутренней раскладки, какъ она выработалась самою жизнью.

Итакъ, казалось бы, что при такихъ условіяхъ податное дѣло должно бы находиться въ самомъ благопріятномъ положеніи—между тѣмъ въ дѣйствительности мы видимъ, къ сожалѣнію, прямо тому противоположное. Тѣлесныя наказанія, отдача въ кабальную работу, продажа инвентаря—однимъ словомъ, такіе остатки прежняго крѣпостнаго права, существованіе коихъ совершенно несовмѣстимо съ правильнымъ финансовымъ управленіемъ въ образованной странѣ.

Чрезвычайно яркую характеристику того, что происходитъ у насъ въ этой области, мы можемъ почерпнуть изъ вышеупомянутаго сочиненія: «Неурожай».

«Такія мѣры, какъ уничтоженіе подушной подати и уменьшеніе, во многихъ частяхъ имперіи, размѣра выкупныхъ платежей, конечно, должны были снять съ плечъ населенія огромную тяжесть, но онѣ далеко не оказали на экономическое положеніе крестьянскаго населенія того благодѣтельнаго вліянія, на которое можно было разсчитывать, какъ потому, что по мѣрѣ уменьшенія подушныхъ платежей едва-ли не на такую же сумму возросли земскіе и общественные сборы, такъ еще болѣе потому, что порядокъ взысканія всѣхъ этихъ сборовъ оставался прежній, самымъ угнетающимъ образомъ дѣйствующій на благосостояніе крестьянскаго населенія. Едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что не абсолютная высота сборовъ, упадающихъ на крестьянское населеніе, имѣетъ тутъ преобладающее значеніе; весьма вѣроятно, что при иной системѣ, при иныхъ способахъ взиманія, крестьянинъ могъ бы уплачивать и еще больше противъ нынѣшняго, а главное, уплачивать безъ того ущерба для своего собственнаго благосостоянія, которое имѣетъ мѣсто нынѣ, являясь послѣдствіемъ настоящаго порядка взысканія податей, которое получило характерное названіе выко-

лачиванія ихъ. Какъ ни печальна эта сторона нашей сельской жизни, на ней слѣдуетъ остановиться подробнѣе, въ виду громаднаго ея значенія для благосостоянія сельскаго населенія. — Относительное возрастаніе недоимокъ въ губерніяхъ черноземныхъ даже до наступленія неурожайнаго года, не можетъ найти себѣ объясненія въ послабленіи начальства, въ отсутствіи достаточно энергическихъ и строгихъ мѣръ ко взысканію податей. Напротивъ того, скорѣе можно заключить объ обратномъ, о томъ, что чрезмѣрно настойчивое взысканіе податей и недоимокъ, особенно при существованіи круговой поруки, ведетъ къ истощенію платежныхъ силъ населенія и, ослабляя его средства въ хорошіе урожайные годы, отнимаетъ у него всякую возможность бороться съ нуждою въ годы неурожайные. Несомнѣнно, что такая, иногда даже до нѣкоторой степени чрезмѣрная ретивость администраціи находитъ себѣ объясненіе въ сказанныхъ выше чертахъ русскаго крестьянина, который не заплатитъ податей добровольно, даже когда у него есть наличныя деньги, и съ котораго нечего бываетъ взять, коль скоро самое удобное время для взысканія податей — осенніе мѣсяцы—упущено.

«Въ губерніяхъ исключительно земледѣльческихъ лѣто даетъ отъ 3 до 9% всѣхъ платежей; весна—отъ $^1/_7$ до $^1/_5$; осень — отъ $^3/_9$ до $^4/_5$, которые очевидно иначе не покрываются, какъ путемъ продажи хлѣба, только-что собраннаго, наскоро обмолоченнаго и обращаемаго на рынокъ въ самое неудобное для его продажи время, когда предложеніе превышаетъ спросъ и цѣны падаютъ до невозможнаго иногда minimum'а, повышаясь обыкновенно только къ веснѣ, т.-е. къ тому времени, когда крестьянину уже ничего болѣе не остается продавать.

«Даже и въ годы самаго высокаго, можно сказать

баснословнаго урожая, населеніе того района, который пострадалъ отъ неурожая 1891 года, не было въ состояніи поправить своего благосостоянія, потому что эти годы все унесли на покрытіе старыхъ долговъ и ничего не оставили для будущаго времени. Вся тяжесть взиманія податей здѣсь ложится на хлѣбъ, а хлѣба или мало, и тогда накопляются недоимки, или много, но онъ такъ дешевъ, что даже за продажею его не всегда удается крестьянину выполнить свои обязательства передъ казною. Въ обоихъ случаяхъ администраціи приходится прибѣгать къ экзекуціоннымъ мѣрамъ для взысканія податей, и какъ ни печальны тѣ факты, которые при этомъ нерѣдко происходятъ, однако о нихъ едва-ли возможно умалчивать. Несмотря на то, что законъ обставляетъ принудительное взысканіе податей съ крестьянъ извѣстными ограниченіями, весьма разумно направленными къ обезпеченію сельскаго населенія противъ разоренія, — эти мѣры далеко не всегда соблюдаются. Такъ, законъ не допускаетъ продажи крестьянской избы, надѣла, лошади и всего того, что́ считается неотъемлемою принадлежностью крестьянскаго хозяйства. Но если надѣлъ нельзя продать, то его можно отобрать у неисправнаго плательщика и сдать въ постороннія руки; точно такъ же, путемъ личныхъ взысканій съ недоимщика, до тѣлеснаго наказанія включительно, можно побудить крестьянина заложить свою корову, свою послѣднюю лошадь, которая у него впослѣдствіи все равно отберется ростовщиками, ссудившими ему деньги на уплату податей, или тѣмъ, болѣе состоятельнымъ, домохозяиномъ, который уплатилъ за него подати въ силу круговой поруки. Такимъ образомъ, и лошадь, и корова, если не продаются непосредственно при самомъ взысканіи податей, то крестьянинъ все равно ихъ лишается, вслѣдствіе такого взысканія.

Сдача же надѣльной земли въ аренду за подати, иногда на долголѣтній срокъ, практикуется изрѣдка, но при такой сдачѣ, еще болѣе нежели при продажѣ коровы или лошади, благосостояніе крестьянина подрывается на долгіе годы, если не навсегда, потому что безъ лошади, безъ земли онъ уже болѣе не хозяинъ и никогда оправиться не можетъ. Весьма естественно, что при такой вынужденой сдачѣ крестьянской надѣльной земли въ аренду она идетъ за ничтожную цѣну, тѣмъ болѣе, что нанимаетъ ее обыкновенно какой-нибудь сельскій кулакъ, который радъ поживиться на счетъ своего ближняго. Такъ, извѣстны случаи, когда въ тѣхъ самыхъ уѣздахъ, гдѣ, какъ было указано выше, взыскивался въ одинъ годъ болѣе чѣмъ двойной окладъ платежей, и гдѣ арендная плата за землю, при сдачѣ ея крестьянамъ, составляетъ 15—20 р. за озимую десятину и 12—15 р. за яровую, а кругомъ 9—12 р., — при взысканіи съ крестьянъ податей надѣльная земля неисправныхъ плательщиковъ сдавалась въ аренду за недоимку въ 23 рубля — на 12 лѣтъ съ платою по 24 р. за все время, на всѣ 12 лѣтъ, т.-е. по 2 р. въ годъ за десятину, а на долю крестьянина доставался, по уплатѣ податей, всего 1 рубль, въ видѣ утѣшенія за потерю земли на цѣлыя 12 лѣтъ.

«Даже бѣдственный годъ не останавливалъ въ этихъ мѣстахъ подобнаго способа взысканія податей, путемъ отобранія и сдачи на будущій годъ надѣловъ, въ томъ числѣ и у такихъ крестьянъ, которые сами въ этомъ году пользовались продовольственными ссудами и помощью Краснаго Креста. У этихъ же крестьянъ, не далѣе какъ осенью 1891 года, продавали скотъ, коровъ, овецъ и свиней, при чемъ коровы шли въ продажу по 5—3 р. за штуку, чѣмъ очевидно не только усугублялась настоящая безъисходная нужда населенія, и безъ

того живущаго на счетъ правительственной и общественной помощи, но въ самыхъ основахъ подрывалось его благосостояніе на будущее время и дѣлалось невозможнымъ его существованіе въ слѣдующемъ году иначе какъ при посредствѣ такой же помощи.

«Быть можетъ,—прибавляетъ авторъ,—подобные случаи представляются единичными, являются результатомъ злоупотребленій мѣстныхъ властей, обошедшихъ законами установленный порядокъ взысканія податей, но они всегда возможны при существующей у насъ системѣ взысканія податей, связанной съ круговою порукою, и при возложеніи всѣхъ обязанностей и всей отвѣтственности по сбору податей на чиновъ мѣстной полиціи.—Поставляя благосостояніе каждаго члена крестьянскаго общества на крайне шаткую почву, въ зависимость отъ исправности и состоятельности его односельчанъ, круговая порука едва-ли не приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, понижая общій уровень крестьянскаго благосостоянія. Возражаютъ, что круговая отвѣтственность въ смыслѣ уплаты однимъ домохозяиномъ недоимокъ другаго на практикѣ, будто бы, никогда не встрѣчается. Однако, въ дѣйствительности, такой оптимистическій взглядъ на круговую поруку едва-ли имѣетъ за собою фактическое основаніе. Напротивъ того, можно было бы привести цѣлый рядъ случаевъ, когда взысканія въ силу круговой поруки производятся съ лицъ, за которыми не имѣется недоимки, и притомъ не только на пополненіе недоимокъ, но даже на пополненіе учиненныхъ сельскими властями растратъ уже однажды уплаченныхъ суммъ. Въ подтвержденіе этому можно привести слѣдующую фактическую справку, выписанную изъ прошенія крестьянъ одного селенія, у которыхъ проданъ былъ скотъ и съ которыхъ взысканы были деньги какъ на покрытіе недоимокъ, такъ

и на пополненіе учиненной сборщикомъ податей растраты: «По случаю бывшихъ неурожайныхъ годовъ, — пишутъ крестьяне, — за многими сельскими обществами, въ томъ числѣ и за нашимъ, накопились недоимки казенныхъ и другихъ сборовъ. Въ это время, въ виду неурожаевъ, даже разрѣшенъ былъ отъ правительства кредитъ на пособіе, какъ для обсѣмененія полей, такъ и на продовольствіе. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1890 г. полицейскія власти приступили ко взысканію недоимокъ съ нашего общества, чрезъ продажу имущества, и продажа производилась безъ разбора,—кто уплатилъ, кто нѣтъ; такъ, изъ числа насъ, просителей, не имѣвшихъ за собою никакой недоимки, а именно: у меня, Ф. Ф. Тарасова, взяли денегъ 50 р., чтобы не продать мой скотъ или другое имущество, которыя деньги я вынужденъ былъ занять изъ тяжелыхъ процентовъ; у меня, Н. А. Шарыкина, продали за 50 р. 75 к. лошадь, двѣ коровы и быка, стоющихъ въ общей стоимости не менѣе 100 р., и кромѣ того взяли съ меня деньгами 4 р.; у меня, Д. П. Бахтина, продали корову, стоющую 20 р., и кромѣ того взыскали деньгами 40 р., которые я занялъ изъ процентовъ по 5 р. въ мѣсяцъ; у меня, С. П. Полежаева, вмѣсто продажи имущества взяли деньгами 50 р., которые я занялъ подъ залогъ посѣянной пшеницы, и которыхъ уплатить теперь не могу, а пшеница стоитъ 200 р.; и у меня, А. Я. Тарасова, продали за 53 р. 40 к. двѣ лошади и три коровы, стоющія въ общей сложности 350 р. Какимъ порядкомъ и за какихъ неплательщиковъ зачли наши деньги, мы свѣдѣній не имѣемъ; также не знаемъ и того, съ кѣмъ намъ имѣть разверстку»... Къ этому надо добавить, что, по произведенному разслѣдованію, какъ фактъ растраты сборщикомъ денегъ, такъ и фактъ вторичнаго взысканія растраченныхъ денегъ и денегъ, оставшихся въ недоимкѣ

за обществомъ съ вполнѣ исправныхъ плательщиковъ, вполнѣ подтвердились, и только сдѣланная жалобщиками оцѣнка проданнаго имущества признана нѣсколько преувеличенной».

Мы привели весьма пространную выписку изъ книги «Неурожай», потому что она представляетъ мастерски написанную картину того печальнаго положенія, въ которомъ находится у насъ процедура взиманія крестьянскихъ платежей,—картина, къ которой ничего прибавить и изъ которой ничего убавить невозможно безъ ущерба яркости и правдивости нанесенныхъ на нее красокъ.

Въ годину неурожая неимущимъ крестьянамъ выдаются пособія, чтобы доставить имъ возможность просуществовать до слѣдующаго года, и одновременно съ тѣмъ у нихъ же отбирается земля и продается скотъ за невзносъ недоимокъ; далѣе этого уже невозможно идти въ отправленіи механической исполнительности, со стороны чрезмѣрно ретивыхъ, по словамъ автора, органовъ администраціи. Еслибы не авторитетное слово сочинителя книги «Неурожай», то трудно было бы повѣрить, что подобныя безобразныя явленія у насъ еще возможны!

Но, оставляя въ сторонѣ даже подобныя крайности, которыя по своей уродливости составляютъ исключительныя явленія, изъ вышеизложеннаго нельзя не придти къ заключенію, что вся обычная процедура взысканія крестьянскихъ платежей какъ бы направлена къ систематическому разоренію крестьянскаго населенія.

Особенно вредно дѣйствуетъ на благосостояніе крестьянъ неограниченность размѣра сборовъ, которые съ нихъ взыскиваются, разъ только появилась недоимка. Какъ бы велика ни была лежащая на обществѣ недоимка, ее не разлагаютъ на годы, а стараются, особенно въ

урожайные годы, выбрать съ крестьянъ все возможное. Бываютъ случаи, что съ крестьянъ выбирается болѣе двойнаго годоваго оклада, и вотъ почему, даже въ годы самаго высокаго урожая, крестьянское населеніе не въ состояніи поправить своего благосостоянія. Въ хорошіе годы все уходитъ на пополненіе старыхъ недоимокъ, и ничего не остается въ видѣ запаса на будущее время. Можно-ли послѣ того удивляться тому, что у крестьянъ не оказывается запасовъ на черный день, что ихъ благосостояніе не развивается?

Какіе же финансовые результаты даетъ подобная система взиманія?

За послѣднія десять лѣтъ, какъ видно изъ свѣдѣній, сообщенныхъ въ «Вѣстникѣ Финансовъ», поступленіе окладныхъ сборовъ шло въ слѣдующей градаціи:

Годы.	Окладъ.	Дѣйствительныя поступленія.	Недоимки и переборы.
1884. .	160.400.000	152.500.000	— 7,9 милл. руб.
1885. .	161.587.000	151.082.000	—10,5 » »
1886. .	146.304.000	136.738.000	— 9,6 » »
1887. .	136.559.000	143.382.000	+ 6,8 » »
1888. .	139.590.000	148.501.000	+ 8,9 » »
1889. .	140.192.000	138.606.000	— 1,5 » »
1890. .	140.554.000	133.478.000	— 7,0 » »
1891. .	140.522.000	110.432.000	—30,0 » »
1892. .	141.599.000	118.961.000	—22,6 » »
1893. .	142.476.000	144.264.000	+ 1,7 » »

Въ теченіе означеннаго десятилѣтняго періода семь годовъ даютъ недоимку въ поступленіи и только три года даютъ переборъ. Ежегодная недоимка колебалась въ предѣлахъ 1,5 и 30 милліоновъ; средняя годовая недоимка нѣсколько превышаетъ 7 милліоновъ; но если даже вы-

бросить два наиболѣе невыгодные года, 1891 и 1892, а вмѣстѣ съ тѣмъ и два наиболѣе урожайные годы, 1887 и 1888, то все же ежегодная средняя недоимка составляетъ почти 6 милліоновъ. При такихъ условіяхъ величина недоимки ростетъ почти изъ году въ годъ. Въ десятилѣтній періодъ, съ 1876 по 1886, недоимка увеличилась съ 34 до 66 милліоновъ рублей, а въ теченіе послѣдующихъ шести лѣтъ, вслѣдствіе несчастныхъ 1891 и 1892 года, она возросла до 117 милліоновъ, и только въ 1893 году опять нѣсколько понизилась, т.-е. дошла до 114.430.437 руб., составляя 80,3% всего оклада.

Удивительныя колебанія въ поступленіи платежей вполнѣ подтверждаютъ все вышеизложенное. Въ урожайные годы можно съ вѣрностью ожидать перепоступленія; въ неурожайные и даже годы средняго урожая недоимка растетъ постоянно, потому что отъ урожайнаго года никакихъ запасовъ не остается. Такъ, въ урожайные 1887 и 1888 годы подать поступила съ избыткомъ, переборъ составляетъ 15 милліоновъ; а если принять въ соображеніе, что и въ эти два года было нѣсколько неурожайныхъ губерній, то переборъ въ урожайныхъ губерніяхъ окажется гораздо значительнѣе 15 милліоновъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1889 году, урожай былъ еще удовлетворительный, но только нѣсколько меньше предыдущаго, и немедленно является усиленіе недоимки, которая, какъ мы видѣли, доходитъ къ концу 1892 г. до 116.857.242 р.—и затѣмъ въ благополучный 1893 г. опять понижается до 114.430.437 р.

Что же это доказываетъ?—То, что, какъ выше уже было указано, въ хорошій годъ съ крестьянъ выбирается для пополненія недоимки все, что только можно выбрать, такъ что отъ дарованнаго имъ природою избытка ничего не остается. Въ урожайные годы ихъ хозяйство не

поправляется, никакихъ запасовъ они дѣлать не могутъ, а потому при первомъ же пониженіи урожая немедленно недоимка начинаетъ расти въ соразмѣрности. При такихъ условіяхъ состоятельные крестьяне едва перемогаются, а бѣдные все болѣе и болѣе разоряются.

Такое положеніе дѣла очевидно должно было обратить на себя вниманіе правительства, и дѣйствительно уже давно указывалось на необходимость реформы.

Еще бывшая въ 1873 г. коммиссія статсъ-секретаря графа Валуева заявляла, что она «обратила вниманіе на принятый способъ взысканія податей и недоимокъ, сопровождающійся большею частію продажею скота и инвентаря. Мѣра эта, примѣняемая безъ всякаго разбора, окончательно останавливаетъ производство и лишаетъ казну, ради исправнаго поступленія единовременнаго платежа, плательщика въ будущемъ, немало содѣйствуя упадку сельской производительности». Посему коммиссія полагала, что «общая реформа прямыхъ податей стоитъ въ числѣ самыхъ насущныхъ потребностей Россіи въ настоящее время». Прошло около двадцати лѣтъ, и авторъ книги «Неурожай» пишетъ: «Несомнѣнно, что выходъ изъ этого положенія—одинъ изъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ, который подлежитъ неотложному разрѣшенію, такъ какъ съ нимъ связаны какъ насущные интересы государственнаго казначейства, такъ и еще болѣе насущные интересы жизни русскаго народа и возможности поднятія его благосостоянія. Нельзя ни медлить съ этимъ вопросомъ, ни скрывать отъ себя его первостепенной важности, ни тѣмъ болѣе надѣяться разрѣшить его какими бы то ни было полумѣрами. Несомнѣнно, что какъ только закончится настоящая кипучая дѣятельность по обезпеченію продовольствія населенія постигнутыхъ неурожаемъ мѣстностей, вопросъ о коренномъ преобра-

зованіи нашей податной системы самъ собою выдвинется на первый планъ, потому что съ разрѣшеніемъ его въ благопріятномъ для населенія смыслѣ связана вся экономическая жизнь нашего народа, все будущее преуспѣяніе русскаго государства». Прошло еще три года, и мы читаемъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1895 годъ: «Нынѣ, обладая болѣе близкими къ мѣстному населенію органами, финансовое вѣдомство, согласно предначертаніямъ въ Бозѣ почившаго Императора, приступило къ подготовкѣ преобразованія способовъ взиманія крестьянскихъ платежей, въ видахъ устраненія тѣхъ обремененій, кои налагаются на крестьянское населеніе не столько самими платежами, сколько несовершенными способами и пріемами ихъ взиманія».

Нельзя не пожелать, чтобы приступъ къ подготовкѣ указанной реформы привелъ наконецъ къ удовлетворительному разрѣшенію столь важнаго вопроса. Съ 1870 г. эта реформа признана самою насущною потребностью Россіи, и, несмотря на то, вопросъ до сихъ поръ не двигается впередъ, пребывая все еще въ періодѣ подготовительныхъ работъ.

Въ чемъ же должна состоять реформа, какъ слѣдуетъ поставить сущность задачи?

Авторъ вышеуказаннаго сочиненія утверждаетъ, что требуется коренное преобразованіе нашей податной системы; что выйти изъ настоящаго положенія какими бы то ни было полумѣрами — не слѣдуетъ и надѣяться. Но онъ не указываетъ, въ чемъ, по его мнѣнію, должна заключаться эта реформа.

Трироговъ въ свое время полагалъ, что какъ государственный, такъ и земской податной системѣ слѣдовало бы приблизиться къ тому, что фактически существуетъ въ средѣ крестьянскихъ обществъ.

По его словамъ, и община, и волостное собраніе (въ изслѣдованныхъ имъ мѣстностяхъ), облагая населеніе для своихъ нуждъ, никогда не принимаютъ въ соображеніе ни числа ревизскихъ душъ, ни числа десятинъ; они знаютъ въ каждомъ обществѣ только число домохозяевъ, число окладныхъ мірскихъ долей и число рублей и копѣекъ, причитающихся на каждую долю. Доходность различныхъ участковъ земли измѣняется подъ вліяніемъ измѣняющихся системъ хозяйства, а потому и уравнительность, достигаемая кадастромъ, будетъ всегда сомнительна. Изъ всѣхъ единицъ обложенія: души, десятины, домохозяйства—послѣдняя, по мнѣнію Трирогова, устойчивѣе, цѣлостнѣе и цѣлесообразнѣе двухъ первыхъ уже потому, что мертвыя, младенческія и тому подобныя души прибавляются ежегодно, а мертвыя домохозяйства можно считать только вѣками. Десятины въ своемъ числѣ неизмѣнны, а домохозяйство всегда представляетъ продуктъ правильно прогрессирующей экономической жизни человѣка-хозяина во всѣхъ состояніяхъ. Вотъ почему экономическія доли, подъ названіемъ экономическихъ или мірскихъ душъ, опредѣляющія экономическую силу домохозяйства, и должны быть положены въ основаніе всякихъ обложеній, ибо эти души ничего общаго, кромѣ названія не имѣютъ съ отмѣненною подушною податью. Эти души составляютъ продуктъ народнаго хозяйства, предметъ торговли, имѣютъ цѣну подъ вліяніемъ предложенія и спроса. И земство, и государство не лишены возможности держаться въ своихъ обложеніяхъ болѣе конкретныхъ государственныхъ единицъ, т.-е. не числа

рабочихъ или десятинъ, а домохозяйствъ. У государства и у земства,—прибавляетъ Трироговъ,—много дорогихъ органовъ, которыя, нужно думать, не хуже волостныхъ съумѣютъ собрать то, что у народа уже готово и въ чемъ онъ не отказываетъ волостнымъ органамъ. Разница между переписью душъ и переписью домохозяйствъ только та, что послѣдняя потребуетъ менѣе времени и труда и представляетъ болѣе экономической цѣлесообразности.

Такимъ образомъ, Трироговъ склоняется къ тому, чтобы домохозяйство принять за основаніе податнаго обложенія, при чемъ, со временемъ, поземельный налогъ могъ бы войти въ сочетаніе съ промысловымъ налогомъ, такъ какъ оцѣнивать придется не землю, а каждое отдѣльное хозяйство, сообразно его доходности, зависящей отъ взаимодѣйствія многихъ элементовъ.

Домохозяйство представляетъ дѣйствительно неоцѣнимый элементъ для опредѣленія платежной способности каждаго хозяина, но элементъ измѣняющійся изъ года въ годъ; хорошій хозяинъ сегодня можетъ сдѣлаться слабымъ хозяиномъ черезъ годъ, и наоборотъ—слабый хозяинъ можетъ опериться, подняться, стать на ноги;—всѣ эти условія общество можетъ принимать въ соображеніе, производя ежегодно свою внутреннюю раскладку. Но государство и земство въ эти детали входить не могутъ, и потому слѣдуетъ сомнѣваться, чтобы домохозяйство служило удобною единицею для установленія государственнаго и земскаго налога. Съ государственной точки зрѣнія, домохозяйство такъ же мало поддается кадастрированію, какъ земля или рабочая сила. Подобно тому, какъ та же земля въ рукахъ Ивана или Петра представляетъ различную доходную единицу, то же число рабочихъ въ двухъ семействахъ можетъ имѣть для хозяйства различные экономическіе результаты. Въ одномъ

хозяйствѣ всѣ рабочіе здоровы, а въ другомъ одинъ изъ нихъ больной, или слѣповатъ, или говоритъ сиплымъ голосомъ и не можетъ понукать лошадь, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ. Но, повторяемъ, государство не можетъ входить во всѣ эти детали, которыя служатъ превосходными признаками платежной способности для внутренней раскладки. Какая же можетъ быть цѣль — перечислять налогъ съ земли на домохозяйство, при необходимости принимать одну общую неизмѣнную единицу? Точно такъ же какъ прежняя ревизская душа и нынѣшняя земля служили и служатъ только внѣшнею схематическою нормою государственнаго обложенія, съ которою общество совершенно не сообразуется въ своей внутренней раскладкѣ; точно такъ же и домохозяйство, если оно будетъ принято за основаніе подати, превратится въ такую же внѣшнюю схематическую форму; въ рукахъ государства оно не можетъ быть тѣмъ живымъ элементомъ, какимъ бы желалъ видѣть его Трироговъ. Онъ самъ указываетъ на то, что крестьянскому обществу нужны только двѣ вещи: во-первыхъ, знаніе итога платежей, положенныхъ на общество, и во-вторыхъ, чтобы этотъ итогъ не превосходилъ платежныхъ способностей общества; а подъ какими названіями взыскиваются платежи,—къ этому оно относится совершенно безучастно.

Къ чему же задаваться преобразованіемъ податной системы, когда самое названіе налога для крестьянъ не имѣетъ никакого значенія; когда крестьяне всякій налогъ—будь это прежній подушный, или настоящій поземельный, или будущій домохозяйственный — принимаютъ въ соображеніе только въ его итогѣ, перелагая его всегда по собственной, совершенно самостоятельной, раскладкѣ между домохозяевами.

Извѣстная англійская поговорка, что худой старый

налогъ лучше новаго хорошаго, особенно примѣнима къ настоящему случаю.

Изъ всего вышесказаннаго мы приходимъ къ заключенію, что измѣненія настоящей податной системы совершенно не требуется, а требуется только измѣненіе системы взиманія. Это же послѣднее измѣненіе несомнѣнно должно быть кореннымъ; въ этомъ отношеніи полумѣрами никакихъ удовлетворительныхъ результатовъ достигнуть невозможно.

Но и разрѣшеніе вопроса, поставленнаго въ такую, повидимому, болѣе простую форму, представляетъ все еще значительныя трудности, и главная трудность заключается, можно сказать, въ господствующемъ у насъ воззрѣніи на вопросъ.

Общинное владѣніе неразрывно связано съ круговой порукой, а круговую поруку мы привыкли считать, какъ уже выше указано, главнымъ препятствіемъ къ раціональному устройству способа взиманія крестьянскихъ платежей. Съ другой стороны, у насъ господствуетъ убѣжденіе, что крестьяне ничего не станутъ платить, если они къ тому не будутъ побуждаемы тѣми пріемами, которые нынѣ у насъ въ употребленіи.

Еслибы только можно было отрѣшиться отъ этихъ двухъ столь привычныхъ намъ воззрѣній на вопросъ, то уже тѣмъ самымъ разрѣшеніе его значительно бы облегчилось.

Круговая порука въ той формѣ, какъ она у насъ введена, дѣйствительно служитъ неопреодолимымъ препятствіемъ всякому улучшенію системы взиманія сборовъ. Но совершенно ошибочно мнѣніе, будто круговая порука, въ этой грубой формѣ, связана съ общиннымъ владѣніемъ; совершенно неосновательно и то предположеніе,

что она служитъ дѣйствительной гарантіей исправнаго поступленія сборовъ.

Доказательствомъ, что она не вытекаетъ естественно изъ общиннаго владѣнія, можетъ служить уже то обстоятельство, что она распространяется у насъ на общества, владѣющія землею какъ на общинномъ, такъ и на участковомъ правѣ. Круговая порука, естественно вытекающая изъ бытоваго общиннаго строя, имѣетъ, какъ мы видѣли, совершенно другой характеръ: она не заставляетъ исправныхъ членовъ платить за неисправныхъ, она имѣетъ предварительный характеръ и заключается въ распредѣленіи податнаго налога, по соображеніи съ податною способностью каждаго домохозяина, — эта круговая порука не только не препятствуетъ усовершенствованію нашей системы взиманія платежей, но, напротивъ того, должна облегчать введеніе всякаго улучшенія.

Что же касается круговой поруки въ той грубой формѣ, какъ она вылилась у насъ въ административной практикѣ, то было бы совершенно ошибочно полагать, что она въ дѣйствительности сколько-нибудь обезпечиваетъ исправность поступленій. Въ дѣйствительности она ложится тяжкимъ бременемъ большею частью не на богатыхъ, а на бѣдныхъ крестьянъ. Богатый, а потому и вліятельный въ общинѣ крестьянинъ никогда не оставитъ безъ возмѣщенія недоимку, уплаченную имъ за несостоятельнаго или неисправнаго сообщника. Круговая порука— это страшное оружіе въ рукахъ богатыхъ крестьянъ, дающее имъ вѣрное средство къ совершенному закабаленію слабосильныхъ общинниковъ; фискальная круговая порука неизбѣжно ведетъ къ совершенному разоренію бѣдныхъ крестьянъ, между тѣмъ какъ міроѣды этимъ путемъ большею частью наживаются.

Отмѣна фискальной круговой поруки потому не только

не отзовется вредно на поступленіи платежей, но, напротивъ того, должна имѣть благопріятныя послѣдствія, ибо несомнѣнно эта отмѣна послужитъ къ поднятію благосостоянія крестьянскаго населенія. Уже въ настоящее время всѣ общества, въ которыхъ числится менѣе сорока душъ, избавлены отъ круговой поруки. Интересно было бы собрать свѣдѣнія по всѣмъ такимъ обществамъ о поступленіи въ нихъ податей. Мы полагаемъ, что это изслѣдованіе показало бы, что въ этихъ обществахъ подати поступаютъ не хуже, чѣмъ въ другихъ обществахъ, находящихся съ ними въ одинаковыхъ почвенныхъ и хозяйственныхъ условіяхъ, но подчиненныхъ круговой порукѣ.

Другое господствующее воззрѣніе, не менѣе затрудняющее приступъ къ реформѣ системы взиманія крестьянскихъ платежей, касается нерасположенія крестьянъ добровольно уплачивать подати. Утверждаютъ, что даже самые зажиточные крестьяне оттягиваютъ, насколько возможно, всякіе платежи и вносятъ ихъ не иначе какъ по настоятельному требованію властей; что потому безъ принужденія тѣми энергическими мѣрами воздѣйствія, которыя примѣняются нынѣ мѣстными властями, крестьяне ничего платить не будутъ.

Еслибы это было дѣйствительно такъ, еслибы безъ тѣхъ мѣръ понужденія, которыя нынѣ въ ходу, было невозможно разсчитывать на исправное поступленіе податей, то оставалось бы только опустить руки и признать, что въ смыслѣ улучшенія существующаго способа взиманія податей у насъ ничего сдѣлать нельзя.

Чтобы судить о томъ, насколько это воззрѣніе основательно вообще, уже не говоря о томъ, что оно во всякомъ случаѣ преувеличено, необходимо выяснить себѣ, чѣмъ можетъ быть вызываемо стремленіе крестьянъ от-

тягивать платежи въ тѣхъ случаяхъ, когда это стремленіе дѣйствительно проявляется, ибо весьма важна точка зрѣнія, съ которой приходится смотрѣть на вопросъ.

Въ настоящее время крестьянинъ нерѣдко оттягиваетъ платежи, главнымъ образомъ потому, что администрація выбираетъ у него все, что только можно выбрать. При существующей грубой формѣ круговой поруки крестьянинъ никогда не обезпеченъ въ размѣрѣ, въ которомъ съ него будетъ истребованъ платежъ; потому весьма естественно, что установляется какъ бы нѣкоторая скрытая борьба между нимъ и фискомъ. Въ виду неограниченности обращаемыхъ къ нему требованій, когда за нимъ значится недоимка, крестьянинъ естественно старается проявить наименьшую платежную способность, чтобы хотя этимъ путемъ положить нѣкоторую границу крайнимъ востребованіямъ уплаты. Если же нежеланіе платить вызывается именно существующимъ способомъ взиманія податей, то очевидно совершенно ошибаются тѣ, кои полагаютъ, что это нежеланіе платить должно служить препятствіемъ къ преобразованію системы податнаго взысканія; напротивъ, реформа именно желательна для того, чтобы пріучить крестьянина къ исправному платежу налога. Хотя авторъ книги «Неурожай» и раздѣляетъ общее мнѣніе, «что подати нашими крестьянами почти никогда добровольно не уплачиваются», но и онъ приходитъ къ заключенію, «что позволительно надѣяться, что поступленіе казенныхъ налоговъ только тогда и будетъ идти въ дѣйствительности успѣшно, когда поднимется уровень народнаго благосостоянія, которому существующая нынѣ система взиманія податей служитъ фактической преградой». Можно предположить еще съ большею долею вѣроятія, что по мѣрѣ упорядоченія порядка взиманія, когда размѣръ обязательнаго платежа

будетъ точно опредѣленъ, когда плательщикъ будетъ знать—что, сверхъ слѣдующаго съ него оклада, онъ не будетъ понуждаться къ дополнительнымъ платежамъ за другихъ, и въ случаѣ какого-либо несчастія, неурожая, пожара, выбытія работника изъ семьи, падежа скота и т. п., ему будетъ оказываться платежная льгота, — крестьянинъ привыкнетъ платить то, что съ него дѣйствительно слѣдуетъ, безъ тѣхъ крайнихъ мѣръ понужденія, которыя нынѣ въ употребленіи.

Мы говоримъ здѣсь о крайнихъ мѣрахъ понужденія, которыя нынѣ въ употребленіи, но тѣмъ самымъ мы нисколько не отрицаемъ необходимости понудительныхъ мѣръ вообще. Возражая противъ одной крайности, мы не желаемъ впасть въ другую крайность и создавать изъ мужика какой-то идеалъ податнаго плательщика. Вездѣ и всегда каждой подати противопоставляется понужденіе въ случаѣ неплатежа ея. Лица, платящія налоги вслѣдствіе сознанія своего гражданскаго долга, которыя продолжали бы исправно платить налоги, даже еслибы это было предоставлено совершенно на ихъ произволъ, составляютъ вообще исключеніе; большею частію вездѣ платятъ исправно отчасти потому, что къ этому привыкли, отчасти вслѣдствіе увѣренности, что неплатежъ будетъ имѣть для податнаго лица неблагопріятныя экономическія послѣдствія. Поэтому о томъ, чтобы уничтожить въ средѣ нашего сельскаго населенія самое понужденіе ко взносу податей не можетъ быть и рѣчи. Весь вопросъ заключается въ томъ,—существуетъ-ли при настоящихъ условіяхъ крестьянскаго быта, безусловная необходимость держаться господствующихъ у насъ, можно сказать, азіатскихъ пріемовъ взиманія крестьянскихъ платежей, или есть возможность перейти къ другимъ, болѣе нормальнымъ способамъ понужденія недоимщиковъ.

Если принять въ соображеніе, что настоящій порядокъ примѣняется не въ видѣ исключенія къ какой-либо незначительной части нашего населенія, а представляетъ обычный пріемъ взиманія платежей въ средѣ трехъ-четвертей всего населенія государства, то не трудно будетъ дать себѣ отчетъ въ томъ—какой громадный вредъ такое положеніе дѣла наноситъ всему государству и какъ благотворно должно отозваться даже малѣйшее улучшеніе въ этомъ отношеніи.

Мы уже видѣли, что реформа должна состоять не въ измѣненіи податной системы, а только въ измѣненіи способа взиманія платежей.

Посмотримъ же прежде всего, какія нашъ законъ установляетъ мѣры взысканія.

На основаніи ст. 187-й Общаго Положенія—каждое сельское общество, какъ при общинномъ, такъ и при участковомъ или подворномъ пользованіи землею, отвѣчаетъ, круговою порукою, за каждаго изъ своихъ членовъ въ исправномъ отбываніи казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей.

На основаніи ст. 188-й, въ отношеніи неисправныхъ плательщиковъ казенныхъ и мірскихъ повинностей сельское общество можетъ принимать слѣдующія мѣры взысканія:

1) обратить на возмѣщеніе недоимки доходъ съ принадлежащаго недоимщику въ собственность недвижимаго имущества;

2) отдать самого недоимщика, или кого-либо изъ членовъ его семейства, въ посторонніе заработки, въ томъ же уѣздѣ или сосѣдственномъ, съ условіемъ, чтобы выработанныя деньги обратить въ мірскую кассу; отдавать въ заработки въ другія, неотдаленныя, губерніи дозволяется только по приговору сельскаго схода, утвержден-

ному мировымъ посредникомъ, и притомъ только такихъ неисправныхъ плательщиковъ, кои не платятъ повинностей по упорству, нерадѣнію или распутству;

3) опредѣлить къ недоимщику опекуна, безъ разрѣшенія котораго не дозволяется неисправному хозяину отчуждать что-либо изъ его имущества и изъ его доходовъ до пополненія недоимки; или вмѣсто неисправнаго хозяина назначать старшимъ въ домѣ другого члена той же семьи;

4) подвергнуть продажѣ принадлежащее недоимщику лично недвижимое имущество, за исключеніемъ лишь выкупленной крестьянской усадьбы;

5) продать ту часть движимаго имущества и строеній недоимщика, которая не составляетъ необходимости въ его хозяйствѣ;

6) отобрать у недоимщика часть отведенныхъ ему полевыхъ угодій или даже весь его полевой надѣлъ.

На основаніи ст. 190-й, въ случаѣ неисправности всего сельскаго общества, оно понуждается къ уплатѣ недоимокъ черезъ мѣстную полицію.

На основаніи ст. 191-й, при безуспѣшности мѣръ побужденія (?), недоимка пополняется полиціею посредствомъ продажи крестьянскаго движимаго имущества, если вслѣдствіе какого-либо бѣдствія не сдѣлано, по предварительному о томъ ходатайству, отсрочки въ платежѣ.

Почти совершенно аналогическія мѣры взысканія недоимокъ приведены и во второмъ отдѣлѣ Положенія о выкупѣ, съ тѣмъ только добавленіемъ, что предписывается сельскому начальству несостоятельнаго общества никого не увольнять по паспортамъ изъ селеній и вмѣсто избранныхъ обществомъ должностныхъ лицъ назначать другія по усмотрѣнію начальства. Если же, за принятіемъ всѣхъ указанныхъ мѣръ, недоимка остается непо-

полненной, то разрѣшается приступить къ продажѣ съ торговъ пріобрѣтенныхъ недоимщиками участковъ, при чемъ на первыхъ и вторыхъ торгахъ къ пріобрѣтенію участковъ допускаются только лица земледѣльческаго сословія, а на третьихъ торгахъ—лица всѣхъ состояній.

Въ крайнихъ случаяхъ, т.-е. когда недоимка возрастетъ до годоваго оклада, полагается входить въ разсмотрѣніе — не произошла-ли недоимка отъ какихъ-либо несчастныхъ случаевъ и не слѣдуетъ-ли оказать недоимщикамъ какія-либо облегченія или льготы (ст. 130).

Наконецъ, указомъ 17-го ноября 1869 года—всѣ селенія, имѣющія отдѣльное владѣніе землею и въ которыхъ числится менѣе 40 душъ, избавлены отъ круговой поруки по платежу податей, — даже при существованіи общиннаго землевладѣнія.

Итакъ, круговая порука распространяется какъ на селенія, состоящія на общинномъ, такъ и на селенія, состоящія на участковомъ пользованіи землей. Этимъ самымъ подтверждается то, на что мы указывали выше, что эта круговая порука введена исключительно съ фискальною цѣлью и ничего общаго не имѣетъ съ общиннымъ владѣніемъ.

На мѣстную полицію возлагается понуждать неисправное сельское общество къ уплатѣ недоимки, но при этомъ не опредѣлено, какія, для достиженія цѣли, допускаются мѣропріятія,—такимъ образомъ, открывается самый широкій просторъ произволу полиціи.

Въ Общемъ Положеніи (189) и въ Положеніи о выкупѣ (130) указывается на необходимость изслѣдованія причинъ происхожденія недоимки, въ тѣхъ случаяхъ, когда она возросла до значительныхъ размѣровъ (въ послѣдней статьѣ прямо употреблены слова: въ крайнихъ случаяхъ), т.-е. выясненія, не произошла-ли она вслѣд-

ствіе какого-либо несчастія и не представляется-ли необходимость въ какой-либо льготѣ. Все вниманіе обращено на образовавшуюся недоимку, ничего не дѣлается для предупрежденія ея образованія. Пожаръ, смерть или болѣзнь работника, неурожай, падежъ или кража скота,—обстоятельства, лишающія самаго старательнаго хозяина возможности исполнить свои обязанности, сами по себѣ не даютъ еще права на льготу; только въ случаѣ накопленія значительной недоимки, въ крайнемъ случаѣ, какъ говоритъ законъ, т.-е. когда мужикъ уже окончательно разорился, когда уже поздно, возникаетъ вопросъ,—не слѣдуетъ-ли оказать какую-либо льготу, между тѣмъ какъ своевременно оказанная соотвѣтственная льгота могла бы спасти сельскаго хозяина отъ разоренія.

Наибольшее практическое значеніе принадлежитъ статьѣ 188-й, приводящей рядъ мѣръ, которыя могутъ быть принимаемы противъ недоимщиковъ. Тутъ говорится и объ отчужденіи дохода съ лично принадлежащаго недоимщику имущества и объ отдачѣ его въ заработки, и объ опредѣленіи къ нему опекуна (мѣра, которую едва-ли когда-либо пришлось примѣнить на практикѣ со времени изданія Положенія о крестьянахъ, до того она несогласна съ народнымъ обычаемъ), и о продажѣ части его инвентаря, и наконецъ о лишеніи его части или всѣхъ надѣленныхъ ему полевыхъ угодій, а въ тѣхъ случаяхъ, когда приступлено къ выкупу,—и о продажѣ пріобрѣтеннаго недоимщикомъ участка.

Такимъ образомъ преподается цѣлый рядъ, постепенно усиливающихся мѣропріятій, кончающійся отобраніемъ надѣла или отчужденіемъ выкупленнаго участка.

Несомнѣнно, при составленіи этихъ правилъ, имѣлось въ виду прибѣгать только въ самомъ крайнемъ случаѣ къ отнятію надѣла или отчужденію участка — только

тогда, когда всѣ остальныя мѣропріятія не привели ни къ какому результату. Какъ бы подобная постепенность въ мѣрахъ взысканія ни казалась съ отвлеченной точки зрѣнія благоразумною и цѣлесообразною въ видахъ сохраненія за крестьянами земельныхъ надѣловъ, но въ дѣйствительности эта, кажущаяся благоразумною, постепенность приводитъ къ прямо противоположнымъ результатамъ, вызывая всѣ тѣ безобразныя явленія, коими испещрена наша система взысканія крестьянскихъ платежей. Недоимщикъ прежде всего систематически разоряется. Если его постигло какое-либо несчастіе, это не принимается въ соображеніе, ему не оказывается никакой льготы, до тѣхъ поръ, пока на немъ не накопилось значительной недоимки. У него отбирается движимое имущество, онъ отдается въ заработки, у него продается инвентарь, часть его строеній — однимъ словомъ, онъ приводится въ такое положеніе, при которомъ хозяину-недоимщику подняться на ноги становится уже совершенно невозможнымъ, и дѣло кончается все же тѣмъ, что крестьянинъ лишается земли.

Между тѣмъ, еслибы крестьянинъ зналъ, что, при накопленіи на немъ недоимки, не вызванной несчастнымъ случаемъ, а обусловленной или нежеланіемъ платить, или неисправностью, онъ будетъ лишенъ только земли, которая служитъ гарантіею его исправности; что часть надѣла или весь надѣлъ будетъ временно или окончательно у него отобранъ и переданъ другимъ, и что даже выкупленный участокъ будетъ у него отчужденъ,—однимъ словомъ, еслибы послѣдняя мѣра сдѣлалась первою или единственною, то въ остальныхъ мѣропріятіяхъ, нисколько не помогающихъ дѣлу и только служащихъ къ окончательному разоренію крестьянъ, уже не настояло бы необходимости. Подобная постановка податнаго порядка

имѣла бы еще и то преимущество, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло доходило бы до дѣйствительнаго отчужденія земли, у крестьянина оставались бы нѣкоторыя средства, которыя бы позволяли ему, такъ или иначе, пристроиться и взяться за какое-либо другое дѣло. При настоящемъ же порядкѣ, всѣ предписанныя закономъ мѣропріятія, не достигая своей цѣли, ведутъ только къ окончательному истощенію недоимщика, и когда настаетъ, наконецъ, моментъ отчужденія земли, онъ уже въ конецъ разоренъ, за нимъ ничего не остается, онъ превращенъ въ нищаго.

Только еще одну изъ существующихъ мѣръ понужденія полезно бы было сохранить, хотя и въ совершенно измѣненномъ видѣ.

Чтобы не обращаться и за небольшія недоимки немедленно къ отобранію надѣла или отчужденію земли, а съ другой стороны, чтобы не оставлять, съ самаго начала появленія недоимки, послѣднюю безъ воздѣйствія, полезно сохранить п. 2-й статьи 188, измѣнивъ его сообразно требованіямъ раціональнаго порядка взиманія платежей.

Отдача человѣка обществомъ въ заработки есть въ сущности отдача человѣка во временную кабалу — это остатокъ крѣпостнаго права, ибо фактически человѣкъ лишается свободы, такъ какъ онъ отдается въ невольные работники другому,—уже не говоря о томъ, что подобная отдача въ заработки происходитъ обыкновенно по цѣнамъ несравненно низшимъ противъ существующихъ въ каждой мѣстности цѣнъ на свободныхъ рабочихъ. Но вмѣсто отдачи человѣка въ заработки, какъ это нынѣ происходитъ, слѣдовало бы предоставить недоимщику возможность и даже возложить на него обязанность отработывать недоимку, — на уплату которой деньгами у

него не хватаетъ средствъ,—рабочими днями. Для каждой мѣстности могла бы быть установлена правительствомъ умѣренная такса на конный и пѣшій рабочій день, и по этой таксѣ недоимщикъ призывался бы на работу на опредѣленное число дней сообразно оказавшейся на немъ недоимки. Еслибы, напримѣръ, мѣстная такса пѣшаго работника была установлена по 25 к. за день, то для отработки недоимки въ десять рублей недоимщику пришлось бы отстоять сорокъ рабочихъ дней. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, когда общество потворствуетъ недоимщикамъ и не принимаетъ зависящихъ отъ него мѣръ для огражденія правильнаго поступленія податей соотвѣтственнымъ распредѣленіемъ земельныхъ угодій,—обязательная постановка рабочихъ дней могла бы быть распространяема и на все общество.

Предоставленные такимъ образомъ въ распоряженіе правительства рабочіе дни могли бы быть употребляемы на улучшеніе мѣстныхъ путей сообщенія, исправленія проселочныхъ дорогъ, рытье канавъ и т. п. занятія, что принесло бы существенную пользу каждой мѣстности. Подобная отработка недоимки представляла бы несомнѣнно нѣкоторую жертву для государственнаго казначейства, потому что соотвѣтственная выставленнымъ рабочимъ днямъ недоимка уже въ казначейство не поступитъ. Но, вопервыхъ, это въ дѣйствительности будетъ очень незначительная жертва, потому что состоятельные плательщики всегда предпочтутъ откупиться деньгами, вмѣсто поставки рабочихъ дней по таксѣ, которая будетъ установлена нѣсколько ниже ходячей въ данной мѣстности заработной платы; съ несостоятельнаго же крестьянина немного бы и поступило въ казну, а между тѣмъ употребленіе недоимщика на подобную работу, ликвидируя недоимку, которая, вѣроятно, никогда бы уплачена не была, будетъ

значительно упрощать все кассовое счетоводство, а съ другой стороны постепенное исправленіе мѣстныхъ дорогъ не можетъ остаться безъ вліянія на благосостояніе края, и потому отзовется со временемъ на усиленіи платежной способности мѣстнаго населенія. Кромѣ того, возможность отработывать недоимку будетъ служить значительнымъ подспорьемъ для самихъ крестьянъ, которые не будутъ разоряться, какъ нынѣ, продажею инвентаря, такъ что и бѣдный крестьянинъ не будетъ лишенъ возможности со временемъ поправиться и стать на ноги.

Всѣ остальные пріемы взысканія крестьянскихъ платежей, установляемые вышеприведенными законами, подлежали бы затѣмъ отмѣнѣ.

Слѣдовало бы отмѣнить статью 187-ю, возлагающую фискальную круговую поруку на всѣ общества. Послѣ вышевысказаннаго о круговой порукѣ мы считаемъ излишнимъ повторять здѣсь доводы, говорящіе въ пользу не только полнѣйшей безвредности подобной мѣры, но и благотворныхъ результатовъ, которыхъ слѣдуетъ ожидать отъ отмѣны этого безполезнаго и стѣснительнаго учрежденія.

Затѣмъ подлежалъ бы отмѣнѣ п. 5-й статьи 188 и ст. 190, установляющіе продажу движимаго имущества недоимщика, т.-е. въ сущности продажу инвентаря.

Хотя съ отвлеченной точки, какъ выше указано, и казалось бы вполнѣ цѣлесообразнымъ обращать взысканіе прежде всего на движимое имущество недоимщика, тѣмъ болѣе, что при этомъ законъ оговариваетъ, что продажѣ можетъ подвергаться только такое имущество, которое не составляетъ необходимости въ хозяйствѣ недоимщика, но въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, это распоряженіе имѣетъ самое вредное вліяніе на благосостояніе

крестьянъ, являясь одною изъ главныхъ причинъ ихъ разоренія.

При бѣдности крестьянина-недоимщика все его движимое имущество состоитъ въ одеждѣ, хлѣбѣ и скотѣ. Лохмотья его одежды никакой стоимости не имѣютъ, и едва-ли кто-либо ихъ купитъ; хлѣба у него обыкновенно самое незначительное количество; затѣмъ остается для продажи только одинъ скотъ — лошадь да корова, т.-е. тотъ крестьянскій инвентарь, безъ котораго никакое хозяйство немыслимо и отчужденіе котораго неминуемо должно вести къ окончательному разоренію хозяйства недоимщика. При такихъ условіяхъ, очевидно, благоразумнѣе отобрать у него уже и землю, потому что какая польза оставлять ему надѣлъ, лишая его вмѣстѣ съ тѣмъ тѣхъ необходимыхъ принадлежностей хозяйства, безъ которыхъ самое хозяйничанье становится невозможнымъ. Изъ продажи инвентаря выручается въ данную минуту нѣкоторая сумма денегъ, но эта продажа уничтожаетъ навсегда платежную способность недоимщика, разоряя его въ конецъ. Получивъ нѣсколько рублей въ текущій годъ, государство лишается навсегда извѣстнаго источника дохода, съ прекращеніемъ платежной единицы.

Правда, законъ говоритъ, «что продажѣ подлежитъ только такое имущество недоимщика, которое не составляетъ необходимости въ его хозяйствѣ»; но что́ такое— это необходимое? Чѣмъ болѣе у крестьянина скота, тѣмъ его хозяйство обезпеченнѣе, а потому продажа каждой скотины уменьшаетъ его состоятельность на будущее время, притомъ же это ограниченіе толкуется въ дѣйствительности въ смыслѣ неотчужденія только послѣдней скотины. Но разъ все остальное продано, а кромѣ того обыкновенно еще и заняты деньги на уплату податей,

обыкновенно и послѣдняя скотина вслѣдъ затѣмъ уходитъ на расплату по долгамъ съ богатымъ сосѣдомъ.

При такихъ условіяхъ безусловное воспрещеніе продажи крестьянскаго инвентаря окажется самою благодѣтельною мѣрою, принятіе коей не слѣдуетъ откладывать.

Затѣмъ необходимо воспретить примѣненіе тѣлесныхъ наказаній для побужденія недоимщиковъ вносить слѣдующіе съ нихъ платежи. Уже не говоря о неприглядности подобнаго побудительнаго средства, оно также ведетъ только къ разоренію плательщиковъ. Крестьянинъ, который въ состояніи внести платежъ, никогда не доведетъ дѣло до того, чтобы подвергнуться за невзносъ недоимки тѣлесному наказанію, а потому этимъ путемъ только выжимаются у крестьянъ, такъ сказать, послѣдніе соки; неимущій крестьянинъ понуждается идти на самыя разорительныя кредитныя сдѣлки со своими состоятельными односельчанами, лишь бы добыть деньги на уплату податей, которыя гонятъ такимъ образомъ; незначительное усиленіе поступленій достигается опять окончательнымъ разореніемъ плательщика.

Наконецъ, слѣдуетъ опредѣлить съ точностью и поставить въ опредѣленныя границы кругъ дѣятельности полиціи. Въ сущности эта дѣятельность должна бы имѣть только исполнительный характеръ; руководство же податнаго дѣла должно бы быть предоставлено податнымъ инспекторамъ, и полиція должна бы дѣйствовать только по ихъ указанію.

На этихъ основаніяхъ могъ бы быть установленъ нормальный порядокъ взиманія крестьянскихъ платежей, не приводящій уже къ разоренію сельскаго населенія. Побужденіемъ ко взносу мелкихъ недоимокъ служили бы обязательные рабочіе дни, а при дальнѣйшемъ возроста-

ніи недоимки взысканіе обращалось бы непосредственно на землю.

Если до сихъ поръ не рѣшались приступить къ такому порядку, то это происходило главнымъ образомъ вслѣдствіе опасенія, что такой порядокъ можетъ повести къ обезземеленію крестьянъ. Это опасеніе заставляло мириться съ настоящимъ, столь неприглядным порядкомъ взиманія крестьянскихъ платежей. Только этимъ и можно объяснить, что податное дѣло остается у насъ до настоящаго времени въ столь печальномъ положеніи, несмотря на то, что уже четверть столѣтія тому назадъ правительство пришло къ убѣжденію, что измѣненіе существующаго порядка составляетъ для государства самую насущную потребность.

Лица, опасающіяся, что податная реформа поведетъ къ обезземеленію крестьянъ, не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что благосостояніе страны вовсе не требуетъ, чтобы каждый отдѣльный крестьянинъ былъ неразрывно связанъ съ землей; необходимо только, чтобы крестьянское населеніе не было обезземелено. Уже не говоря о практической неосуществимости желанія надѣлять всѣхъ землей,—потому-что народонаселеніе всегда переростаетъ землю,—осуществленіе подобнаго желанія, даже еслибы оно было возможно, совершенно нежелательно; необходимо, чтобы избытокъ сельскаго населенія находилъ себѣ другое занятіе, кромѣ воздѣлки собственной земли. Если, согласно вышеприведенному разсчету, можно полагать, что въ моментъ освобожденія крестьянъ около 15 милліоновъ крестьянскихъ семей были надѣлены землей, то желательно, чтобы число ихъ не уменьшалось; желательно далѣе, чтобы во главѣ каждаго хозяйства стоялъ дѣльный и хорошій хозяинъ, но будетъ-ли этотъ хозяинъ Иванъ или Петръ — совершенно безразлично.

Если Иванъ окажется неспособнымъ вести хозяйство, то лучше, чтобы оно перешло къ Петру, даже если при этомъ Иванъ и остался бы безъ земли. Крестянское хозяйство, дворъ, сохранится и перейдетъ въ руки хорошаго хозяина, также крестьянина, — а въ этомъ все дѣло.

За исключеніемъ несчастныхъ случаевъ, которые всегда должны быть принимаемы въ соображеніе, крестьянинъ можетъ запустить свое хозяйство или потому, что онъ, по распутству, пьянству или бѣзтолковости, неспособенъ вести его, или потому, что онъ вообще не расположенъ заниматься своимъ деревенскимъ хозяйствомъ, зная, что на сторонѣ, благодаря своему ремеслу и своимъ познаніямъ, онъ можетъ заработать гораздо болѣе и составить себѣ обезпеченное положеніе. Въ обоихъ случаяхъ было бы нецѣлесообразно насильственно связывать его съ землей, лишь бы только вообще земля не ушла изъ рукъ крестьянъ.

При такихъ условіяхъ, очевидно, нечего опасаться обращенія взысканія на земельные надѣлы недоимщиковъ, тѣмъ болѣе, что въ бо́льшей части случаевъ угроза отчужденія земли будетъ служить самымъ дѣйственнымъ побужденіемъ для крестьянъ исправно отбывать платежи, и потому будетъ оставаться только угрозой; хорошій крестьянинъ никогда не доведетъ дѣло до потери земли. Оставлять же хозяйство въ рукахъ нерадиваго или неспособнаго хозяина совершенно нежелательно [1]).

Но для того, чтобы можно было привести въ исполненіе вышеизложенныя предположенія, необходимо одно

[1]) Другое дѣло усадьба: не входя въ подробности вопроса, мы полагаемъ, что усадьба должна бы оставаться неотъемлемою собственностью крестьянской семьи даже въ случаѣ отчужденія земельнаго надѣла за недоимку. Отчужденіе усадьбы, и то только другому общиннику, должно бы быть допускаемо только по личному желанію ея владѣльца, въ случаѣ, напримѣръ, его совершеннаго выселенія изъ деревни.

непремѣнное условіе. Необходимо, чтобы доходность земли превышала сумму платежей, которыми она облагается. Только въ такомъ случаѣ надѣлъ будетъ представлять для крестьянина выгодный объектъ, только въ такомъ случаѣ крестьянинъ будетъ цѣнить землю и ни за что ее не упуститъ. На каждый освободившійся за смертію хозяина или снятый отъ недоимщика надѣлъ явятся массы претендентовъ.

Однажды намъ случилось присутствовать на мірскомъ сходѣ, на которомъ разбирались разныя крестьянскія дѣла. Пришла, между прочимъ, одна женщина, вдова, и стала просить, чтобы ей предоставили одинъ изъ трехъ надѣловъ, которыми пользовался ея сынъ, недавно умершій, и которые оставались въ рукахъ вдовы послѣдняго. Обсудивъ дѣло, крестьяне порѣшили исполнить желаніе просительницы. Тогда сельскій старшина обратился къ ней со словами: «да будешь-ли ты, матушка, исправно платить повинности за землю, потому что, ты знаешь, если ты платить не будешь, то у тебя опять отберутъ землю».—«Буду платить, батюшка, буду платить», отвѣчала она, и дѣйствительно она платитъ. Мы привели этотъ фактъ, врѣзавшійся въ нашу память, какъ доказательство того, что при нормальномъ отношеніи между величиною платежей, лежащихъ на землѣ, и ея доходностью, съемщика земли не нужно искать, желающихъ всегда будетъ много. При такихъ условіяхъ угроза отобранія земли будетъ служить самымъ дѣйствительнымъ побужденіемъ не допускать недоимки.

Напротивъ того, пока платежи будутъ превышать доходность земли, ничего нельзя будетъ сдѣлать. Несоразмѣрно высокіе платежи во всѣхъ отношеніяхъ дѣйствуютъ вредно, при этомъ иногда доходитъ до того, что крестьяне, чтобы не брать земли, соглашаются даже

платить спуста, т.-е. платить, безъ всякаго надѣла, часть податей: это имъ оказывается выгоднѣе, чѣмъ брать землю и нести всю подать. Въ сочиненіи: «Прогрессивное теченіе въ крестьянскомъ хозяйствѣ», г. В. В. указываетъ, что тамъ, гдѣ платежи превышаютъ доходность земли, главною заботою общества становится не наиболѣе хозяйственное распоряженіе территоріей своего надѣла, а обезпеченіе исправнаго взысканія съ своихъ членовъ непосильнаго налоговаго бремени; такимъ образомъ является подчиненіе хозяйственныхъ интересовъ фискальнымъ, частые передѣлы и т. д. «Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ самарской губерніи,—говоритъ онъ,—забрасываніе надѣловъ приняло въ послѣднія пятнадцать, двадцать лѣтъ такіе размѣры, что общество весьма часто не находитъ возможности передавать освобождающіеся участки отдѣльнымъ зажиточнымъ крестьянамъ, опасаясь ихъ разоренія, и рѣшается разверстывать такіе участки между всѣми, что, съ своей стороны, вызываетъ необходимость каждый разъ ломки межъ и новаго распредѣленія всей земли».

Итакъ, и въ хозяйственномъ, и въ фискальномъ отношеніи, излишнее бремя платежей составляетъ такое зло, которое останавливаетъ всякій прогрессъ. Первымъ шагомъ къ осуществленію вышеуказаннаго преобразованія должно быть потому пониженіе крестьянскихъ платежей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они чрезмѣрны; это не составитъ даже большой потери для казны — есть извѣстный предѣлъ, далѣе котораго крестьянинъ не способенъ платить; всякое превышеніе этого предѣла прямо обращается въ недоимку; предотвратить послѣднюю не только не представитъ жертвы для казны, но принесетъ несомнѣнную пользу, усиливъ податныя силы населенія.

Благодаря уничтоженію подушной подати и пониженію выкупныхъ платежей, можно сказать, что въ боль

шей части Россіи излишняго обремененія казенными платежами уже не существуетъ. Но есть еще мѣстности, которыя составляютъ исключеніе; въ этихъ мѣстностяхъ безотлагательно должно быть предпринято соотвѣтственное пониженіе платежей. Опредѣленіе этихъ мѣстностей не представитъ большаго труда и не потребуетъ сложной кадастровой работы. Достаточно будетъ обратить вниманіе на то, гдѣ крестьяне отказываются отъ надѣловъ и гдѣ одновременно ростутъ недоимки.

Вообще право отказа отъ земли должно быть постановлено общимъ критеріумомъ соразмѣрности платежей съ доходностью земли. Подобно тому, какъ въ городѣ лицо, отказавшееся отъ своей недвижимой собственности въ пользу казны, тѣмъ самымъ освобождается и отъ всякихъ платежей по этому податному объекту, каждый крестьянинъ въ деревнѣ долженъ бы имѣть право отказаться отъ надѣла и тѣмъ освободить себя отъ всякихъ дальнѣйшихъ платежей, какъ по подати, такъ и по недоимкамъ. Во всѣхъ мѣстностяхъ съ умѣренными окладами нѣтъ опасенія, чтобы крестьяне стали отказываться отъ земли; напротивъ того, ее всегда будутъ брать нарасхватъ; тамъ же, гдѣ, несмотря на внесенные уже частію выкупные платежи, крестьяне и послѣ пониженія окладовъ будутъ еще отказываться отъ надѣловъ, это будетъ служить драгоцѣннымъ указаніемъ на то, что платежи продолжаютъ еще быть чрезмѣрными и требуютъ дальнѣйшаго пониженія.

Но, говоря о соразмѣрности крестьянскихъ платежей, слѣдуетъ имѣть въ виду ихъ совокупность. Недостаточно имѣть въ виду казенные платежи — слѣдуетъ еще обратить вниманіе, кромѣ того, во-первыхъ, на земскіе и мірскіе платежи и, во-вторыхъ, на востребованіе накопившихся недоимокъ.

Трироговъ очень картинно сравниваетъ крестьянскаго домохозяина съ дойною коровою, отъ которой разные доильщики, безъ уговора между собою, въ разное время и по разнымъ системамъ измѣренія будутъ требовать удоевъ. Самой здоровой коровѣ подчасъ подобные порядки покажутся непосильными; неудивительно, при этомъ, если нѣкоторыя коровы съ каждымъ днемъ будутъ все болѣе и болѣе изнемогать, а доильщики не будутъ донимать своихъ нормъ. Нужно-ли доказывать, что изнеможеніе коровы можетъ быть только общее, а не спеціальное, по отношенію къ каждому доильщику. «Государственная мудрость и наука, — прибавляетъ онъ, — должны быть призваны къ тому, чтобы давленіе различныхъ атмосферъ (государства, земства, волости, міра) на домохозяина было подчинено извѣстному плану равномѣрнаго напора; въ противномъ случаѣ не слѣдуетъ удивляться, если податной домохозяинъ, подъ неравномѣрнымъ давленіемъ нѣсколькихъ различныхъ атмосферъ, будетъ постепенно переходить изъ типа домохозяина въ типъ податнаго нищаго»...

Итакъ, при оцѣнкѣ соразмѣрности платежей съ доходностью земли необходимо будетъ урегулировать всѣ различнаго рода платежи, ложащіеся на крестьянскую землю. Это можетъ быть сдѣлано или путемъ прямаго опредѣленія для каждой мѣстности максимальной цифры, до которой могутъ достигать всѣ платежи вмѣстѣ взятые, или путемъ установленія нѣкоторой соразмѣрности между казенными и другими платежами, въ томъ видѣ, чтобы послѣдніе взимались въ видѣ опредѣленной дополнительной копѣйки къ казеннымъ окладамъ, однимъ словомъ, нѣчто въ родѣ французскихъ centimes additionnels [1]).

[1]) Примѣняясь къ крестьянскимъ воззрѣніямъ, которыя знаютъ только итогъ платежей, на нихъ возлагаемыхъ, слѣдовало бы сосредоточить въ уѣзд-

Не составляя подробнаго проекта реформы, а указывая только общія начала, которыя могли бы быть положены ей въ основаніе мы по этому предмету должны ограничиться вышесказаннымъ.

Но, кромѣ податныхъ платежей, слѣдуетъ еще принять въ разсчетъ, какъ выше указано, востребованіе накопившихся недоимокъ.

Огульное сложеніе накопившихся недоимокъ, для урегулированія податнаго вопроса, въ моментъ приступа къ новому способу взиманія, какъ бы оно ни было желательно для упрощенія дѣла, не можетъ быть, однако, допущено, такъ какъ подобная мѣра представляла бы несправедливость относительно исправныхъ плательщиковъ и могла бы прямо поощрить къ уклоненію отъ исправнаго взноса податей. На возмѣщеніе недоимокъ въ данномъ случаѣ не слѣдуетъ смотрѣть какъ на источникъ государственнаго дохода. Необходимость ихъ взысканія вызывается только требованіемъ справедливости, а потому самая уплата недоимокъ можетъ быть разсрочена

ныхъ казначействахъ распредѣленіе итога поступленій на различныя податныя категоріи. Окладные листы, посылаемые въ волости и общества, должны бы содержать только указаніе итога платежей. Это значительно бы сократило переписку, счетоводство и контроль за поступленіемъ податей. Вмѣстѣ съ тѣмъ это внесло бы въ самое взиманіе большій порядокъ. Въ настоящее время, при поступленіи платежей не сполна, уѣздные казначеи и сельскіе писаря прописываютъ недоимку совершенно произвольно по той или другой статьѣ, ибо крестьяне не знаютъ, сколько они уплатили по каждому роду податей, а только сколько ими внесено вполнѣ. Было бы и правильнѣе, и справедливѣе, постановить обязательную разноску въ казначействѣ всего поступленія соотвѣтственно размѣру каждаго оклада, такъ что, при неполномъ поступленіи, цифра по каждому окладу уменьшалась бы на процентуальную разницу между слѣдующею къ поступленію и дѣйствительно поступившею суммою. Если, напримѣръ, недоимка составляетъ одну пятую итога, то поступленіе каждаго податнаго разряда должно бы было быть уменьшено на одну пятую. Это бы значительно упростило и упорядочило все счетоводство. Отдѣльному разсчету пришлось бы подчинить только выкупные платежи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ часть крестьянъ уже выкупили свои надѣлы.

на очень продолжительное время, въ тѣхъ видахъ, чтобы размѣръ недоимки, подлежащей уплатѣ въ текущемъ году, никогда не превышалъ извѣстнаго процента, — напр. 5 или 10% самого оклада,—чтобы не вести къ разоренію крестьянъ, какъ это происходитъ въ настоящее время, когда взысканія превышаютъ иногда двойной окладъ. Важно сохранить принципъ обязательности уплаты недоимки, а затѣмъ на сколько бы лѣтъ она ни разсрочивалась, дѣло отъ того нисколько не измѣнится; вся задача заключается въ примѣненіи означеннаго принципа, а не въ полученіи бо́льшаго или меньшаго дохода отъ недоимочныхъ взысканій. По этой же причинѣ сложеніе въ отдѣльныхъ случаяхъ недоимокъ, вызванныхъ несчастными обстоятельствами, разорившими хозяина, можетъ быть примѣняемо и къ прежде накопившимся недоимкамъ, лишь бы это сложеніе не имѣло огульнаго характера. Что же касается выкупныхъ платежей, то недоимки по нимъ за прежнее время могли бы быть покрыты продленіемъ срока ихъ взносовъ, по числу причитающихся для этого годовъ.

По тѣмъ же соображеніямъ всякое назначеніе пени за несвоевременный взносъ крестьянскихъ платежей слѣдовало бы признать совершенно цѣлесообразнымъ. Пеня— это наказаніе, налагаемое на неаккуратнаго плательщика и долженствующее побуждать его къ своевременному взносу подати (только въ рѣдкихъ случаяхъ пеня имѣетъ характеръ возмѣщенія лишнихъ расходовъ, вызываемыхъ авансами правительства, по непоступившимъ взносамъ); но у крестьянина недоимка является бо́льшею частію вслѣдствіе дѣйствительнаго недостатка, а потому обременять положеніе недоимщика еще обязательствомъ уплаты пени было бы совершенно нецѣлесообразно.

Даже при полнѣйшей соразмѣрности податныхъ пла-

тежей съ доходностью земли могутъ быть, однако, исключительные случаи, когда взносъ платежа становится временно не подъ силу плательщику. Хозяйство крестьянина находится въ удовлетворительномъ положеніи, и онъ исправно платитъ подати; но вотъ съ нимъ случается несчастіе, его строеніе сгорѣло, или въ рабочее время у него пала или украдена лошадь, онъ лишился работника въ семьѣ, вслѣдствіе его болѣзни или смерти—и тотъ же самостоятельный хозяинъ становится недоимщикомъ; а разъ пошли недоимки—и окончательное разореніе недалеко. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ должна быть допускаема разсрочка платежей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ разрѣшаемо даже полное сложеніе причитающагося за соотвѣтственное время оклада, смотря потому, какъ великъ ущербъ, нанесенный домохозяину. Насколько общія огульныя сложенія недоимокъ вредны и несправедливы, настолько подобныя спеціальныя льготы, оказываемыя отдѣльнымъ домохозяевамъ въ несчастныхъ случаяхъ, должны дѣйствовать благотворно. Вся задача благоразумнаго государственнаго хозяйства заключается въ возможномъ предупрежденіи недоимокъ, вмѣсто того, чтобы слагать ихъ впослѣдствіи, когда усиленное востребованіе довело крестьянина уже до разоренія; однимъ словомъ, все стараніе должно быть направлено къ тому, чтобы поддерживать платежную способность населенія [1]) справедливымъ отношеніемъ къ экономическому положенію каждой отдѣльной платежной единицы.

---

[1]) Зная, какое важное значеніе лошадь играетъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, слѣдовало бы, въ случаѣ потери лошади въ рабочее время, не только слагать съ крестьянина часть платежей, но выдавать ему еще и ссуду на пріобрѣтеніе лошади, ибо безлошадный крестьянинъ уже не хозяинъ. Практическое исполненіе подобнаго предположенія несомнѣнно встрѣтитъ нѣкоторыя трудности; но едва-ли эти трудности не окажется возможнымъ побороть; во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оказалось бы возможнымъ установить

Остается еще одинъ важный вопросъ.

Желательно, чтобы недоимщикъ, отъ котораго отчуждается земельный надѣлъ, получалъ возмѣщеніе разницы, существующей между стоимостью его надѣла и суммою лежащихъ на немъ недоимокъ; обязательство такого возмѣщенія могло бы быть возложено частію на того общинника, которому передается надѣлъ, частію на само общество, частію даже и на правительство.

До сихъ поръ свалка и навалка тяголъ или земельныхъ душъ совершается у насъ бо́льшею частію безъ соотвѣтствующаго вознагражденія. Общество привыкло смотрѣть на землю какъ на даровую силу природы, какъ на даровое орудіе производства. Крестьянинъ получилъ землю даромъ; даромъ и община отбираетъ отъ него землю, если по какой-либо причинѣ онъ оказывается неспособнымъ толково ею пользоваться. Подобное отношеніе къ землѣ, однако, возможно только при самой примитивной культурѣ. Уже въ настоящее время, съ момента начатія выкупа, нельзя болѣе говорить, что общинникъ получилъ надѣлъ даромъ, и потому съ этого момента является гражданское право на вознагражденіе за отчужденіе участка. Начало это безусловно признано въ положеніи о выкупѣ; пунктъ 7-й статьи 135-й постановляетъ, что изъ вырученной за продажу выкупленной земли суммы въ уѣздное казначейство вносится слѣдовавшая къ поступленію недоимка; остатокъ же возвращается недоимщику, буде на него не предъявлено другихъ казенныхъ или частныхъ взысканій. Съ другой стороны, въ настоящее время уже и общины начинаютъ признавать право домо-

---

подобныя ссуды, онѣ отозвались бы на ростѣ крестьянскаго благосостоянія столь же благопріятно, какъ и разрѣшенныя въ недавнее время ссуды крестьянамъ подъ хлѣбъ, въ видахъ освобожденія ихъ отъ необходимости продавать его въ полъ-цѣны, вслѣдъ за жатвой, для уплаты податей.

хозяевъ получать вознагражденіе за такіе отчуждаемые отъ нихъ участки, на которыхъ они произвели нѣкоторыя меліораціонныя работы.

Выдача нѣкотораго вознагражденія недоимщику, за отчужденный у него участокъ, не можетъ встрѣтить и на практикѣ особеннаго затрудненія, такъ какъ, по описанію Трирогова, у насъ уже издавна завелась во многихъ мѣстностяхъ продажа надѣльныхъ участковъ. А разъ происходитъ продажа, является и плата за землю, изъ которой, за покрытіемъ недоимки, остатокъ всегда можетъ быть возвращаемъ недоимщику.

По разсказу Трирогова, въ описываемой имъ мѣстности не всѣ члены обществъ пользуются тѣми земельными душами, которыя они получили въ надѣлъ. Бываютъ случаи, что они находятъ или невозможнымъ, или безвыгоднымъ возиться, какъ они выражаются, съ своими душами. Такое положеніе вынуждаетъ ихъ продавать свои души или, вѣрнѣе, сдавать ихъ ежегодно въ аренду съ торговъ своимъ однообщественникамъ, а нерѣдко и постороннимъ лицамъ. Встрѣчаются и такіе домохозяева, которые продаютъ только часть своихъ душъ, нуждаясь въ деньгахъ для какого-нибудь оборота, что́ они называютъ: на перевертъ. Наконецъ, бываютъ случаи заклада съ условіемъ выкупа передъ наступленіемъ пашни. Благопріятныя атмосферическія условія, счастливый урожай предыдущаго года, хорошія цѣны на хлѣбъ, возвышаютъ спросъ на земельныя души и поднимаютъ на нихъ цѣну. Напротивъ того, открытіе новаго постояннаго заработка или неурожай влекутъ за собою увеличеніе предложенія на души, а слѣдовательно и упадокъ цѣны на нихъ. Весеннія цѣны всегда выше противъ осеннихъ и зимнихъ. Весною продаетъ или скупщикъ, или тотъ крестьянинъ, которому удалось выдержать свой надѣлъ. Осенью

же и зимой продаетъ души нужда всякаго рода. Погнали подати, если продать нечего или ничего съ рукъ нейдетъ— остается одно: «нужно продавать души», говорятъ крестьяне. На цѣну земельныхъ душъ имѣетъ также большое вліяніе избытокъ земли въ сосѣднихъ промышленныхъ селеніяхъ и у сосѣднихъ владѣльцевъ.

Въ нѣкоторыхъ волостяхъ души отсутствующихъ, по ихъ желанію, а равно и въ безвѣстной отлучкѣ находящихся, продаются на сходкахъ, при чемъ цѣна назначается самимъ сходомъ, и тутъ же записываются тѣ, которые желаютъ купить по означенной цѣнѣ извѣстное число душъ. Въ одной волости, кузнецкаго уѣзда, души продаютъ по распоряженію волостнаго правленія публично съ торговъ, о чемъ бываетъ извѣстно всѣмъ сосѣднимъ селеніямъ. Эта мѣра вызвала повышеніе цѣнъ, отчего выиграли бѣдняки и сама община, а главное, этимъ устранилось злоупотребленіе, крывшееся въ стачкахъ покупателей и торговцевъ душами. Вслѣдствіе чего съ 2 и 4 рублей цѣна души поднялась до 6 и 7 рублей.

Такимъ образомъ, сама жизнь выработала modus procedendi, которымъ можно воспользоваться для разрѣшенія даннаго вопроса.

При продажѣ или сдачѣ въ аренду участковъ недоимщиковъ, несомнѣнно могутъ происходить такія же злоупотребленія, какъ и при свалкѣ и навалкѣ тяголъ. Всегда найдутся люди, которые пожелаютъ воспользоваться безвыходнымъ положеніемъ недоимщика, чтобы получить его землю за безцѣнокъ. То же самое происходитъ и при продажѣ инвентаря недоимщика. За сдачею земли гораздо легче установить контроль для предупрежденія злоупотребленій и эксплуатаціи недоимщиковъ. На продажу или сдачу земли въ аренду во многихъ случаяхъ могли бы быть установлены, по вышеуказанному примѣру той во-

лости, торги, съ допущеніемъ къ нимъ даже крестьянъ сосѣднихъ деревень, что̀ въ значительной мѣрѣ затруднило бы всякую стачку со стороны мѣстныхъ воротилъ; допущеніе же сосѣднихъ крестьянъ на торги не представляетъ опасности, если это будетъ разрѣшено только для временной отдачи земли въ аренду, тѣмъ болѣе, что свои крестьяне никогда не упустятъ земли изъ рукъ, а подобные торги будутъ служить только къ повышенію цѣны участка.

Кромѣ того, со стороны правительства въ нѣкоторыхъ случаяхъ могла бы быть установляема минимальная цѣна участковъ, ниже которой земля не могла бы сдаваться ни общинникамъ, ни постороннимъ съемщикамъ. Оставшаяся за казною земля, до тѣхъ поръ, пока на нее не найдется съемщикъ по цѣнѣ выше минимальной, могла бы временно оставаться втунѣ, какъ бы на отдыхѣ. Подобная мѣра не возложила бы на казну значительной жертвы; мѣстные крестьяне никогда не согласятся отказаться на продолжительное время отъ земли, такъ что эта мѣра только будетъ служить къ предотвращенію стачекъ, обезпечивая недоимщику минимальную цѣну за его землю. Случаи, когда земля будетъ дѣйствительно оставлена временно за казной, будутъ принадлежать къ рѣдкимъ исключеніямъ.

Реформа, предпринятая на вышеуказанныхъ основаніяхъ, дастъ несомнѣнно въ будущемъ хорошіе результаты, но самое введеніе ея не обойдется безъ нѣкоторыхъ жертвъ со стороны государственнаго казначейства.

Если, однако, принять въ соображеніе, что ежегодная недоимка по окладнымъ платежамъ составляетъ отъ 6 до 7 милліоновъ рублей, а иногда доходитъ и до 10 милліоновъ, — даже по росписи государственныхъ доходовъ на 1895 г., по однимъ выкупнымъ платежамъ сумма ожи-

даемаго поступленія «опредѣлена въ видахъ осторожности... ниже оклада на 10,5 милл. руб.»,—то можно смѣло предположить, что примѣненіе всѣхъ вышепроектированныхъ облегченій и льготъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ не повлечетъ за собою сколько-нибудь значительнаго пониженія дохода противъ дѣйствительныхъ поступленій въ настоящее время, такъ какъ и при настоящихъ способахъ взиманія податей, дѣйствительныя поступленія оказываются всегда гораздо ниже оклада. Кромѣ того, можетъ быть, жертвы еще значительно уменьшатся вслѣдствіе необходимости осуществленія предполагаемой ремофрмы съ осторожною постепенностью.

При настоящемъ административномъ составѣ трудно помышлять о какомъ-либо измѣненіи въ существующихъ формахъ взиманія крестьянскихъ платежей. Приведеніе въ исполненіе вышеизложенныхъ предположеній потребуетъ несомнѣнно значительнаго увеличенія численнаго состава мѣстной администраціи, а во многихъ случаяхъ и качественнаго ея улучшенія. Чины полиціи, привыкшіе къ настоящимъ пріемамъ взысканій податей и недоимокъ, не легко усвоятъ себѣ пріемы новаго порядка. Число податныхъ инспекторовъ придется значительно увеличить.

Все это потребуется только на время введенія новыхъ порядковъ; впослѣдствіи, когда народъ и администрація къ нимъ привыкнутъ, численный составъ мѣстныхъ административныхъ органовъ можно будетъ опять значительно сократить.

Одновременное увеличеніе численности административнаго состава во всей Россіи, даже временно, представляется, однако, совершенною невозможностью, не только въ виду тѣхъ значительныхъ денежныхъ средствъ, которыя бы на это потребовались, но еще и потому, что невозможно будетъ найти такую массу подходящихъ людей.

Вотъ почему безусловно необходимо вводить новую реформу съ нѣкоторою постепенностью, начать съ одной какой-либо мѣстности и переходить затѣмъ постепенно къ другимъ губерніямъ. Нужно будетъ озаботиться о томъ, чтобы организовать для выбранной мѣстности необходимый составъ хорошо подготовленныхъ административныхъ дѣятелей, снабдить ихъ надлежащими инструкціями и поставить ихъ подъ начальство одного главнаго руководителя, которому на это время должны быть подчинены и органы полиціи, и органы фискальнаго вѣдомства. Это необходимо для того, чтобы ходъ реформы получилъ однообразное направленіе, не нарушаемое несогласіями, могущими возникнуть, безъ того, между органами различныхъ вѣдомствъ [1]).

Можно надѣяться, что организованная на такихъ началахъ мѣстная администрація будетъ въ состояніи въ теченіе не очень продолжительнаго времени ввести новые порядки въ данной мѣстности и пріучить къ нимъ какъ мѣстное населеніе, такъ и лицъ крестьянскаго управленія.

Когда новый порядокъ укоренится въ избранной для начала дѣла губерніи, и новый механизмъ пойдетъ уже, такъ сказать, самъ собою, тогда можно будетъ присту-

---

[1]) Нѣчто подобное было предположено въ 1893 году самарскимъ земствомъ, которое возбуждало вопросъ объ образованіи—въ составѣ податнаго инспектора, земскаго начальника и исправника подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства,—особыхъ податныхъ коммиссій, на обязанности которыхъ лежало бы, въ видахъ упорядоченія существующаго способа взиманія налоговъ, опредѣленіе времени наибольшей платежеспособности населенія, сообразно съ мѣстными условіями, и установленіе способа взиманія налоговъ. Къ сожалѣнію, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, это предположеніе не получило еще дальнѣйшаго хода.

Въ томъ же 1893 г., въ каменецкомъ уѣздѣ, подольской губ., былъ введенъ, въ видѣ опыта новый способъ учета крестьянскихъ платежей марками, составленный бывшимъ мировымъ посредникомъ подольской губ., М. А. Скибинскимъ, который, повидимому, далъ удовлетворительные результаты. См. «Нов. Вр.», № 6891 (1895 года).

пить къ сокращенію временно усиленнаго состава мѣстной администраціи, и такимъ образомъ получится нѣкоторое число свободныхъ дѣятелей, уже вполнѣ усвоившихъ себѣ новый порядокъ, которые могутъ быть переведены затѣмъ въ другую губернію, для продолженія начатаго имъ дѣла реформы. Усиленный составъ мѣстной администраціи каждой губерніи, въ которой будетъ вводиться реформа, въ дальнѣйшемъ будетъ служить разсадникомъ отборныхъ и хорошо подготовленныхъ административныхъ дѣятелей, которые явятся драгоцѣнными руководителями новаго дѣла въ сосѣднихъ губерніяхъ.

При такой постановкѣ дѣла можно разсчитывать съ увѣренностью на успѣхъ въ этомъ дѣлѣ первостепенной важности и отъ котораго въ столь значительной степени зависитъ все будущее развитіе благосостоянія въ Россіи.

Конецъ I-й части.